

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2024. Т. 21, № 1

RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL FEDERAL UNIVERSITY
NAMED AFTER THE FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

PROBLEMS OF ONOMASTICS

2024. Vol. 21, № 1

Журнал основан в 2004 г.
Выходит три раза в год

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Гоголевский б-р, 2/18/1, стр. 1, 3
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель:

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-75393 от 05 апреля 2019 г. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Журнал индексируется в БД:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), DOAJ, EBSCO, eLibrary,
European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS),
Linguistics Abstracts Online, MLA International Bibliography, Russian Science Citation Index (RSCI),
Scopus, Slavic Humanities Index,
Web of Science Core Collection: Emerging Sources Citation Index (WoS ESCI)

«Вопросы ономастики» — единственный специализированный ономастический журнал в России. Основу содержания журнала составляют статьи и материалы по следующим направлениям исследований: теоретические проблемы и актуальные вопросы ономастики, методы ономастических исследований; ономастическая лексикография; ономастическое источниковедение; ономастика в различных сферах функционирования: в диалектах и городском просторечии, в фольклоре, художественной литературе, в языке науки и деловом языке, в памятниках письменности и др.; историческая ономастика (топонимика, антропонимика и др.); связи ономастики с другими науками (историей, археологией, этнографией, этимологией, этнолингвистикой, диалектологией, географией и др.), а также с краеведением; методы сбора и хранения ономастического материала; проблемы популяризации ономастических знаний. Преимущественное внимание уделяется славянской, финно-угорской, романской, германской, кельтской, тюркской и иранской ономастике. Материалы публикуются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал является изданием открытого доступа (open access journal): публикация в журнале бесплатна для авторов, все статьи находятся в свободном доступе на сайте журнала, где они размещаются непосредственно после выхода бумажной версии.

E-mail: voprosy.onomastiki@gmail.com

Сайт: <http://onomastics.ru/>

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306
Уральский федеральный университет, редакция журнала «Вопросы ономастики»

PROBLEMS OF ONOMASTICS

Established in 2004
Published three times per year

Founders:

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
2/18/1, building 1, 3, Gogolevsky Blvd., 119019 Moscow, Russia
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira St., 620002 Ekaterinburg, Russia

Publisher:

Ural University Press
4, Turgeneva St., 620000 Ekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate PI FS77-75393 as of April 5, 2019. The Journal is included in the Russian Higher Attestation Commission list of leading peer-reviewed academic journals approved for the publication of dissertation research results.

The journal is indexed in:

DOAJ, EBSCO, eLibrary, European Reference Index
for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS),
Linguistics Abstracts Online, MLA International Bibliography,
Russian Index of Science Citation (RISC),
Russian Science Citation Index (RSCI), Scopus, Slavic Humanities Index,
Web of Science Core Collection: *Emerging Sources Citation Index* (WoS ESCI)

Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics) publishes original research papers on all aspects of onomastics: theory of proper names and methods of onomastics; lexicography of proper names (presentation of old and new dictionaries); source studies in onomastics; functioning of proper names in different contexts: in dialects and popular language, in folklore and literature, in scientific and administrative discourses; historical studies of anthroponyms and toponyms (including the study of substrate toponymy); onomastics as a crossroad of different disciplines (history, archaeology, ethnology, geography, anthropology, ethnolinguistics, etymology, regional studies, etc.); methods of documentary fieldwork and data processing in onomastics. Preference is generally given to the onomastics of the Slavic, Finno-Ugric, Romance, Germanic, Baltic, Celtic, Turkic and Iranian languages. The journal publishes papers in the Russian, English, German, and French languages.

The journal operates on a no-fee open access basis: the journal does not charge any publication fees, all publications are freely available to the reader on the journal's website immediately after publication.

Email: voprosy.onomastiki@gmail.com
<http://onomastics.ru/en>

Editorial Office Address: 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Ural Federal University, *Voprosy onomastiki (Problems of onomastics)* Editorial Office

Главный редактор

Березович Е. Л., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Заместители главного редактора

Голомидова М. В., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Рут М. Э., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Спиридонов Д. В., к. ф. н., доц., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Ответственный секретарь

Кучко В. С., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Редакционная коллегия

Амбросиани П., PhD, проф., Университет Умео, Швеция

Бахтерева А. А., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Васильев В. Л., д. ф. н., проф., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

Васильева Н. В., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт языкознания РАН, Москва

Гарвалик М., PhD, вед. науч. сотр., Институт чешского языка АН Чешской Республики, Чехия

Горяев С. О., к. ф. н., доц., Уральский федеральный университет; Екатеринбургская духовная семинария; Миссионерский институт, Екатеринбург

Гринберг М. Л., PhD, проф., Университет Канзаса, США
Дзиццойты Ю. А., к. ф. н., доц., Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия

Дыбо А. В., д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН, Москва

Журавлев А. Ф., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт славяноведения РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Кабинина Н. В., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Кюриунова И. А., д. ф. н., доц., Петрозаводский государственный университет

Лома А., PhD, проф., акад. Сербской академии наук и искусств, Белградский университет, Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств, Сербия

Матасович Р., PhD, проф., акад. Хорватской академии наук и искусств, Загребский университет, Хорватия

Молчанова О. Т., д. ф. н., проф., Щецинский университет, Польша

Муллонен И. И., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск

Наполевских В. В., д. и. н., проф., чл.-корр. РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва; Уральский федеральный университет; Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Саарикиви Я., PhD, проф., Университет Хельсинки, Финляндия

Савельев А. В., к. ф. н., науч. сотр., Институт языкознания РАН, Москва

Супрун В. И., д. ф. н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград

Сурикова О. Д., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Толстая С. М., д. ф. н., проф., акад. РАН, Институт славяноведения РАН, Москва

Успенский Ф. Б., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Фалилеев А. И., д. ф. н., вед. науч. сотр., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Хенгст К., DrHab, проф., Лейпцигский университет, Германия

Хольцер Г., DrHab, проф., Венский университет, Австрия

Редакционный совет

Айниала Т., PhD, вед. науч. сотр., Университет Хельсинки, Финляндия

Аникин А. Е., д. ф. н., акад. РАН, Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Баики И., PhD, проф., Группа по исследованию Средней Азии при Венгерской АН, Венгрия

Бергманн Х., PhD, вед. науч. сотр., Институт новой и новейшей истории Австрийской АН, Австрия

Егоров Н. И., д. ф. н., глав. науч. сотр., Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары

Петросян А. Е., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт археологии и этнографии НАН РА, Армения

Рутковский М., PhD, DrHab, проф., Варминьско-Мазурский университет, Польша

Стаховский М., PhD, науч. сотр., Ягеллонский университет, Польша

Сундуева Е. В., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Торкар С., PhD, науч. сотр., Институт словенского языка Словенской академии наук и искусств, Словения

Цишианг Х., PhD, науч. сотр., Лейпцигский университет, Германия

Штепан П., PhD, науч. сотр., Институт чешского языка АН Чешской Республики, Чехия

Editor-in-chief

Elena Berezovich, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Deputy editors

Marina Golomidova, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Maria Ruth, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Spiridonov, PhD, associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Managing editor

Valeria Kuchko, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board

Per Ambrosiani, PhD, professor, Umeå University, Sweden

Anna Bakhtereva, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Anna Dybo, DrHab, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Yuri Dzitstsoity, PhD, professor, South Ossetian State University, Tskhinvali, Republic of South Ossetia

Alexander Falileyev, DrHab, leading research fellow, Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint Petersburg, Russia
Sergey Goryaev, PhD, associate professor, Ural Federal University; Ekaterinburg Theological Seminary; Missionary Institute, Ekaterinburg, Russia

Marc L. Greenberg, PhD, professor, University of Kansas, Lawrence, KS, USA

Milan Harvalik, PhD, leading research fellow, Institute for the Czech Language of the AS CR, Prague, Czech Republic
Karlheinz Hengst, DrHab, professor, University of Leipzig, Germany

Georg Holzer, DrHab, professor, University of Vienna, Austria
Nadezhda Kabinina, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Irina Kyurshunova, DrHab, associate professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Aleksandar Loma, PhD, professor, full member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, University of Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia

Ranko Matasović, PhD, professor, full member of the Croatian Academy of Sciences and Arts, University of Zagreb, Croatia

Olga Molchanova, DrHab, professor, University of Szczecin, Poland

Irma Mullonen, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia

Vladimir Napol'skikh, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow; Ural Federal University; Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Janne Saarikivi, PhD, professor, University of Helsinki, Finland
Alexander Savelyev, PhD, research fellow, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Vasilii Suprun, DrHab, professor, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

Olesya Surikova, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Svetlana Tol'staya, DrHab, professor, full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Fjodor Uspenskij, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Russian State University for the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Valery Vasilyev, DrHab, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia

Natalia Vasilyeva, DrHab, principal research fellow, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Anatoly Zhuravlev, DrHab, principal research fellow, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow State University, Moscow, Russia

Advisory Board

Terhi Ainiala, PhD, leading research fellow, University of Helsinki, Finland

Aleksandr Anikin, DrHab, full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Division of the RAS, Novosibirsk, Russia

Imre Baski, PhD, professor, Research Group for Central Asia, Hungarian AS, Hungary

Hubert Bergmann, PhD, research fellow, Institute of Modern and Contemporary History of the Austrian AS, Austria

Nikolay Egorov, DrHab, principal research fellow, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

Armen Petrosyan, DrHab, principal research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS RA, Yerevan, Armenia

Mariusz Rutkowski, DrHab, professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland

Marek Stachowski, PhD, research fellow, Jagiellonian University, Kraków, Poland

Pavel Štěpán, PhD, research fellow, Institute for the Czech Language of the AS CR, Prague, Czech Republic

Ekaterina Sunduyeva, DrHab, principal research fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Division of the RAS, Ulan-Ude, Russia

Silvo Torkar, PhD, research fellow, Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language, Ljubljana, Slovenia

Christian Zschieschang, PhD, research fellow, University of Leipzig, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Напольских В. В.</i> К иранской этимологии этнонимов <i>мари, меря, мурома</i>	9
<i>Дыбо А. В., Байбосын А. М., Кенжалин К. К., Бегимова Г. А., Абдуалиулы Б., Хонинов В. Н.</i> Еще раз о монгольском языковом пласте в казахских топонимах	27
<i>Pérez-Hernández L.</i> Hypocorisms Meet Sound Symbolism: A Socio-Onomastic Study of Spanish Hypocoristic Forms of Personal Names in <i>-i</i>	72
<i>Riaz M.</i> Socio-Onomastics of Distorted Names: Nicknaming Practices among Punjabi Speakers in Pakistan.....	96
<i>Костылев Ю. С., Тихомирова А. В.</i> Отантропонимические наименования минералов Урала: модели образования.....	111
<i>Емыкова Н. Х., Паштова М. М., Унарокова Р. Б., Цеева З. А.</i> Черкесская (адыгская) ландшафтная терминология и топонимы в текстах фольклора и вернакулярных речевых практиках.....	131
<i>Топорова Т. В.</i> Др.-исл. <i>heimr</i> ‘мир’ и его топонимические дериваты в «Старшей Эдде».....	152
<i>Ковалев Б. В., Двинытин Ф. Н.</i> Красное и черное: о семантическом инварианте в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».....	169

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Repaňšek L.</i> <i>Ocra</i> — An Etymological Proposal.....	187
<i>Ионов З. Х.-М.</i> Двойные фамилии черкесов в метрополии и диаспоре (опыт сопоставления)....	198

РЕЦЕНЗИИ

<i>Гаджиева С. Г.</i> <i>Vilinska ljut na Širokom Brigu</i> : Детальное исследование топонимии одной из местностей Западной Герцеговины. Рец. на кн.: <i>Mistopisi na jugozapadu Širokoga Briga</i> : <i>Toponimi katastarske općine Rasno iz 1891. godine (Sela Rasna, Dužica, Privalja i Čerigaja)</i> / <i>M. Šimić, I. Dugandžić.</i> — <i>Široki Brijeg</i> : Hrvatsko društvo čuvara baštine, 2022. — 263 s.	207
<i>Чиварзина А. И.</i> Фамилии как зеркало межэтнических контактов в одной многонациональ- ной стране. Рец. на кн.: <i>Презимето кај Македонците</i> / <i>Е. Јачева-Улчар.</i> — Скопје : Менора, 2022. — 188 с.	225

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы

III Международный форум «Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа» (Майкоп, 21–23 мая 2023 г.) (<i>З. К. Беданоква, Е. А. Сокур,</i> <i>А. А. Адзинова</i>)	232
---	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова (1950–2023) (<i>Л. М. Хусаинова, Г. Н. Ягафарова,</i> <i>Р. Т. Муратова</i>)	236
--	-----

CONTENTS

<i>Napolskikh, V. V.</i> To the Iranian Etymology of the Ethnonyms <i>Mari, Merya, Muroma</i>	9
<i>Dybo, A. V., Baibossyn, A. M., Kenzhalin, K. K., Begimova, G. A., Abdualiuly, B., Khoninov, V. N.</i> Revisiting the Mongolian Stratum of Kazakh Place Names	27
<i>Pérez-Hernández, L.</i> Hypocorisms Meet Sound Symbolism: A Socio-Onomastic Study of Spanish Hypocoristic Forms of Personal Names in <i>-i</i>	72
<i>Riaz, M.</i> Socio-Onomastics of Distorted Names: Nicknaming Practices among Punjabi Speakers in Pakistan.....	96
<i>Kostylev, Yu. S., Tikhomirova, A. V.</i> Deanthroponymic Names of Ural Minerals: Word-Formation Patterns	111
<i>Emykova, N. Kh., Pashtova, M. M., Unarokova, R. B., Tseeva, Z. A.</i> Circassian (Adyghe) Landscape Terminology and Toponymy in Folklore Texts and Vernacular Communication.....	131
<i>Toporova, T. V.</i> Old Norse <i>Heimr</i> ‘World’ and its Toponymic Derivatives in the <i>Poetic Edda</i>	152
<i>Kovalev, B. V., Dviniatin, F. N.</i> Red and Black: On the Semantic Invariant in Fyodor Dostoevsky’s <i>The Brothers Karamazov</i>	169

BRIEF COMMUNICATIONS

<i>Repanšek, L.</i> <i>Ocra</i> — An Etymological Proposal.....	187
<i>Ionov, Z. Kh.-M.</i> Double Surnames among Circassians in Homeland and Diaspora Communities: A Comparative Study	198

BOOK REVIEWS

<i>Gadzhieva, S. G.</i> <i>Vilinska ljut na Širokom Brigu</i> : An In-depth Study of the Toponymy of an Area in Western Herzegovina. Review of the book: Šimić, M., & Dugandžić, I. (2022). <i>Mistopisi na jugozapadu Širokoga Briga. Toponimi katastarske općine Rasno iz 1891. godine (Sela Rasna, Dužica, Privalja i Čerigaja)</i> [Place Names in the South-West of Široki Brijeg: Toponyms of Rasno Cadastral District in 1891 (Villages of Rasno, Dužice, Privalj, and Čerigaj)]. Široki Brijeg: Hrvatsko društvo čuvara baštine. 263 p.	207
<i>Chivarzina, A. I.</i> Surnames as a Reflection of Interethnic Contacts within a Multinational Country. Review of the book: Jačeva-Ulčar, E. (2022). <i>Prezimeto kaj Makedoncite</i> [Surnames of the Macedonians]. Skopje: Menora. 188 p.	225

ACADEMIC CURRICULUM

Conferences, Congresses, Symposia

The 3 rd International Forum “Russian Language in the Educational Space of the South of Russia and the North Caucasus” (Maykop, May 21–23, 2023) (<i>Z. K. Bedanokova, E. A. Sokur, A. A. Adzinova</i>)	232
---	-----

IN MEMORIAM

Firdaus Gilmitdinovna Khisamitdinova (1950–2023) (<i>L. M. Khusainova, G. N. Yagafarova, R. T. Muratova</i>).....	236
---	-----

Владимир Владимирович Напольских

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник топонимической лаборатории, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51); научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, Москва, пр. Вернадского, 82)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

К ИРАНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМОВ МАРИ, МЕРЯ, МУРОМА

Аннотация

В статье продолжается рассмотрение реконструированного ранее автором и А. В. Савельевым этнонима **mārə*, отразившегося в самоназвании марийцев и в названиях летописных мери и мурома. В финно-угроведческой литературе его принято возводить к деривату арийского **mārya-* ‘юноша, воин’, однако в связи со сложившейся традицией конкретный арийский источник этого этнонима, время и обстоятельства заимствования не уточняются. Мар.-мер. **mārə* не может рассматриваться как этноним со значением ‘человек, мужчина’, поскольку подобная семантика выглядит анахронистично с точки зрения типологии этнической номинации. Это слово должно было быть заимствовано как соционим с дополнительной коннотацией ‘муж, супруг’ в язык-предок марийского и мерянского примерно в I тыс. до н. э. Ар. **mārya-* представляло собой специфический термин, обозначавший класс свободных (возможно, знатных) молодых людей, объединенных в воинские сообщества, в которых они должны были совершить необходимые подвиги для получения социального статуса, дающего право жениться (отсюда значения ‘жених, супруг’). В индоарийских (включая митаннийский арийский) языках основным стало значение ‘воин’ и ‘знатный юноша’. У иранцев возникли пейоративные значения (‘злодей; раб’) и сохранилось значение ‘муж, супруг’. Более вероятным источником — как по времени заимствования, так и исходя из семантики — является восточно-среднеиранский. Проблема слабой представленности ар. **mārya-* в восточноиранских языках — почти исключительно в значении ‘раб, слуга’ — снимается приводимой в статье этимологией осет. *bal* ‘группа, отряд, шайка, стая (волков)’ из алан. **mal-* < **mārya-*: предполагается заимствование в прамарийско-мерянский из языка скифо-сарматского круга в середине I тыс. до н. э. (до перехода **-ry-* > *-l-*). Более позднее тюркское название марийцев **čermiš* (чув. *šarmâš*, тат. *čirmäš* > рус. черемис) < тюрк. **čär* ‘воевать, сражаться’ может быть калькой этого старого этнонима.

Ключевые слова: этнонимия; меря; мари; мурома; арийские заимствования в финно-угорских языках; марийский язык; арийские языки; иранские языки; осетинский язык

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

© Напольских В. В., 2024

Для цитирования

Напольских В. В. К иранской этимологии этнонимов *мари*, *меря*, *мурома* // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 9–26. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.001

Рукопись поступила в редакцию 25.12.2023

Рукопись принята к печати 29.02.2024

Vladimir Vladimirovich NAPOLSKIKH

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Fellow, Toponymic Laboratory, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia); Leading Research Fellow, School of Contemporary Humanities Studies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (82, Vernadsky Ave., 119606 Moscow, Russia)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

TO THE IRANIAN ETYMOLOGY OF THE ETHNONYMS *MARI*, *MERYA*, *MUROMA*

Abstract

The article continues the exploration of the ethnonym **mārə*, previously reconstructed by the author and A. V. Savelyev, as evidenced in the self-designation of the Mari people and in the names of Merya and Muroma found in Russian chronicles. In Finno-Ugric literature, it is commonly sub-derived from the Aryan **mārya-* meaning ‘young man, warrior.’ However, within the current framework, the specific Aryan origin of this ethnonym, along with the time and circumstances of its adoption, remains unspecified. The Mari-Meryan **mārə* cannot be construed as an ethnonym meaning ‘human, man,’ as such semantics would be anachronistic in terms of ethnic designation typology. Instead, it is proposed that this word was borrowed as a socionym with the additional connotation of ‘husband’ into the ancestral language of Mari and Meryan around the first millennium BC. The Aryan **mārya-* denoted a class of free (possibly noble) young men forming military communities, where they undertook feats to attain a social status entitling them to acquire a wife, hence the meaning ‘groom, husband’. Indo-Aryan (including Mitanni Aryan) languages predominantly associated it with ‘warrior’ and ‘noble youth,’ while Iranian languages developed pejorative meanings (‘rascal; slave’) but retained the meaning ‘husband’. An Eastern Middle Iranian language is deemed a more plausible source for borrowing, both temporally and semantically. The etymology suggested in the article resolves the issue of the limited representation of Aryan **mārya-* primarily as ‘slave, servant’ in Eastern Iranian languages. The proposed derivation links Ossetian *bal* ‘group, squad, gang, pack (of wolves)’ < Alanian **mal* < **mārya-*; likely borrowed into Proto-Marian-Meryan from a Scytho-Sarmatian language around the middle of the first millennium BC (prior to the transition **-ry- > -l-*). The subsequent Turkic designation of the Mari as **čermiš* (Chuvash *šarmăš*, Tatar *čirmăš* > Russian *cheremis*) < Turkic **čār* ‘to fight, to wage war’ may be a calque of this ancient ethnonym.

Keywords: ethnonymy; *Merya*; *Mari*; *Muroma*; Aryan loanwords in Finno-Ugric languages; Mari language; Aryan languages; Iranian languages; Ossetian language

Acknowledgements

The grant of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of the European Russia* (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>) is gratefully acknowledged.

For citation

Napolskikh, V. V. (2024). To the Iranian Etymology of the Ethnonyms *Mari, Merya, Muroma*. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 9–26. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.001

Received on 25 December 2023

Accepted on 29 February 2024

В статье, продолжением которой является данная работа [Напольских, Савельев 2023], было показано, что самоназвание мариЙцев мар. **märə* (> г. *marə*, л. *mari(j)*) вместе с этнонимами *меря* (< **märə*) и *мурома* (< **mürə* / **murə*)¹ восходит к единой праформе **märə*, что, помимо вытекающей из анализа субстратной топонимии гипотезы о близком родстве языков этих групп, свидетельствует об их этнической близости и общности их происхождения. Уже более ста лет самоназвание мариЙцев рассматривается как заимствование из какого-то рефлекса ар. **mārya*- ‘юноша, молодой воин’ [Munkácsi 1901: 456; Joki 1973: 280], и, по-видимому, этот же источник можно предполагать и для более древнего мариЙско-мерянского **märə*².

К сожалению, в финно-угроведении сложилась не очень приятная традиция, когда арийские заимствования в финно-угорских языках рассматриваются без попыток уточнения конкретного языка-источника, как если бы язык южных соседей финно-угров в степях и лесостепях от Оби до Дона был всегда един — и вполне достаточно определить его, например, как иранский. Естественно, для древнейших этапов контакта это в известной мере оправданно (в силу отсутствия источников), но начиная по крайней мере со скифского времени возможность выбора между историческими иранскими идиомами, так или иначе нам известными, уже появляется (см., например, острую дискуссию о скифском языке [Витчак 1992; Иванчик 2009; Кулланда 2011]).

К ранним работам [Штакельберг 1893; Munkácsi 1901] этот упрек отнести не приходится, да и их авторы в вопросах поисков арийского прототипа финно-угорского слова отталкивались скорее от примеров из конкретных

¹Мы с А. В. Савельевым считаем, что в *меря* и *мурома* отражены самоназвания соответствующих групп (аргументы были изложены в указанной статье), однако при отсутствии прямых свидетельств имеет, видимо, смысл проявить осторожность в формулировке.

²В связи с надежной реконструкцией вокализма с **ä* в рассматриваемом этнониме снимается проблема несоответствия ар. **a* ~ мар. *a* (эта фонема является в мариЙском поздним явлением), вызывавшая сомнения финно-угроведов [см.: Joki 1973: 280; Holopainen 2019: 135–136] по поводу этимологии от ар. **mārya*-.

арийских языков — в силу хотя бы недостаточно продвинутой финно-угорской и арийской реконструкции. Первые попытки уточнения арийского источника были проделаны в [Jacobsohn 1922], где было задано основное направление такого рода разработок в финно-угроведении: определение относительной хронологической стадии языка-источника того или иного финно-угорского корня от праиндо-иранского до аланского (древнеосетинского). Окончательное выражение данный подход приобретает в обобщающей монографии А. Йоки [Joki 1973] и в ригористическом компендиуме К. Редее [Rédei 1986]. Предполагалось, что арийско-финно-угорские (или даже индоевропейско-уральские) контакты происходили более или менее непрерывно в ходе плавной эволюции языка южных соседей финно-угров по линии: праиндоевропейский — ранний праарийский (*Frühurarische*, до общеарийского перехода $*e, *o > *a$) — праарийский — ранний праиранский (*Frühuriranische*, до общеиранского перехода $*s > *h, *ś > *s$) — праиранский (*Uriranische*) — древнеиранский — среднеиранский (под последним мог имплицитно подразумеваться аланский / древнеосетинский). Считалось достаточным продемонстрировать возможность отнесения арийского этимона к одной из этих стадий, проиллюстрировав это примером из соответствующего древнего языка или реконструкцией. Отказ от попыток конкретизации языка-источника сослужил плохую службу, поскольку искусственное построение привело самих его создателей к оперированию вымышленными сущностями. С самого начала было ясно, что такая схема непрерывных арийско-финно-угорских контактов не соответствует материалу: прежде всего, отсутствует возможность говорить о праиндоевропейских заимствованиях (их, по всей вероятности, просто нет) и о «раннем праиранском» с сохранявшимися $*s$ и $*ś$ — очевидно, что контактирующие с финно-угорскими арийские идиомы на этой ранней стадии принадлежали к индоарийской, а не к иранской группе [см. подробнее: Напольских 2018a: 122–138]. Кроме того, отсутствие привязки арийских этимонов к конкретным языкам искажало историческую картину и по сути лишало выводы эвристической ценности: предлагаемая реконструкция выглядела примерно так, как если бы слова, восходящие к латыни в русском языке, этимологизировались бы не как попавшие в русский через французский, немецкий, польский, английский и другие языки, а только аттестовались бы как соответствующие периоду золотой латыни, романскому праязыку, старофранцузскому и современному французскому языку. Понятно, что культурно-исторические импликации такого анализа, мягко говоря, не совсем точно отражали бы и реальную историю внешних контактов русского языка, и его внутреннюю эволюцию.

Сохранение обозначенной тенденции и сегодня не дает возможности уточнить реальную историю арийско-финно-угорских контактов. Более того,

в связи с отказом от конкретизации языка-источника ситуация становится даже хуже: если в ранних работах (см. выше), в силу, может быть, неизбежной наивности их авторов, хотя бы рассматривались ближайшие аналоги в исторически известных языках (А. Йоки во многих случаях даже учитывает эти данные), то в новейших исследованиях такие попытки практически незаметны. Так, изданная посмертно диссертация Х. Катца [Katz 2003], несмотря на изощренную этимологическую эквилибристику автора, в плане исторических выводов не дает практически ничего, поскольку 90 % всех рассматриваемых им заимствований интерпретируются как «ранние праарийские» (*frühuraische*)³. Недавняя диссертация С. Холопайнена [Holopainen 2019] следует в целом схеме А. Йоки и К. Редери, несмотря на тщательную критическую проработку материала с учетом современных тенденций в финно-угроведении, не меняет ситуацию: результат анализа формулируется автором в виде «индо-иранское заимствование» (*an Indo-Iranian loanword / an Indo-Iranian etymology*) или «не индо-иранское заимствование» (*not an Indo-Iranian loanword / not an Indo-Iranian etymology*).

Согласившись с ведущими финно-угроведами в том, что мар.-мер. **mārä* — «an Indo-Iranian loanword» [Joki 1973: 280; Katz 2003: 123–124⁴; Holopainen 2019: 135–137], но имея в виду, что для понимания генезиса этого этнонима и для реконструкции марийско-мерянской предыстории принципиально важным является вопрос о времени (и по возможности — о месте и о причинах) этого заимствования, т. е. в первую очередь — о конкретном арийском языке-источнике, попытаемся рассмотреть перспективы такой конкретизации.

Б. Мункачи предполагал в ар. **mārya*- основное значение ‘человек, мужчина’ и рассматривал его превращение в марийское самоназвание в ряду других этнонимов с таким значением как пример архаичной этнической номинации [Munkácsi 1901: 456]. Идея поддерживается в [Holopainen 2019: 135]: «для этнонимов не является необычным развитие из слов со значением

³ На самом деле эта мнимая «революция» в трактовке арийско-финно-угорских контактов объясняется не новыми материалами, а именно использованием изощренной этимологической техники, доводимой в работе почти до фонетического уровня: чем древнее предполагаемое заимствование, тем больше возможности оторваться от реальных языков и играть в бисер реконструируемых сущностей. Результат, однако, оказывается противоположным приложенным усилиям и ожиданиям: большинство вновь предлагаемых Х. Катцем этимологий неприемлемы.

⁴ Х. Катц, правда, полагал, что «финно-пермское» (!? — В. Н.) **mérjā*, откуда происходят названия *мари* и *меря*, восходит к «раннему праарийскому» **mértjō*- (> **mártija*- > др.-инд. *mártiya*- ‘человек, смертный’ и др.), а приписываемая им Э.-Н. Сетяле и М. Фасмеру этимология от ар. **mārya*- «семантически, очевидно, слабее» [Katz 2003: 123–124]. Однако, в свете описываемой здесь финно-угроведческой исследовательской традиции эти разночтения не принципиальны.

‘человек’». Однако именно данный тезис едва ли может быть принят, так как, во-первых, значение ‘человек’ для этого слова ни в марийском, ни в арийских языках не только не является основным, но практически не зафиксировано (см. ниже), во-вторых, предполагать здесь именование по модели «человек, люди» в противопоставление «не-людям» другой этнической принадлежности невозможно, поскольку такая модель характерна для архаичных первобытных сообществ, которыми ни арии, ни общие предки марийцев и мери к моменту заимствования или сложения данного этнонима уже, безусловно, не принадлежали.

Элемент ‘человек’ — например, в этнонимах уральских народов — может использоваться, но всегда с уточняющим прилагательным, ср. коми *komi mort* *‘камский (?)⁵ человек; коми’, удм. *udmurt* *‘окраинный человек’ [Белых, Напольских 1994] или различные самоназвания селькупских групп [SölkW: 213, 219–220, 346; Хелимский 2005]. Этноним *мордва*, восходящий к какому-то деривату ар. **mṛtá-* ‘смертный, человек’ (> перс. *mard* ‘мужчина, человек’ и др.), имеет особое происхождение и не является и никогда не был самоназванием [Напольских 2018б: 13–20]⁶. Самоназвание карел-людигов и части вепсов **l’üüdi-* происходит от рус. *люди*, которое в средневековом русском употреблении обозначало прежде всего свободных простых людей, крестьян — в отличие от князей, бояр и пр. [Срезневский 2: 91–93], следовательно, перед нами социальный термин, а не просто слово со значением ‘человек, люди’ (то же верно в отношении *Deutsch* < **teutā* ‘(свободный вооруженный) народ’ [Kluge 2002: 193–194] и многих других подобных случаев). Приводимая начиная с Б. Мункачи [Munkácsi 1901: 454] в финно-угроведческой литературе этимология праугорского самоназвания **mańcz* (> венг. *magy-ar*, манс. *māńši*, хант. *mańt’* и т. д.) якобы от ар. **mánuš* ‘человек’ [UEW: 866–867; Katz 2003: 124] вызывает небезосновательные сомнения (см. неожиданно в [Holopainen 2019: 134–135]). Во-первых, она фонетически несостоятельна: ар. *-š (др.-инд. -ṣ)

⁵ Этимология Т. Утилы, вновь обоснована в [Напольских 2018а: 94–95]. Если даже придерживаться старой этимологии *komi* от ПУ **komz* ‘человек’, семантика самоназвания коми на прапермском уровне может реконструироваться не как ‘человек — человек’, а как ‘сородич — человек’, ср. удм. *kumj* в *vižj-kumj* ‘родственники’ (обычно именно в обобщающем значении): здесь весь композит построен аналогично удм. *čijj-vižj* ‘родственники (по матери и по отцу)’, где *čijj*, очевидно, — родственники по матери (ср. удм. *čuzmurt* ‘дядя по матери’, коми *čužnĭ* ‘родиться’), а *vižj* букв. ‘корень’ — ‘родственники по роду, по отцу’. Поэтому *kumj* в *vižj-kumj* обозначает скорее не человека вообще, а какую-то категорию родственников, вероятно, родственников по браку, поскольку можно допустить заимствование из рус. *кум, кума*. Таким образом, основания для реконструкции **komz* ‘человек’ в пермском праязыке практически ничтожны.

⁶ Мы предполагаем посвятить происхождению слова *мордва* специальную статью для одного из ближайших номеров «Вопросов ономастики».

в данном слове — результат сандхи из **manus*, и у нас нет оснований выводить заимствование именно из фонетического варианта с **-š*, но, даже если такие чудеса предполагать, совершенно непонятно, как ар. **-niš* могло дать ПУГ **-ńć-*. Во-вторых, она не годится как пример возникновения этнонима из слова со значением ‘человек’: ар. **manus* на самом деле было именем прародителя рода человеческого, *Ману*, и Б. Мункачи, в отличие от позднейших компиляторов, был абсолютно прав, предлагая для **mańćz* арийский источник, близкий к др.-инд. *manija-* с изначальным значением ‘рожденный от Ману’ [Munkácsi 1901: 454; KEWAI 2: 575–576]. Таким образом, если арийский этимон здесь и был, он имел бы гораздо более сложную семантику, чем просто ‘человек’.

Даже среди народов Сибири, для которых характерен в целом более архаичный социальный уклад, чем для земледельцев Восточной Европы, самоназвания типа ‘человек’ крайне редки и неочевидны. Современное официальное название и, может быть, самоназвание кетов — результат советских преобразований на Севере и соответствующей смены этнической номенклатуры, причем довольно странный, поскольку кет. *ket* ‘человек’ имеет супплетивное множественное число *d'eŋ*, и в качестве обозначения сообщества скорее должно было бы употребляться второе слово; при этом в досоветское время в качестве аутоэтнонима сами кеты на своем языке использовали слово *ostik* < рус. *остяк* [Ket: 36, 57, 78]⁷. В какой-то мере можно говорить о старом самоназвании ‘человек, мужчина’ у северных самодийцев (нен. *ńenēć²*, эн. *eńće²*, нган. *ŋanása* [JuSamW: 318; EnzW: 74; NganW: 168]), однако и здесь необходимы оговорки: «в отношении самих себя северные самодийцы используют данные слова по большей части в сочетании с определением ‘настоящий’ < нен. *ńenāi ńenēć²*> (таким образом, буквальный смысл этнонима — ‘настоящий, подлинный человек’)», кроме того, «фигурирующие в данных этнонимах определение и определяемое слово находятся, по всей вероятности, в этимологической связи», — т. е. и этимологически данный этноним означал скорее не собственно ‘человек’, а ‘настоящий, подлинный (человек)’ [Хайду 1985: 125]. Необходимо еще иметь в виду, что более распространенным самоназванием нганасан традиционно было слово *ńa* ‘друг, товарищ’ [NganW: 160] и обычно у северных самодийцев этническая самоидентификация была связана не с упомянутыми словами, а с родовыми названиями.

Самоназвание *mari* не требует никакого прилагательного, случаи мар. г. *kârâk marâ* ‘горные мари’, л. *olâk mari* ‘луговые мари’ [TscherW: 296,

⁷ Это самоназвание в кетском языке (а не в официальной русской речи) остается в употреблении и сегодня. Например, в «Википедии» «самоназвание» кетского языка совершенно правильно дано как *остыганна ɟa*’ [Кетский язык].

372–373, 450] применяются только для обозначения частей народа и представляют собой несомненные поздние кальки с русских терминов для западного высокого, *горного* и восточного низкого, *лугового* берегов Волги и их населения (отсюда рус. *луговые люди* для обозначения населения левобережья Волги и т. п.). Значений ‘человек’ (мар. *jeŋ, aŋdeme* [TscherW: 5, 177]) или ‘мужчина’ (мар. *pörjeŋ* [Там же: 539]) это слово не имеет; в текстах типа *ik mari kajen čodraš ri ruaš* «один мужик пошел в лес дрова рубить» [Там же: 372] имеется в виду не мужик вообще, а именно мариец. Этнонимическое значение лексемы ясно проявляется в словосочетаниях *mari kalâk* ‘марийский народ’, *mari / marla jêlme* ‘марийский язык’. Для понимания истоков этнонима принципиально важно, что этим же словом (уже с необходимыми прилагательными) мариЙцы называют два самых близких себе по культуре и языку народа: чувашей (л. *suasla mari* букв. ‘татарский / татароподобный мари’, г. *suas marâ* ‘татарский мари’ [Там же: 640–641]) и удмуртов (*одо-мари* ‘одо-мари’ [Там же: 440], где *одо-* < **od-* в *udmurt*), при этом чувашей без слова *mari*, видимо, никогда не называют, а удмуртов, отношения с которыми не столь близки, могли называть и просто *одо*. Очевидно, объяснение этому словоупотреблению следует искать в истории слова, которое могло обозначать не этническую или не только этническую, но и социально-политическую или культурную группу.

Для понимания происхождения самоназвания мариЙцев важно второе значение слова *mari* ‘муж, супруг’ (ср. также *marian batâ* ‘замужняя женщина’, *maritême batâ* ‘вдова’) [TscherW: 372–373]. Похожее развитие, когда одно слово может служить и как аутоэтноним, и для обозначения понятия ‘муж, супруг’, мне известно только для нен. *χāsafa*, которое у восточных ненцев может употребляться как самоназвание, но обычно имеет значение ‘мужчина; муж’ и восходит к ПСам **kââsâ* ‘человек, мужчина’ (< (?) *‘смертный’) [JuSamW: 173; SamW: 61; Хайду 1985: 125]. Однако аналогия неполная, поскольку *χāsafa* — все-таки не основное самоназвание ненцев (см. о сложностях в связи с этим выше), а мар. *mari* не имеет значения ‘человек, мужчина’.

Таким образом, для мар.-мер. **mārē* и его предполагаемого арийского этимона следует предполагать, во-первых, дополнительное значение, обеспечившее развитие в ‘муж, супруг’ в марийском, во-вторых, возможность обозначения этим словом какой-то социальной (политической, религиозной, сословной?) группы, откуда позднее развилось собственно этнонимическое значение. Время возможного проникновения этого слова к предкам мариЙцев и мери, опираясь на данные этих языков, оценить сложно, поскольку о мерянских языках информации у нас недостаточно, но, исходя из его домариЙских истоков, с одной стороны, и из отсутствия параллелей за пределами мариЙско-мерянской группы — с другой, очень осторожно можно говорить

о I тыс. до н. э. и рубеже эр, т. е. более вероятно относительно позднее заимствование из среднеиранского источника, возможно — из аланского. Район контакта с этим языком-источником вряд ли мог отстоять далеко от Среднего Поволжья.

Арийское **márya-* в индоарийском отражено в др.-инд. *márya-* [KEWAI 2: 596–597]. Это слово встречается в Ригведе в описаниях Индры, Агни, Марутов как эпитет, означающий прекрасного юношу, молодого человека с красивым или украшенным телом, который может характеризоваться как воинственный (РВ III, 31:7), стремящийся к победе в соревновании колесничих (РВ VIII, 43:25), и главным его свойством является сексуальная активность и привлекательность: «молодой мужчина, мыслью стремящийся к женщине» (РВ IV, 20:5), молодой человек, которому готова уступить, отдаться девушка (РВ III, 33:10). Дважды появляется интересный контекст: «юноша в своем доме» (РВ I, 91:13), «молодой мужчина, у которого есть жилье» (РВ IX, 97:18), что, возможно, отражает определенный социальный статус такого юноши. Именно эти смыслы, видимо, стоят за словарной дефиницией ‘жених’. Один раз встречается суффиксированная форма *maryaká-*, означающая быка, возглавлявшего стадо коров (РВ V, 2:5); вообще тема быка с коровами и жеребца постоянно присутствует в сравнениях с *márya-*.

Др.-инд. *márya-* нельзя рассматривать в отрыве от митан.-ар.⁸ *marjannu* (-*nni* здесь хурритский суффикс), обозначавшего знатя государства Митанни, военную элиту, воинов-колесничих, с которыми связывают происхождение индоарийских элементов в митаннийских памятниках и, видимо, происхождение правящей династии Митанни (с XVI в. до н. э.), цари которой носили индоарийские имена и клялись в договорах с Египтом именами индоарийских богов [Mayrhofer 1966: 16–17, 28–29] (интересно еще значение ‘молодой воин’, которое, видимо, следует из текстов [HethitW: 322, 422]). Термин *marjannu* как обозначение соответствующего воинского сословия проникает из Митанни на юг и появляется также в текстах из Сиро-Палестинского региона второй половины II тыс. до н. э. (именно с этими воинскими группами можно

⁸ Я полностью принимаю обоснованный М. Майрхофером вывод о раннеиндоарийском характере митаннийского арийского языка [Mayrhofer 1966: 18–24]. Нет никаких оснований считать язык митаннийских ариев праарийским, иранским на любой стадии или каким-то особым (неиранским, неиндоарийским и ненуристанским) арийским языком. Например, сопоставление митан.-ар. *yašanna-* ‘стадион, манеж’ с иранскими формами типа согд. *wzn* в противоположность др.-инд. *váhana-* [Гамкрелидзе, Иванов 2: 547] не может служить аргументом против Майрхофера, поскольку *yašanna-* отражает, конечно, не ригведическую форму *váhana-*, а раннюю индоарийскую **yažhana-* < ПИЕ **yeǵh-* [KEWAI 3: 179]; примерно ту же стадию развития раннего праиндоарийского можно видеть, например, в ПФУ **śasra* ‘тысяча’ < ранний индоар. **(sa)śhasra-* ‘(одна) тысяча’ (< ПИЕ **sm-ǵheslo-* > др.-инд. *sahásra-* ~ ав. *hazanrəm*) и др. [Напольских 2018a: 135].

связывать распространение в Палестине боевых колесниц, запряженных лошадьми в середине II тыс. до н. э.) и в египетских источниках (𓆎𓅓𓏏𓏏𓆎 *mṣrwnz* в сообщениях о сирийских походах Тутмоса III и Аменхотепа II, XV — начало XIV в. до н. э.; вплоть до описания борьбы с ливийцами и « народами моря » Мернептаха, конец XIII в. до н. э. — в последнем случае *marjannu* были, скорее всего, уже наемниками, но египтяне всегда отмечали захват *marjannu* как особенно ценных пленников). Таким образом, первоначально *marjannu* представляли собой социальную группу индоарийского происхождения (в их состав и в Митанни, и тем более в Палестине и в Египте, входили уже не обязательно индоарии, но происхождение термина и наличие индоариев среди *marjannu* не подлежат сомнению). Сам этот термин обозначал профессиональных воинов-колесничих высокого социального статуса (типологически близкого, видимо, к римским всадникам), которые составляли элиту в государствах Передней Азии в середине — второй половине II тыс. до н. э., возможно, получали за свою службу от царя землю и оружие, а позднее выступали уже как наемники [O'Callaghan 1951; Abbas 2013].

Таким образом, для индоарийского можно восстанавливать **márya-* ‘(молодой) знатный воин, принадлежащий к элитному воинскому сословию; символ мужественности, неотразимый красавец, (завидный) жених’.

Более разнообразные рефлексы дает иран. **márja-*, которое развилось в двух значениях. С одной стороны, в иранских языках имеем ав. *ma'rya-* ‘коварный, обманщик, плут, предатель, негодяй’ [Bartholomae 1904: 1151–1153], откуда ср.-перс. *mar-* ‘злодей, преступник’, *marak* ‘негодяй, подлец’, — все эти отрицательные значения объясняются применением термина в зороастрийских текстах начиная с Авесты к противникам зороастризма, дэвовским созданиям [ЭСИрЯ 5: 217], что, очевидно, связано с воинственностью арийских **márya-*, их противоположностью идее зороастрийского Священного Мира.

С другой стороны, в иранских языках имеются формы с той же суффиксацией *-ka*, что и в ср.-перс. *marak*, но, по-видимому, восходящие не к авестийской, а к другой, возможно, собственно персидской линии развития: др.-перс. *marīka* ‘подданный, человек из свиты’, ср.-перс. *mērak* ‘молодой человек, член (воинского) сообщества; любовник, жених, супруг’, перс. *merag* ‘молодой человек, супруг’. Особенно интересны для нас поздние формы в диалектах Центрального Ирана: *mera*, *mere* и т. п. ‘муж’ [ЭСИрЯ 5: 217; KEWA1 2: 597]. Поскольку предполагать в марийско-мерянском прямое персидское заимствование сложно, эти данные могут быть нам полезны только в плане реконструкции семантики иранских дериватов ар. **márya-*. В восточноиранских языках, откуда слово могло попасть к финно-уграм, этот термин зафиксирован, кажется, только в бактрийском: *μαρῖῡο* (< **márjaka*) ‘раб, слуга’,

в афганском: *mrayá* ‘раб’ и (если язык ормури считать восточноиранским) в ормури: *mrik, mrig* ‘слуга’ [ЭСИрЯ 5: 217; KEWAI 2: 597]. Неясным остается статус кховар *maristan* ‘раб’ (< **marya-sthana* ‘(находящийся) в положении *marya*’) [KEWAI 2: 597]: если это не заимствование, например, из афганского, дардские данные могут быть важны для праарийской реконструкции. Очевидно, в бактрийско-афганском ареале произошло довольно тривиальное развитие ‘юноша’ → ‘слуга’ → ‘раб’, отражающее, возможно, ту же пейоративную семантику, что и ав. *márya-*.

В целом ар. **márya-*, видимо, было довольно специфическим термином, обозначавшим возрастную класс свободных (возможно, знатных), прежде всего (хотя и необязательно) молодых людей, объединенных в воинские сообщества, в которых они должны были совершить необходимые подвиги для получения (подтверждения) социального статуса, дающего право жениться, откуда наряду с прочими значение ‘жених, супруг’ у дериватов этой основы [ЭСИрЯ 5: 217]. Вероятно, такие объединения в арийском обществе представляли собой аналог молодежных воинских союзов в социумах, находящихся на аналогичной стадии становления политарных отношений («военная демократия»); хорошо известны подобные воинские общества, например, у индейцев прерий и т. д. В митаннийском арийском на первое место в семантике этого слова вышло значение ‘воин’ — в силу специфики положения ранних индоариев в государствах Передней Азии как лучших (первых) воинов-колесничих, военно-политической элиты. В древнеиндийском обществе с его формирующейся системой наследственных сословий развитие семантики пошло в направлении ‘знатный юноша, завидный жених’. У иранцев можно предполагать скорее негативное отношение к молодежным воинским союзам — как к беспокойным и неудобным для управления сообществам (ср. взаимоотношения вождей и старейшин с молодыми лидерами воинских союзов у индейцев прерий: противостояние Красного Облака и Бешеного Коня у лакота, Черного Котла и Римского Носа у шайенов и т. п.), откуда дэвовская коннотация в авестийской традиции и пейоративное развитие семантики в бактрийском и афганском. Учитывая такие различия в семантике, в качестве конкретного деривата ар. **márya-*, заимствованного в мариийско-мерянский, можно предполагать скорее не индоарийский (там **márya-* применялось исключительно к «своим», причем стоящим явно достаточно высоко на социальной лестнице), а иранский источник, который (при сохранении старой коннотации ‘жених ~ муж’) мог быть использован по отношению к враждебному воинственному населению, не подчинявшемуся сколько-нибудь организованным (по крайней мере, в глазах иранцев) политиям. Иранское (среднеиранское или аланское) происхождение этнонима,

как мы предположили выше, является предпочтительным и с точки зрения возможной хронологии заимствования.

Однако слабая представленность корня в восточноиранских языках и, соответственно, отсутствие прямых параллелей в языках скифо-сарматского круга, откуда можно было бы ожидать позднее заимствование в марийско-мерянский, остается проблемой. Былое существование искомого слова в аланском, как полагали, может косвенно документироваться материалом кавказских языков: чеч., ингуш., бабб. *mar* (основа *māre-*) ‘муж’, в котором видели аланское заимствование [Joki 1973: 280]. Этот пример можно еще дополнить не приводимым в финно-угроведческой литературе сван. *māre* ‘мужчина, человек’ [СКавЯ: 40, 59]. Распространение слова в нахских и сванском языках — довольно типичная картина для аланизма, но отсутствие осетинской параллели все-таки значимо. Дело осложняется еще и тем, что нахск. **mār* ‘муж’ имеет параллели в даргинском (**marga* ‘самец’) и лезгинских языках (**morλ.il* ‘мужчина, самец, храбрец’: таб. *turgu-ž'i* ‘герой, храбрец’, арч. *meļle* и др.) и может, таким образом, быть возведено к гипотетическому пранахско-дагестанскому **mōrLV* ‘самец, мужчина’ [NCED: 830–831], и, следовательно, реконструкция аланского слова не имеет оснований (сван. *māre* в таком случае может быть заимствованием из нахского). Более того, выдвигалось предположение о севернокавказском происхождении и хурр. **mari-* в **mariannu* — ср. урарт. *marə* ‘одна из социальных групп’ и ПВостК **mōrLV* ‘самец, мужчина’ с таким комментарием: «соответствия регулярны <...> обычно возводится к индоиранскому **marya* ‘юноша’, однако слово является общехурритоурартским, а для этого периода трудно предполагать индоиранские заимствования» [Дьяконов, Старостин 1988: 173] (та же аргументация повторена в [NCED: 831]). Понятно, что речь идет не о «регулярных соответствиях» между хурритским и урартским, а о полном совпадении основ, что скорее указывает именно на заимствование, а не на праязыковую этимологию (сохранение важного хурритского социального термина в урартском неудивительно), поэтому версию о хуррито-урартском происхождении **mariannu*, конечно, всерьез принимать нельзя (см. еще обоснованные и достаточные возражения в [Wilhelm 2019: 419]). Как бы ни решать проблему ПВостК **mōrLV* (не исключая, что его источником может быть заимствованное через хурритский и урартский митан.-ар. **mārya-*), в свете этих данных реконструкция аланского прототипа для мар.-мер. *mārə* на основе данных севернокавказских языков остается весьма проблематичной.

Тем не менее осетинскую параллель к искомому арийскому этиму можно предложить: осет. *bal* ‘группа, отряд, шайка, стая’: «важный термин старосетинского быта, восходящий к периоду военной демократии. Так называлась дружина или партия, отправлявшаяся в совместное военное предприятие.

Вожак такой партии назывался *balxon* <букв. ‘созывающий *bal*’>, каждый из участников — *æmbal*, а все предприятие — *balc*. Из животных термин *bal* применяется, насколько можно судить, преимущественно к волкам» [ИЭСОЯ 1: 233]. В. И. Абаев возводил это слово к реконструируемому им **bārya-* ‘конная военная партия’ — от несохранившегося в осетинском глагола **bār-* ‘ехать верхом’ (~ ав. *bar* ‘нести, везти’ и др. → ‘ехать верхом’), отраженного в осет. *baræg* ‘всадник’ (собственно, ‘несомый’: ягноб. *vōra* ‘всадник’ и др.) [Там же: 232–233, 236–237; ЭСИРЯ 2: 102]. Возможную связь осет. *bal* с иран. **bala* / **bara* ‘сила, сильный’ (~ др.-инд. *bāla-* ‘сила, мощь’) В. И. Абаев отвергал, поскольку осет. *-l-* < **-ry-* [ИЭСОЯ 1: 233], а Дж. И. Эдельман считает, видимо, предпочтительной по сравнению с этимологией от **bār-* ‘ехать верхом’: *bal* «может быть рефлексом **barja-* (сравн. ст.) с растяжением корневой гласной» [ЭСИРЯ 2: 66–67, 102]. Думаю, что сложное значение осет. *bal* трудно вывести как из ‘группа всадников’ (кроме трудностей семантики, важно, что для передачи значения ‘всадник’ в *baræg* необходим суффикс *-æg*), так и из ‘сильный’ (этой этимологии мешает и слабая представленность данного корня в иранских языках). Зато в семантику ар. **mārya-* осетинский термин укладывается блестяще — вплоть до применения его к стае волков (ср. также волчий символизм в воинских традициях индейцев прерий). Фонетически *bal* может происходить из **mārya-*: *-l-* закономерно восходит к **-ry-*, о «растяжении корневой гласной» см. выше. Следовательно, иран. **mārya-* может закономерно дать алан. (*resp.* осет.) **mal*. Некоторую проблему представляет переход **m-* > *b-*, но такой «перебой» встречается в осетинском: например, в имени персонажа нартковского эпоса *Balsæg* < ингуш. *malχ-sag* ‘солнце-человек’, *bæræg* ‘заметный’ < иран. **maraka* и др. [ИЭСОЯ 1: 234, 250–251]. Дополнительной причиной фонетического перехода в данном случае может быть образованное от *bal* частотное и важное в осетинском языке слово *æmbal* ‘товарищ, спутник’ < *æm-* (< иран. **ham-* — префикс со значением совместности) + *bal*, т. е. изначально ‘товарищ по походному сообществу’ (ср. рус. *соратник*) [Там же: 135], если предполагать диссимиляцию *æmbal* < **am-mal*. Это слово как антропоним встречается уже в Зеленчукской надписи (Пакаθ[α]ρ форт Ανταλαν, X в.) и в рус. *Анбаль* — имя ясына, слуги Андрея Боголюбского (конец XII в.) [Там же].

Таким образом, можно реконструировать доосетинское **mārya-* ‘воинский отряд’ (возможно, с характерной для иранских языков пейоративной коннотацией ‘шайка, стая’) > алан. **mal-* > осет. *bal*. Переход *-ry-* > *-l-* в скифо-сарматских диалектах, по наблюдениям В. И. Абаева, имел место после V в. до н. э. [Абаев 1949: 214]. По-видимому, именно в середине I тыс. до н. э. словом **mārya-* (сохранявшим, вероятно, еще и древнее значение ‘жених,

муж' — см. выше) носители восточноиранских языков в Поволжье — языковые предки осетин — называли своих северных соседей, предков марийцев и мери, которые заимствовали этот термин, ставший их самоназванием. Использование такого специфического термина в качестве этнонима свидетельствует об особых, вероятно не самых мирных, отношениях между иранцами и марийско-мерянскими группами в Поволжье. Можно предполагать, что и в дальнейшей своей истории марийцы оставались достаточно активными в военном отношении: во всяком случае, более чем через тысячу лет пришедшие на Волгу турки стали называть население марийского Поволжья (прежде всего, самих марийцев) термином **čermiš* 'исполчившийся, воинственный' (*Ц-р-мис* в письме хазарского кагана Иосифа, X в., чув. *šarmāš*, тат. *čirməš* > рус. *черемис*) < тюрк. **čär* 'воевать, сражаться' [ТТЭС 2: 439], который также служил не только этнонимом, но и обозначал определенную социальную группу — население, не подчинявшееся напрямую Волжской Булгарии и Казанскому ханству и не принимавшее ислам, игравшее роль, так сказать, «федератов» этих государств на их северных и северо-западных границах. Именно с этим непокорным населением Российскому государству пришлось вести во второй половине XVI в., после взятия Казани, *черемисские войны*. Возможно, сходство семантики иранского и тюркского названий марийцев просто отражает специфическую роль предков марийцев в военно-политической истории Поволжья на протяжении полутора тысяч лет, но нельзя исключать и возможности того, что тюрк. **čermiš* является калькой иран. **marya-*; во всяком случае, такой параллелизм трудно считать случайным.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

ав.	авестийский	ПВостК	правосточно-кавказский
алан.	аланский		(нахско-дагестанский)
ар.	арийский (индо-иранский)	ПИЕ	праиндоевропейский
арч.	арчинский	Псам	прасамодийский
бацб.	бацбийский	ПУ	прауральский
г.	марийский горный	ПУг	праугорский
др.-перс.	древнеперсидский	ПФУ	прафинно-угорский
индоар.	(пра)индоарийский	сван.	сванский
кет.	кетский	согд.	согдийский
нен.	ненецкий	ср.-перс.	среднеперсидский
л.	марийский луговой	таб.	табасаранский
ман.	мансийский	урарт.	урартский
мар.-мер.	(пра)марийско-мерянский	хант.	хантыйский
митан.-ар.	митаннийский арийский	хурр.	хурритский
нахск.	(пра)нахский	эн.	энецкий
нган.	нганасанский	ягноб.	ягнобский

Источники

- Кетский язык // Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кетский_язык (дата обращения: 22.12.2023).
- PВ — Ригведа : в 3 т. / пер., коммент. Т. Я. Елизаренковой. Т. 1 : Мандалы I–IV ; Т. 2 : Мандалы V–VIII ; Т. 3 : Мандалы IX–X. М. : Наука, 1989–1999.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Имп. АН, 1893–1912.
- СКавЯ — Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М. : Вост. лит., 2003.
- Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Verl. von Karl J. Trübner, 1904.
- EnzW — Katzschmann M., Pusztay J. Jenissei-samojedisches (enzisches) Wörterverzeichnis. Hamburg : Helmut Buske Verl., 1978. (Fenno-Ugrica ; 5).
- HethitW — Friedrich J. Kurzgefaßtes hethitisches Wörterbuch. Kurzgefaßte kritische Sammlung der Deutungen hethitische Wörter. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1990.
- JuSamW — Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1956. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XIII).
- Ket — Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenisseiostjakischen aufgezeichnet von Kai Donner / Hrsg. von A. J. Joki. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1955. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; 108).
- NganW — Kortt I. R., Simčenko Ju. B. Wörterverzeichnis der Nganasanischen Sprache. T. 1 : Nganasan-Deutsch-Russisches Glossar. Berlin : Systemata mundi, 1985.
- SölkW — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo / Hrsg. von J. Alatalo. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 2004. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XXX).
- TscherW — Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 2008. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XXXII).

Исследования

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. ; Л. : АН СССР, 1949.
- Белых С. К., Напольских В. В. Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. 1994. Т. 30, № 4. С. 278–288.
- Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // *Вопросы языкознания*. 1992. № 5. С. 50–59.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.
- Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // *Древний Восток. Этнокультурные связи* / ред. Г. М. Бонгард-Левин. М. : Наука, 1988. С. 164–207.
- Иванчик А. И. К вопросу о скифском языке // *Вестник древней истории*. 2009. № 2. С. 62–88.
- ИЭСОЯ — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 5 т. М. ; Л. : Наука, 1958–1995.
- Куланда С. В. Уроки скифского // *Вопросы языкового родства*. 2011. № 5. С. 48–68.
- Напольских В. В. Очерки по этнической истории. 2-е изд. Казань : Ин-т археологии АН РТ, 2018a.
- Напольских В. В. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // *Вопросы ономастики*. 2018б. Т. 15, № 1. С. 7–29. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001

- Напольских В. В., Савельев А. В. *Мари, меря, мурома* — история этнонимов и реконструкция языков субстратной топонимии // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 9–30. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.029
- ТТЭС — Эхмэтьянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге. Т. 1–2. Казан : Мәгариф-вакыт, 2015.
- Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского. М. : Прогресс, 1985.
- Хелимский Е. А. *Schöselgub* у Г. Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) / Hrsg. von E. Helinski. Hamburg : Univ. Hamburg, 2005. S. 41–46.
- Штакельберг Р. Р. Ирано-финские лексикальные отношения // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Вып. 1 (3). М. : Имп. АН, 1893.
- ЭСИРЯ — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М. : Вост. лит., 2000–. Т. 1–.
- Abbas M. R. The Maryannu in the Western Desert during the Ramesside Period // *Abgadiyat*. 2013. No. 8. P. 127–132.
- Holopainen S. Indo-Iranian borrowings in Uralic: Critical overview of sound substitutions and distribution criterion : doctoral dissertation / Univ. of Helsinki. Helsinki, 2019.
- Jacobsohn H. Arier und Ugrofinnen. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1922.
- Joki A. J. Uralier und Indogermanen. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1973. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; 151).
- Katz H. Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen / Hrsg. von P. Widmer, A. Widmer und G. Klumpp. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 2003.
- KEWAI — Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1–4. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1956–1980.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von E. Seebold. 24. Aufl. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2002.
- Mayrhofer M. Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden : Otto Harrasowitz, 1966.
- Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1901.
- NCED — Nikolayev S. L., Starostin S. A. A North-Caucasian etymological dictionary. Moscow : Asterisk Publishers, 1994.
- O'Callaghan R. T. New light on the maryannu as chariot warrior // *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*. 1951. N. 1. S. 309–324.
- Rédei K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986.
- SamW — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : Helsingin yliopisto, 1977. (Castrenianumin toimitteita ; 17).
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai kiadó, 1986–1991.
- Wilhelm G. Marijannu // *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Berlin ; München : Bayerische Akademie der Wissenschaften, 2019. URL: <https://publikationen.badw.de/de/rla> (date of access: 22.12.2023).

References

- Abaev, V. I. (1949). *Osetinskii iazyk i fol'klor* [Ossetian Language and Folklore]. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Abaev, V. I. (1958–1995). *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language] (Vols. 1–5). Moscow; Leningrad: Nauka.

- Abbas, M. R. (2013). The Maryannu in the Western Desert during the Ramesside Period. *Abgadiyat*, 8, 127–132.
- Belykh, S. K., & Napolskikh, V. V. (1994). Etnonim *udmurt*: ischerpany li al'ternativy? [Ethnonym *Udmurt*: Have Alternatives Been Exhausted?]. *Linguistica Uralica*, 30(4), 278–288.
- Dyakonov, I. M., & Starostin, S. A. (1988). Khurrito-urartskie i vostochnokavkazskie iazyki [Hurrito-Urartian and East Caucasian Languages]. In G. M. Bongard-Levin (Ed.), *Drevnii Vostok. Etnokul'turnye svyazi* [Ancient Orient: Ethnocultural Ties] (pp. 164–207). Moscow: Nauka.
- Ekhmetyanov, R. G. (2015). *Tatar telenen etimologik s'uzlege* [Etymological Dictionary of the Tatar Language] (Vols. 1–2). Kazan: Megarif-vakyt. (In Tatar)
- Gamkrelidze, T. V., & Ivanov, V. V. (1984). *Indoevropeiskii iazyk i indoevropaitsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury* [Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction and Historical-Typological Analysis of the Proto-language and Proto-culture] (Vols. 1–2). Tbilisi: Tbilisi University Press.
- Hajdú, P. (1985). *Ural'skie iazyki i narody* [Uralic Languages and Peoples]. Moscow: Progress.
- Helimski, E. A. (2005). *Schöselgub* u G. F. Millera i samonazvanie sel'kupov [*Schöselgub* in G. F. Miller and the Self-name of the Selkups]. In E. Helimski (Ed.), *G. F. Miller i izuchenie ural'skikh narodov (materialy kruglogo stola)* [Gerhard Friedrich Miller and the Study of the Ural Peoples (Round Table Materials)] (pp. 41–46). Hamburg: Universität Hamburg.
- Holopainen, S. (2019). *Indo-Iranian Borrowings in Uralic: Critical Overview of Sound Substitutions and Distribution Criterion* (Doctoral dissertation). Helsinki: University of Helsinki.
- Ivanchik, A. I. (2009). K voprosu o skifskom iazyke [On the Problem of the Scythian Language]. *Vestnik drevnei istorii*, 2, 62–88.
- Jacobsohn, H. (1922). *Arier und Ugrofinnen*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Janhunen, J. (1977). *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki: Helsingin yliopisto.
- Joki, A. J. (1973). *Uralier und Indogermanen*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- Katz, H. (2003). *Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Kluge, F. (2002). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* (24th ed.). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Kullanda, S. V. (2011). Uroki skifskogo [Lessons in Scythian]. *Voprosy iazykovogo rodstva*, 5, 48–68.
- Mayhofer, M. (1956–1980). *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen* (Vols. 1–4). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Mayrhofer, M. (1966). *Die Indo-Arier im alten Vorderasien*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz.
- Munkácsi, B. (1901). *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Napolskikh, V. V. (2018a). Etnolingvisticskaia situatsiia v lesnoi zone Vostochnoi Evropy v pervye veka nashei ery i dannye “Getiki” Iordana [Ethno-Linguistic Situation in the Forest Zone of Eastern Europe in the First Centuries AD and the Data of Jordanes’ *Getica*]. *Voprosy onomastiki*, 15(1), 7–29. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001
- Napolskikh, V. V. (2018b). *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Essays on Ethnic History] (2nd ed.). Kazan: In-t arkhologii AN RT.
- Napolskikh, V. V., & Savelyev, A. V. (2023). *Mari, meria, muroma — istoriia etnonimov i rekonstruktsiia iazykov substratnoi toponimii* [*Mari, Merya, Muroma — History of the Ethnonyms and Reconstruction of the Substrate Toponymy Languages*]. *Voprosy onomastiki*, 20(3), 9–30. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.029
- Nikolayev, S. L., & Starostin, S. A. (1994). *A North-Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk Publishers.

- O'Callaghan, R. T. (1951). New Light on the Maryannu as Chariot Warrior. *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*, 1, 309–324.
- Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (2000–). *Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages] (Vols. 1–). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Rédei, K. (1986). *Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Rédei, K. (1986–1991). *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai kiadó.
- Shtakelberg, R. R. (1893). *Irano-finskie leksikal'nye otnosheniia* [Iranian-Finnish Lexical Relations]. Moscow: Imp. AN.
- Vitchak, K. T. (1992). Skifskii iazyk: opyt opisaniia [Scythian Language: Approaching the Description]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 50–59.
- Wilhelm, G. (2019). Marijannu. In *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; München: Bayerische Akademie der Wissenschaften. Retrieved from <https://publikationen.badw.de/de/rla>

Анна Владимировна ДЫБО¹
Али Муратулы БАЙБОСЫН²
Куанышбек Каримович КЕНЖАЛИН³
Гулжанат Абдрахмановна БЕГИМОВА⁴
Бекжан АБДУАЛИУЛЫ⁵
Вячеслав Николаевич ХОНИНОВ⁶

¹ доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор Института восточных культур и античности, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Москва, Миусская пл., 6); заведующая отделом урало-алтайских языков, Институт языкознания РАН (125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1); профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (358000, Элиста, ул. Пушкина, 11)

E-mail: adybo@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>

² докторант кафедры казахского языкознания, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (10000, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2)

E-mail: ali_baibosin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2162-2779>

³ PhD, доцент кафедры казахского языкознания, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (10000, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2)

E-mail: kenkk@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0440-7556>

⁴ кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (10000, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2)

E-mail: gukjik_76@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0782-9837>

⁵ доктор филологических наук, профессор кафедры казахского языкознания, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (10000, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2)

E-mail: bekzhan_a7@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1481-8850>

⁶ кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания РАН (125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1)

E-mail: altngasn@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8461-6213>

ЕЩЕ РАЗ О МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПЛАСТЕ В КАЗАХСКИХ ТОПОНИМАХ

Аннотация

В статье рассматривается случайная выборка из коллекции топонимов с территории Казахстана, которые могут иметь монгольское происхождение. Массив топонимов разделен на три группы в зависимости от типа номинируемых объектов: 1) названия населенных пунктов — ойконимы; 2) названия водных объектов — гидронимы; 3) названия ландшафтных объектов — оронимы. При наличии дублированных топонимов (ойконим и наименование природного объекта) предпочтение отдается названию природного объекта — с учетом обычного направления переноса топонимов. Раскрывается значение монгольских названий в казахском языке, производится их мотивационный, словообразовательный и этимологический разбор. Верифицируются старые и предлагаются новые гипотезы о происхождении этих названий. Выявляются основные проблемы, с которыми сталкиваются этимологи-топонимисты, анализируются неудачные этимологические решения предшествующих авторов. На разобранном материале видны ошибки следующих типов: 1) обращение к таким формам топонимов, которые в действительности попали в современный казахский язык в русифицированном виде; 2) невнимание к ранним фиксациям топонимов; 3) пренебрежение закономерностями фонетических изменений в казахском и монгольских языках и их относительной хронологией, а также рассмотрением возможностей фонетической адаптации заимствований в соответствии с устройством фонологических систем языка-источника и принимающего языка. В статье делается попытка стратификации топонимов по времени и источнику заимствования. Каждый случай разбирается с точки зрения основных возможностей заимствования топонимических единиц: была ли данная лексическая единица заимствована как топоним или же она появилась в казахском языке как апеллятив, а затем вошла в состав топонима уже как собственно казахская лексическая единица. Анализ приводит к выводу о преимущественно позднем характере казахской топонимики собственно монгольского происхождения (т. е. тех топонимов, которые заимствованы из монгольских языков уже в этом качестве) и ее связи с границами двух исторических монгольских государств — Джунгарского и Калмыцкого ханств.

Ключевые слова: тюркские языки; монгольские языки; топонимия; этимология; языковые контакты; лексическая семантика; гидронимы

Благодарности

Данная статья написана в рамках грантового проекта AP08855980 «Исторический словарь казахского языка», утвержденного Министерством образования и науки Республики Казахстан. Обработка монгольского материала велась в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00518 «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика».

Для цитирования

Дыбо А. В., Байбосын А. М., Кенжалин К. К., Бегимова Г. А., Абдуалиулы Б., Хонинов В. Н. Еще раз о монгольском языковом пласте в казахских топонимах // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 27–71. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.002

Рукопись поступила в редакцию 05.10.2023

Рукопись принята к печати 16.12.2023

Anna Vladimirovna DYBO¹**Ali Muratuly BAIBOSSYN²****Kuanyshebek Karimovich KENZHALIN³****Gulzhanat Abdrakhmanovna BEGIMOVA⁴****Bekzhan ABDUALIULY⁵****Vyacheslav Nikolaevich KHONINOV⁶**

¹DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russia); Head of the Department of Ural-Altaic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russia); Professor of the Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies, Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russia)

E-mail: adybo@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>

²doctoral student, Department of Kazakh Linguistics, L. N. Gumilev Eurasian National University (2, Satpayev St., 10000 Astana, Kazakhstan)

E-mail: ali_baibosin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2162-2779>

³PhD, Associate Professor, Department of Kazakh Linguistics, L. N. Gumilev Eurasian National University (2, Satpayev St., 10000 Astana, Kazakhstan)

E-mail: kenkk@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0440-7556>

⁴PhD, Associate Professor, Department of Turkic Studies, L. N. Gumilev Eurasian National University (2, Satpayev St., 10000 Astana, Kazakhstan)

E-mail: gukjik_76@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0782-9837>

⁵DrHab, Professor, Department of Kazakh Linguistics, L. N. Gumilev Eurasian National University (2, Satpayev St., 10000 Astana, Kazakhstan)

E-mail: bekzhan_a7@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1481-8850>

⁶PhD, Researcher, Department of Ural-Altaic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russia)

E-mail: altngasn@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8461-6213>

REVISITING THE MONGOLIAN STRATUM OF KAZAKH PLACE NAMES

Abstract

The study examines a representative sample of toponyms located in the territory of Kazakhstan, that can potentially be of Mongolian origin. These toponyms are classified into three categories: 1) settlement names (oikonyms), 2) water body names (hydronyms), and 3) geographical feature names (oronyms). In cases of duplicate toponyms (oikonym and oronym), precedence is given to the geographical feature name, following the most common direction of toponymic

transfer. The analysis investigates the significance of Mongolian names in the Kazakh language, encompassing motivational, word-formational, and etymological aspects, and proposes new hypotheses of their origin while considering earlier theories. The authors identify the main challenges faced by etymologists and toponymists and review previous authors' unsuccessful etymological solutions. Errors detected in the data include references to Russified place names borrowed into contemporary Kazakh, inattention to early toponym records, neglect of phonetic changes in Kazakh and Mongolian, as well as their relative chronology, and disregard of potential phonetic adaptation patterns that one could expect based on the phonological peculiarities of both the source and receiving languages. The study aims to categorise place names according to the time and source of borrowing, each name being evaluated based on whether it was initially borrowed as a toponym or an appellative word that later integrated a Kazakh toponym. The analysis concludes that Kazakh toponymy of Mongolian origin (i.e. place names that were borrowed as toponyms) is predominantly recent and associated with the borders of two historical Mongolian states — the Dzungar and Kalmyk khanates.

Keywords: Turkic languages; Mongolian languages; toponyms; etymology; language contacts; lexical semantics

Acknowledgements

This article was prepared as part of the grant project AR08855980 *Historical Dictionary of the Kazakh Language*, approved by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. The processing of the Mongolian material was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 23-18-00518 *Electronic Dialectological Atlas of the Mongolian Languages of Russia: Basic Vocabulary*.

For citation

Dybo, A. V., Baibossyn, A. M., Kenzhalin, K. K., Begimova, G. A., Abdualiuly, B., & Khoninov, V. N. (2024). Revisiting the Mongolian Stratum of Kazakh Place Names. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 27–71. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.002

Received on 5 October 2023

Accepted on 16 December 2024

Введение

Топонимы на территории Казахстана и их происхождение давно уже являются предметом научных исследований. Первые сведения о географических названиях в Центральной Азии можно найти в работах П. Палласа, В. В. Радлова, П. Мелиоранского, В. В. Бартольда, Г. Е. Грум-Гржимайло, Г. А. Левшина, Н. А. Аристова, С. М. Тянь-Шанского, Г. Н. Потанина, А. Н. Харузина и др. Впервые провел монографическое исследование названий географических объектов казахской степи и сыграл активную роль в формировании топонимики Казахстана ученый-географ Г. Конкашпаев. Его кандидатская диссертация «Казахские народные географические термины» была защищена в 1948 г. [Конкашпаев 1948]; она и многочисленные статьи Г. Конкашпаева, посвященные этой

теме, проложили путь к изучению казахской топонимики. Этими проблемами занимались также А. Абдрахманов [1991], Э. М. Мурзаев [1980], Т. Жанузаков [Жанұзақ 2010], Е. Койшыбаев [Қойшыбаев 1985], Г. Б. Мадиева и С. К. Иманбердиева [Мәдиева, Иманбердиева 2005], Б. Бияров [2012а; 2012б] и мн. др. Таким образом, современная казахская топонимика в целом задокументирована и описана. Но вопрос происхождения целых пластов топонимов пока разработан недостаточно, и одна из наиболее крупных проблем здесь — топонимы предположительно монгольского происхождения. Квалифицированных лингвистических исследований монгольских топонимов казахской степи мало. Основной работой, видимо, до сих пор следует считать статью [Конкашпаев 1959]. Одна из крупных работ последнего времени — монография Г. Сагидоллы [Сағидолда 2011], содержащая сравнительный анализ казахских и монгольских топонимов. Наиболее интересная особенность этой работы — перечисление значительного количества гибридных казахско-монгольских топонимов-композигов, где одна часть имеет тюркскую этимологию, другая — монгольскую [Там же: 120–123]. Возникновение таких топонимов должно говорить о глубоком контакте языков, вероятно, двуязычии населения.

В настоящей статье мы попытались вновь привлечь внимание к этой проблематике, обсудив ряд этимологических гипотез, учитывающих возможное влияние монгольских языков на казахскую топонимику.

Историческую стратификацию топонимов Средней Азии и Казахстана, привязанную к их языковому происхождению, предложил в свое время крупнейший географ-топонимист Э. М. Мурзаев [1974: 208–215]. Приведем ее, слегка модернизируя в соответствии с современными употреблениями терминов:

1) среднеиранский пласт: языки хорезмийцев, бактрийцев, согдийцев — земледельческих иранских народов, некогда заселявших этот край (государство *Хорезм*, р. *Вахи*, хр. *Балхан*);

2) общетюркский пласт: его сложно отделить от собственно казахского, но в некоторых случаях используются формы раннетюркского фонетического облика, ср. географический термин *адыр* ‘тип ландшафта’ (совр. каз. *айыр*) [см.: Мурзаев 1980];

3) арабо-персидский пласт: связан с приходом арабских завоевателей в период Халифата (н. п. *Джалал-абад*, *Джебель*, хр. *Гиссарский*, место поклонения *Зиярат*);

4) монгольский пласт (н. п. *Джумгал*, *Улан*, хр. *Дабан*, дол. *Улакол*, р. *Эмель*);

5) русский пласт, который к настоящему времени почти исчез ввиду национальных топонимических переименований (г. *Целиноград* — ныне *Астана*, н. п. *Акимовка* — ныне *Кайракты*).

Естественно, каждый из этих пластов тоже может быть стратифицирован. Г. Сагидолла, пишущая о проникновении тюркизмов в монгольскую топонимику [Сагидолла 2011: 64], упоминает следующие возможности:

- 1) реликты древнетюркских топонимов со времени тюркских каганатов, расположенных на нынешней территории Монголии;
- 2) тюркизмы, попавшие в монгольскую лексику в период империи Чингисхана;
- 3) современные заимствования, связанные с проживанием тюркоязычных народов рука об руку с монголоязычными (дархаты имеют двусторонние отношения с тувинцами, буряты — с якутами, ойраты — с южносибирскими тюрками, восточные казахи также контактируют с ойратскими племенами);
- 4) некоторые монголоязычные племена (цаатан, дархад, сартагул, урянхай и др.) могли перейти на монгольские языки с тюркских в результате языкового сдвига.

Все эти возможности, разумеется, релевантны и при исследовании монголизмов в тюркских топонимиках. Сложность их исследования связана с затемнением внутренней формы, свойственной онимам, и последствиями фонетической адаптации при заимствовании, возможно, многократном пере-заимствовании. Отсюда значительное число ошибочных этимологических предложений, просочившихся в работы по казахской топонимии.

Представление материала

На возникновение и стабилизацию топонимической системы оказывает существенное влияние история территорий, где она распространена. Это и история заселения земель носителями разных языков, и типы хозяйственной и культурной деятельности, и другие особенности материальной и духовной культуры заселявших и заселяющих их народов. В то время как население конкретного региона мигрирует и перемещается в другое место, а его язык перестает использоваться в этом регионе, географические названия, восходящие к словам данного языка, могут сохраняться веками в языках следующих волн заселения. Этимологизация таких слов часто затемняется последующими языковыми процессами, в особенности народной этимологией (реэтимологизацией), хрестоматийный пример таковой — русский гидроним *Царица*, восходящий к тюрк. (кыпч.) *Sarı Su(w)*, букв. «Желтая река» [Никонов 1966: 88].

Определенное представление о топонимике территории, занимаемой теперь Республикой Казахстан, в домонгольскую эпоху (до XIII в.) можно составить по карте, приведенной в «Диване» Махмуда Кашгарского. К территории нынешнего Казахстана можно отнести следующие названия с этой

карты: гора *Qarāčuq*, р. *Ilâ*, р. *Ertiš*; города *Sûyâb*, *Sqāl muhdita*; местн. *Kūmi Talas*, *Ekki Ögüz*, *Yawinč*, *Nzl*, *Tarâz*, *Isbijab*, *Šaš*, *Balāsāyun* и некоторые другие (см. список географических названий в [Махмуд ал-Кашгари 2005: 1265]). Подробный анализ этнонимов и топонимов у Махмуда Кашгарского см., например, в [Golden 2015]; в тех случаях, когда возможно установить происхождение онимов, оно либо тюркское, либо иранское.

С начала XIII в. регион входит в монгольскую империю Чингисхана (монгольское нашествие 1219–1224 гг., территория от Иртыша до Сырдарьи через Жетысу). Соответственно, в тюркских языках, распространенных на территории империи, с этих пор могло появиться большое количество заимствований среднемонгольского облика, в том числе в топонимической лексике.

Второй поток монголизмов связан с контактами (в том числе военными) с Джунгарским ханством (XVII–XVIII вв.). Таким образом, эти заимствования (включая топонимы) должны отражать ойратские формы. Вплоть до настоящего времени казахи восточных регионов Казахстана (а также казахское население Китая и Монголии) контактируют с носителями ойратских диалектов Монголии и Китая, а казахи западных регионов (особенно Гурьевской / Атырауской обл.) — с носителями калмыцкого языка. В целом монголизмов в казахской топонимике очень много; высказывалось мнение, что на территории Казахстана в настоящее время насчитывается по меньшей мере 217 топонимических названий, восходящих непосредственно к монгольским языкам [Бияров 2012а: 44]. Разделение слоев монголизмов также представляет определенные проблемы. Вот один из примеров.

На карте «Средневековые города Казахстана» [ИРК: 74–75] название г. *Алтынасар* (на Сырдарье) обозначено как раннесредневековое, в [Бияров 2012а: 44] оно выводится исключительно из монгольского языка и относится ко времени после прихода монголов в XIII в. Однако предположение о чисто монгольском происхождении и ранняя датировка появления топонима, видимо, являются ошибочными. Хотя городище на этом месте существовало с V в. н. э., нет ранних свидетельств топонима. Верно, что это топоним монгольский по происхождению, но частично тюркизированный (ср. форму *алтын* ‘золотой’ при письм.-монг. *altan* [Санжеев и др. 1: 47]). Однако он не может быть сколько-нибудь ранним. По свидетельству [Там же: 58], монг. *асар* ‘шатер’ (> бурят. *асар*, калм. *аср* ‘палатка, шатер; башня’) заимствовано из маньчж. *asari*, что могло произойти не раньше объединения маньчжурских племен (начало XVII в.). Следовательно, этот тюркский топоним должен восходить к джунгарскому периоду.

Г. Конкашпаев [1984] полагал, что почти все топонимы Казахстана монгольского происхождения относятся к джунгарскому периоду. Однако

многие другие топонимисты [ср.: Абдрахманов 1991] предпочитают говорить о древних контактах и относить время возникновения ряда топонимов к тюрко-монгольскому периоду. Термин *тюрко-монгольский период* может пониматься двояко. Во-первых, это предполагаемый период существования общего тюрко-монгольского «узла» на генеалогическом древе алтайской семьи языков. Действительно, современные алтаистические исследования как будто демонстрируют несколько бóльшую близость тюркских и монгольских языков между собой, чем с остальными алтайскими языками. Если считать, что эта близость не обеспечивается позднейшими контактными явлениями, то можно восстанавливать отдельную генеалогическую тюрко-монгольскую общность [ср.: EDAL: 236]. Сложность такого решения обусловлена очень большим количеством поздних контактных явлений, которые не всегда можно отделить от явлений, демонстрирующих алтайскую общность. Но чаще о *тюрко-монгольском периоде* этимологи говорят в случаях, когда не имеют намерения разобраться в запутанной истории взаимоотношений между тюркскими и монгольскими языками, зачастую подразумевающей неоднократные обратные ходы.

Прояснение истории заимствований в топонимике должно включать следующие аспекты. Во-первых, следует по возможности отличать случаи, когда мы имеем дело с заимствованием монгольского топонима, от случаев, когда речь идет об образовании в казахском языке топонима на базе казахского апеллятива монгольского происхождения. В казахском языке много монголизмов в сфере апеллятивной лексики, причем такие заимствования также могут быть стратифицированы; известны случаи заимствований из монгольских языков в пракипчакский (вероятно, среднемонгольского периода), а кроме того, имеются более поздние заимствования в отдельные группы кипчакских языков и собственно в казахский язык. Если мы находим среди казахских апеллятивов подходящее слово, то допустима гипотеза, что это собственно казахская (или восточно-кипчакская, или кипчакская) онимизация.

Во-вторых, следует учитывать, что современная казахская топонимика, кроме топонимов, естественно передававшихся носителями казахского языка из уст в уста, включает топонимы, полученные в устной или письменной форме от носителей русского языка, в том числе топонимы монгольского и казахского происхождения с территории Казахстана, адаптированные при заимствовании в русский язык. Такие «русифицированные» топонимы являются, в сущности, обратными заимствованиями в казахский язык из русского¹. Эти случаи также должны быть по возможности опознаны.

¹ О русификации казахских топонимов ср., например, [Абжанова 2014: 28–31; Горбунов 2014: 45–54].

Ниже мы рассматриваем некоторые казахские топонимы предположительно монгольского происхождения, пытаясь как можно точнее установить их происхождение и произошедшие с ними адаптационные процессы. Мы распределили их на три группы в зависимости от типа номинируемых объектов:

- 1) названия населенных пунктов — ойконимы;
- 2) названия водных объектов — гидронимы;
- 3) названия ландшафтных объектов — оронимы.

При наличии дублированных топонимов (ойконим и наименование природного объекта) предпочтение отдается названию природного объекта — с учетом обычного направления переноса топонимов. Любопытно, что значительная часть разбираемых топонимов находит параллели в топонимике Республики Алтай — территории, также частично входившей в Джунгарское ханство (ср. выводы в [Molchanova 2014]).

1. Ойконимы (наименования населенных пунктов — сел, зимовок)

1.1. *Белшер*² (каз. *Белшер*) — село в Иргизском районе Актюбинской области. Как апеллятив слово присутствует в казахских говорах, в том числе в актюбинском: *белшер* ‘узкое пространство между двух озер’ (Акт.: Ырг., Караб.; Кост., Жанг.) [ҚТАС: 140]. Согласно одной из гипотез ([Бияров 2012а: 66]), является заимствованием из рефлекса ПМонг. **belčir* ‘место слияния рек; разветвление дорог’ [Nugteren 2011: 280]. Последнее представляет собой заимствование в прамонгольский из раннетюрк. **beltir* ‘то же’, с закономерной прамонгольской палатализацией **t > *č* перед **i*. Встает вопрос о непосредственном источнике заимствования. Северно-монгольские формы: халх. *бэлчир*, бурят. *бэлшэр*, калм. *белчр*, ойр. синьцз. *белчир*, ойр. монг. *beltsčér* с теми же значениями [см.: Санжеев и др. 2: 84]. Фонетически казахская форма больше всего похожа на бурятскую, но географически бурятское происхождение сомнительно. Более удовлетворительно с точки зрения вокализма предположить заимствование другого монгольского слова: ойр. синьцз. *белчээр*, ойр. монг. *beltsčār* ‘пастбище, выпас’ [Тодаева 2001: 64; Цолоо 1988: 92] (ПМонг. **belčiHer* ‘то же’ [Nugteren 2011: 280], производное от прамонгольского (только в северно-монгольских!) глагола **belči-* ‘пастись’ [Санжеев и др. 1: 83]). Слово заимствовано как апеллятив.

1.2. *Дегерес* (каз. *Дегерес*) — село в Джамбульском районе Алматинской области. Село основано около 1918 г. В современном казахском языке

² Здесь и далее заглавные топонимы приводятся сначала в форме, в которой они представлены на русскоязычной карте, а затем (в скобках) — в казахскоязычной форме.

апеллятив *дегерес* отсутствует; слова нет в [ҚӘТС]. Существует ряд гипотез по поводу его происхождения. К. Г. Конкашпаев [1959: 88; 1963: 36] и А. Абдрахманов [Абдірахманов 1975/2010: 100–101] предполагали, что слово восходит к монг. *дзерлиг герес* ‘дикая горная коза’. Е. Койшыбаев [1985: 91] выдвинул собственно тюркскую этимологию: *teger* ‘круглый, поворот’ + *-es* (по предположению автора, омертвевший суффикс). Т. Жанузаков [Жанұзақ 2010: 73–74] вслед за А. Нурмагамбетовым [1994: 36] выводит название из монг. *дэгюур* ‘высокий, верх’ и мифического тюрк.-монг. *ес* ‘вода, река’, определяя внутреннюю форму как «река, протекающая с вершины горы». В [Бияров 2012а: 137–138] высказана гипотеза: от монг. *дэг* ‘неровная земля’ (на самом деле — элемент изобразительного слова *дэг дуг* в выражении *дэг дуг газар* ‘неровная местность, ухабы’ [БАМРС 1: 774]). Все эти этимологии маловероятны. Напрашивается предположение, что источником является собственно монгольская окаменевшая форма исходного падежа на *-*ĀsA* от пространственного имени **dehere* (халх. *дээр*, бурят. *дээрэ*, калм. *деер*, ойр. *синьцз. деере*, бао *дэбоң*, дагур. *дэр*, дунс. *джіэрэ*, монгол. *дере* ‘наверху, высоко’ [см.: Санжеев и др. 1: 180; Nugteren 2011: 315; Тодаева 2001: 122]): ср. пространственные имена калм. *деерэс* и халх. *дээрээс* ‘сверху’. Основа *degere-* хорошо засвидетельствована в монголоязычной топонимике [Haltod 1966: 57]. Эта этимология, в свою очередь, имеет следующие морфологические и фонетические проблемы.

А. Показатель аблатива *-*ĀsA* характерен для зафиксированного относительно поздно (начиная со словаря Мукаддимат ал-Адаб, XIV в.) западного среднемонгольского, а также для современных монгольских языков — всех, кроме монгорского. В восточном варианте среднемонгольского языка, отраженном в «Сокровенном сказании» и классических памятниках письменномонгольского языка и, по-видимому, бывшем официальным языком империи Юань, употреблялся аффикс аблатива *-čA* [см.: Рорре 1987: 200]³. Соответственно, наличие в слове показателя *-*ĀsA* скорее говорит о более позднем заимствовании — из современного ойратского? Ср. также отпавший конечный гласный аффикса (в языке словаря Мукаддимат ал-Адаб он еще сохраняется).

В. Монгольские слова с начальным **d-* могут отражаться в казахском как с сохранением звонкости, так и с утерей (ср. дубликаты каз. *дарбай-* ‘расширяться’ — *тарбай-* ‘распространяться’ из монг. **darbayi-* [ҚӘТС 4: 1034; 13: 1313]). Естественно предположить (учитывая, что более ранние монголизмы

³ Во всяком случае, в сложных топонимах Монголии формы аблатива встречаются: *Ĵasay-ača oūčarayuluysan beyise Yündünderji sayuysan yajar, qural-un küriy-e; Küriyen-ü sayid-ud-ača Tenggis yool-un eki ergeg darqan tayiy-a-yin kili obo bayičayaday; Sayid-ud-ača kili obo bayičaya-day* [Haltod 1966: 123, 142, 194]

в казахском подверглись действию собственно казахских звуковых процессов, заменив монг. *ш* на *с*, а монг. *ч* на *ш* [см.: Рассадин 2019: 305–306]), что потерявшие начальную звонкость слова — более ранние заимствования, а сохранившие ее — более новые. Тогда и это — аргумент за заимствование из позднего ойратского.

С. Проблематично сохранение выпадающего «велярного» в интервокальной позиции⁴; как известно, он выпал и дал долгую гласную или дифтонгоиды уже в среднемонгольском. Однако в ряде случаев мы находим в монголизмах тюркских языков отражение его также в виде звонкого велярного или *j*: например, бараб. *мэгэлэй*, тат. *мийэлэй*, каз. *биялай* ‘рукавицы’ из монг. **behelei* [Рассадин 1980: 54, 94; ЭСТЯ 2003: 50]; туркм. *sergin*, телеут. *särügün*, кюр. *serägün* ‘прохладный’ из монг. *serihün* [ЭСТЯ 2003: 261]. Эти случаи принято объяснять очень ранним заимствованием из монгольского [см.: Рассадин 2019: 298] (в казахском, впрочем, видим в основном вставной *j*, вероятно, восходящий по кыпчакскому правилу к **g*, [см.: СИГТЯ 2006: 117]), но тогда мы должны предполагать сепаратные заимствования еще в доимперскую эпоху (ранее XIII в.) в уже разделившиеся тюркские диалекты (например, отдельно в телеут. *särügün* и алтай-кижи *särü:n*), что не кажется удачным решением. Кроме того, это противоречит предыдущим двум аргументам за позднее заимствование. Возможно, в каких-то случаях среднемонгольская / ойратская двувершинная долгота могла интерпретироваться заимствующим тюркским языком через вставной велярный (ср. мнение Н. Н. Поппе, высказанное в работе [Рорре 1959]; см. также наше примечание в [Рассадин 2019: 298]; отметим западно-среднемонгольскую форму *dehere* [Поппе 1938: 148], которая, по мнению Х. Нугтерена [Nugteren 2011: 315], свидетельствует об отсутствии в монгольском слове исторического велярного).

Тогда мы можем остановиться на решении за заимствование топонима из позднего ойратского. Впрочем, все приведенные рассуждения достаточно умозрительны и должны быть верифицированы на основании полного обследования монгольских заимствований в казахском.

1.3. Долан (каз. *Долан*) — село в Карасайском районе Алматинской области; *Долонь* (каз. *Дөлен*) — село в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области. Б. Бияров [2012а: 138] этимологизирует эти топонимы по-разному. *Долан* он производит от монг. *дулаан* ‘теплый’ (ПМонг. **dulahan*),

⁴ Мы принимаем здесь в монгольских реконструкциях условное обозначение выпадающего согласного как **h*, как это принято в [Janhunen 2005], считая его согласным неясного качества, возможно, фарингальным или ларингальным. См. о различении его и велярных ~ увулярных согласных в прамонгольском в [Ibid.: 7; Дыбо 1990].

Долонь же — от монг. *долоо(н)* ‘семь’ (ПМонг. **dolohan*). При этом предполагается, что, поскольку числительное не используется отдельно, нынешний облик топонима обеспечен эллипсисом второго компонента. В самом деле, топонимы с первым компонентом *Долон-* известны на территории Казахстана и Центральной Азии. В «Сокровенном сказании» (§ 282) упомянут топоним *Dolo'an-boldah* ‘Семь холмов’ [Haenisch 1939: 17]. В путеводителе русского путешественника Ф. Байкова говорится, что *Долонкарагай* — историческое название современного пос. Семияр, вторым компонентом названия может быть монг. *харгай* ‘сосна’ (= каз. *қарагай*). По мнению павлодарских краеведов, на месте нынешнего поселения *Долон* существовал ойратский храм [Артыкбаев и др. 2004: 30]. Предполагается, что вторая часть, которая подверглась эллипсису, — это монг. *хийд* ‘храм’; этот храм состоял из семи юрт, и название *Долонхийд* ‘Семь храмов’ впоследствии послужило основой для создания ойконима *Семипалатинск*. Отметим, что гипотеза, высказанная в [Бияров 2012а: 85], будто бы второй компонент восходит к тюрк. (из иран.) **kent* ‘селение’ [ЭСТЯ 1980: 44], фонетически невероятна. Невероятно фонетически и возведение топонима *Долан* к монг. **dulahan* ‘теплый’. Скорее всего, *Долан* — заимствование ойратского числительного: письм. ойр. *doloon*, калм. *долан*, ойр. синьцз. *долаан*, ойр. монг. *dolān*, *dolō(n)* [Тодаева 2001: 128; Цолоо 1988: 174] из ПМонг. **dolohan* ‘семь’. Не исключено, впрочем, что топоним *Долан* связан не непосредственно с числительным, а с этнонимом (доланы — субэтническая группа уйгуров; этноним восходит к монгольскому числительному ‘семь’, так как, согласно преданию, доланы ведут свое происхождение от «семи родов»)⁵. Слово *долан*, засвидетельствованное в казахских говорах в значении ‘скупой на слова, молчун’ [КТАС: 198], может также восходить к этнониму и служить источником ойконима. Итак, здесь с равной вероятностью может идти речь о заимствовании топонима или его производстве от заимствованного по происхождению апеллятива.

Топоним *Долан* же никакого отношения к этому числительному иметь не может (другая рядность; соответственно, анализ Б. Биярова связан с русифицированной формой топонима) и, несомненно, соотносится с калм. *дөлән* ‘ровный скат горы’, ‘спокойный, тихий’, ойр. синьцз. *дөләән* ‘спокойный, тихий’, *дөләән урсахуултаа хол* ‘река со спокойным течением’, ойр. монг. *döl'ān* [Тодаева 2001: 130; Цолоо 1988: 181]; ПМонг. **döli-hen* / **dölü-hen* ‘спокойный, тихий’ > письм.-монг. *dölügen*, ср.-монг. *dölüjejen* [НҮ: 52], орд. *dölō(n)* [Санжеев и др. 1: 195; KWb: 98]. Такого апеллятива в казахском

⁵Разумеется, в каких-то случаях происхождение от этнонима или имени собственного, а не непосредственно от числительного может быть вполне реальным.

не засвидетельствовано, так что, вероятно, здесь мы имеем дело с заимствованным топонимом. Ср. *Dölögön* среди монголоязычных топонимов джунгарского и маньчжурского периодов в [Haltod 1966: 62]. Параллель в алтайском: *Толон*, *Талон* (река, место, прииск) [Молчанова 2: 231–232], для нее предложено несколько этимологий, в том числе монг. **döli-hen* (из них новоперс. *dālān* ‘перевал’ и монг. *taluin* ‘степной’ нехороши фонетически); ойратское имя признака все-таки кажется здесь наиболее приемлемым⁶.

1.4. Жунжурек (каз. *Жұнжүрек* / *Жынжүрек*⁷ / *Жаужүрек*) — село в Алакольском районе Алматинской области, также название горной летней стоянки. Высказывались разные мнения о происхождении названия. А. Абдрахманов склонялся к словосложению монг. **jün* ‘левый, восточный’ и монг. **jirag* ‘рисунок’: «*Жунжурек (Зүүнзураг)* — ‘Живописная гора на востоке’» [Эбдірахманов 1975/2010: 113–114]. По мнению Е. Койшыбаева, это сложение др.-тюрк. *jün* ‘шерсть’ (> каз. *жүн*) и др.-тюрк. *jürek* ‘часть горы’ (> каз. *жүрек*) [Койшыбаев 1985: 120]. В [Бияров 2012а: 281] упоминаются обе возможности. Первый компонент варианта топонима *Жаужүрек* сравнивают с топонимическим компонентом *зов*, *зав* ‘скала у подножия оврага’ [Мурзаев 1984: 226], который возводят к монг. **jow* ‘горный хребет’ [Санжеев и др. 2: 82], и тогда топоним следует толковать как ‘Скалистая сердечная (гора)’ (не как ‘Изображение на высокой скале’, как в [Бияров, 2012а: 281]). Очевидно (по переднерядному вокализму), что второй компонент — это тюрк. **jürek* > каз. *жүрек* ‘сердце’ (о топонимах монг. *Зүрх уул*, каз. *Жүрек тау*, букв. «Сердечная гора» ср. [Сағидолда 2011: 57]; о топонимах на Алтае *Јүрек туу* и под. ср. [Молчанова 1: 367]). Таким образом, для названий гор компонент ‘сердце’ и в собственно казахской, и в монгольской топонимике вполне применим. Монг. *зураг* здесь не годится по фонетическим причинам, потому что в тюркских и монгольских композитах второй элемент обычно не выравнивается по ряду первого, наоборот, первый — по ряду второго (ср. каз. *бүгүн* ‘сегодня’ < *бү күн*). Происхождение первого элемента — скорее заимствование монг. **jehün* ‘левый, восточный’, зап.-ср.-монг. МА *jō’ēn*, ИМ *jeün*. В списке монгольских топонимов джунгарского и маньчжурского периодов в [Haltod 1966: 86–92] составного топонима *jegiün jirüke* ‘Восточная / левая сердечная (гора)’, тождественного предполагаемому источнику казахского топонима,

⁶ В алтайском языке в начале слова для зубного /t/ звонкость не является различительным признаком; в связи с этим монголизмы в алтайском адаптированы с /t/ независимо от звонкости-глухости начала в монгольских языках.

⁷ Эта форма, скорее всего, — позднейшее народноэтимологическое развитие, букв. «Сердце джинна».

нет, но оба компонента по отдельности встречаются неоднократно. Согласно [Сагидолда 2011: 57], в монгольских языках «сердечной» называется гора с округлой заснеженной вершиной, а «легочной» — гора с вершиной розоватого цвета; в казахской топонимике «сердечная гора» — гора с сердцевидным хребтом. Не исключено, что ср.-монг. (или ойр.) **jū:n jürkə* было переосмыслено носителями тюркского (казахского) языка как каз. *жүн жүрек* ‘волосатое сердце’ (мифологический признак силы) и далее — как *жау жүрек* ‘храброе сердце’. Но окончательное решение может быть принято, только если топография местности соответствует мотивационному признаку, лежащему в основе наименования ‘Сердечная гора’ для монгольских языков.

1.5. Саралжын (каз. *Саралжың*) — село в Бокейординском районе Западно-Казахстанской области; в Сырымском районе Западно-Казахстанской области; в Казталовском районе Западно-Казахстанской области; летовка (*жайляу*) в Актогайском районе Павлодарской области; *Үлкен Саралжын* (букв. «Большой Саралжын») — зимовка в Теректинском районе Западно-Казахстанской области; *Саралжынды* (с суффиксом наличия *-лы/-ды/-ты*) — овраг в районе Шошакальских гор, Актюбинская область [Конкашпаев 1963: 97; Койчубаев 1974: 190; Бияров 2012а: 109, 230]. Во всех работах топонимы правильно определяются как мотивированные казахским названием растения *саралжын* ‘ветвистое курайное растение, полынь понтийская’ [ҚӘТС 12: 1525]. Само казахское слово — заимствование из монгольского. Б. Н. Бияров определяет источник как монг. *сараалжин* ‘решетка’ [см.: Санжеев и др. 3: 90], но вероятнее, что это то же слово, что монг. *сааралжин* ‘пепельник; глауциум (мачок)’ [БАМРС 3: 764], производное от *саарал* ‘пепельный, светло-серый’, ПМонг. **saharal*, халх. *саарал*, калм. *саарл*, бурят. *хаарал*, дагур. *с̄арал*, шираюйг. *с̄арал* [Санжеев и др. 3: 83; Nugteren 2011: 479] (названия разных растений мотивированы цветом стебля⁸).

1.6. Таран (каз. *Таран*) — упраздненное село в Теректинском районе Западно-Казахстанской области. В работе Б. К. Калиева [1996] приведено

⁸ Мы благодарим анонимного рецензента за подсказку еще одной возможной мотивации для этого топонима — названием птицы: монг. *сараалжин* [БАМРС 4: 93], бурят. *һараалжан* [БРС: 550] выступают в качестве главных компонентов в сложных названиях некоторых птиц, ср. монг. *бутын сараалж*, бурят. *бутын һараалжан* ‘кулик болотный’, монг. *ойн сараалж*, бурят. *ойн һараалжан* ‘вальдшнеп’ и монг. *хадны сараалжин*, бурят. *хадын һараалжан* ‘бекас горный’. «Башк. *х̣арылы́н*, алт. *сыра:лд'ин*, шор. *сарачын* ‘бекас’ считаются заимствованиями из монгольских языков» [ЭСТЯ 2003: 216]. Впрочем, в данном случае такая мотивировка окажется вероятной, если в казахском обнаружится апеллятив, заимствованный из этого монгольского прототипа; пока мы его не обнаружили.

казахское слово *таран* ‘горец’. Горец — луговое растение семейства гречишных; слово не зафиксировано в [ҚӘТС], но имеется в ботаническом словаре Т. Мусакулова [1959]⁹. В диалектном словаре [КТАС: 648–649] есть слово *таран* ‘нива, хлебное поле; урожай’, локализованное в казахских говорах Монголии. Этимология топонима как тюрко-монгольского (с путаницей тюркских и монгольских производных от родственных корней) предложена в [Бияров 2012а: 109]. В действительности как название дикого растения семейства гречишных, так и название нивы восходят к ПМонг. **tarihan* ‘зерно, злак; пашня’ [Nugteren 2011: 514]. Форму **tarahan* с ассимиляцией последствий перелома гласных, по Х. Нугтерену [Там же], находим только в Лейденском словаре (западно-среднемонгольский, но ср. МА *tari'an*) и в языках Ганьсу-Цинхайской группы. Калмыцкий дает *tärän* ‘хлеб, зерно, посев’ (со стандартным калмыцким «умлаутом» перед старым сочетанием с *j* [Муниев 1977: 486]); но следов *-i-* не сохраняют также ойр. синьцз. *тараан* ‘посев, всходы, зерно, злаки, хлеб в поле; пашня’ [Тодаева 2001: 313], ойр. монг. *tarā(n)* ‘посев, пшеница, ячмень’ [Цолоо 1988: 805–806]; ср. в ойр. письм. *тапуа*. *Таран* ‘нива’ в языке казахов Монголии может быть адаптацией современной ойратской формы. В большинстве тюркских языков видим заимствование из такой же (западно-среднемонгольской? ойратской?) формы: телеут., кум. *tarayan* ‘овес’, алт. *tara:n* ‘просо посевное’, бараб. *taran*, сойон. *tara*: ‘хлеб, зерно’, ‘просо’, ‘злак’, чагат. *taran-či* ‘земледелец’, ‘таранчи (этноним)’ [VEWT: 463]. Следует уточнить встречаемость слова со значением ‘нива’ в казахских диалектах; если она не противоречит данной гипотезе, имеет смысл возводить заимствование апеллятива к современным казахско-ойратским контактам, с дальнейшим образованием топонима. Такой же топоним находим на Алтае: *Тараан*, место (н. п. Балыкчы) [Молчанова 1: 191] при наличии вышеупомянутого алт. литер. апеллятива *тараан*. Ср. также топоним на монгольской карте джунгарского периода *Tariyan* [Haltod 1966: 178].

1.7. Урыль (каз. *Өрел*) — село в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области. Местные жители используют фонетический облик *Үрил* (говорная особенность?). В [Эбдірахманов 1975/2010: 212] предложена следующая этимология топонима: монг. *уруул* ‘губа’. Приводится такое объяснение: населенный пункт расположен в ущелье, как бы между двумя губами. Эта же гипотеза принимается в [Сағидолда 2011: 93; Бияров 2012а: 141]. Однако такое

⁹Как любезно указал анонимный рецензент, каз. *таран* ‘горец’ может быть связано с (заимствовано из) монг. *тарна* ‘горец’, *ишлийн тарна* ‘гречиха альпийская’ [БАМРС 3: 195], бурят. *тарнаан* ‘кислица, горец птичий’ [БРС: 230].

происхождение невозможно: монгольское название губы содержит задние гласные, а казахский топоним — передние. Предложенная этимология ориентируется на русифицированную форму топонима. Собственно казахскую форму фонетически можно было бы возводить к производному от казахского глагола *үріл-* ‘раздуваться’ [ҚӘТС 15: 218], что семантически трудно объяснимо, или же, что гораздо более естественно, считать монголизмом — от монгольского фитонима: письм.-монг. *öril*, *üril*, ср.-монг. («Сокровенное сказание») *olirsun*, халх. *өрөл*, калм. *өрл* ‘плод дикой сибирской яблони’ (в [Муниев 1977] нет; в [KWb: 300] *örļ* ‘какой-то плод; дикая слива?’; в ойратском диалекте Синьцзяня и монгольском не засвидетельствовано), бурят. *үлүр* ‘яблоня дикая’, дагур. *xuli:r* [Санжеев и др. 2: 226; 2018: 213; Enkhbat 1984: 127]. О возможной этимологии монгольского названия яблони см. [Дыбо 2006: 56]. Определить точный монгольский источник не удастся; апеллятив соответствующего облика в казахском не зафиксирован. Аналогичный топоним на Алтае: р., пик, н. п. *Уруль*, *Урыль* [Молчанова 2: 283]. О. Т. Молчанова приводит в качестве этимологии кет. *уриль* ‘верховье реки’ (*úr'il* [Werner 3: 349]), что семантически было бы хорошо, но, поскольку топоним встречается и в Казахстане, вернее предположить не кетскую, а монгольскую этимологию в обоих случаях. Среди монгольских топонимов джунгарского и маньчжурского периодов имеется *Örili-yin Toqoi* ‘Яблочная излуцина’ (остров) [Haltod 1966: 127].

1.8. Шабар (каз. *Шабар*) — село в Аккулинском районе Павлодарской области. Топоним правильно этимологизируется в [Конкашпаев 1959: 97; Бияров 2012а: 78]. Форма явно восходит к прамонгольскому апеллятиву **sibar*: халх., дагур., монгор. *шавар*, бурят. *шабар*, калм. *шавр*, бао *шбар* (*бар*), дунс. *шува* ‘грязь; глина’ [Санжеев и др. 3: 106]. Монгольский апеллятив при этом заимствован в казахский апеллятив *сабыр* ‘слякоть’, по-видимому, до казахского фонетического перехода *ш > с*, но после монгольского перелома гласных (т. е., возможно, из западного позднесреднемонгольского). В фонетическом облике *шабар* слово как апеллятив в казахском не зафиксировано [ҚӘТС]. Б. Базылхан переводит монг. *шавар* казахским ‘батпак, шалшык’ (‘болото, грязь’) [Базылхан 1984: 721]. Казахские топонимы *Шабарты*, *Шавартай* — также заимствования уже из монгольских (вероятно, ойратских) суффиксальных образований со значением ‘болотный’. Очевидно, все эти топонимы — более поздние заимствования, чем заимствование апеллятива, скорее всего, современные ойратские (ср. ниже о гидрониме *Шар*). На Алтае встречаем, по-видимому, тот же топоним в виде *Шабырдай* [Молчанова 2: 351]. Топонимы с этой основой распространены в монгольских языках и диалектах [см., например: Haltod 1966: 165; Serruys 9: 1219; Казакевич 1934: 22].

2. Гидронимы (наименования водных объектов: рек, озер, родников, колодцев, прудов)

2.1. *Аргут* (каз. *Арғұт*) — река в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области. Как апеллятив в казахском не встречается. Были попытки [ср.: Куанғанов 1997] связать этот гидроним с тюркским племенным названием и топонимом *argu*, засвидетельствованным еще у Махмуда Кашгарского («местность между Таласом и Баласагуном») [VEWT: 24]. Гипотеза неплоха с фонетической и морфологической точек зрения (образование с древнетюркским аффиксом мн. ч. *-t* [см.: Erdal 2004: 158]), но сомнительна с исторической и географической. Гидроним (и название урочища) употребляется еще на Алтае [см.: Молчанова 1: 213–214; 1979: 138]¹⁰. О. Т. Молчанова предлагает этимологию из алт. *аркыт* ‘кожаный сосуд, мешок для приготовления чегеня — напиток из кислого молока’, кирг. (сев.) *аркыт* ‘сосуд из сыромятной копченой кожи для приготовления и хранения кумыса’ (сравнение алтайского с киргизским словом предложено Л. Будаговым [1: 683]), семантическое обоснование — большое количество белой пены при прохождении Аргута в узком скальном русле. И Молчанова, и Будагов считают название сосуда монголизмом, приводя монг. *архот* ‘то же’. Такая форма в монгольских языках невозможна, а единственное обнаруживающееся соответствие тюркскому названию сосуда — калм. *архд* ‘кожаный сосуд для молока, кумыса’ [KWb: 14; Санжеев и др. 1: 56], ойр. синьцз. *архад* [Тодаева 2001: 38], ойр. монг. *архад*, ойр. письм. *arqad* [Цолоо 1988: 43] — скорее всего, тюркизм, как и предположено у Санжеева, а источником тюркского слова может являться монг. *архум* ‘алкогольный, содержащий алкоголь’, производное на *-tu* от *araki* > *архи* ‘молочная водка’. Вероятно, название сосуда для водки было заимствовано в восточные тюркские языки, приобрело там значение ‘сосуд для кумыса, молочной браги’ и в этом значении перезаимствовалось в ойратский. Тюркский топоним произведен от апеллятива монгольского происхождения¹¹. Фонетические изменения в алтайском гидрониме *Аргут* связаны с его русификацией (в частности, невозможностью сочетания *кы* для русского языка); приходится предположить русификацию и для казахского гидронима (либо же для него верна этимология от этнонима?).

2.2. *Булдырты* (каз. *Бұлдырты*) — река, протекает по территории Сырымского, Каратабинского и Чингирлауского районов Западно-Казахстанской

¹⁰ Гидроним отмечен в виде *Аркыт* в [Ядринцев 1887: 3]; ср. также гидроним р. *Аркытту* (Шебалино).

¹¹ Топоним в форме *Arqud* засвидетельствован среди монгольской топонимики джунгарского и маньчжурского периодов в [Haltod 1966: 7].

области, впадает в оз. Жалтыр в Сырымском районе; также **Булдурта** (каз. **Бұлдырты**) — село в Сырымском районе Западно-Казахстанской области. По мнению Е. Койшыбаева, топоним имеет тюркское происхождение, представляет собой композит из каз. *бұлдыр* ‘мутный, неясный, туманный’ и *ту* ‘гора’ т. е. ‘Смутная гора’ или ‘Размытая гора’ [Койшыбаев 1985: 85]. Фонетически (и семантически) это не очень удачное решение, так как в казахском языке не наблюдается превращения кыпч. **uw* или **aw* в *ы*, ср. казахские инфинитивы на *-у* (< **uw*). Естественнее заподозрить в элементе *-ты* монгольский суффикс обладания *-tu* [Поппе 1937: 65]¹². Основа **buldur* представлена в северомонгольских языках: халх. *булдар* ‘неровный, шероховатый’, орд. *бултур* ‘грубый, топорный (о человеке)’, калм. *булдр* ‘пестрый, спутанный’ [Санжеев и др. 1: 112]. Локальное заимствование апеллятива находим в тюркских *j*-языках восточной локализации (кроме казахского, ср. еще каракалп. *булдыр* ‘смутный, неясный, туманный, неотчетливый’, кирг. *бултур* ‘смутный, неясный, неотчетливый’, алт. *булдыр* ‘неровный (о поверхности чего-л.)’, ‘неровность’, ср. *булдыр жер* ‘неровная земля’). Особенности суффикса, несмотря на наличие подходящего апеллятива в казахском, заставляют остановиться на решении о заимствовании топонима из монгольского языка (калмыцкого?). Того же происхождения, но с другим — тюркским — суффиксом, по-видимому, алтайский гидроним р. *Бултурдак* [Молчанова 1: 299].

2.3. Далконыр (каз. **Далқоңыр**) — колодец в Жанааркинском районе Улытауской области. Часто этимологизируют как *дал* (прил.) + *қоңыр* (прил.): «тюрк.-монг. *дал* ‘широкая равнина’, тюрк. *қоңыр* ‘коричневый цвет’» и как географический термин со значением ‘песчаные холмы, холмы с различными мелкими кустарниковыми растениями’ [см., например: Жанұзақ 2010: 70]. Топоним, видимо, действительно композитный, из двух монгольских компонентов, второй из которых, вероятно, восходит не к тюркскому названию цвета или холмов (что семантически странно для колодца), а к известному сев.-монг. > письм.-монг. *qongqur*, халх. *хонхор* ‘углубление, впадина, лог’ (*хоңхӧр* [Казакевич 1934: 28]), бурят. *хонхор* ‘котловина’, калм. *хоңхор*, *хоңхр* ‘круглое углубление, впадина’ [KWb: 186], ойр. монг. *хоңхӑр*, *хоңхӑйр*

¹² В [Бияров 2012а: 401] слово перечислено среди топонимов с формантом *-лы/-ды/-ты* — суффиксом, восходящим к общетюрк. **lɣ*. В данном случае (как и в ряде других в этом списке) такая трактовка не годится, так как противоречит и литературному, и любому из засвидетельствованных казахских говорных правил распределения морфонологических вариантов этого аффикса. После *-р* конца основы указанный суффикс может принимать либо форму на *л-* (в северо-западной зоне), либо форму на *д-*; форма на *т-* возможна только после глухого согласного в конце основы [см.: Дыбо и др. 2020: 1430, карта 9].

‘углубление, впадина, рытвина’ [Цолоо 1988: 430], дагур. *хонкор* (*конкор*) ‘низменность; топкое болотистое место’ [Санжеев и др. 3: 53]. Отметим, что этот компонент, видимо, используется и в алтайском топониме р. *Коңурлу* (долина р. Аргут, долина р. Катунь) [Молчанова 1: 501] (предположенная [Там же] связь с кирг. *куңурлу* ‘с шумом’ фонетически хуже). В казахских словарях слово *қоңыр* в значении ‘впадина, углубление ландшафта’ не зафиксировано, но зафиксировано несколько возможных производных от него с продуктивными суффиксами (вряд ли связанных по семантике с цветообозначением ‘коричневый’): *қоңырзақ* ‘водовороты во впадинах оврага’ (казахские говоры Туркмении), *қоңырлық* ‘ровное поле с твердой поверхностью на границе песков’ (Кзыл-Орд., Арал), *қоңырдақ* ‘зазеленевшая после дождя лужайка’ (Атырауская обл., Мангыстау) [КТАС: 422].

Первый компонент, скорее всего, также монголизм, ср. письм.-монг. *tala*, халх., калм. *тал*, ойр. синьцз. *тала* ‘поле, степь, равнина’ [Тодаева 2001: 310], бурят. *тала*, дагур. *тал* (*тала*) ‘степь, равнина; сторона’ [Санжеев и др. 3: 150]. Г. Д. Санжеев указывает на др.-тюрк. *tala* ‘степь’, но это слово в [ДТС] отмечено только в цитате из «Легенды об Огуз-кагане», а этот относительно поздний памятник (XIV в.) полон монголизмов; в [EDT] слово не отмечено, так что можно предполагать для него монгольское происхождение. Проблематично озвончение начальной согласной при заимствовании в казахский. Отметим, что с таким же озвончением (но без редукции конечной гласной) в казахский заимствован апеллятив *дала* ‘широкая равнина’ [ҚӘТС 4: 937] (более раннее заимствование?)¹³. В целом мы видим относительно поздний (уже с редукцией конечной гласной) топонимический монголизм в казахском, примерная семантика — ‘Углубление в степи’.

2.4. Зайсан (каз. *Зайсан*)¹⁴ — озеро; также *Жайсан* (каз. *Жайсаң*) — село в Жамбылском районе Алматинской области. Для гидронима исторически засвидетельствовано становление во времена Джунгарского ханства [см.: Бияров, 2012а: 138]. Другие исторические названия — ср.-монг. *Qongqotu naγur*, букв. «Колокольное озеро» (этот топоним Б. Н. Бияров связывает со звуком волн, разбивающихся о берег озера, но нам кажется более правдоподобной связь с племенным названием *Qongqotad* ‘колокольники (один из найманских родов)’), каз. *Бейнетеңіз* (упоминается в поэме «Козы Корпеш — Баян Сулу»),

¹³ Или источник этого апеллятива, а также первой части рассматриваемого топонима — современный монгольский ландшафтный термин *dalq̄* ‘продолговатая гора с закругленной, не острой вершиной; невысокие холмы с большим количеством оврагов, бугров и длинных валов’ [Казакевич 1934: 18]?

¹⁴ Современная форма казахского гидронима — результат русификации.

букв. «Как море / похожее на море» («по Иртышу дошли до Карадонской земли, по Бейнетениз дошли до Дейтугинского озера» [Бияров, 2012а: 138]). Монг. *Зайсанг* (монгольский топоним — *Зайсанг нуур*) ‘дзайсанг, управитель отока; родовой глава; название монастырской должности’ — китаизм (宰相 *zǎi xiàng* ‘первый министр’) [Сухбаатар 1997: 108]. Слово было также заимствовано в казахский в качестве апеллятива: *жайсаң* ‘господин; яркий, веселый’ [ҚӘТС 5: 1271]. Определенный интерес вызывает фонетическая адаптация в казахском: начальный согласный передан как фрикативный шипящий, притом что в контактных монгольских диалектах (это в основном ойратские) — свистящая аффриката. Отметим, что мы имеем дело с довольно новым (не среднекитайским) китаизмом, в современном китайском начальный [dz], в среднекитайском — [ts]. В монгольских языках слово представлено как письм.-монг. *jayisang*, халх. *зайсан*, бурят. *зайсан*, *зайхан*, калм. *зэсн* [Санжеев и др. 2: 65], орд. *džāsang* [DO: 191]. То есть «джекающий» монгольский язык, не имеющий в фонологической системе свистящих аффрикат, отражает свистящую аффрикату источника как шипящую. Так же ведут себя киргизский (кирг. *жайсаң*) и казахский. Итак, адаптация монгольской звонкой начальной аффрикаты как шипящей (аффрикаты / фрикативной) в принципе не свидетельствует, что заимствование произошло до процесса депалатализации аффрикат в монгольском.

2.5. Кенгир (каз. *Кеңгір, Қаракеңгір*) — река, правый приток р. Сарысу; **Кенгирское** (каз. *Кеңгір*) — село в Жезказганском районе Улытауской области. Как апеллятив слово в казахском не засвидетельствовано, но употребляется еще и как компонент оронима («Біз ол күні Сары Кеңгірдің жіңішкеленген бір тұсында түнедік» <Ночевали в тот день на одной из самых высоких вершин Сары-Кенгира> — С. Мұқанов [см.: ҚӘТС 7: 81]) и антропонима *Кеңгірбай*. Этимологическая гипотеза, высказанная в [Жанұзақ 2010: 91–92] («*Кангар* > *Кеңгір*, сочетание *кан* / *канг* / *ганга* ‘река, вода’ + *ір* (*ар*, *ер*) ‘река, вода’», т. е. предлагается композит из совершенно не свойственных тюркским языкам, вполне фантастических элементов), не выдерживает критики. В [Бияров 2012а: 132–133] предложена более основательная гипотеза: об образовании топонима от каз. (или общекрыпч.) *кең* ‘широкий’ с помощью отыменного глагольного суффикса *-KIr-* со значением становления признака. См. об этом суффиксе [Erdal 1991: 505] (встречается начиная с Махмуда Кашгарского). Но это глагольная основа, а нас интересует именная. Есть тюркский отглагольный именной аффикс *-GUr* [Räsänen 1957: 132]; но в тюркских языках мы не видим безаффиксной глагольной основы со значением ‘расширяться’ (к тому же фиксации этого суффикса поздние, и Рясänen полагает его заимствованным

из монгольского). Глагольная основа, образованная от этого тюркского корня, выглядит как *кең-йі-* [EDT: 728], и образованное от нее с помощью этого аффикса имя выглядело бы как *кең-йі-gür* или *кең-i-gir*. В древнетюркском зафиксировано деепричастие на *-йі* от каузатива *кең-йі-r-* ‘расширять; делать широко известным’: *кеңрү* («Кутадгу Билиг» [см.: EDT: 778]), но такая форма не может быть источником каз. *кеңірі* (ср., в частности, кластер *-ңг-* на месте ПТюрк. *-г-*). Гораздо проще рассматривать это слово как монголизм, ср. письм.-монг. *kengkü-ger* / *kengkü-gir* ‘очень широкий, высокий и крупный’, халх. *хэнхгэр* [БАМРС 4: 1894], калм. *кеңкәгәр* [KWb: 226], ойр. монг. *кеңкәр* [Цолоо 1988: 537]. В монгольских языках это закономерное производное с помощью аффикса *-ger* или *-gir* (со значением «качество, являющееся результатом действия») [см.: Поппе 1937: 57]. Производящая основа отражена в письм.-монг. **kengkü-yi-* ‘быть очень широким, крупным’ [Санжеев и др. 2: 118], которое, в свою очередь, представляет собой явный тюркизм в монгольском: показатель *-yi-* обычно оформляет либо изобразительные, либо заимствованные основы. Таким образом, и здесь топоним представляет собой, скорее всего, ойратское заимствование; возможно, первоначально в качестве апеллятива — ср. компонент антропонима. Сходный топоним на Алтае — р. *Кенгри* [Молчанова 1: 479] — видимо, имеет тюркское происхождение и восходит к деепричастию *кеңрү*. Таково же происхождение киргизского апеллятива *кеңири* ‘широкий, обильный’ [Юдахин 1985, 1: 374].

2.6. Нурá (каз. *Нұра*) — река (протяженностью 895 км), Центрально-Казахстанский регион. Основа участвует также в топонимах с. *Нұраталды*, плато *Шалкарнұра*, р. *Шерубай Нұра*. Слово заимствовано в казахский язык как апеллятив со значением ‘заполненный водой овраг, глубокий ручей’ [ҚӘТС 11: 1230]. В [Конкашпаев 1963: 94] значение топонима сформулировано как ‘узкая долина, балка’; в [Койшыбаев 1985: 193–194; Әбдірахманов 1975/2010: 160] слово правильно трактуется как монголизм; ср. также [Бияров 2012а: 74] с неточно приведенными значениями монгольского этимона. Верную этимологию предлагает Э. М. Мурзаев [1966: 348]: монг. (халх.) *нура* ‘провал’ (точнее — по [БАМРС 2: 428] — *нураа* ‘обрушившийся берег, подмытый крутой откос’). Имя засвидетельствовано в халх., калм. *nurā* ‘осыпь, обвалившееся место берега’ [KWb: 280], ойр. синьцз. *нураа* ‘обвал, оползень’ [Тодаева 2001: 253] и монгор. *nūra* ‘овраг; крутизна в результате обвала одной из сторон горы’ [Санжеев и др. 2016: 208]. Оно является производным (с помощью отглагольного аффикса результата действия **-ya(n)* [Поппе 1937: 49]) от прамонгольского глагола **nura-* ‘обваливаться, обрушиваться’ (сев.-монг., монгор., дагур., дунс.) [Nugteren 2011: 464]. Вопреки цитированным [Койшыбаев 1985: 193–194;

Обдїрахманов 1975/2010: 160], монгольская основа не имеет непосредственного отношения к каз. *жыра* ‘овраг’: это последнее слово — локальное восточно-тюркское образование¹⁵ (с помощью отглагольного аффикса *-a* [см.: Räsänen 1957: 114; Севортян 1966: 265]) от пратюркского глагола **jir-* ‘разрывать, расщеплять’¹⁶ [ЭСТЯ 1989: 203–204], на праалтайском уровне связанного скорее с ПМонг. **jir-* ‘резать’ [Nugteren 2011: 389].

2.7. Чар (до 1930-х гг. по-русски именовался *Чар-Гурбан*, *Гурбан-Чар*, каз. *Шар*) — река в Абайской области, левый приток р. Иртыш. В [Конкашпаев 1963: 125] признается неясным. В [Койчубаев 1974: 242] цитируются этимологии А. И. Искакова [1959: 86] (< тюрк. ‘крик, шум’ = азерб. *шар*; в действительности звукоподражание *шараг* ‘треск’), Э. и В. Мурзаевых [1959: 256] (угор. ‘речная протока, речной рукав, пролив’); предлагается также связь с кирг. *чар* ‘разнолесье по берегам рек, речушек’ [Юдахин 2: 349]. Койшыбаев [1985: 237] повторяет эти этимологии. В [Бияров 2012а: 142] форма *Чар* не рассматривается, а *Шар* связывается с монг. *шар* ‘желтый’ (объясняется желтоватым цветом воды). Все предложенные этимологии не учитывают ранее зафиксированного двойного названия. С производностью от *шар* ‘желтый’ имеется еще следующая проблема. Такое заимствование, отражающее монг. *ш* как каз. *ш*, должно было произойти после перехода общекыпч. **š* > каз. *ш*. Предконечную стадию этого перехода мы застаем в материалах словаря П. С. Палласа¹⁷ [1787–1789], маркированных «104 киргизски»: из слов, содержащих рефлекс этой фонемы, двадцать отражают *с*, пять — *ш*, причем последние — все в соседстве с историческим **i* или **i* (еще в шести таких словах — *с*). Заметим, что у Палласа в казахском материале еще полностью, сохраняется аффрикатный характер вост.-кыпч. **č* (< ПТюрк. **č*) и **ž*- (< ПТюрк. **j*); уже через сотню лет в западном казахском [Ильминский 1860] рефлексы выглядят как современные литературные (**š* > каз. *ш*, **č* > каз. *ч*,

¹⁵ Каракалп. *жыра* ‘промоина, подмытый водой обрыв; ущелье’, кирг. *жыра* ‘промоина, вымоина, подмытый обрыв; небольшое ущелье’, ног. *йыра-нак* (димиутив) ‘овраг; канава’, башк. *йыра* ‘небольшой ров, канава’, нуйг. *жира* ‘овраг, промоина’, узб. *жирани-да* ‘промоина, размытое ливнем место’ (очевидно, заимствование из диалектов кыпчакского типа), алт. *йыра* ‘ров’.

¹⁶ Семантика ‘прорывать землю, особенно о воде’ засвидетельствована в кыпчакских и алтайском языках: каз., каракалп. *жыр-* ‘рыть, разрывать землю’, кирг. *жыр-* ‘разорвать, распороть’ (но *суу арыкты жырып кетти* «вода прорвала арык»), ног. *йыр-* ‘прорывать (землю); прорезать’, тат. *еру* ‘прорывать, прокапывать’, *ерма* ‘прорыв (плотины)’, *ермак* ‘канава, размытая водой’, *ерганак* ‘промоина, овражек’, кум. *йыр-* ‘прорывать (например, канаву)’, алт. *йыр-* ‘разорвать; прорвать (плотину)’, но каб.-балк. *джыр-* ‘разрезать, рассекать’, узб. *йир-* ‘раздвигать, растопыривать’, нуйг. *жирмак* ‘расщеплять’. В огузских языках представлено только производное **jir-t-* ‘расщеплять’.

¹⁷ Паллас путешествовал, как известно, по территориям Западного Казахстана (1769, 1773, 1793), можно думать, что в словаре отражены именно западные говоры казахского.

*ǰ- > каз. ǰ), а в восточном [Радлов 1870; Березин 1890] все так же, но в некоторых текстах (говорах!) сохраняются *ǰ*¹⁸ и *ǰǰ*-; такая же ситуация в восточных говорах по материалам первой половины XX в. [Омарбеков 1992: 28–29, 53–54]. Соответственно, при использовании казахских топонимов русскими картографами можно ожидать, что в течение XVIII–XIX вв. (особенно это касается восточных территорий) последние правильно воспринимали местное произношение с *ǰ*, *ǰǰ*-. Сохранение *ǰ* < кыпч. *ǰ характерно для южных говоров казахского языка и не засвидетельствовано в транскрипционных источниках XVIII–XIX вв. [Там же: 143–144]. Этимология, связывающая гидроним *Шар* с монг. *шар* ‘желтый’, ойр. синьцз. *шара*, не учитывает звучания *Чар* и предполагает, что заимствование произошло не ранее конца XVIII в.

Возможной монгольской этимологией было бы заимствование ойр. синьцз. *хурван цар*, ойр. монг. *yurwān tsar* ‘три вола’ (при обратном порядке слов — ‘трое волов’) [Цолоо 1988: 365, 835]; это одно из толкований, предложенных в [Конкашпаев 1959: 97], впоследствии забытое. Ср. топоним на монгольской карте, гора *Šar ayula* ‘Воловья гора’ [Haltod 1966: 47].

2.8. Шорга (каз. *Шорға*) — река; также *Шорга* (каз. *Шорға*) — село в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области. Слово как апеллятив ни в литературном, ни в диалектных казахских словарях не обнаружено. Этимология предложена в [Конкашпаев 1963: 131], повторена в [Бияров 2012а: 79]: монголизм, ср. письм.-монг. *šorǰa*, *šorǰu*, халх. *цорго*, калм. *цорh*, бурят. *сорго* ‘горлышко, перегоночная труба, водосточная труба’ [Санжеев и др. 1: 152], ойр. синьцз. *цорhо* ‘труба для стока жидкости, перегонная труба’ [Тодаева 2001: 431], ойр. монг. *tsorǰūǰ* ‘горлышко, например у чайника’ [Цолоо 1988: 843]. Бияров отмечает, что для географических объектов, подобных р. Шорга (небольшая река, впадающая в озеро или вытекающая из него), в казахском обычно применяется компонент топонима *шүмек*, который соответствует апеллятиву со значением ‘отводная трубка, кран’; таким образом, здесь мы имеем монголизм, синонимичный собственному названию. Монгольский апеллятив *šorǰu* в еще не депалатализованном облике заимствован в ряд тюркских языков, ср.: кирг. *чорго* ‘носик (чайника), кран’, алт. *чорго* ‘кран; дугообразная трубка для винокурения’: туб. *šorgo*, кум. *šorgo*, челк. *šorgo*, теленг. *šorgo*, телеут. *šorgo*; хак. *сорга* ‘носик (чайника), кран (самовара)’: кач. *сорǰа*, саг. *surǰa*, шор. *šorǰы*, кыз. *сорǰо* ‘носик (чайника), краник, желоб у перегонного аппарата для молочной водки’; тув. *шорга* ‘деревянная трубка

¹⁸ В текстах Радлова *ǰ* как будто не сохраняется, а у Березина в восточных текстах, наоборот, переход в *ǰ* наблюдается только в сочетаниях согласных.

для стока жидкости, желоб' [Рассадин 2019: 150, 220]. Это, вероятно, позднесреднемонгольское локальное заимствование; во всех тюркских языках, включая казахский, мы видим обработку начального звука *č*- правилами звуковых изменений, характерными для собственно-тюркских морфем (это не непосредственная адаптация монгольского [ts], поскольку и в шорском, и в хакасском, и в тувинском имеется более подходящая для такой адаптации фонема /tʃ/, восходящая к ПТюрк. *j-). Для казахского можно также предполагать заимствование апеллятива (как и в окружающие языки) и последующее вымывание его, с сохранением в остаточном виде в топониме.

Внушает сомнения монгольское происхождение следующих казахских гидронимов.

2.9. Байса (каз. *Байса*) — озеро в Аккайынском районе Северо-Казахстанской области. Связывают («название, данное скале возле озера или озеру, лежащему между скалами» [Бияров 2012а: 66]) с ПСевМонг. **bayiča*, письм.-монг. *bayiča*, халх. *байц*, бурят. *байса* 'скала, утес' [Санжеев и др. 1: 80]. Это компонент топонимов, широко распространенный в Монголии и Бурятии; ср. также топонимы с компонентом *Bayiča* на монгольских картах [Haltod 1966: 24]. Ни в калмыцком языке, ни в ойратском Синьцзяна, ни в других монгольских языках слово не засвидетельствовано. Оно зафиксировано в языке ойратов Монголии: *bātsä* 'утес' [Цолоо 1988: 90]. Можно объяснять казахский топоним заимствованием из современного дербетского ойратского, с отражением на конце редуцированной гласной как *a*, а аффрикаты *ц* — как *c*. Ср. на Алтае *Байчатты* (гора, равнина, населенный пункт; более раннее заимствование из монгольского, еще без депалатализации *č*?) [Молчанова 1: 241]. Однако для казахского гидронима кажется сомнительной предлагаемая мотивация. Озеро расположено в равнинной местности, фактически на краю Западно-Сибирской низменности. Согласно описанию ландшафта региона и карте [Аккайынский район], это небольшое (около 1 км²), мелкое, заросшее камышом озеро прямоугольной формы; в описании подчеркивается равнинная окружающая местность, отсутствие гор. Можно, например, предположить происхождение гидронима от казахского апеллятива *байса* 'пайцза' (прямоугольная бирка — символ особых полномочий китайского или монгольского чиновника), 'перен. авторитет' (пример см. в [ҚӘТС 2: 1206]); возможно, сюда же гидроним оз. *Байсалы* (в районе Шал Акына Северо-Казахстанской области — также мелкое, на низменности), который Б. Н. Бияров [2012а: 436] считает атрибутивом с формантом *-ы* от апеллятива *байсал* 'спокойствие, покой' (каз. *bajsal*, кирг. *bajsal* 'спокойствие, покой' [VEWT: 57]); в нашем случае

предположительно атрибутив на *-лы*, значительно более регулярный. Каз. *байса* в конечном счете восходит к кит. 牌子 *páizi*, заимствованному в письм.-монг. *paiza*, халх. *найз* ‘бирка, вывеска’, калм. *pāzə* ‘доля; опознавательный знак’ [KWb: 306], дагур. *найс* ‘табличка, ярлык, бирка, жетон’ [Тумурдэй, Цыбенев 2014: 134], перс. پایزه *pāiza*, более точно источник установить трудно. На монгольских картах, впрочем, также отмечены топонимы с компонентами *Bayija*, *Bayiji* [Haltod 1966: 24].

2.10. Чирик (каз. *Шірік*) — колодец в Сарысуском районе Жамбульской области. В [Бияров 2012а: 110] предлагается этимология через монголизм: монг. *ширх* ‘густая, пышная растительность’, но [Там же: 218] дается и тюркская этимология от глагола ‘гнить’. Вообще говоря, слово *ширік* существует как апеллатив в казахском и не является монголизмом, означает ‘перегной’ (тип почвы) [ҚӘТС 15: 1714] < ПТюрк. **çer-ik* [VEWT: 105; EDT: 427, 430; Федотов 2: 111–112, 420], от глагольного корня **çer-* ‘гнить’. Компонент топонима входит еще в названия р. *Шірікқайың* (Катонкарагайский р-н Восточно-Казахстанской обл.), н. п. *Шірікаяқ* (Курчумский р-н Восточно-Казахстанской обл.), зимовки *Шірікрабат* (Кармакшинский р-н Кызылординской обл.). Значение ‘густая растительность’ при этом у монг. *ширх* не обнаруживается; это слово и его когнаты в основном по северомонгольским языкам имеют значение ‘жесткие волосы на загривке’ и под. [Санжеев и др. 3: 120].

2.11. Может трактоваться не только как монгольское заимствование топоним *Сайхин* (каз. *Сайқын*) — озеро, населенный пункт в Бокей-Ордынском районе Западно-Казахстанской области. *Сайқын* существует в казахском языке в качестве апеллатива со значением ‘широкий (о долине)’ [ҚӘТС 12: 1209]. Этимологически это производное на *-KUn* (имя по признаку [ср.: Erdal 1991: 87]) от ПТюрк. **sāj* ‘плоский песчаный ландшафт; мелкое место в реке’ [ЭСТЯ 2003: 161; VEWT: 394]. Альтернативным является предположение, высказанное в [Койшыбаев 1985: 203; Жанұзақ 2010: 163–164; Бияров 2012а: 141], о заимствовании топонима из монг. *sayin*, *say-xan* ‘хороший, красивый’. Т. Жанұзақ полагает, что монгольская этимология лучше тюркской, поскольку каз. *сайқын* употребительно только в Жамбульской области; однако в диалектном словаре [ҚТАС: 572] слово отмечено в Жамбульской и Шимкентской областях, а в [ҚӘТС 12: 1209] приведен пример использования в произведении Шакира Абенова, уроженца Абайского района Восточно-Казахстанской области. Таким образом, тюркское по происхождению слово *сайқын* является по крайней мере восточноказахстанским, и ничто не мешает считать его источником гидронима в Павлодарской области.

2.12. Представляет сложности гипотеза о монгольском происхождении названия **Уба** — река в Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области. Вообще говоря, сама форма гидронима затемнена. Казахское название реки — **Үбі**, в казахском имеется апеллятив **үбі** ‘имущество, предметы быта’ [ҚӘТС 15: 1]. Это рефлекс (окаменевшая форма принадлежности 3 л.) праобщетюрк. **üpr* ‘имущество, трофей’, сохранившегося как существительное в як. *үн* ‘сокровище’, тув. *үн* ‘имущество, трофей’, алт. *үн* ‘сокровище, наследство’ и послужившего базой для др.-тюрк. *üpr-le-* ‘грабить’ [EDT: 54; VEWT: 521–522; ЭСТЯ 1974: 634–635]. Ряснен вслед за Рамstedтом [KWb: 293] возводит тюркскую основу к калм. *öb* ‘имущество’, но скорее эта узкосеверомонгольская основа (письм.-монг. *öb*, халх. *өв* ‘наследство; наследие’, калм. *өв* ‘собственность, имущество’ [Санжеев и др. 2: 220]) выглядит как тюркизм. Таким образом, нынешнее казахское название реки — тюркского происхождения. Казахстанские гидронимисты при попытках этимологизации названия этой реки исходят из формы **Уба** (набор русскоязычных гидронимов, в частности применяемый к притокам р. Уба, см. в [Молчанова 2: 267]). В [Бияров 2012а: 141] эта форма возводится к монг. (халх.) *уваа* — компоненту парного слова *уваа-цувaa* ‘вереницей, один за другим’ (поскольку река образована последовательным слиянием притоков). Но похоже, основа данного наречия не встречается, кроме как в составе парных слов халхасского языка (ср. еще *уван цуван* ‘один за другим; кучами, толпами, группами вереницей’). В других монгольских языках основа не обнаруживается. В [Санжеев и др. 3: 191] находим письм.-монг. *ubuᠠ* и *ibun* (с вариантом *ibung*), т. е. письменно-монгольскую запись халхасских форм. Халх. *уваа-цуваа* переводится на казахский ‘ұбак-шұбак’ (‘вереницей’) [Базылхан 1984: 500]; в том же значении дано *ұбан-шұбан*. В киргизском имеется *убан-чубан, убай-чубай* ‘гуськом, вереницей, один за другим’. Все эти локальные тюркские парные слова — формально производные от глагольной основы **ира-*, не встречающейся с подходящей семантикой в других тюркских языках.

Более перспективно выглядит этимологизация через монг. *овоо* < ПМонг. **obaha* ‘каменная пирамида’ [Nugteren 2011: 465], также упоминаемая в [Бияров 2012а: 141]; ср. топоним на Алтае н. п. *Обоо оозы* (Усть-Уба, букв. «Устье р. Обоо» или «Устье, при котором стоит каменная пирамида») [Молчанова 2: 267]. Но в этом случае непонятна русскоязычная и казахскоязычная фонетические интерпретации. Индоевропейская и уральская этимологии гидронима **Уба**, предлагаемые в [Там же], маловероятны с точки зрения сочетания географических и исторических обстоятельств фиксации гидронима.

3. Оронимы (названия гор, камней, ущелий, оврагов, вершин, возвышенностей, холмов, хребтов)

3.1. Дардамты (каз. *Дардамты*) — гора высотой 3 410 м в Уйгурском районе Алматинской области; также н. п. В [Койшыбаев 1985: 94] связывается с «индоиранской» основой *дардам* ‘сияющий, сверкающий’, мотивация — пышные луга в описываемом месте. В [Жанұзақ 2010: 77] предполагается композит из двух «древних тюрко-монгольских» основ: *дар* ~ *дере* ‘ущелье’ и *дам* ~ *томб* ‘гора’. Первая «основа» — это ПТюрк. **dār* ‘узкий’ [VEWT: 463; EDT: 528; ЭСТЯ 1980: 146–147], смешанная автором с заимствованным из персидского тур. *dere* ‘речка’; вторая — вероятнее всего, общетюрк. **tömgek* ‘кочка, холмик’ [VEWT: 493]. Предполагается оформление основы казахским комитативным суффиксом *-лы/-ды/-ты* [Бияров 2012а: 401], что невозможно по морфонологическим причинам (см. выше, сноска 14). Это должен быть монгольский суффикс обладания *-tu* (т. е. заимствовано монгольское производное).

Компонент *dardam* выглядит как монгольское продуктивное производное с суффиксом *-m* (имя по глаголу) или *-ma* (возможность действия) [Porpe 1964: 47–48] от глагола **dar-da-* [см.: Санжеев и др. 1: 173]: **darda-yi-*, халх. *дардай-* ‘торчать в отверделом состоянии (например, от замерзания)’, калм. *дардэ-* ‘быть отверделым, твердым, жестким’, бурят. *дардай-* ‘накапливаться, скупиваться, наслаиваться (например, при присыхании, примерзании)’, орд. *dardā-* ‘быть твердым, торчащим, неровным’ [DO: 121]; **darda-yar*, халх. *дардгар*, калм. *дардһр* ‘твердый, затверделый; жесткий’, халх. ‘хрупкий’; бурят. *дардагар* ‘сбившийся в кучу; наращенный, покрытый амальгамой’; орд. *dardagar* ‘жесткий, корявый, неровный’; **darda-n-* калм. *дardһ* ‘твердый, жесткий’ [KWb: 77], орд. *dardan* ‘жесткий, корявый, неровный’ [DO: 121]. Очевидно, сюда же монг. *дардан* ‘торный, наезженный — о дороге’ [БАМРС 1: 38], бурят. *дардам* ‘гладкая дорога’ [БРС 1: 188], ойр. *дардаң* ‘затвердевший; накатанный — о дороге’ [Тодаева 2001: 116]. Глагольная основа и производные заимствованы в восточно-кыпчакские языки [VEWT: 132]: кирг. *тартай-* ‘иметь вид сухого и длинного; вытягиваться, торчать вверх’, *дардай-* ‘иметь вид громадного и толстого; сильно вспухнуть, вздуться; торчать (о чем-л. огромном)’, *дардаң* ‘неуклюжий, неповоротливый здоровяк’, каз. *дарда-* ‘считать себя выше других’, *дардай* ‘крупный, большой’, *дардаң* ‘грубый, тупой, избалованный’, *дардаң қабырға* ‘длинные ребра’, *дардаң қағу* ‘быть развязным, вести себя вольно’ [ҚӘТС 4: 1037].

Среди монголызычных топонимов джунгарского и маньчжурского периодов находим н. п. *Dardang ayil*, дол. *Dardang-u tala* [Haltod 1966: 56] (вторые

компоненты ‘аил’ и ‘равнина’; может быть, топонимы мотивированы личным именем?).

3.2. Дересин (каз. *Дересін*) — название земли на северном берегу оз. Балхаш; также село *Орта Дересин* в Актогайском районе, Карагандинская область. Как апеллятив в казахском не засвидетельствовано. Очевидно, восходит к ПМонг. **deresün* ‘наименование некоторых видов тростника; тростниковая циновка’ [Nugteren 2011: 317]. Как компонент топонимов встречается на монгольских картах [см.: Haltod 1966: 59]. Этимологию предложил Г. Конкашпаев, добавив, что в этом регионе есть земли *Бас-Дересин*, *Орта-Дересин*, *Аяк-Дересин* (букв. «Верхний», «Средний» и «Нижний Дересин») [Конкашпаев 1959: 90; Койшыбаев 1985: 91]. Форма казахского топонима указывает либо на среднемонгольский источник (с сохранением суффикса -**sUn*, ср. *hunäsun* ‘пепел’, *čisun* ‘кровь’, *qimusun* ‘коготь’ (МА), *būsün* ‘вошь’ (Лейд.) и т. д.), либо на ойратский, ср. калм. *dersn* [KWb: 89], ойр. синьцз. *дерсен* ‘камыш-чакан’ [Тодаева 2001: 126] (в большинстве современных языков носовая финаль суффикса отпадает).

3.3. Доланкара (каз. *Доланқара*) — гора на границе Алматинской и Жамбульской областей, поблизости от оз. Зайсан и г. Калба [см., например: Әбдірахманов 1975/2010: 101–102]. Первая часть топонима — *Долан* — определенно возводится к уже разбиравшемуся ойратскому числительному ‘семь’, вторая же имеет разные толкования. Г. Конкашпаев [1959: 91] полагает, что это слово *қара*, общее для монгольского и казахского языков и означающее ‘гора, сопка, холм’ (сразу отметим, что ни в казахских, ни в монгольских словарях слово в такой форме и с такими значениями не обнаруживается). А. Абдурахманов [Әбдірахманов 1975/2010: 101–102] развивает эту идею со ссылкой на [Мурзаев 1966: 343], приписывая компоненту *қара* ностратическое происхождение. Действительно, у Э. М. Мурзаева [Мурзаев 1966: 343] находим: «В Средней Азии, Казахстане, Джунгарии и Монголии существуют термины *кара, гара, хара* — сопка, возвышенность, но не всякая, а сложенная твердыми горными породами, т. е. камнем». Далее он связывает это с рефлексам в иранских языках др.-иран. *gairi* ‘гора, камень’, ошибочно включая сюда и иранский компонент топонимов — *кар* ‘укрепленное поселение’, имеющий другую этимологию, и груз. *gora* ‘холм’ [Там же]. Та же идея повторяется в [Мурзаев 1974: 109], где уже определенно говорится о лежащем в основе этих оронимов индоевропейском субстрате и прошедшей впоследствии тюркской или монгольской народной этимологизации. На самом деле большая часть таких оронимов на территории бытования тюркских и монгольских языков

легко толкуется через рефлексy ПТюрк. **kara*, ПМонг. **kara* ‘черный’; мотивация такого именования каменных поверхностей объясняется, например, в [Бияров 2012а: 170]: «*Қаратау* принято называть скалистые бесплодные горы, на которых даже зимой не задерживается снег; они зимой выделяются на заснеженном белом фоне как черные». Идея о наличии на интересующих нас территориях топонимического компонента *kara* в значении ‘гора, сопка’, однако, прижилась в топонимической литературе. В [Конкашпаев 1963: 37] *Доланқара* толкуется как ‘Сопка Долана’, где *Долан* — имя собственное, производное от этнонима. В [Жанұзақ 2010: 81] при разборе топонима *Егізқара* утверждается: «Вторая часть названия, *қара*, помимо своего основного значения, в тюрко-монгольских языках <...> означает ‘горные хребты, горные вершины’»¹⁹. Б. Н. Бияров [2012а: 177] пишет: «Прилагательное *қара* ‘черный’ может субстантивироваться и употребляться как вторая основа в топониме (*Егізқара*, *Доланқара* и др.). В этом случае в основном оно означает ‘гора, холм, вершина, возвышенность’». Однако в апеллятивной лексике такого значения у каз. *қара* не засвидетельствовано [см.: ҚӘТС 9: 545–614]. Толкование же через цветообозначение затрудняет автора, так как нормальный порядок слов в определительной конструкции для тюркских языков — это обязательное предшествование определения определяемому, так что цветообозначение на последнем месте в конструкции как будто нарушает правила. Б. Н. Бияров [2012а: 391] предлагает еще две гипотезы относительно структуры композитных топонимов с признаковым словом на втором месте: а) из сравнительной конструкции (*теке сары* «козел-желтый» = «желтый, как козел»); б) особое правило о метатезе предметного и признакового слова в топонимах. Но для имеющихся топонимов, кончающихся на *қара*, оба этих объяснения плохо проходят.

Если рассматривать весь объем топонимов, завершающихся на *-қара* и приведенных в книге [Бияров 2012а], то оказывается, что количественные соотношения в них следующие (см. табл. 1).

¹⁹ Плохую шутку с топонимистами сыграло также существование общетюрк. **kir* ‘холм, вершина, обрыв’ [EDT: 641; VEWT: 265; СИГТЯ 2001: 95–96; ЭСТЯ 5: 225]: при отсутствии четкого представления о звуковых соответствиях эта основа принимается за созвучную **kara*.

Таблица 1

Распределение казахских топонимов по типу называемых объектов

Оронимы ²⁰ (16 единиц)	Гидронимы (25 единиц)	Прочее (16 единиц)
Найза қара, вершина (найза ‘копье’)	Аиы қара, с. (аиы ‘горький, соленый’ ²¹)	Баян қара, н. п. (баян ‘рассказ’)
Жеті қара, г. (жеті ‘семь’)	Жаңа қара, ключ (жаңа ‘новый’)	Меңдіқара, н. п. (меңді — этноним)
Бай қара, г. (бай ‘богатый’, ‘священный’)	Терең қара, р. (терең ‘глубокий’)	Тентек қара, н. п. (тентек ‘шалун’)
Берік қара, г. (берік ‘крепкий’)	Аң қара, р. (аң ‘дикое животное, дичь’)	Мал қара, н. п. (мал ‘скот’)
Сасық қара, холм (сасық ‘вонючий’)	Атан қара, колодец (атан ‘кастрированный верблюд’)	Мырза қара, н. п. (мырза ‘господин’ или личное имя)
Иман қара, г. (иман ‘вера’)	Бота қара, оз. (бота ‘верблюжонок’)	Тай қара, н. п. (тай ‘жеребенок’)
Қой қара, г. (қой ‘овца’)	Қөл қара, оз. (қөл ‘озеро’)	Жаман қара, стоянка (жаман ‘плохой’)
Төбел қара, г. (төбел ‘белое пятно на лбу’)	Об қара, ключ (об диал. ‘деталь молотилки, кол’ или оп ‘обрыв’)	Балта қара, стоянка (балта ‘топор’)
Шор қара, холм (шор ‘солончак’)	Тал қара, р. (тал ‘ива’)	Шойын қара, стоянка (шойын ‘чугун’)
Бір қара, г. (бір ‘один’)	Тоң қара, соленое озеро (тоң ‘мерзлота’)	Бес қара, стоянка (бес ‘пять’)
Шөл қара, холм (шөл ‘пустыня’)	Қос қара, колодец (қос ‘парный’)	Тік қара, стоянка (тік ‘вертикальный’)
Үш қара, г. (үш ‘три’)	Төрт қара, колодец (төрт ‘четыре’)	Қызыл қара, место аула (қызыл ‘красный’)
Егіз қара, хр. (егіз ‘близнец’)	Құр қара, р. (құр ‘пустой’)	Аяқ қара, место аула (аяқ ‘низ, низовье’)

²⁰ При отсутствии специальных комментариев относительно характера называемого объекта мы включали в названия горных объектов также названия летних пастбищ (жайлау), а в названия водных объектов — зимних пастбищ (қыстау), исходя из обычной практики перегона на лето скота в горы, а на зиму — к водоемам с большим количеством камыша возле них.

²¹ В [Бияров 2012а: 80] приведены еще несколько топонимов с компонентом Аиы: Аиысай, Аиыбұлақ, Аиыкөл, Аиықұдық, и все они, как можно видеть, во второй части содержат названия водных объектов: сай ‘мелкое место на реке; овраг’, бұлақ ‘ключ’, көл ‘озеро’, құдық ‘колодец’.

Окончание табл. 1

Оронимы (16 единиц)	Гидронимы (25 единиц)	Прочее (16 единиц)
<i>Бет қара</i> , зимовка, расположена у крутого каменистого хребта с черной поверхностью (<i>бет</i> ‘лицо, поверхность’)	<i>Кең қара</i> , оз. (<i>кең</i> ‘широкий’)	<i>Тас қара</i> , место аула (<i>тас</i> ‘камень’)
<i>Жалғыз қара</i> , летовка (<i>жалғыз</i> ‘одинокий’)	<i>Боқ қара</i> , русло реки (<i>боқ</i> ‘кал’)	<i>Ит қара</i> , могила (<i>ит</i> ‘собака’)
	<i>Көк қара</i> , зимовка (<i>көк</i> ‘синий’)	<i>Қыз қара</i> , могила (<i>қыз</i> ‘девушка’)
	<i>Жарық қара</i> , зимовка (<i>жарық</i> ‘свет’)	
	<i>Дәу қара</i> , зимовка (<i>дәу</i> ‘дэв (мифический персонаж)’)	
	<i>Дөң қара</i> , зимовка (<i>дөң</i> ‘кочка’)	
	<i>Қамыс қара</i> , зимовка (<i>қамыс</i> ‘камыш’)	
	<i>Қотыр қара</i> , зимовка (<i>қотыр</i> ‘шершавый’)	
	<i>Ногай қара</i> , зимовка (<i>ногай</i> — этноним)	
	<i>Төбе қара</i> , зимовка (<i>төбе</i> ‘темя, верхушка’)	
	<i>Түйе қара</i> , зимовка (<i>түйе</i> ‘верблюд’)	
	<i>Қөп қара</i> , зимовка (<i>қөп</i> ‘много’)	

Таким образом, из 57 топонимов меньше трети оронимов, а гидронимов — около половины. Очевидно, что идеей о специфическом значении *қара* ‘каменная гора’ в казахском можно пренебречь и вернуться к толкованию всех этих топонимов как эллиптических [см.: Битанова 1962: 43], с опущением последнего компонента — наименования объекта. Приемлемым также является высказывание в [Конкашпаев 1963: 138] о том, что в оронимах *қара* означает объект с обозначениями темного цвета, а в гидронимах — озеро или реку, питающиеся преимущественно грунтовыми водами. Первый компонент

нашего оронима скорее действительно отражает уже этноним, антропоним или же эллипсис каз. диал. *долан топиш* ‘вид дерева, похожего на вяз’ [ҚТАС: 198]. Что касается топонимики Республики Алтай, то О. Т. Молчанова указывает на атрибутивный характер компонента топонимов *кара* [Молчанова 1: 79].

Есть еще одна возможность толкования второго компонента топонима: монголизм, адаптация рефлекса ПМонг. **kara-ha* (производное от **kara-* ‘смотреть’), письм.-монг. *qaraγa*, халх. *хараа* ‘зрение; место, с которого обозревается местность’, калм. *харā, харān* ‘зрение’ [KWb: 168]; ср. ойр. синьцз. *хараан* ‘силуэт, контур, очертание’, ойр. монг. *харāη* ‘зрение’ [Тодаева 2001: 387; Цолоо 1988: 390; Санжеев и др. 3: 33]. Однако единственное подходящее значение (‘наблюдательный пункт’) практически не засвидетельствовано в ойратско-калмыцких языках (хотя на монгольских картах топонимический компонент *Qaraγa* зафиксирован неоднократно [Haltod 1966: 138]).

3.4. Индер (каз. *Индер*, местное название *Дендер* [Әбдірахманов 1975/2010: 101]) — гора; озеро в Индерском районе Атырауской области. Распространенная этимология: от монг. *өндөр*, калм. *үндер* ‘высокий, большой, длинный’ [Конкашпаев 1959: 91; Бияров 2012а: 139]. Приведенной калмыцкой формы не существует — видимо, спутана с бурятской. Ср. калм. *өндү* ‘высокий, приподнятый’ [KWb: 296], ойр. монг. *өндүр, өндөр, өндәр* ‘высокий’ [Цолоо 1988: 711], ойр. синьцз. *өндер* ‘высота, возвышенность’ [Тодаева 2001: 271]. Полную этимологию монгольского слова см. в [Санжеев и др. 2: 325; Nugteren 2011: 474] (**өндүр* (? **höndür*) ‘высокий’). Однако фонетическая адаптация такой формы в казахском в виде *индер* (или даже *индер* — в случае графической адаптации русифицированной формы современного казахского топонима) маловероятна. Скорее следует предполагать адаптацию монг. **inder*: халх. *индэр* ‘трибуна, пьедестал, платформа’, бурят. *ендэр* ‘помост, возвышение’ [Санжеев и др. 2: 103], калм. *jendṛ* ‘трон, возвышение’ [KWb: 218], ойр. монг. *yendṛ* ‘большая груда камней’ [Цолоо 1988: 510], ойр. синьцз. *йендер* ‘престол, трон, возвышение; высокий, громадный’ [Тодаева 2001: 184], орд. *jender, jenderi* ‘возвышение’ [DO: 401]. По предположению Санжеева, слово заимствовано в монгольские языки из маньчж. *yenden* ‘возвышение’. Среди топонимов, встреченных на Горном Алтае, присутствует название пер. *Индертиин-Даба* [Молчанова 1: 393], которое, видимо, следует толковать не как ‘Высокий перевал’ (монг. *өндөр даваа*), а как ‘Перевал с возвышениями’ (*индер-т-ийн* «возвышение — комитатив — генитив» *даваа*). Ср. также компонент монгольских топонимов *Inder-tü*, букв. «С возвышением» [Haltod 1966: 80].

Второе название легко возводится к калм. *dendr* ‘земляная платформа, например под поилку или под место для костра; сложенные под костер дрова’

[KWb: 86], ойр. синьцз. *дeндeр* ‘возвышенность, холм’ [Тодаева 2001: 125], халх. *дэндэгэр* ‘высокий и неустойчивый’, бурят. *дэндэгэр* ‘зыбкий, тряский’ [Санжеев и др. 1: 184]: к письм.-монг. *dende-r*, *dende-ger*, имя по глаголу *dende-yi*- [см.: Цолоо 1988: 169]. Оба названия не засвидетельствованы в казахском как апеллятивы; в обоих случаях речь может идти о поздних калмыцких заимствованиях в сфере топонимики.

3.5. *Тарбагатай* (каз. *Тарбагатай*) — гора; населенный пункт в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области. Слово правильно проэтимологизировано как производное со значением ‘Сурковый’ от монг. *tarbagan* ‘тарбаган, степной сурок’ в [Конкашпаев 1959: 94; 1963: 109; Эбдірахманов 1975/2010: 199; БАМРС 3: 192]. В [Койчубаев 1974: 210; Койшыбаев 1985: 221] оно анализируется как композит из монгольского (в [Койчубаев 1974] — «тюркского») названия сурка и фиктивного *тай* ‘гора’. Разумеется, *-tai* здесь — монгольский суффикс атрибутива [Поппе 1937: 65]; этимологию прамонгольского названия сурка см. в [Nugteren 2011: 512]. Слово в казахском языке как апеллятив не засвидетельствовано. Его производящая основа заимствована в диалектный казахский (Восточно-Казахстанская обл., Кош-Агачский р-н Алтая, казахи Монголии): *тарбаган* ‘сурок’ [ҚТАС: 649]. Суффикс *-лай/-дай/-тай* в казахском есть, но имеет не атрибутивное, а уподобительное значение и в отличие от монгольского суффикса *-тай* не усекает конечной *-н* основы, поэтому нет сомнений, что производное было заимствовано из монгольских языков. Точное определение монгольского источника на языковых основаниях невозможно. Топоним засвидетельствован на монгольских картах в формах *Tarbayantai* и *Tarbayatai* [Haltod 1966: 178]; ср. также на Алтае р. *Тарбагатай-Булак* ‘Сурковый родник’ (второй компонент не демонстрирует гибридного названия, так как слово *булаг* ‘родник’ заимствовано из тюркских в монгольские языки как апеллятив) [см.: Молчанова 2: 192].

3.6. Спорно происхождение оронима *Калба* (каз. *Қалба*) — горный хребет, Восточно-Казахстанская область. Монгольское название продолжения этого хребта на территории Монголии — *Холбоо* (на джунгарских картах — *Qolbu-ya ayula* [Holtod 1966: 144]). Поэтому [Конкашпаев 1984: 100] предполагает, что каз. *Қалба* — это «испорченная» форма. Действительно, эта форма может быть русифицированной. На русские карты топоним *Калба* попал еще в конце XVIII в. [см., например: Бурштейн 2012]. Такая адаптация рефлексов письм.-монг. *Qolbu-ya* (имя по глаголу *qolbu-* ‘связывать, соединять’, ПМонг. **kolba-* [Nugteren 2011: 419]; хребет соединяет Горный Алтай с Рудным Алтаем) вполне возможна при передаче через «акающий» вариант русского языка. Поэтому

гипотеза, что в казахском мы имеем дело с заимствованным из русского оронимом, являющимся адаптацией монгольского оронима (ср. ойр. монг. *xolbā* ‘соединение, связь’ [Цолоо 1988: 422], ойр. синьцз. *холваа* ‘то же’ [Тодаева 2001: 399]), выглядит наиболее вероятной. Кроме Конкашпаева, такое происхождение считают возможным авторы [Койшыбаев 1985: 144; Бияров 2012а: 132].

В литературе, однако, популярны и две другие гипотезы. Одна — это связь с каз. *қалбағай* ‘плоский’, которое представляет собой заимствованный из монгольского апеллятив²²; в монгольских языках имеется глагол **kalba-yi-* ‘быть широким и плоским’ и производные от него, например монг. *халбағар* ‘широкий’, ‘плоский’ [Санжеев и др. 3: 24]. Эта гипотеза представлена в [Жанұзақ 2010: 118–119; Бияров 2012а: 132]. Поскольку формально казахский ороним не совпадает ни с одним из засвидетельствованных производных, вряд ли эта гипотеза верна.

Вторая гипотеза — наименование хребта по сибирско-тюркскому названию черемши: общетюрк. **qalba*, ? др.-уйг. *qalma* ‘какой-то вид пищи’ (в медицинском трактате) [EDT], хак. *xalba* ‘черемша’, шор., челк., саг., койб. *qalba*, тоф. *hılba*, тув. *хылба* ‘то же’ [VEWT: 227; Аникин 2000: 238]. Тюркское слово, возможно, родственно на праалтайском уровне ПМонг. **kaliar*, **kaliarsun* ‘дикий лук и сходные растения’ [Nugteren 2011: 402]. Гипотеза фигурирует начиная с работы [Абдрахманов, Бонюхов 1966: 160], поддержана в [Эбдірахманов 1975/2010: 137; Койчубаев 1974: 14; Койшыбаев 1985: 144; Бияров 2012а: 132].

Б. Н. Бияров считает равновероятными все три гипотезы. С нашей точки зрения, последней гипотезе сильно вредит тот факт, что название черемши не сохранилось в казахском и локализовано в южносибирских языках (древне-уйгурское упоминание ненадежно); но, конечно, полностью исключить возможность сохранения старого апеллятива в топониме нельзя. Другой аргумент Биярова — наличие в позднедревнекитайских хрониках топонима 蔥嶺 *Cōnglǐng*, букв. «Луковые горы» (современное китайское название Памира) [см.: Малявкин 1981: 204–205]. Однако А. Г. Малявкин пишет, что этот китайский топоним относится к западной части Куэнлуня и восточной части Гиндукуша, довольно далеко от рассматриваемого нами места. На монгольских картах имеется также топоним *Qalba quubi* (тип объекта неясен) [Haltod 1966: 133], второе слово имеет значение ‘совет’ [Ковалевский 1846: 856] (или выписанное с ошибкой *gobī* ‘пустыня’ [Казакевич 1934: 20]).

²² Ср. название зимовки *Қалбағай* в Атырауской области, явно связанное с заимствованным апеллятивом.

3.7. Конкай (каз. *Қоңқай*) — гора в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области. Там же засвидетельствованы оронимы *Бала Қоңқай* (ср. *бала* ‘ребенок’), *Үлкен Қоңқай* (ср. *үлкен* ‘большой’), ойконим *Қоңқайбаза* (из рус. *ба́за*)²³. Этимология в [Бияров 2012а: 140] возводит первый слог к монг. *гон* ‘холостой, одинокий’ (которое находим только в халха как компонент парного слова *гон бие* ‘один-одинешенек’; из кит. 鰥 *guān* ‘то же’ [Сүхбаатар 1997: 67]; наиболее подходящая форма, обнаруживающаяся собственно в монгольских языках, — это ПМонг. **gagča ~ *gañča* ‘одинокий’ [Nugteren 2011: 336], однако далекая фонетически), второй же считает общим тюрко-монгольским суффиксом. Б. Н. Бияров [2012а: 140] толкует ороним как ‘Отдельно стоящий, изолированный’. В силу слабой засвидетельствованности основы в монгольских языках, вероятно, стоит связать ороним с казахским апеллятивом *қоңқай* ‘положение альчика (овечьей бабки, используемой в игре в кости), поставленного «на попа»’ [ҚӘТС 10: 67]. Это слово само по себе монголизм, ср. калм. *хонгā* ‘зад у детей’ (детское слово) [KWb: 185 и др.; см.: ЭСТЯ 2000: 57–58], но топоним следует считать производным от апеллятива.

Заключение

В рассмотренной более или менее случайной выборке казахских топонимов предположительно монгольского происхождения (28 единиц) обнаруживается восемнадцать топонимов, заимствованных именно как таковые, причем их заимствование допускает датировку джунгарским периодом; девять топонимов, образованных, вероятно, от казахских апеллятивов монгольского происхождения; один из топонимов (*Жүнжүрек ~ Жаужүрек*) может быть интерпретирован как переосмысление и тюркизация ойратского названия; один из топонимов, предположительно, является гибридным (но может быть и полностью заимствованным: *Доланқара*) — см. табл. 2. Четыре топонима, возможно, получили ранее монгольскую этимологию ошибочно. Не попало ни одного топонима, интерпретация которого требовала бы ранней (доджунгарской) датировки топонимического заимствования.

В шести случаях (*Дөлен, Өрел, Арғұт, Үбі, Дендер, ? Қалба*) топонимы получали неверную интерпретацию из-за того, что топонимисты рассматривали русифицированный вариант названия. В двух случаях, напротив, топонимисты напрасно не принимали во внимание более старый вариант, отраженный в русскоязычной топонимике: *Шар, Шірік*.

²³ Форму ойконима см. в [Рудный Алтай].

Таблица 2

Типы топонимов по происхождению

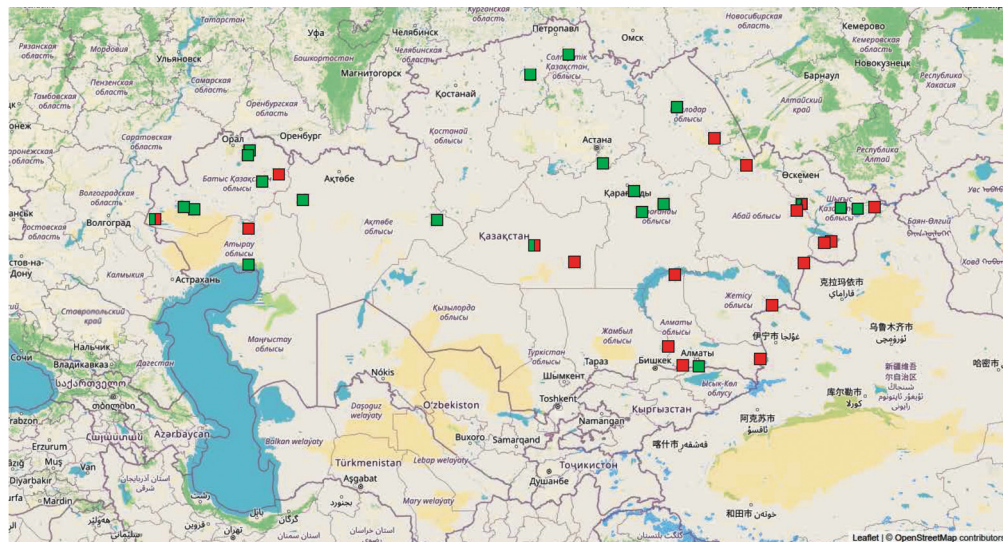
Топонимы из апеллятивов монголь- ского происхождения	Топонимы, заимствованные как таковые	Гибридные топонимы	Собственно-тюркские топонимы
<i>Белшер</i>	<i>Дегерес</i>	<i>Доланқара?</i>	<i>Жұнжүрек</i> (реинтерпре- тация заимствования?)
<i>Долан</i>	<i>Дөлен</i>		<i>Шірік</i>
<i>Таран</i>	<i>Өрел</i>		<i>Сайқын?</i>
<i>Арғұт</i>	<i>Шабар</i>		<i>Үбі</i>
<i>Нұра</i>	<i>Бұлдырты</i>		<i>Қалба?</i>
<i>Байса</i>	<i>Далқоңыр</i>		
<i>Қоңқай</i>	<i>Зайсан</i>		
<i>Қалбағай</i>	<i>Кеңгір?</i>		
<i>Саралжын</i>	<i>Гурбан-Чар</i>		
	<i>Шорға</i>		
	<i>Дересін</i>		
	<i>Индер</i>		
	<i>Дендер</i>		
	<i>Тарбағатай</i>		
	<i>Қалба?</i>		
	<i>Дардамты</i>		
	<i>Доланқара?</i>		
	<i>Сайқын?</i>		

Мы видим также, что для уточнения этимологии топонимов полезно не пренебрегать общими принципами сравнительно-исторического языкознания, в частности учитывать фонетические соответствия между родственными языками, относительные датировки фонетических переходов и возможности фонетической адаптации заимствований в соответствии с устройством фонологических систем языка-источника и принимающего языка.

Интересно было бы рассмотреть также следующий вопрос. В территорию Джунгарского государства входили следующие области современного Казахстана: Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Абайская, выступ вдоль

Балхаша Карагандинской области, Жамбылская, Жетыауская, Алматинская, Туркестанская. Имеются ли на территории прочих областей названия монгольского происхождения, заимствованные именно как топонимы, а не такие, которые объяснимы на собственно казахской почве с помощью более ранних заимствований из среднемонгольских языков?

Проанализированный выше материал дает следующую картину.



- оттапеллятивные топонимы
- непосредственно заимствованные топонимы
- возможны оба варианта

Карта 1. Распространение типов топонимов монгольского происхождения на территории Казахстана



Карта 2. Джунгарское ханство в XVIII в. [Джунгарское ханство...]

Похоже, что гипотеза в целом подтверждается: вероятно, казахские топонимы, заимствованные из монгольских языков (скорее всего, ойратской группы), представляют топонимику Джунгарского ханства (кроме случаев заимствования из калмыцкого, т. е. топонимики Калмыцкого ханства). Более ранние монгольские заимствования прошли в апеллятивную лексику, и топонимы из них образуются уже на казахской почве. Если ранее (в период Монгольской империи) и были заимствованы какие-то топонимы, то, по-видимому, они впоследствии стерлись. Но разумеется, для полного подтверждения такого вывода необходимо полное обследование казахской топонимики.

Сокращения

В названиях административно-территориальных единиц

Акт.	Актюбинская область Казахстана	Кзыл-Орд.	Кызыл-Ординская область Казахстана
Жанг.	Жангалинский район Западно-Казахстанской области Казахстана	Кост.	Костанайская область Казахстана
Караб.	Карабулакский район Жетысуйской области Казахстана	Ырг.	Иргизский район Актюбинской области Казахстана

В названиях языков и диалектов

бао	баоаньский язык	общетюрк.	общетюркский язык
бараб.	барабинско-татарский язык	ойр.	ойратский язык
вост.-кыпч.	восточно-кыпчакские языки	ойр. монг.	ойратский диалект Монголии
дагур.	дагурский язык	ойр. синьцз.	ойратский диалект Синьцзяна
др.-иран.	древнеиранские языки	орд.	ордосский язык
др.-тюрк.	древнетюркский язык	письм.-монг.	письменно-монгольский язык
др.-уйг.	древнеуйгурский язык	ПМонг.	прамонгольский язык
дунс.	дунсянский язык	праобщетюрк.	праобщетюркский язык
зап.-ср.-монг.	западно-среднемонгольский язык	ПСевМонг.	прасеверномонгольский язык
кач.	качинский диалект хакасского языка	ПТюрк.	пратюркский язык
кет.	кетский язык	раннетюрк.	раннетюркская форма
койб.	койбальский диалект хакасского языка	саг.	сагайский диалект хакасского языка
кум.	кумыкский язык	сев.-монг.	северномонгольские языки
кыз.	кызыльский диалект хакасского языка	сойон.	сойонский язык
кыпч.	кыпчакские языки	ср.-монг.	среднемонгольский язык
кюэр.	кюэрикский говор нижнечулымского диалекта	теленг.	теленгитский язык
маньчж.	маньчжурский язык	телеут.	телеутский язык
монгор.	монгорский язык	тоф.	тофаларский язык
новоперс.	новоперсидский язык	туб.	тубаларский язык
ног.	ногайский язык	тюрк.-монг.	тюрко-монгольская форма
нуйг.	новоуйгурский язык	угор.	угорские языки
общекыпч.	общекыпчакская форма	хак.	хакасский язык

халх.	халхаский язык	шира-юйг.	шира-югурский язык
чагат.	чагатайский язык	шор.	шорский язык
челк.	челканский язык		
Прочие			
ИМ	словарь Ибн Муханны	местн.	местность
Лейд.	Лейденская рукопись (средне-монгольский памятник)	письм.	письменный язык

Источники

- Аккайынский район // Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Аккайынский_район (дата обращения: 20.08.2023).
- Базылхан Б. Монгол-казах толь (Моңғолша-қазақша сөздік). Улаанбаатар : Өлгий, 1984.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь : в 4 т. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. М. : ACADEMIA, 2001–2002.
- Березин И. Турецкая хрестоматия : в 3 т. Т. 3. Казань : Тип. Казан. ун-та, 1890.
- БРС — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь : в 2 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010.
- Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий : в 2 т. СПб. : Тип. Имп. АН, 1868–1871.
- Буриштейн Е. Ф. «Песочное золото» в России: путешествие Матвея Снегирева в 1790 году // Природа. 2012. № 6. С. 67–73.
- Джунгарское ханство в XVIII в. // Википедия : [сайт]. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/a6/Mongolia_XVII.png (дата обращения: 20.08.2023).
- ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука, 1969.
- Ильминский Н. И. Материалы к изучению киргизского наречия. Кн. 4 // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1860. Кн. 3–4. С. 107–162.
- ИРК — Күзембайұлы А., Әбіл Е. А. История Республики Казахстан : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Астана : Фолиант, 2000.
- Ковалевский О. М. Монголо-русско-французский словарь : в 3 т. Казань : Унив. тип., 1846. Т. 2. С. 595–1545.
- Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1974.
- Конкашпаев Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата : Наука, 1963.
- ҚӘТС — Қазақ әдеби тілінің сөздігі : 15 томдық / құраст. М. Малмаков, Қ. Есенова, Б. Хинаят. Алматы : Тіл білімі институты, 2011.
- Қойшыбаев Е. Қазақстанның жер-су аттары сөздігі. Алматы : Мектеп, 1985.
- ҚТАС — Қазақ тілінің аймақтық сөздігі / құраст. Ғ. Қалиев, О. Нақысбеков, Ш. Сарыбаев, А. Үдербаяев. Алматы : Арыс, 2005.
- Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы : Дайк-пресс, 2005.
- Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1979.
- Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая : в 2 т. Щецин : Volumina pl Daniel Krzanowski, 2018.
- Муниев 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М. : Русский язык, 1977.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль. 1984.

- Мурзаев Э., Мурзаева В. Словарь местных географических терминов. М. : Изд-во АН СССР, 1959.
- Мұсақұлов Т. Орысша-қазақша түсіндірмелі биологиялық сөздік. І. Алматы : Қазақ мемлекет баспасы, 1959.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М. : Мысль, 1966.
- Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки : в 2 ч. СПб. : Тип. Шнора, 1787–1789.
- Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб : в 2 ч. М. ; Л. : Наука, 1938.
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 3 : Киргизское наречие. СПб. : Тип. Имп. АН, 1870.
- Рудный Алтай — Багаутдинов Ш. Напрасно ждала мать сына домой... // Рудный Алтай. Дата публ.: 21.04.2015. URL: <https://rudnyi-altai.kz/naprasno-zhdala-mat-syna-domoy/> (дата обращения: 21.08.2023).
- Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангар» и полевым записям автора). Элиста : Калм. кн. изд-во, 2001.
- Тумурдэй Г., Цыбенов Б. Д. Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.
- Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар : ИЯЛ АН МНР, 1988.
- Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь : в 2 кн. Фрунзе : Гл. ред. кирг. Сов. энцикл., 1985.
- Ядринцев Н. М. Об алтайцах и черневых татарах // Известия Императорского Русского географического общества. 1887. Т. 17, вып. 1. С. 228–254.
- Enkhbat. Dayur kelen-ü üges / Dáwò'èryū cihui [Vocabulary of Dagur]. Hohhot, 1984.
- Golden P. The Turkic world in Maḥmūd al-Kāshgharī // The Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE. Empires, Cities, Nomads and Farmers in Bonn Contributions to Asian Archaeology 7 / ed. by J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. P. 503–555.
- Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geshichte der Mongolen. Leipzig : Otto Harrassowitz, 1939.
- Haltod M. Mongolische Ortsnamen. I. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1966.
- НУ — Lewicki M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław : Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 1949.

Исследования

- Абдрахманов А. А. Историко-этимологическое исследование топонимов Казахстана. Алмата : Ғылым, 1991.
- Абдрахманов М. А., Бонюхов А. А. Топонимические названия Шории // Языки и топонимия Сибири — I / ред. А. Дульзон. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1966. С. 159–169.
- Абжанова Г. Основные проблемы топонимики Казахстана. Топонимика Восточно-Казахстанской области // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство : сб. материалов междунар. науч. конф. / ред. И. В. Ерофеева. Алматы : EVO PRESS, 2014. С. 25–32.
- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск : Наука, 2000.
- Артықбаев Ж. О., Ерманов А. Т., Жәнісов Ә. Т. Орта Ертіс өңірі кимақ дәуірінде («Темір жауынгер» құпиясы). Астана : Фолиант, 2004.

- Әбдірахманов А. Топонимика және этимология. Алматы : Ғылым 1975 ; 2-ші басылым. Павлодар : Павлодар мемлекеттік университеті, 2010.
- Битанова А. С. Из наблюдений над казахской топонимикой Кустанайской области // Вопросы топонимастики. 1962. Вып. 1. С. 41–43.
- Бияров Б. Жер-су аттарының сөзжасамдық үлгілері. Алматы : Мемлекеттік тілді дамыту институты, 2012а.
- Бияров Б. Н. Особенности монголоязычных топонимов казахского Алтая // Инновации в науке : сб. ст. по материалам XI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / ред. Я. А. Полонский. Новосибирск : СибАК, 2012б. Ч. 1. С. 63–71.
- Горбунов А. П. Особенности формирования некоторых топонимов Казахстана // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство : сб. материалов междунар. науч. конф. / ред. И. В. Ерофеева. Алматы : EVO PRESS, 2014. С. 46–55.
- Дыбо А. В. Инлаутные гуттуральные в тунгусо-маньчжурском и праалтайском // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе : тез. конф. / ред. В. А. Дыбо, Р. В. Булатова. М. : Ин-т славяноведения АН СССР, 1990. С. 51–53.
- Дыбо А. В. Монгольские названия деревьев в алтайском словаре // Трофим Алексеевич Бертагаев : к 100-летию со дня рождения / ред. Н. Г. Очирова. Элиста : Джангар, 2006. С. 42–64.
- Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. К., Шаров А. В. Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 5. С. 1415–1437. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437>
- Жанұзақ Т. Тарихи жер-су аттарының түптөркіні. Алматы : Сөздік-словарь, 2010.
- Искаков А. И. Из истории слов // Қазақ тілі мен әдебиеті. 1959. Т. 12, № 5. С. 80–92.
- Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика. Л. : Изд-во АН СССР, 1934.
- Калиев Б. К. Лексико-семантическая и морфологическая структура названий растений в казахском языке. Алма-Ата : Мектеп, 1996.
- Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины : дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1948.
- Конкашпаев Г. К. Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. филологии и искусствоведения. 1959. Вып. 1. С. 85–98.
- Конкашпаев Г. К. Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана // Проблемы этногенеза калмыков / под ред. Г. О. Авляева. Элиста : Респ. тип., 1984. С. 112–118. URL: http://www.hamagmongol.narod.ru/library/konkashpaev_1984_r.htm (дата обращения: 20.08.2023).
- Қуанғанов Ш. Т. Ғұн немесе Арғұн тарихы туралы. Алматы : Білім, 1997.
- Малыкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск : Наука, 1981.
- Мәдиева Г. В., Иманбердиева С. Қ. Ономастика: зерттеу мәселелері. Алматы : Атамұра, 2005.
- Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М. : Наука, 1966.
- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М. : Мысль, 1974.
- Мурзаев Э. М. Аппелятивы в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии / ред. С. У. Умуразаков, В. А. Никонов. Фрунзе : Илим, 1980. С. 198–211.
- Нурмағамбетов А. Жер-судың аты — тарихтың хаты. Алматы : Балауса, 1994.
- Омарбеков С. География фонетических различий казахской речи. Алма-Ата : Рауан, 1992.
- Поппе Н. Грамматика письменного монгольского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937.

- Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М. : Наука, 1980.
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. СПб. : Нестор-История, 2019.
- Сагидолда Г. С. Түркі-моңғол тілдік байланысы: топонимия және фразеология. Астана : Кантана Пресс, 2011.
- Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков : в 3 т. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2015–2018.
- Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М. : Наука, 1966.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2001.
- СИГТЯ 2006 — Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М. : Наука, 2006.
- Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар : Адмон компани, 1997.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Чебоксары : ЧГИГН, 1992.
- ЭСТЯ — Севортян Э. В., Благова Г. Ф., Дыбо А. В., Левитская Л. С., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А., Рассадина В. И. Этимологический словарь тюркских языков. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- DO — Mostaert A. Dictionnaire Ordos. New York ; London : Johnson Reprint Corp., 1968.
- EDAL — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden : Brill, 2003.
- EDT — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford : Clarendon Press, 1972.
- Erdal M. Old Turkic Word Formation. Vols. 1–2. Wiesbaden : Harrassowitz Verl., 1991.
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden : Brill, 2004.
- Janhunen 2005 — The Mongolic Languages / ed. by J. Janhunen. London ; New York : Routledge, 2005.
- KWb — Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935.
- Molchanova O. Comparative Characteristics of the Corpora of Altai, Mongol and Azeri Place-Names // Linguistics Across Culture. 2014. Vol. 3. P. 137–156.
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht : LOT, 2011.
- Poppe N. On the velar stops in intervocalic position in Mongolian // Ural-Altaische Jahrbücher. 1959. Vol. 31. P. 271–273.
- Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1964.
- Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987.
- Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki : Studia Orientalia, 1957.
- Serruys H. Place names in Inner Mongolia // Monumenta Serica. 1990–1991. Vol. 39. P. 209–246.
- VEWT — Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969.
- Werner G. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Bd. 1–3. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 2002.

References

- Abdrakhmanov, A. A. (1991). *Istoriko-etimologicheskoe issledovanie toponimov Kazakhstana* [Historical and Etymological Study of Toponyms of Kazakhstan]. Almaty: Gylym.

- Abdrakhmanov, M. A., & Boniukhov, A. A. (1966). Toponimicheskie nazvaniia Shorii [Toponymic Names of Shoria]. In A. Dulzon (Ed.), *Iazyki i toponimiia Sibiri — I* [Languages and Toponyms of Siberia] (pp. 159–169). Tomsk: Tomsk University Press.
- Äbdirakhmanov, A. (2010). *Toponimika zhäne etimologii* [Toponymy and Etymology] (2nd ed.). Pavlodar: Pavlodar memlekettik universiteti. (In Kazakh)
- Abzhanova, G. (2014). Osnovnye problemy toponimiki Kazakhstana. Toponimika Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [The Key Problems of Toponymy in Kazakhstan. Toponymy of the East Kazakhstan Region]. In I. V. Erofeeva (Ed.), *Problemy izuchenii nematerial'nogo kul'turnogo nasledii narodov Kazakhstana i Tsentral'noi Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo* [Problems of Researching the Intangible Cultural Heritage of the Peoples of Kazakhstan and Central Asia: Toponymy, Epigraphy, Art] (pp. 25–32). Almaty: EVO PRESS.
- Anikin, A. E. (2000). *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniia iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic, and Paleo-Asian Languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka.
- Artyqbaev, Zh. O., Ermanov, A. T., & Zhānisov, Ä. T. (2004). *Orta Ertis öniri qıımaq dāwirinde («Temir zhawynger» kupııasy)* [Middle Irtysh Region in the Kimak Era (the Secret of *Temir zhawynger*)]. Astana: Foliant. (In Kazakh)
- Biyarov, B. (2012a). *Zher-suw attarynyng sözzhasamdyq ülgileri* [Word Formation Patterns of Place Names]. Almaty: Memlekettik tildi damytuv instituty. (In Kazakh)
- Biyarov, B. N. (2012b). Osobennosti mongolioazychnykh toponimov kazakhskogo Altaia [Features of Mongolian-language Toponyms of the Kazakh Altai]. In Ya. A. Polonsky (Ed.), *Innovatsii v nauke: sbornik statei po materialam XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Innovations in Science: Proceedings of the 11th International Conference] (Vol. 1, pp. 63–71). Novosibirsk: SibAK.
- Bitanova, A. S. (1962). Iz nabliudenii nad kazakhskoi toponimikoi Kustanaiskoi oblasti [From Observations on the Kazakh Toponymy of the Kustanay Region]. *Voprosy toponomastiki*, 1, 41–43.
- Clauson, G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press.
- Dybo, A. V. (1990). Inlautnye guttural'nye v tunguso-man'chzhurskom i praaltaiskom [Inlautic Gutturals in Tungus-Manchu and Proto-Altaic]. In V. A. Dybo, & R. V. Bulatova (Eds.), *Sravnitel'no-istoricheskoe iazykoznanie na sovremennom etape: tezisy konferentsii* [Comparative-historical Linguistics at the Present Stage: Proceedings of the Conference] (pp. 51–53). Moscow: Institut slavianovedeniia AN SSSR.
- Dybo, A. V. (2006). Mongol'skie nazvaniia derev'ev v altaiskom slovare [Mongolian Names of Trees in the Altaic Dictionary]. In N. G. Ochirova (2006), *Trofim Alekseevich Bertagaev: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia* [Trofim Alekseevich Bertagaev: To the 100th Anniversary of his Birth] (pp. 42–64). Elista: Dzhangar.
- Dybo, A. V., Abubakirova, L. F., Zimin, M. M., Korovina, E. V., Kochakaeva, Z. K., & Sharov, A. V. (2020). Eshche raz o formakh pokazatel'ia mnozhestvennogo chisla v tiurkskikh iazykakh [Revisiting the Forms of the Plural Affix in the Turkic Languages]. *Oriental Studies*, 13(5), 1415–1437. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437>
- Erdal, M. (1991). *Old Turkic Word Formation* (Vols. 1–2). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Erdal, M. (2004). *A Grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill.
- Fedotov, M. R. (1992). *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language] (Vols. 1–2). Cheboksary: ChGIGN.
- Gorbunov, A. P. (2014). Osobennosti formirovaniia nekotorykh toponimov Kazakhstana [Features of the Formation of Some Toponyms of Kazakhstan]. In I. V. Erofeeva (Ed.), *Problemy*

- izucheniiia nematerial'nogo kul'turnogo naslediiia narodov Kazakhstana i Tsentral'noi Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo* [Problems of Researching the Intangible Cultural Heritage of the Peoples of Kazakhstan and Central Asia: Toponymy, Epigraphy, Art] (pp. 46–55). Almaty: EVO PRESS.
- Iskakov, A. I. (1959). Iz istorii slov [From the History of Words]. *Kazak tili men edebietii*, 12(5), 80–92.
- Janhunen, J. (Ed.). (2005). *The Mongolic Languages*. London; New York: Routledge.
- Kaliev, B. K. (1996). *Leksiko-semanticheskaiia i morfologicheskaiia struktura nazvanii rastenii v kazakhskom iazyke* [Lexico-semantic and Morphological Structure of Plant Names in the Kazakh Language]. Almaty: Mektep.
- Kazakevich, V. A. (1934). *Sovremennaiia mongol'skaia toponimika* [Modern Mongol Toponymy]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Konkashpaev, G. K. (1948). *Kazakhskie narodnye geograficheskie terminy* [Kazakh Folk Geographical Terms] (Doctoral dissertation). Almaty.
- Konkashpaev, G. K. (1959). Geograficheskie nazvaniia mongol'skogo proiskhozhdeniia na territorii Kazakhstana [Geographical Names of Mongolian Origin on the Territory of Kazakhstan]. *Izvestiia Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Ser. filologii i iskusstvovedeniia*, 1, 85–98.
- Konkashpaev, G. K. (1984). Nekotorye svedeniia o prebyvanii oiratov na territorii Kazakhstana [Some Information about the Presence of the Oirats on the Territory of Kazakhstan]. In G. O. Avlyayeva (Ed.), *Problemy etnogeneza kalmykov* [Problems of Kalmyk Ethnogenesis] (pp. 112–118). Elista: Resp. tip. Retrieved from http://www.hamagmongol.narod.ru/library/konkashpaev_1984_r.htm
- Mädieva, G. V., & Imanberdieva, S. Q. (2005). *Onomastika: zertteu meseleleri* [Onomastics: Research Problems]. Almaty: Atamura. (In Kazakh)
- Malyavkin, A. G. (1981). *Istoricheskaiia geografiia Tsentral'noi Azii (materialy i issledovaniia)* [Historical Geography of Central Asia: Materials and Research]. Novosibirsk: Nauka.
- Molchanova, O. (2014). Comparative Characteristics of the Corpora of Altai, Mongol and Azeri Place-Names. *Linguistics Across Culture*, 3, 137–156.
- Mostaert, A. (1968). *Dictionnaire Ordos*. New York; London: Johnson Reprint Corporation.
- Murzaev, E. M. (1966). *Priroda Sin'siziana i formirovanie pustyn' Tsentral'noi Azii* [The Nature of Xinjiang and the Formation of the Deserts of Central Asia]. Moscow: Nauka.
- Murzaev, E. M. (1974). *Ocherki toponimiki* [Essays in Toponymy]. Moscow: Mysl'.
- Murzaev, E. M. (1980). Apelliativy v toponimii Srednei Azii [Appellatives in the Toponymy of Central Asia]. In S. U. Umurzakov, & V. A. Nikonov (Eds.), *Onomastika Srednei Azii* [Onomastics of Central Asia] (pp. 198–211). Frunze: Ilim.
- Nugteren, H. (2011). *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht: LOT.
- Nurmagambetov, A. (1994). *Zher-suwdyng aty — tarikhtyng khaty* [Place Names as Historical Strata]. Almaty: Balawsa. (In Kazakh)
- Omarbekov, S. (1992). *Geografiia foneticheskikh razlichii kazakhskoi rechi* [Geographical Distribution of the Phonetic Differences of Kazakh Speech]. Almaty: Rawan.
- Poppe, N. (1937). *Grammatika pis'mennogo mongol'skogo iazyka* [The Grammar of the Written Mongolian Language]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Poppe, N. (1959). On the Velar Stops in Intervocalic Position in Mongolian. *Ural-Altaische Jahrbücher*, 31, 271–273.
- Poppe, N. (1964). *Grammar of Written Mongolian*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Poppe, N. (1987). *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Quwanganov, Sh. T. (1997). *Gun nemese Argun tarikhy tuwraly* [About the History of the Huns or Arguns]. Almaty: Bilim. (In Kazakh)

- Ramstedt, G. J. (1935). *Kalmükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Rassadin, V. I. (1980). *Mongolo-buriatskie zaimstvovaniia v sibirskikh tiurkskikh iazykakh* [Mongol-Buryat Borrowings in Siberian Turkic Languages]. Moscow: Nauka.
- Rassadin, V. I. (2019). *Ocherki po istorii slozheniia tiurko-mongol'skoi iazykovoï obshchnosti* [Essays on the Formation of the Turkic-Mongolic Linguistic Community]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Räsänen, M. (1957). *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*. Helsinki: Studia Orientalia.
- Räsänen, M. (1969). *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk Sprachen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Sagidolda, G. S. (2011). *Türk-mongol tildik bailyany: toponimiia zhāne frazeologiia* [Turkic-Mongolian Language Relations: Toponymy and Phraseology]. Astana: Kantana Press. (In Kazakh)
- Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., & Shevernina, Z. V. (2015–2018). *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov* [Etymological Dictionary of Mongolic Languages] (Vols. 1–3). Moscow: Institut vostokovedeniia RAN.
- Serruys, H. (1990–1991). Place Names in Inner Mongolia. *Monumenta Serica*, 39, 209–246.
- Sevortyan, E. V. (1966). *Affixy imennogo slovoobrazovaniia v azerbaidzhanskom iazyke* [Affixes of Nominal Word Formation in the Azerbaijani Language]. Moscow: Nauka.
- Sevortyan, E. V., Blagova, G. F., Dybo, A. V., Levitskaya, L. S., Nasilov, D. M., Potseluevsky, E. A., & Rassadin, V. I. (1974–). *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Turkic Languages] (Vol. 1–). Moscow: Nauka.
- Starostin, S. A., Dybo, A. V., & Mudrak, O. A. (2003). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden: Brill.
- Sükhbaatar, O. (1997). *Mongol khelnii khar' ügiin tol'* [Dictionary of Mongolian Foreign Words]. Ulaanbaatar: Admon kompani. (In Mongolian)
- Tenishev, E. R. (Ed.). (2001). *Sravnitelno-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika* [Comparative-historical Grammar of the Turkic Languages. Lexics] (2nd ed.). Moscow: Nauka.
- Tenishev, E. R., & Dybo, A. V. (Eds.). (2006). *Sravnitelno-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskii iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka* [Comparative-historical Grammar of the Turkic Languages. The Proto-Turkic Language. The World Picture of the Proto-Turks after the Language Data]. Moscow: Nauka.
- Werner, G. (2002). *Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen* (Bd. 1–3). Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Zhanuzaq, T. (2010). *Tarikhi zher-suw attarynyng tüptörkini* [The Origin of Historical Place Names]. Almaty: Sözdik-slovar'. (In Kazakh)

Lorena PÉREZ-HERNÁNDEZ

PhD, Professor, Department of Modern Languages, University of La Rioja (33, C/San José de Calasanz, 26004 Logroño (La Rioja), Spain)

E-mail: lorena.perez@unirioja.es

<https://orcid.org/0000-0001-6500-0157>

HYPOCORISMS MEET SOUND SYMBOLISM: A SOCIO-ONOMASTIC STUDY OF SPANISH HYPOCORISTIC FORMS OF PERSONAL NAMES IN -I

Abstract

The suffix *-i* has been regarded as a gender-neutral morpheme that communicates affection in Spanish. Previous studies have shown this diminutive morpheme to be more productive in relation to female hypocorisms. There are, however, many Spanish proper names for which there exist pairs of alternative hypocorisms (e.g. *Antonia* > *Toña/Toñi*; *Antonio* > *Toño/Toni*). This paper compares the potentiality of the suffix *-i* to build hypocorisms for both genders with its actual use by Spanish speakers over a four-generation time span from Baby Boomers to Generation Z. It explores the connections between its sound symbolism and its pragmatics in order to assess its alleged gender neutrality over time. The paper is organized as follows. First, the author considers previous literature on sound symbolism and gender, together with a description of the theoretical tools used in the present investigation. Second, the paper describes the methodological decisions adopted for the present research, which include the design of a survey to assess the gender neutrality of the actual use of the hypocorisms by Spanish speakers. The cohort of informants includes 30 men and 30 women from different generations (50% Baby Boomers / Generation X and 50% Millennials / Generation Z). Finally, the author reports and discusses the results of the survey. These point to a preference for hypocorisms in *-i* for female names. Differences also arise in the use of hypocorisms in *-i* in relation to the gender and age of the speakers, signalling an incipient diversion from the traditional use of hypocorisms in *-i* for female names in previous generations.

Keywords: hypocorisms; gender; pragmatics; Spanish; sound symbolism; onomastics; first name

Acknowledgements

This publication is part of the R&D&i project PID2020-118349GB-I00 funded by MICIU/AEI/10.13039/501100011033 (Spain).

For citation

Pérez-Hernández, L. (2024). Hypocorisms Meet Sound Symbolism: A Socio-Onomastic Study of Spanish Hypocoristic Forms of Personal Names in *-i*. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 72–95. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.003

Received on 21 March 2023

Accepted on 25 August 2023

© Pérez-Hernández L., 2024

Лорена ПЕРЕС-ЭРНАНДЕС

PhD, профессор кафедры современных языков, университет Ла-Риохи (33, C/San José de Calasanz, 26004 Logroño (La Rioja), Spain)

E-mail: lorena.perez@unirioja.es

<https://orcid.org/0000-0001-6500-0157>

ГИПОКОРИСТИКИ И ФОНОСЕМАНТИКА: СОЦИОНОМАСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСПАНСКИХ ГИПОКОРИСТИЧЕСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН НА *-I*

Аннотация

В испанском языке суффикс *-i* считается гендерно-нейтральной морфемой, служащей в том числе для образования уменьшительно-ласкательных форм личных имен. Предыдущие исследования показали, что эта морфема более продуктивна в отношении женских имен. Однако есть много испанских имен собственных, для которых существуют пары альтернативных уменьшительных форм (например, *Antonia > Toña / Toñi*; *Antonio > Toño / Toni*). В данной статье исследуется потенциал суффикса *-i* для создания уменьшительных форм имен, называющих людей обоих полов, а также его фактическое использование носителями континентального испанского языка, представляющими четыре поколения — от «бэби-бумеров» до «поколения Z». В статье анализируются связи между звуковым символизмом, выражаемым суффиксом, и его прагматикой, что позволяет оценить сохранение или изменение его предполагаемой гендерной нейтральности с течением времени. Статья организована следующим образом. Сначала дается обзор научной литературы, посвященной проблеме звукового символизма и гендерной маркированности личных имен, а также теоретические основания исследования. Затем описывается методология исследования, которая включает в себя разработку опроса для оценки гендерной нейтральности использования гипокористик с суффиксом *-i* носителями испанского языка. Информантами стали 30 мужчин и 30 женщин разных поколений (50 % — «бэби-бумеры» и «поколение X», другие 50 % — «миллениалы» и «поколение Z»). Полученным количественным данным дается качественная оценка. Результаты исследования свидетельствуют о большей продуктивности суффикса *-i* применительно к женским именам, при этом отмечаются различия в использовании форм имен на *-i* в зависимости от пола и возраста говорящих, что сигнализирует о зарождающемся среди представителей молодого поколения отклонении от традиционной (характерной для предыдущих поколений) модели использования уменьшительных форм женских имен на *-i*.

Ключевые слова: уменьшительно-ласкательные формы; гендер; прагматика; испанский язык; звуковой символизм; ономастика; личное имя

Благодарности

Данное исследование выполнено в рамках проекта PID2020-118349GB-I00, получившего финансовую поддержку Государственного агентства научных исследований и Министерства науки, инноваций и высшего образования Испании (MICIU/AEI/10.13039/501100011033).

Для цитирования

Pérez-Hernández L. Hypocorisms Meet Sound Symbolism: A Socio-Onomastic Study of Spanish Hypocoristic Forms of Personal Names in *-i* // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 72–95. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.003

Рукопись поступила в редакцию 21.03.2023

Рукопись принята к печати 25.08.2023

1. Introduction

Hypocorisms or hypocoristics are colloquial variants of personal names used to show affection towards the person they name. They can take the form of a diminutive (e.g. *Izzy* for *Isabel*), but they can also be the result of clipping (e.g. *Tom* for *Thomas*; *Deb* for *Deborah*), suffixation (e.g. addition of *-y/-ie/-o* suffixes, as in *Annie* for *Ann*) or a combination of them (e.g. *Cassie* for *Cassandra*; *Davo* for *David*). The focus of this investigation is at the crossroads among one specific type of hypocorisms, namely those formed by the addition of the *-i* [i] suffix (with or without additional clipping), the sound symbolism of the suffix at work (*-i*), and its correlation with gender in a gender marked language such as Spanish.

According to Ackermann and Zimmer [2021: 1145] gender marking of personal names can obey to three different procedures: semantic (which assigns specific characteristics based on gender stereotypes, as in *Rose*, which is associated with beauty), formal (which overtly mark gender by means of morphemes, as in the Spanish names *Francisco* (male) and *Francisca* (female) which make use of the *-o/-a* gender suffixes respectively), and conventional (which assigns names to either gender by convention, as in *David* (male) and *Daenerys* (female)). In addition, evidence of correlations of name phonology and gender have also mounted over time [Cassidy et al. 1999; Oelkers 2003; Nübling 2009; Nübling et al. 2015].¹

More specifically, this paper contributes to the current interest in phonology, sound symbolism, and hypocorisms by offering a quantitative study of the pragmatics of the suffix *-i* in a Romance language such as Spanish which displays formal gender marking. In Spanish, gender is marked mainly through inflectional suffixes (*-o/-a*), and to a lesser extent by convention. The suffix *-i*, however, is gender neutral in Spanish [De Bruyne 1995; García-Page 2018]. As such, it is generally agreed that it has the potentiality to be used with both male and female names in the creation of hypocorisms that express affection. However, a closer look at the sound symbolic properties of this suffix in relation to name gender in actual use reveals interesting issues about its pragmatics, which lead to questioning its alleged gender neutrality.

This paper compares the potentiality of the suffix under consideration to build hypocorisms for both genders with its actual use. To this effect, a survey has been carried out on a total of 60 informants to specifically assess (1) the actual use of hypocorisms in *-i* for real male and female names, (2) the preferences in the use of the suffix *-i* by male and female speakers, and (3) whether these preferences have evolved over a four-generation time span. Since gender issues have experienced

¹ See also [Elsen 2016; Ackermann & Zimmer 2021] for two overviews in relation to English and German names, respectively.

a surge of social interest in the past few decades and Spanish society has at least moderately changed its view on this matter, the study investigates potential diachronic changes in the use of hypocorisms in -i. Informants have thus been selected to include members of different generations, with one group including representants of the Baby Boomers and Generation X (i.e. born between 1946 and 1980), and another including Millennials and members of the Generation Z (i.e. born between 1981 and 2010).

The paper is organized as follows. First, a brief state of the art on sound symbolism and hypocorisms is offered, simultaneously introducing the key theoretical notions on which this investigation hinges. Second, the methodology of the investigation is described, including aspects of the survey, informants, and the statistical analysis performed on the data. Third, the results of the study are reported and discussed. And finally, a conclusion is presented and potential aspects for further research are considered.

2. Sound Symbolism and Hypocorisms

2.1. Sound Symbolism and Naming

Sound symbolism refers to the existence of a direct association between the phonological form of a linguistic unit and a particular meaning or semantic property [Lockwood & Dingemanse 2015; Sidhu & Pexman 2018]. A well-known example is the *maluma/takete effect* [Köhler 1929] which states a correlation between the use of some phonemes and round/sharp shapes. The literature also reports on many other attested links between certain phonological patterns and particular semantic fields [Bolinger 1984; Crystal 1991; Napoli 1996; etc.]. By way of illustration, words beginning with the consonant cluster *gl-* are generally related to the concept of light (e.g. *glare, glimmer, glance*), and those starting with *fl-* represent quick movements (e.g. *flap, flee, flinch*). Sound symbolism is different from onomatopoeia or direct iconicity [Masuda 2007], where language is used to mimic sounds that already exist in the world (e.g. *splash* mimics the sound of an object that hits a liquid surface).

In the field of onomastics, associations have been established between gender and certain phonological features or structures of names in some languages. Thus, by way of illustration, English and German female names have been attested to favour endings in unstressed schwa [Lieberson & Bell 1992], vocalic sounds [Slater & Feinman 1985], and specifically front vowels like [i] and [i:] [Klink 2000]. On the contrary, male names in those languages tend to include final fricatives, affricates or plosives [Barry & Harper 1995] or back vowels [Klink 2000]. Aloufi [2022] has also attested associations between female first names and

sonorant consonants and male names and voiceless obstruent consonants in four different languages (Arabic, English, French, and Japanese). Sidhu and Pexman [2015; 2017] and Sidhu, Pexman, and Saint-Aubin [2016] found that English and French informants tend to pair names containing round-sounding consonants with round-edged silhouettes and names including sharp-sounding consonants with a sharp-edged silhouette. They called this the *Bob-Kirk Effect* [Sidhu & Pexman 2015], which revealed that the sound-symbolic associations of phonemes can have an effect even in the context of words with associated information, like proper names.² Further studies have also found associations of phonemes with higher-order abstract properties [Auracher 2017; Tzeng et al. 2017], such as personality traits. These associations have also been shown to correlate with gender stereotypes about women as warm, expressive, and emotional, and men as assertive, competent, and rational [Broverman et al. 1972; Spence & Helmreich 1979]; or in more recent studies, women as easy-going and friendly; and men as determined and rigid [Sidhu & Pexman 2018].

More recently, Ackermann and Zimmer [2021] have investigated the correlation of name phonology and gender from a broader crosslinguistic perspective, considering name-giving practices in several linguistically disparate countries. Their study shows that there is one phonological variable that correlates with gender throughout different languages (i.e. the number of palatal vowels — excluding final sound), but it also reveals that most attested correlations between certain phonological features and the gender of the name bearer are limited to certain regions/languages. This substantiates Nübling's [2018] claim that no sound as such is male or female and that specific correlations can be explained with reference to the diachrony of individual languages or language families and to cultural aspects. Cases of conventional (culture-dependent) sound symbolism are shown to outnumber those of synesthetic (universal) sound symbolism. In this regard, Ackerman and Zimmer [2021: 1166] highlight the importance of carrying out further studies to uncover means of onymic gender marking that have not been considered yet because they are language (family) specific.

2.2. Sound symbolism of front vowels and gender marking of hypocorisms

A well-known case of sound symbolism is the so-called *Mil/Mal effect*, which consists in an association between high-front vowels [i] or [e] and the notion of *smallness*, and between low-back vowels [a], [o] or [u] and *largeness* [Sapir 1929; Newman 1933; Parise & Spence 2012; Ohtake & Haryu 2013].

² See also [Barton & Halberstadt 2018] for a study matching sharp and round-sounding consonants with face shapes of name bearers with similar results.

Several studies have revealed that female names are significantly more likely to contain the stressed high-front [i] sound in English [Cutler et al. 1990; De Klerk & Bosch 1997; Pitcher, Mesoudi & McElligott 2013]. Cutler et al. [1990: 480] further hypothesize that the significantly higher rate of occurrence of the diminutive-forming [i] suffix in female than male nicknames (at a rate higher than that found in English nouns as a whole) may well be related to the associations of the vowel with the concepts *small*, *sharp*, and *bright*: "...if smallness is a concept associated with feminine characteristics rather than with masculine, then it may be that /i/ sounds will occur more often in female than in male names, not only in diminutive-forming suffixes, but in stressed syllable nuclei as well" [Cutler et al. 1990: 478].

There is an existing controversy about the essence of the attested correlation between prosodic-phonological structures and gender marking, with conflicting evidence about their synesthetic or conventional nature [Ackermann & Zimmer 2021]. Authors such as Oelkers [2003], Slepian & Galinsky [2016], among others, point to certain phonological properties (e.g. the sound [i] corresponding to the *-y/-ie/-i* suffix, euphony, or a higher number of vowels) as being aurally metaphorically associated through sound symbolism to certain semantic traits (i.e. smallness) that are congruent with female gender stereotypes. Thus, according to these authors, the phonology of given names does much more than signalling the gender of a name. It also conveys stereotypical ideas of gender and does so across languages. By contrast, Cutler et al. [1990], Whissell [2001], Oelkers [2003], Pitcher et al. [2013], and Nübling [2018], among others, while accepting the existence of correlations between phonological structures and gender marking, reject their synesthetic/sound symbolic nature and argue in favour of an approach based on language-specific conventions.

This ongoing debate invites reflection on the functions of the suffix *-i* in those languages which already have gender marking specific morphemes, such as Spanish. Previous studies have attested the use of the high front vowel [i] in the gender marking of names in English and other languages by taking advantage of the sound symbolic association of this suffix with female stereotypical features (i.e. smallness). The present research investigates the use of the suffix *-i* in relation to Spanish hypocorisms. Spanish is a gender marked language. The male vs female distinction is linguistically expressed by means of the masculine and feminine suffixes (*-o/-a*). The suffix *-i* has not traditionally been considered a gender mark in Spanish [De Bruyne 1995; García Page 2018]. In fact, this suffix can be used in the creation of both male and female hypocorisms (e.g. *Javier* > *Javi*; *Laura* > *Lauri*). Semantically, it has been analysed as an affection marker in Spanish, conveying feelings of endearment, familiarity, and fondness [De Bruyne 1995: 73–102]. As pointed out by García-Page [2018: 229], the suffix *-i* is highly productive in Spanish in colloquial and

familiarity settings and has very few restrictions of use. As a result, this language displays a rich collection of traditional and newly coined hypocorisms in *-i* which are formed mostly through apocope (*Cecilia* > *Ceci*) and, to a lesser extent, through substitution (*Paula* > *Pauli*), addition (*Flor* > *Flori*) or acronymy (*María Pilar* > *Mapi*) (see [García-Page 2018] for an exhaustive description of the formation mechanisms of hypocorisms in *-i* in Spanish).

3. Objectives and Methodology

Studies on the sound symbolism of high front vowels have offered ground for the consideration of the suffix *-i* as yet another linguistic tool for marking gender of proper names. This has been attested in languages such as English which do not have an inflectional gender marking suffix (see previous section). The general objective of the present research is to analyse the use of the morpheme under consideration in a language which already enjoys an inflectional morphology for gender marking. Spanish makes use of the suffixes *-o/-a* for this purpose, which frees the suffix *-i* from a gender signalling role and endows it with a primarily affective meaning. Nevertheless, given the sound symbolic properties of this suffix (i.e. smallness) and their association with female stereotypes (i.e. women as small, delicate, fragile beings), it is not unreasonable to consider whether the actual use of hypocorisms in *-i* in Spanish is limited to the communication of affection or it may be more gendered tinted than traditional literature suggests. From this general objective stem the following specific research questions and hypotheses that will guide the present study:

Research Question 1: Are hypocorisms in *-i* used as often for male and female names in Spanish? In other words, for those Spanish hypocorisms which display a form in *-i* and others in a gender marked suffix (*-o/-a*) or a clipping (e.g. *Antonia* > *Toña/Toñi*, *Antonio* > *Toño/Toni*), which one is preferred in actual use for male vs female names?

Hypothesis 1: Since the suffix *-i* is not gender marked in Spanish and simply expresses affection, informants are expected to show no preference for its use in relation to the gender of the name under consideration.

Research Question 2: Do men and women make a similar use of hypocorisms in *-i*?

Hypothesis 2: Since *-i* is not gender marked in Spanish and simply expresses affection towards the addressee, informants are expected to make a balanced use of hypocorisms in *-i* for male and female names, regardless of the speakers' gender.

Research Question 3: Does the age of the speakers influence the actual use of hypocorisms in *-i*?

Hypothesis 3: Since *-i* is not gender marked in Spanish and simply expresses affection, informants are expected to make a balanced use of hypocorisms in *-i* for male and female names, regardless of their age.

To test the hypotheses specified above, a survey was conducted on 60 informants. They were Spanish (Spain) speakers born between 1946 and 2010. This age range allows a comparison of the use of hypocorisms in *-i* by speakers of different ages. Thus, for the purpose of our study, participants were split into two age groups of roughly 30 people each: one for those born between 1946 and 1980 (Baby Boomers and Generation X), and one for those born from 1981 to 2010 (Millennials and Generation Z). Participants were selected so that the number of men and women was balanced within each age group. They were also homogeneous with respect to their educational background (intermediate educational level), social class (middle class) and ethnicity (Caucasian).

A Google Forms survey was designed to investigate the three research questions and hypotheses described in the previous section. The survey was aimed at assessing the actual use of real hypocorisms in Spanish. It consisted of two sections. In the first section participants were asked some basic personal information (age, gender, educational level, monthly income, nationality, country of residence). In the second section, informants were provided with a brief definition of the notion of *hypocorism* and asked to choose between one of two hypocorisms offered for eight proper names in Spanish, of which four corresponded to male names (i.e. *Francisco*, *Antonio*, *Víctor*, *Eduardo*) and four to female names (i.e. *Francisca*, *Antonia*, *Laura*, *Miriam*).

The criteria for name selection were the following. First, only names susceptible of having two or more well-known hypocorisms, including one using the suffix *-i*, were considered. Recently coined names, which have not yet developed a hypocorism, and monosyllabic proper names, which are not susceptible of developing one, were discarded. Second, names whose hypocorisms in *-i* stem from a clipping process (e.g. *Daniel* > *Dani*) or are a loan from a foreign language (e.g. *Charles* > *Charli*) were also set aside so that the data exclusively contains instances of use of the high-front vowel [i] as an affection marker morpheme. Finally, names which share the same hypocorisms for male and female names were not included (e.g. *Pablo/Paula* > *Pau*). The final selection also attempted to achieve a balance between the inclusion of traditional names (*Francisco*, *Antonia*) and more contemporary ones (*Laura*, *Eduardo*). In the survey, all participants were given the same pairs of hypocorisms for each name, but the shuffle order option in Google Forms was activated so that the hypocorisms under analysis were presented randomly for each participant.

The results from the survey were collected in an excel file, and later analysed in relation to the speakers' preferences of the use of the high-front *-i* suffix in real male and female hypocorisms, as well as their interaction with the age and gender of the participants.

4. Results and Discussion

This section reports on the results obtained from the survey data collected to investigate the pragmatics of Spanish hypocorisms in *-i* and offers a qualitative discussion from which fine-grained conclusions are drawn about the prevalence and functions of the hypocorisms under consideration.

4.1. Potentiality vs Actuality of Use of the High-Front Vowel *-i* as a Hypocoristic Suffix in Male and Female Proper Names

The survey questionnaire was designed to elucidate the actual use of hypocorisms in *-i* in Spanish. The literature has traditionally considered this suffix as gender neutral and as a means of conveying endearment or affection towards the addressee [De Bruyne 1995; García-Page 2018]. Under this premise the use of the high front suffix is expected to be similar when considered in relation to both male and female names. The analysis of the data yields the following results in relation to the names under scrutiny.

Three of the male names under scrutiny (*Francisco*, *Antonio*, and *Eduardo*) showed a marked reluctance towards the use of hypocorisms in *-i*. For *Francisco*, **Paco** was preferred to *Franci* (50 vs 10); for *Antonio*, **Toño** was preferred to *Toni* (55 vs 5); and for *Eduardo*, **Edu** was preferred to *Edi* (56 vs 4). Figure 1 illustrates the results. Only for one of the male names (i.e. *Víctor*) the informants' choice of hypocorisms showed a more balanced result, with approximately half of them using **Vito** and the other half using **Viti**. As a matter of fact, *Vito* also exists as a proper noun different from *Víctor* and this fact was overlooked when the names were chosen for analysis. This could have led some informants to use *Viti* as a preferred hypocoristic for *Vito*, and *Vito* as a preferred hypocoristic for *Víctor*, which explains the exceptional functioning of this name in comparison to the previous three.

On the contrary, when a clear difference in use existed, as was the case with the other three male names, this was towards the avoidance of the hypocorisms in *-i* for male names. The theoretical potential of this allegedly neutral suffix in the derivation of affective hypocorisms clashes with the speakers' actual use preference towards alternative forms in *-o* or *-u* for male names.

All female names displayed a marked preference for the use of hypocorisms in *-i*. Thus, for *Francisca*, **Paqui** was preferred to *Paca* (43 vs 17); for *Antonia*,

Toñi was preferred to *Toña* (45 vs 15); for *Laura*, *Lauri* was preferred to *Lau* (40 vs 20); and for *Miriam*, *Miri* was preferred to *Mir* (46 vs 14). See Figure 2 for the quantitative results on the actual use of hypocorisms in *-i* in relation to the female names under consideration. Thus, in contrast to male names, in the case of female names, the suffix *-i* has been found to be the preferred choice in the formation of hypocorisms among the informants taking part in the survey.

As reported in previous sections, phonosymbolism has mounted up evidence supporting the association between the high-front vowel *-i* and concepts like smallness and, indirectly, affection, since small things are usually harmless and lovable. Many unrelated languages (Spanish, German, Hungarian, English, Swedish, Hebrew, some Arabic variants, Akan, and Guaraní, among others) have been reported to make use of the suffix *-i* in the formation of hypocorisms that show affection towards the addressee [Bodor & Barcza 2007; Hora et al. 2007; Monzó Gallo 2017]. For some of these languages, which lack a gender-marking morphological system (e.g. English), studies have further revealed a more frequent use of this suffix in association with female names. In those languages equipped with gender-marking morphological suffixes (e.g. Spanish), the literature, however, has traditionally described this suffix as a gender-neutral morphological resource to build affective hypocorisms [De Bruyne 1995; Monzó Gallo 2017]. García-Page [2018: 242] also states that hypocorisms in *-i* involve a higher degree of affection, and his data suggest that the use of this suffix is more frequent in the formation of female names. However, there are many instances of Spanish proper names, both male and female, which offer a choice between a hypocoristic form in *-i* and alternative forms resulting from different strategies (e.g. clipping). The names used in our survey illustrate this (e.g. *Antonio* > *Toño*/*Toni*; *Antonia* > *Toña*/*Toñi*).

The analysis of our data, however, challenges the gender-neutral views of hypocorisms in *-i*. It shows that Spanish speakers tend to favour their use for female hypocorisms and largely avoid them for male hypocorisms even in those cases in which they are equally at their disposal. The association between the high-front vowel and the notion of smallness and affection, which is well-known since classical studies (Plato), correlates with gender stereotypes about women (small, fragile) and may provide an explanation for the preferences of use described in relation to hypocorisms in *-i* in Spanish in this section.

4.2. The use of *-i* as a hypocoristic suffix in relation to the gender of the speakers

The second research question guiding this study focuses on the effect of the speakers' gender in the choice of hypocorisms. It aims at elucidating whether

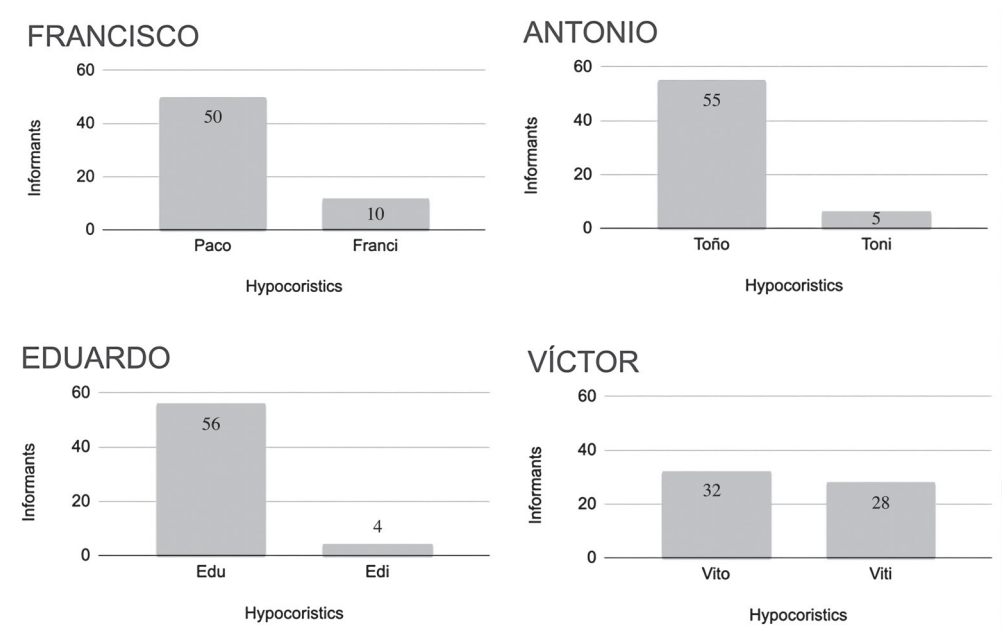


Figure 1. Quantitative results for the use of male hypocoristic pairs in Spanish

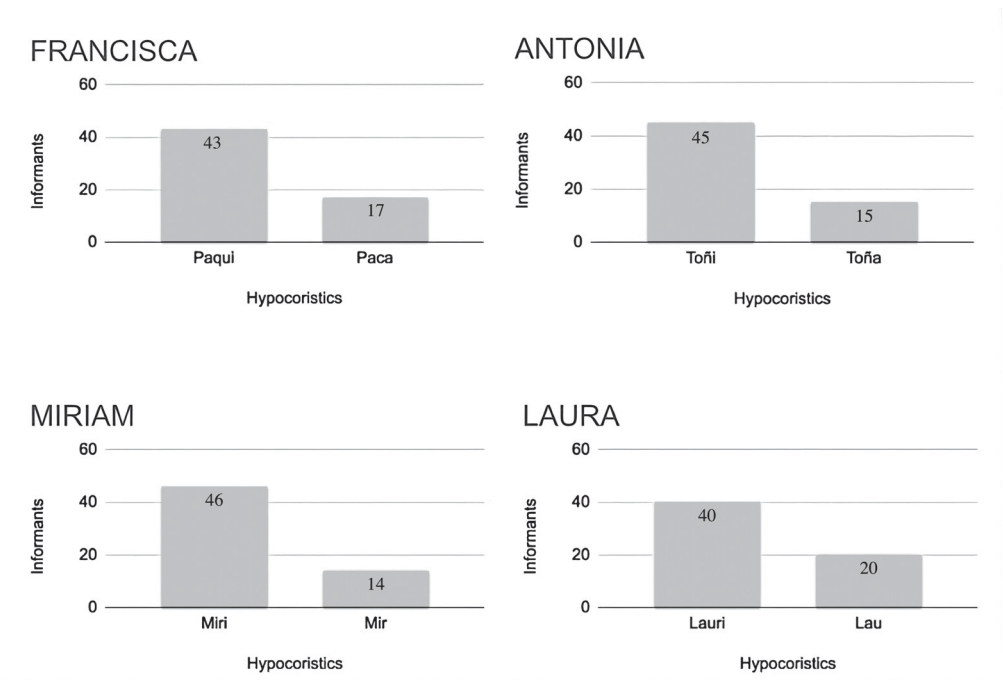


Figure 2. Quantitative results for the use of female hypocoristic pairs in Spanish

male and female speakers make a similar use of hypocorisms in *-i*. In relation to this issue, it was hypothesized that, since the suffix under consideration is not gender marked in Spanish, both male and female informants would make a balanced use of hypocorisms in *-i* and other alternative forms both for male and female names. The analysis of the data suggests that this is not always the case.

Two of the masculine names (i.e. *Francisco* and *Antonio*) displayed no marked differences in the use of hypocorisms in relation to the gender of the speakers (See Tables 1 and 2). Both male and female informants showed a clear preference for alternative forms that did not make use of the suffix *-i*:

Table 1

Quantitative results for the hypocorisms of *Francisco* in relation to the speakers' gender

Name	Female	Male	Total
<i>Paco</i>	25	25	50
<i>Franci</i>	5	5	10

Table 2

Quantitative results for the hypocorisms of *Antonio* in relation to the speakers' gender

Name	Female	Male	Total
<i>Toño</i>	28	27	55
<i>Toni</i>	2	3	5

The data about the other two male names under scrutiny (i.e. *Víctor* and *Eduardo*), however, did reveal the existence of differences in use between male and female informants. In the previous section, *Víctor* was shown to display no significant preference for the use of either of its potential hypocorisms (i.e. *Vito* vs *Viti*) when considering the responses of all informants regardless of their gender. However, a closer analysis of the choice of hypocorisms for *Víctor* in relation to the gender of the informants reveals an interesting asymmetry (see Table 3). In this way, male speakers align themselves with the overall trend, already witness in the global analysis of the data, of using the hypocorism that avoids the use of the suffix *-i* for male names. While women, especially those belonging to younger generations (see next section), tend to use *Viti* more often. This fact could find an explanation in the desire of men not to show affection for other males, a behavioural pattern that is not socially penalized in the case of women.

Table 3

Quantitative results for the hypocorisms of *Víctor* in relation to the speakers’ gender

Name	Female	Male	Total
<i>Vito</i>	10	22	32
<i>Viti</i>	20	8	28

The choice of hypocorisms for *Eduardo* also exhibits some variance in relation to the gender of the speakers, as can be seen in Table 4. Its hypocoristic in -u [u] (i.e. *Edu*) is generally preferred by both male and female informants. In fact, the former do not report any instance of use of the hypocoristic in -i, but some women in younger generations (Millennials/Generation Z) seem to have started using the *Edi* form in a significant manner both in comparison to women in previous generations (Baby Boomers/Generation X) and to men of their own generation, as will be discussed in detail in the next section.

Table 4

Quantitative results for the hypocorisms of *Eduardo* in relation to the speakers’ gender

Name	Female	Male	Total
<i>Edu</i>	25	30	55
<i>Edi</i>	5	0	5

As regards female names, interactions with the gender of the speakers are less marked. Three of the names (i.e. *Francisca*, *Antonia*, and *Miriam*) do not display any relevant differences in the use of the hypocorisms in relation to the gender of the informants. Both male and female speakers prefer ***Paqui*** over *Paca*, ***Toñi*** over *Toña*, and ***Miri*** over *Mir*. Quantitative data for these three names is included in Tables 5–7.

Table 5

Quantitative results for the hypocorisms of *Francisca* in relation to the speakers’ gender

Name	Female	Male	Total
<i>Paca</i>	9	8	17
<i>Paqui</i>	21	22	43

Table 6

Quantitative results for the hypocorisms of *Antonia* in relation to the speakers' gender

Name	Female	Male	Total
<i>Toña</i>	7	8	15
<i>Toñi</i>	23	22	45

Table 7

Quantitative results for the hypocorisms of *Miriam* in relation to the speakers' gender

Name	Female	Male	Total
<i>Mir</i>	8	6	14
<i>Miri</i>	22	24	46

The only exception arises in the case of *Laura* where the survey data points to significant asymmetries in the choice of a hypocorism (i.e. *Lauri* vs *Lau*) depending on the gender of the informants. Thus, overall, women tend to use *Lau* more often than men (13 vs 7 instances respectively). See Table 8.

Table 8

Quantitative results for the hypocorisms of *Laura* in relation to the speakers' gender

Name	Female	Male	Total
<i>Lau</i>	13	7	20
<i>Lauri</i>	17	23	40

4.3. The use of -i as a hypocoristic suffix across generations

This section focuses on the third of the research questions guiding the present investigation. In this regard, it was hypothesised that, since according to the existing literature the diminutive suffix -i is not gender marked in Spanish, informants are expected to make a balanced use of hypocorisms in -i for both male and female names regardless of the generation to which they belong.

As regards male names, the analysis of the data reveals an effect of the age of the speakers in three of the names under scrutiny (i.e. *Francisco*, *Antonio*, and *Eduardo*). On the contrary, the use of the hypocorisms for *Víctor* does not seem to be affected by this factor. Let us look into each name in detail.

As Table 9 illustrates, in the case of *Francisco*, the data shows that, despite the fact that *Paco* is used by a higher number of speakers (both male and female) of all generations, those belonging to the Millennial and Generation Z groups show a slight increase in the use of *Franci*.

Table 9

**Quantitative results for the hypocorisms of *Francisco*
in relation to the speakers' generation**

Name	Baby Boomers Generation X (b. 1949–1980)	Millennials Generation Z (b. 1981–2010)	Total
<i>Paco</i>	28	22	50
<i>Franci</i>	2	8	10

Similarly, *Toño* is used by a higher number of speakers of all generations than *Toni*, but younger speakers (Millennials and Generation Z) have timidly introduced the use of *Toni* in their speech, as can be observed in Table 10.

Table 10

**Quantitative results for the hypocorisms of *Antonio*
in relation to the speakers' generation**

Name	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	Total
<i>Toño</i>	30	25	55
<i>Toni</i>	0	5	5

The same effect is shown by *Eduardo* (see Table 11). Despite a clear global preference for the use of *Edu*, the hypocorism in -i enters the use of language in speakers that belong to the Millennial and Generation Z groups.

Table 11

**Quantitative results for the hypocorisms of *Eduardo*
in relation to the speakers' generation**

Name	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	Total
<i>Edu</i>	30	26	56
<i>Edi</i>	0	4	4

The only exception to the trend in the emergence and/or increase in the use of the male hypocorism in *-i* is the name *Víctor* (Table 12). Speakers show no preference for neither of the hypocorisms under consideration (i.e. *Vito* vs *Viti*) and this lack of preference remains stable throughout the four generations included in the study:

Table 12

Quantitative results for the hypocorisms of *Víctor* in relation to the speakers' generation

Name	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	Total
<i>Vito</i>	17	15	32
<i>Viti</i>	13	15	28

As regards the female names under analysis, the use of hypocorisms for three of the names under consideration (i.e. *Francisca*, *Antonia*, and *Miriam*) does not show any variation in relation to the age of the informants. Thus, speakers belonging to all age groups prefer *Paqui* over *Paca*, *Toñi* over *Toña*, and *Miri* over *Mir*. Quantitative data for these three names is included in Figures 13–15.

Table 13

Quantitative results for the hypocorisms of *Francisca*
in relation to the speakers' generation

Name	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	Total
<i>Paca</i>	10	7	17
<i>Paqui</i>	20	23	43

Table 14

Quantitative results for the hypocorisms of *Antonia*
in relation to the speakers' generation

Name	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	Total
<i>Toña</i>	8	7	15
<i>Toñi</i>	22	23	45

Table 15

Quantitative results for the hypocorisms of *Miriam*
in relation to the speakers' generation

Name	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	Total
<i>Mir</i>	8	6	14
<i>Miri</i>	22	24	46

In contrast, as Table 16 illustrates, the use of *Lau* has experienced a marked increase in the speech of Millennials and Generation Z speakers.

Younger generations show a tendency towards a change in the choice of hypocorisms. Unlike previous generations which markedly favoured the use of *-i* hypocorisms for female names, the Millennials and Generations Z group seems to be in the process of gradually accepting the use of hypocorisms in *-i* for male names. In addition, they also have started to use hypocorisms which do not take the suffix under scrutiny for some female names such as *Laura* (i.e. *Lau*).

Table 16

Quantitative results for the hypocorisms of *Laura* in relation to the speakers' generation

Name	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	Total
<i>Lau</i>	6	14	20
<i>Lauri</i>	24	16	40

Given the attested sound symbolic properties of the high-front vowel *-i*, which convey female stereotypes (i.e. smallness, fragility, etc.), these findings signal an interesting turning point in the use of hypocorisms in Spanish which correlates with decades of anti-sexism institutional campaigns that may somehow be proving effective. However, it is interesting to see this data in the light of the speakers' gender to see if these changes affect the speech of male and female speakers alike. The next section delves deeper into the interactions between the age and gender of the speakers in the actual use of *-i* hypocorisms in Spanish.

4.4. Interaction of age and gender variables

This section seeks to unravel the interactions that may exist between the use of the suffix *-i* in the formation of hypocorisms and the age and gender of the speakers.

The comparison of the data points to an interaction of the age and gender of the speakers in the choice of hypocorisms for *Francisco*. As can be observed in Table 17, the most significant increase in the use of the -i hypocorism (i.e. *Franci*) has taken place among male speakers in the Millennial and Generation Z groups.

Table 17

Quantitative results for the hypocorisms of *Francisco*
in relation to the speakers' age and gender

Name	Female		Total	Male		Total
	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z		Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	
<i>Paco</i>	13	12	25	15	10	25
<i>Franci</i>	2	3	5	0	5	5

Interactions between the age and gender of the informants can also be found in relation to the hypocorisms of *Antonio*. As can be observed in Table 18, in this case there is a significant increase in the use of the hypocorisms in -i (*Viti*) in the speech of Millennial and Generation Z women, both in comparison to male informants in the same generation and to speakers of previous generations.

Table 18

Quantitative results for the hypocorisms of *Víctor*
in relation to the speakers' age and gender

Name	Female		Total	Male		Total
	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z		Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	
<i>Vito</i>	7	3	10	10	12	22
<i>Viti</i>	8	12	20	5	3	8

Eduardo displays a similar trend (Table 19). The data reports an interaction between the informants' age and gender, and their choice of hypocorisms. As was the case with *Víctor*, the variation is due to a marked increase in the use of hypocorisms in -i in the speech of women belonging to the Millennial and Generation Z groups both in comparison to women of previous generations and to men of the same generation.

Table 19

Quantitative results for the hypocorisms of *Eduardo*
in relation to the speakers' age and gender

Name	Female		Total	Male		Total
	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z		Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	
<i>Edu</i>	15	11	26	15	15	30
<i>Edi</i>	0	4	4	0	0	0

Finally, as regards *Antonio* the data shows a slight increase in the use of -i hypocorisms in the speech of both male and female Millennial and Generation Z informants (Table 20).

All in all, the study of the interactions between the age and gender of the informants and their choice of male hypocorisms reveals an incipient trend for younger speakers towards the use of hypocorisms in -i. This trend is observed in all names under scrutiny, and it is especially noticeable in the speech of some Millennial and Generation Z speakers. More specifically, young male speakers display a marked increase in their use of *Franci* (vs *Paco*) and young female speakers show an increasing preference for the use of *Edi* (vs *Edu*).

Table 20

Quantitative results for the hypocorisms of *Antonio*
in relation to the speakers' age and gender

Name	Female		Total	Male		Total
	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z		Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	
<i>Toño</i>	15	13	28	15	12	27
<i>Toni</i>	0	2	2	0	3	3

Female names appear much more stable as far as the choice of hypocorisms is concerned when its interactions between gender and age are considered. No significant interaction is observed between these variables in the case of *Francisca* and *Miriam*. Both genders in all generations show a similar preference for the forms in -i, *Paqui* and *Miri*, respectively. See Tables 21 and 22.

The results for *Antonia* do signal some potential interactions. A closer comparison suggests that young male speakers are slightly restricting their use of the hypocoristic in -i (i.e. *Toñi*), while young female speakers are growing fonder of this form (Table 23).

Table 21

Quantitative results for the hypocorisms of *Francisca*
in relation to the speakers' age and gender

Name	Female		Total	Male		Total
	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z		Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	
<i>Paca</i>	6	3	9	4	4	8
<i>Paqui</i>	9	12	21	11	11	22

Table 22

Quantitative results for the hypocorisms of *Miriam*
in relation to the speakers' age and gender

Name	Female		Total	Male		Total
	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z		Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	
<i>Mir</i>	5	3	8	3	3	6
<i>Miri</i>	10	12	22	12	12	24

Table 23

Quantitative results for the hypocorisms of *Antonia*
in relation to the speakers' age and gender

Name	Female		Total	Male		Total
	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z		Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	
<i>Toña</i>	5	2	7	3	5	8
<i>Toñi</i>	10	13	23	12	10	22

Likewise, the interaction between the hypocorisms of *Laura* and the age and gender of the informants also displays some variations. In this case, women tend to use *Lau* more often than men (13 vs 7 instances respectively), but this difference in use of the hypocorisms of *Laura* concentrate in the speech of women belonging to the Millennials/Generation Z groups. While women in the Baby Boomers and Generation X groups make a use of *Lau/Lauri* that is similar to that of men, favouring the use of the hypocorism in *-i* (i.e. 12 instances of *Lauri* vs 3 instances of *Lau*), those women in the Millennial and Generation Z groups show a marked preference

for the use of *Lau* (10 instances of *Lau* vs 5 instances of *Lauri*). Thus, *Lau* arises as the preferred choice of younger women and this is observed both in relation to that of women in previous generations, to that by men in their same age group and in previous generations (see Table 24).

Table 24

**Quantitative results for the hypocorisms of *Laura*
in relation to the speakers' age and gender**

Name	Female		Total	Male		Total
	Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z		Baby Boomers Generation X	Millennials Generation Z	
<i>Lau</i>	3	10	13	3	4	7
<i>Lauri</i>	12	5	17	12	11	23

The analysis of the interplay of the age and gender variables in the choice of hypocorisms offers a panorama of change with younger speakers timidly challenging the linguistic habits of past generations. Thus, the data reflect an increase in the use of *-i* hypocorisms for male names in the speech of young speakers, which is especially noticeable in men's speech for *Franci* and in women's speech for *Edi*. Simultaneously, it has been observed a decrease in the use of *-i* hypocorisms for female names (*Toñi*) in men's speech. Women, on the contrary, have started breaking cultural expectations with the use of alternative forms which avoid the use of the *-i* suffix in the formation of hypocorisms like *Lau*.

5. Conclusions

The hypocoristic suffix *-i* has often been found to distinguish male from female names in languages that lack gender marking morphology. Spanish, however, already has specific morphemes *-o/-a* for that purpose and, hence, the literature has traditionally described this suffix as a gender-neutral mechanism to express affection. Despite the existence of some evidence pointing to a more frequent use of the suffix *-i* in the formation of female as opposed to male hypocorisms [García-Page 2018], no studies had investigated the preferences of use of this suffix by Spanish speakers in relation to those names which also display alternative forms of hypocorisms (e.g. *Antonio* > *Toño/Toñi*).

The analysis of a survey collected data from a sample of 60 informants has revealed several interesting facts about the actual use of hypocorisms in Spanish. It has unveiled a general tendency towards the use of hypocorisms in *-i* for female names (i.e. *Paqui*, *Toñi*, *Mir*, and *Lauri*) and towards alternative forms

of hypocorisms for male names (i.e. *Paco*, *Toño*, and *Edu*) in those cases in which both options are available in the language. It has also been observed that there are marked differences in the use of hypocorisms by male and female speakers, the former having been found to largely avoid the use hypocorisms in *-i* for male names, and the latter being more prone to its use, as well as being open to introduce alternative forms (i.e. *Lau*) for female names. And finally, it has been found that the age of the speakers also has a significant influence on the choice of hypocorisms. Although the overall present-day use still favours hypocorisms in *-i* for female names, younger generations start to show a trend towards increasing the use of the hypocorisms in *-i* for male names (*Franci*, *Toni*, *Edi*), and that of alternative forms of hypocorisms for some of the female names (*Lau*).

The avoidance of hypocorisms in *-i* for female names is only significant in the speech of Millennials and Generation Z women which may signal a change in self-perception. The fact that other female names (*Francisca*, *Antonia*, and *Miriam*) in the study are not affected by this trend may find an explanation in relation to their more traditional flavour (*Francisca*, *Antonia*) and their lower frequency of occurrence (*Miriam*) in present-day Spanish. On the contrary, the increase in use of *-i* hypocorisms in male names (*Franci*, *Toni*, *Edi*) in younger generations is more evenly distributed among different genders, with *Franci* and *Toni* increasing their use in the speech of young men and *Edi* in the speech of young women.

These results reveal that the use of hypocorisms in *-i* is not as gender neutral in Spanish as had been accepted in the literature. The semantics that arise from the sound symbolism of high-front vowels and which associate the suffix *-i* with female stereotypes (smallness, frailty) may be at the base of the Spanish speakers' general preference for *-i* hypocorisms of female names and their low frequency of use in relation to male names when other alternative forms are available. In addition, the results have also shown differences in the use of hypocorisms in relation to the gender and age of the speakers, which signal changes in their choices that break free from the traditional use of hypocorisms in *-i* for female names. This finding is particularly interesting because of its implications not only for gender studies, but also for research on sound symbolism. Regarding gender, it presents an optimistic panorama of linguistic change that would deserve further investigation in which both women and men speakers are involved, even if in different ways. Regarding the debate on the conventional (language-specific) vs the synesthetic (cross-linguistic) nature of sound symbolism [Ackermann & Zimmer 2021], the findings in this paper provide further evidence for the conventional association of hypocorisms in *-i* with female stereotypes in Spanish. A convention that is being identified by Spanish speakers, probably due to the effect of recent generalized gender policies and which is generating a subsequent, though still

timid, change in the use of this type of hypocorisms in -i towards a more balanced representation of men and women.

References

- Ackermann, T., & Zimmer, Ch. (2021). The Sound of Gender. Correlations of Name Phonology and Gender across Languages. *Linguistics*, 59(4), 1143–1177. <https://doi.org/10.1515/ling-2020-0027>
- Aloufi, A. (2022). Phonetic Symbolism in First Names. *Linguistics and Literature Studies*, 10(6), 107–112. <https://doi.org/10.13189/lis.2022.100601>
- Auracher, J. (2017). Sound Iconicity of Abstract Concepts: Place of Articulation is Implicitly Associated with Abstract Concepts of Size and Social Dominance. *PLOS ONE*, 12(11): Article e0187196. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0187196>
- Barry, H., & Harper, A. S. (1995). Increased Choice of Female Phonetic Attributes in First Names. *Sex Roles*, 32(11–12), 809–819. <https://doi.org/10.1007/BF01560190>
- Barton, D. N., & Halberstadt, J. (2018). A Social Bouba / Kiki effect: A Bias for People whose Names Match their Faces. *Psychonomic Bulletin & Review*, 25, 1013–1020. <https://doi.org/10.3758/s13423-017-1304-x>
- Bodor, P., & Barcza, V. (2007). Acquisition of Diminutives in Hungarian. In I. Savickienė, & W. U. Dressler (Eds.), *Acquisition of Diminutives. A Cross-Linguistic Perspective* (pp. 231–263). Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/lald.43.10bod>
- Bolinger, D. (1984). *Language: The Loaded Weapon*. Longman: London.
- Broverman, I. K., Vogel, S. R., Broverman, D. M., Clarkson, F. E., & Rosenkrantz, P. S. (1972). Sex-role Stereotypes: A Current Appraisal. *Journal of Social Issues*, 28(2), 59–78. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1972.tb00018.x>
- Cassidy, K. W., Kelly, M. H., & Sharoni, L. J. (1999). Inferring Gender from Name Phonology. *Journal of Experimental Psychology*, 128, 362–381. <https://doi.org/10.1037/0096-3445.128.3.362>
- Crystal, D. (1991). *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Blackwell: Oxford.
- Cutler, A., McQueen, J., & Robinson, K. (1990). Elizabeth and John: Sound Patterns of Men's and Women's Names. *Journal of Linguistics*, 26, 471–482.
- De Bruyne, J. (1995) *Eutrapelías del Alfabeto Español*. Madrid: Visor.
- De Klerk, V., & Bosch, B. (1997). The Sound Patterns of English Nicknames. *Language Sciences*, 19(4), 289–301. [https://doi.org/10.1016/S0388-0001\(96\)00070-8](https://doi.org/10.1016/S0388-0001(96)00070-8)
- Elsen, H. (2016) *Einführung in die Lautsymbolik*. Berlin: Schmidt.
- García-Page, M. (2018). El hipocorístico español en -i. *Cahiers de lexicologie*, 113(2), 227–252. <https://doi.org/10.1512/ISBN.978-2-406-08791-5.P.0227>
- Hora, A., Ben-Zvi, G., Levie, R., & Ravid, D. (2007). Acquiring Diminutive Structures and Meanings in Hebrew. In I. Savickienė, & W. U. Dressler (Eds.), *Acquisition of Diminutives. A Cross-Linguistic Perspective* (pp. 295–318). Amsterdam: John Benjamins.
- Klink, R. R. (2000). Creating Brand Names with Meaning: The Use of Sound Symbolism. *Marketing Letters*, 11(1), 5–20.
- Köhler, W. (1929). *Gestalt Psychology*. New York, NY: Liveright.
- Liebertson, S., & Bell, E. O. (1992). Children's First Names: An Empirical Study of Social Taste. *American Journal of Sociology*, 98(3), 511–554.
- Lockwood, G., & Dingemans, M. (2015). Iconicity in the Lab: A Review of Behavioural, Developmental, and Neuroimaging Research into Sound-symbolism. *Frontiers in Psychology*, 6, 1246. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01246>

- Masuda, K. (2007). The Physical Basis for Phonological Iconicity. In E. Tabakowska, C. Ljungberg, & O. Fischer (Eds.), *Insistent Images* (pp. 57–72). Philadelphia: John Benjamins.
- Monzó Gallo, C. (2017). Hipocorísticos en -i: iconismo fonético de la afectividad. *Revista Española de Lingüística*, 47(2), 7–28.
- Napoli, D. J. (1996). *Linguistics*. Oxford: OUP.
- Newman, S. S. (1933). Further Experiments in Phonetic Symbolism. *The American Journal of Psychology*, 45(1), 53–75. <https://doi.org/10.2307/1414186>
- Nübling, D. (2009). Von Monika zu Mia, von Norbert zu Noah: Zur androgynisierung der rufnamen seit 1945 auf prosodisch-phonologischer ebene. *Beiträge zur Namenforschung*, 44, 67–110.
- Nübling, D. (2018). Luca und Noah — Das phonologische degendering von jungennamen seit der jahrtausenddwende. In D. Nübling, & S. Hirschauer (Eds.), *Namen und Geschlechter: Studien zum Onymischen Un/Doing Gender* (pp. 239–270). Berlin & Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110589122>
- Nübling, D., Fahlbusch, F., & Heuser, R. (2015) *Namen: Eine Einführung in die Onomastik*. Tübingen: Narr.
- Oelkers, S. (2003). *Naming Gender. Empirische Untersuchungen zur Phonologischen Struktur von Vornamen in Deutschen*. Frankfurt am Main: Lang.
- Ohtake, Y., & Haryu, E. (2013). Investigation of the Process Underpinning Vowel-size Correspondence. *Japanese Psychological Research*, 55(4), 390–399. <https://doi.org/10.1111/jpr.12029>
- Parise, C. V., & Spence, Ch. (2012). Audiovisual Cross-modal Correspondences and Sound Symbolism: A Study Using the Implicit Association Test. *Experimental Brain Research*, 220(3–4), 319–333. <https://doi.org/10.1007/s00221-012-3140-6>
- Pitcher, B. J., Mesoudi, A., & McElligott, A. G. (2013). Sex-biased Sound Symbolism in English-language First Names. *PLoS ONE*, 6, 1–6. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0064825>
- Sapir, E. (1929). A Study in Phonetic Sound Symbolism. *Journal of Experimental Psychology*, 12, 225–239.
- Sidhu, D. M., & Pexman, P. M. (2015). What's in a Name? Sound Symbolism and Gender in first Names. *PLOS ONE*, 10(5): Article e0126809. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0126809>
- Sidhu, D. M., & Pexman, P. M. (2017). A Prime Example of the Maluma/Takete Effect? Testing for Sound Symbolic Priming. *Cognitive Science*, 41(7), 1958–1987. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/cogs.12438>
- Sidhu, D. M., & Pexman, P. M. (2018). Five Mechanisms of Sound Symbolic Association. *Psychonomic Bulletin & Review*, 25, 1619–1643. <https://doi.org/10.3758/s13423-017-1361-1>
- Sidhu, D. M., Pexman, P. M., & Saint-Aubin, J. (2016). From the Bob/Kirk Effect to the Benoit/Éric Effect: Testing the Mechanism of Name Sound Symbolism in Two Languages. *Acta Psychologica*, 169, 88–99. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.actpsy.2016.05.011>
- Slater, A. S., & Feinman, S. (1985) Gender and the Phonology of North American First Names. *Sex Roles*, 13(7–8), 429–440. <https://doi.org/10.1007/BF00287953>
- Slepian, M. L., & Galinsky, A. D. (2016). The Voiced Pronunciation of Initial Phonemes Predicts the Gender of Names. *Journal of Personality and Social Psychology*, 110, 509–527. <https://doi.org/10.1037/pspa0000041>
- Spence, J. T., & Helmreich, R. L. (1979). *Masculinity and Femininity: Their Psychological Dimensions, Correlates, and Antecedents*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Tzeng, C. Y., Nygaard, L. C., & Namy, L. L. (2017). The Specificity of Sound Symbolic Correspondences in Spoken Language. *Cognitive Science*, 41(8), 2191–2220. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/cogs.12474>
- Whissell, C. (2001). Sound and Emotion in Given Names. *Names*, 49(2), 97–120. <https://doi.org/10.1179/nam.2001.49.2.97>

Mehvish RIAZ

PhD, Associate Professor, Head of the Department of Humanities, Social Sciences and Modern Languages, University of Engineering and Technology, Lahore (Lahore, Punjab, Pakistan)

E-mail: mehvishriaz@uet.edu.pk

<https://orcid.org/0000-0001-6384-6124>

SOCIO-ONOMASTICS OF DISTORTED NAMES: NICKNAMING PRACTICES AMONG PUNJABI SPEAKERS IN PAKISTAN

Abstract

Due to hierarchical power relations and the difficulty of confronting others or expressing disdain explicitly in small rural communities, nicknames and spoiled names can be an overt avenue for venting displeasure, ridiculing, expressing social inequality, asserting superiority, conveying judgment, or warning against improper behaviour. The study focuses on how native Punjabi speakers in rural Punjab, Pakistan, distort names to express disdain, rage, affection, or frankness towards people in their presence or absence. Distorted names used both overtly (in the person's presence) or secretly have been collected through a questionnaire filled in by 22 participants belonging to 22 villages in Punjab, Pakistan. Socio-cultural implications of those names have also been investigated and discussed. The author shows that the boundary between distorted names and nicknames is indistinct. This applies to both their formal features, semantic and pragmatic properties. Speakers not only morphologically distort the formal names but also use the names of castes, animals, physical attributes, and professional titles as address forms or referential expressions. Although distorted names generally offend the referent, they, like nicknames, can be used in both positive and negative contexts. The article describes the main motivational patterns of distorted names, similar to those usually pointed out for nicknames, and focuses mainly on their pragmatic features as noted in the metalinguistic comments of the respondents. Though the use of such naming labels may display quite universal regularities, the socio-cultural situation of the caste-based traditional rural communities of Punjab brings its own specifics to the way distorted names and nicknames are used in the area under study.

Keywords: name distortion; nicknames; linguistic informality; slang; onomastic stigmatization; anthroponymy; caste societies

For citation

Riaz, M. (2024). Socio-Onomastics of Distorted Names: Nicknaming Practices among Punjabi Speakers in Pakistan. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 96–110. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.004

Received on 16 February 2023

Accepted on 8 June 2023

Мехвиш Риаз

PhD, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук и современных иностранных языков, Инженерно-технологический университет Лахора (Lahore, Punjab, Pakistan)

E-mail: mehvishriaz@uet.edu.pk

<https://orcid.org/0000-0001-6384-6124>

СОЦИОНОМАСТИКА ИСКАЖЕННЫХ ИМЕН: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЗВИЩНЫХ НОМИНАЦИЙ СРЕДИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА ПЕНДЖАБИ В ПАКИСТАНЕ

Аннотация

Из-за иерархических отношений власти и невозможности открытого выражения пренебрежения в небольших сельских поселениях прозвища и искаженные имена могут быть способом выражения недовольства в отношении человека, высмеивания его, а также средством проявления социального неравенства, утверждения превосходства или выражения осуждения. Данное исследование посвящено тому, как носители пенджабского языка в сельских районах Пенджаба (Пакистан) искажают имена, чтобы выразить презрение, гнев, привязанность или откровенность по отношению к людям в их присутствии или в их отсутствии. Искаженные имена, использованные как открыто (в присутствии человека), так и тайно, были собраны с помощью анкеты, заполненной 22 участниками из 22 деревень в Пенджабе. В статье обсуждаются социокультурные паттерны их употребления. Автор показывает, что граница между искаженными именами и прозвищами размыта. Это касается как формальных особенностей этих единиц, так и их семантико-прагматических свойств. Помимо искажения имени, в качестве прозвищных элементов, добавляемых к имени при обращении или построении используемой «за глаза» номинации, употребляются названия каст, животных, профессий, официальных титулов. Хотя искажение имени может оскорбить именуемого, искаженные имена, как и прозвища, могут использоваться не только в отрицательных, но и в положительных контекстах. В статье описываются основные мотивационные модели искажения имени, в целом аналогичные тем, которые обычно выделяют для прозвищ, при этом основное внимание уделяется их прагматическим особенностям, отмеченным в метаязыковых комментариях респондентов. Несмотря на то что употребление таких ономастических ярлыков может иметь вполне универсальные закономерности, социокультурная ситуация в кастовых традиционных сельских общинах Пенджаба вносит свою специфику в использование искаженных имен и прозвищ на исследуемой территории.

Ключевые слова: искаженные имена; прозвища; неформальное общение; сленг; ономастическая стигматизация; антропонимия; кастовые общества

Для цитирования

Riaz M. Socio-Onomastics of Distorted Names: Nicknaming Practices among Punjabi Speakers in Pakistan // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 96–110. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.004

Рукопись поступила в редакцию 16.02.2023

Рукопись принята к печати 08.06.2023

1. Introduction

According to the 2017 census of Pakistan, with a population of more than 110 million people, Punjab is the most populous province of Pakistan. “Pakistan is a multilingual country having six main languages and fifty-nine minor languages,” while “Punjabi Shahmukhi is spoken by 46.15% of the population” [Hashmi et al. 2019: 357]. Although 60% of Pakistanis speak Punjabi at home, many prefer not to speak it publicly because they consider the language low, vulgar, or indecent [Gillani & Mahmood 2014]. Punjabi is spoken by about 150 million people. Due to the number of native speakers, it is the 11th most spoken language in the world and the 4th most common language in England [Julian 2017].

The current study analyses the nicknaming practices of native Punjabi speakers who live in rural areas in Pakistan. Nicknames have been described as “injurious,” “burden,” “poisoned,” “forms of imprisonment,” “deathly traps,” “liabilities” [Rahman 2014: 10–18], “markers of Islamic identity,” “sites of communal animosity” [Rahman 2013: 251], and “expressions of love and pride” [Smith 1996]. Nicknames can be given or imposed, same as they can be assumed or self-selected. Nicknames given or imposed by others can be positive, negative, or descriptive [Mashiri 1999]. Names and nicknames, thus, can be used to form, reform, tarnish, or destigmatize identities.

In casual situations, nicknames can substitute formal names to indicate acceptance or disapproval. Nicknames can be an overt avenue for venting displeasure, ridiculing, mocking, or warning against improper behaviour [Chauke 2016]. Names and nicknames also reflect an individual’s identity and transformation. Naming or labelling by society not only conveys social prestige and social status but can also marginalize and stigmatize individuals or groups [Silva 2018]. Svensson [2022] elucidates that mispronounced names or deliberate misspeaking of names can indicate discrimination. Such distorted names can lead to discrimination against women, ethnic minorities [Nick 2017], immigrants [Girma 2020], and asylum seekers [Madziva 2018]. As a social reality, nicknaming reveals patterns of social inclusion and exclusion, teasing exchanges, prejudices, ideologies, and expectancies, among other things [Mensah 2016]. Intelligibility of names and nicknames depends on contextual and situational contingencies; therefore, the present study highlights how names are distorted, and nicknames or secret nicknames are given to individuals to either address them in their presence, refer to them in their absence, or to do both by the native Punjabi speakers in Punjab, Pakistan.

Manocha [2020] points out that many Punjabis try their best to hide their nicknames given to them by other people. Rahman [2014: 14] claims that due to reasons concerning stigma and shame, or shifting from villages to cities, people

in rural Punjab commonly change their names to escape embarrassment and conceal their “old-fashioned rural identity.” Contrarily, the present study pinpoints how people in rural Punjab distort others’ names to stigmatize or vent out anger or hurt. Rahman’s [2013] study of Pakistani Muslims’ sectarian naming traditions reveals that names and issues concerning identity, power, and belief systems are interlinked, and that names can even cause the killing of people due to religious biases. It is forbidden in Islam to distort someone’s name because it hurts; nonetheless, multiple factors such as protection from ‘evil eye’ [Rahman 2016: 70], joint family system, cohesive community structure, frankness, openness, illiteracy, family disputes, comparison and competition among families, narrow-mindedness, honour norms, and societal inequalities like caste, socioeconomic standing, and power relations, etc. influence native Punjabi speakers’ culture, particularly of those living in rural areas or small towns, and consequently contribute to the creation of distorted names, nicknames, address forms, and secret identities or titles, etc.

Although the terms *name-distorting* and *name-spoiling* are sometimes used interchangeably, a distinction needs to be made. Name-spoiling and name-calling are malignant practices that can cause disparagement and hurt. Name-calling elicits rage and discomfort, and it puts the addressee’s identity in jeopardy [Crozier & Dimmock 1999]. Name-spoiling can occur as a result of name distortion because when a person is addressed or referred to using a distorted name (by either altering the formal name morphologically to connote disdain or anger or substituting the formal name with a term that connotes inferiority or disrespect) by other people, it affects their identity. The author emphasizes that name distortion involves restructuring a name morphologically, using any word as a name or nickname in its original sense, or deviating from the socio-semantic sense of a word to use it as a name or nickname, which on a pragmatic level can both be sweet or malignant depending upon the context, formality, politeness, levels of familiarity, and relationship of addressees. Name distortion can also be sweet or malignant depending upon the intention of the person who distorts a name, as well as the reaction that a distorted name elicits from the addressee or referent. Names can be distorted in an effort to retaliate, express hurt and grievance, or vent our anger and frustration. Name distortion can also be done for convenience or amusement. Name distortion is not always malignant because names other than the formal names can be given or formulated derivationally or inflectionally out of love and affection; nonetheless, it can upset the addressee if either deliberate name spoiling is involved, or the distorted name is incongruous with the addressee’s sense of love, affection, and self-respect. Name distortion, as used in its idiomatic sense in English, may also involve name-spoiling, especially when it is done with an intention to taunt or ridicule someone for their disabilities, appearance, inferior social status, or character. Name-spoiling and

name distortion can be used interchangeably when done with a negative intention, such as to stigmatize someone or to evoke a negative reaction. Therefore, name distorting can be a tool of both oppression and counter-oppression caused by social asymmetries.

The following studies on naming practices in diverse cultural contexts are pertinent from the perspectives of socio-onomastic identity construction, and stigmatization, but no study has already been carried out on the name spoiling, name-calling, or aggressive nicknaming practices of native Punjabi speakers in Pakistan. Lindsay and Dempsey [2017], after interviewing 41 parents in Australia, noted that naming practices of the middle class reflected class, gender, and sexuality oriented cultural boundaries and social distinctions. By studying 14 self-referencing usernames and 35 other-referencing display names on mobile phones, Aldrin [2019] noted a huge difference in the social constructions of identity based on the referencing choices of Swedish teenagers for self and the other. Chauke [2016] suggested that nicknames related to physical appearance, behavioural traits, workplaces, and sentimental attachment were used in Xitsonga culture. Babane and Chauke [2015] observed deterioration in the use of nicknames given to South African soccer players. Silva [2018] noted that Sinhalese belonging to socially stigmatized castes in Sri Lanka were increasingly choosing caste-neutral or high-caste names to reflect their social or economic transformation and counter marginalization which was caused by their castes. Mensah [2014] adduced death prevention names and their functions in African culture, while Mensah [2016] found that the nicknames of women in Nigeria reflected resistance to conservative and stereotypical images of women. Nyambi [2018] substantiated how nicknaming and name-calling practices of the masses in Zimbabwe reflect their attitudes and emotions based on transgression, opposition, and criticism of their president.

With the same focus on social cohesion, indigenous attitudes, and emotions, the present study, however, discusses the socio-political, pragmatic, and semantic implications of the naming practices of native Punjabi speakers. Issues such as social positioning, power relations, approval, disapproval, implicit confrontation, identity, and social hierarchies have been brought to light, as done by previous studies as well. The existing studies have focused on names or nicknames, whereas the present study also pinpoints name-spoiling as a way of expressing openness, anger, or hatred. The study can inspire researchers to investigate various aspects of naming practices and traditions in other Pakistani provinces — Sindh, Baluchistan, and Khyber Pakhtunkhwa. This study addresses the following research question: why and how do native Punjabi speakers living in rural Punjab distort names of people in their presence and absence?

2. Methodology

Based on the author's ethnographic method of personal observation and cultural knowledge as a native Punjabi speaker, her discussions with many people in her vicinity, and responses to a questionnaire filled out by 22 randomly selected participants (students, housewives, teachers, businessmen, and landlords) belonging to 22 villages in 17 districts of Punjab, names of men and women, distorted by their relatives, neighbours or acquaintances have been suggested and interpreted. The reasons behind name distorting practices have also been figured out. The variables of selection include age, gender, being a native Punjabi speaker, and belonging to rural areas in Punjab. Men and women from different age groups ranging from 19–65 participated. Participants belonging to the age group of 19–24 years had lived for 18–20 years in their villages. They could speak and write Punjabi, Urdu, and English. At the time of the survey, they were doing undergraduate studies and living in hostels in cities. They also had exposure to other villages and small towns in Punjab due to visiting their relatives living there. They were sent the questionnaire via email. Respondents belonging to the age group of 25–65 years were either living or had lived most part of their lives in the villages, though all of them had exposure to big and small cities. As the qualification of a few of them was at most the level of matriculation, they couldn't speak or write Urdu and English, so a person translated their responses shared in Punjabi into English and filled the questionnaires on their behalf. The English glosses for the examples provided by the participants have been added by the author.

The questionnaire consisted of seven questions. The first question was designed to learn more about the respondents' age and geographical backgrounds. The second, third, and fourth questions were about whether, how, and why Punjabis distort others' names in their absence, while the fifth, sixth, and seventh questions were aimed at inquiring whether, how, and why Punjabis distort the names of their neighbours, friends, and relatives in their presence. Instead of using the Shahmukhi script of Punjabi, English transliteration of the names has been utilised for readers' convenience (see Tables 1 and 2 below). The underlying morphophonological and semantic patterns of the distorted names have been discussed qualitatively.

3. Findings

3.1. Distorting Names in Others' Presence and Absence

Twenty out of 22 (90.90%) participants specified that Punjabis do distort names in the absence of people, while the remaining two (9.90%) partially agreed to it. Similarly, 17 out of 22 (77.27%) validated the same in case of distorting names in the presence of people, while the remaining five (22.73%) were neutral.

Some of the findings are presented in Tables 1 and 2 with more examples being discussed below.

Table 1

Distorted Names Used in the Absence of People

Distortion of formal names	<i>Aabo</i> (formal name: <i>Abida</i>), <i>Shakeeloo</i> (formal name: <i>Shakeel</i>), <i>Semmo</i> (formal name: <i>Saima</i>)
Disabilities and appearance	<i>Billa</i> ‘cat’ (with reference to a person with brown or green eyes), <i>Aalu</i> ‘potato’ (with reference to an ugly person)
Animal names	<i>Bijju</i> ‘badger,’ <i>Naag</i> ‘python,’ <i>Dachi</i> ‘camel’
Nicknames based on adjectives describing the person’s character	<i>PhhosaR</i> ‘lazy or vain,’ <i>Phakki</i> ‘powdered substance made of herbs,’ <i>Kamli</i> ‘crazy,’ <i>Phapphay Kutni</i> ‘clever woman who backbites a lot,’ <i>Baghlol</i> ‘simpleton,’ <i>KhaRoos</i> ‘boring’
Curse words	<i>Kanjar</i> ‘pimp’
Family names, caste, or profession	<i>Chattha</i> , <i>Chaudhry sahib</i> , <i>Rana sahib</i> , <i>Mahar jee</i>
Secret names	<i>Mahrani</i> ‘empress’ (with reference to a woman who does not do household chores)

Table 2

Distorted Names Used in the Presence of People

Distortion of formal names	<i>Bakhshu</i> (formal name: <i>Bakhsh</i>), <i>Wiki/Qaaroo</i> (formal name: <i>Waqar</i>), <i>Salloo</i> (formal name: <i>Salman</i>)
Disabilities and appearance	<i>Jirafa</i> ‘giraffe,’ <i>PeeDah</i> ‘short,’ <i>Daila</i> (one having big eyes), <i>MoTi</i> ‘fat woman,’ <i>Bagoo</i> (for men having fair complexion), <i>Krela</i> ‘bitter gourd’
Animal names	<i>Baandar</i> ‘monkey,’ <i>Bangla</i> ‘heron,’ <i>Ill</i> ‘vulture,’ <i>Daddoo</i> ‘frog’
Nicknames based on adjectives describing the person’s character	<i>Chan</i> ‘moon,’ <i>Laddu</i> ‘a sweet’ (often used by parents to address their kids), <i>PoonD</i> ‘wasp’ (with reference to a lascivious man), <i>PanD</i> ‘joker’
Curse words	<i>Halka</i> ‘uncontrolled/greedy,’ <i>Begáirat</i> ‘barefaced’
Family names, caste, or profession	<i>Wakeelan</i> ‘a female lawyer,’ <i>Syedani</i> ‘a Syed woman’
Positive nicknames	<i>Saabri</i> (formal name: <i>Sabir</i>), <i>Jeeni</i> (formal name: <i>Mehjabeen</i>)

The participants suggested that name-spoiling is not only caused by “love, frankness, ease, or affinity,” but more commonly by “anger, a desire to tease, jealousy,

frustration, hatred, humor, backbiting, contempt, castes, ignorance, illiteracy, joint family system, or a sense of superiority.” A male participant informed that “distortion takes place sometimes to differentiate between two persons having the same name, to simplify longer names, to refer to a person’s physical appearance, and in other cases for fun and jokes.” Another 20-year-old male participant explained:

Mostly, as far as I have observed, people don’t care about the presence/absence of the one whose name is distorted. It is a common practice among people and until two individuals are either not enemies or lack frankness, they don’t hesitate to use distorted names and titles for each other. Moreover, native Punjabis have a very interesting quality of accepting things as they actually are. Those who belong to [socially constructed] lower caste/tribes don’t feel any shame. The shoemakers proudly call themselves Mochi and the chefs don’t feel any shame in being called Naai. Similarly, the butchers don’t feel hesitant in mentioning themselves as Kasai.

Another respondent supported: “in day-to-day conversation, the Punjabis use the distorted names many times without feeling hesitant.” A few other respondents also supported that name-distorting is not perceived as “unkind nicknaming” [cf. Crozier & Dimmock 1999: 505]. A 50-year-old female participant confirmed:

When someone has to show anger or disrespect, secret names are used in the presence of people as well. These are used sarcastically to create humor as well. In addition, in villages, many distorted names are used as real names in the presence of people. For example, *Sheeroo* is a man’s distorted name that is used as his real name. Similarly, *Jahana* 35 is also a nickname of another person whose formal name is *Yousaf*.

Anyhow, just like Crozier and Dimmock [1999] point out that people are afraid of being bullied, so they do not speak up or do anything about name-calling or name-spoiling. Similarly, the author has observed that while people accept some names, largely nicknames with positive connotations, there is a lot of suppression and oppression involved in accepting various distorted names in many cases. In rural areas, native Punjabi speakers sometimes use the distorted names as substitutes for the original names to address people directly [Manocha 2020]; however, these names are mostly used in the absence of folks to refer to them out of anger, contempt, or informality. It is not done everywhere or by everyone because many people use full names or first names to show respect but mostly, while slandering or casually discussing others, these distorted versions are used, specifically among illiterate communities or families that do not particularly like their relatives or have been hurt by them. Sometimes, the whole village or the whole family including extended family, uses the distorted name for that person, especially in their absence. In some villages, it is common to distort names, while in others where people are more aware, educated, or progressive, it is common to use given names or nicknames.

3.2. Positive and Negative Use of the Same Nicknames and Titles Contrasted (Nicknames, Professions, Castes)

According to the participants, native Punjabi speakers frequently address others by their full names, demonstrating enormous respect, love, or affection. Other forms of address include the addition of *Chaudhary*, or *Sahib* to full name, for instance, *Chaudhary Yousaf*, or *Chaudhary Yousaf Sahib*. Men are also addressed as *Chaudhary Sahib* which involves prestige and respect; notwithstanding, words like *Seth Sahib* ‘rich man,’ *Chaudhary Sahib* ‘landlord/rich and influential person in a village,’ *Nawab Sahib* ‘landlord’ etc. are also attributed in a satirical and mocking way. *Chudhraani* ‘Chaudhary’s wife or daughter/rich and influential woman,’ *Nawab Sahiba* ‘rich woman,’ *Shehzadi* ‘princess,’ *Heer* ‘character in Punjabi folklore → beautiful woman,’ or *Madam* are also used to refer to women in both positive and satirical ways. *Beta* or *Puttar* ‘son’ [Sagoo 2016: 269], and *Beti*, *T’hiyaa*, *T’hee*, *Dhee*, *Dhee Rani* ‘daughter’ are also used by parents or elders to address girls or women.

Out of affection, girls are frequently addressed or referred by a variety of nicknames, for example, *Mano*, *Bano*, *Guriya*, *Guddi*, *Rani*, or *Billo*, connoting woman, princess, doll, or cat, etc. are used irrespective of the formal names of those girls [Manocha 2020: 1]. Such nicknames are also temporarily used to address a girl if her name is not known to the speaker. Similarly, for boys, nicknames like *Mithhu*, *Billa*, *Chaand*, *Billu*, *Baggu*, *Tipu*, or *Rashi* are used (see Tables 1 and 2). “The use of such nicknames is not offensive because these nicknames are used affectionately,” a 34-year-old female participant claimed. On the other hand, nicknames, such as *Fizzo* (formal name: *Fizza*), *Nazo* (for *Nazia*), and *Badar* (for *Badroo*), etc. are also used in the absence of people. Such nicknames are distorted forms which may offend the addressee. Conversely, the respondents suggested that villagers often do not mind if their names are distorted.

When out of respect, names are not used, men are also addressed by their professional titles; for example, *Master Sahib* ‘schoolteacher’ or *Molvi Sahib* ‘religious cleric.’ *Sahib* is used to connote respect. *Haaji* or *Haaji Sahib* ‘a man who has performed pilgrimage in Mecca,’ or *Haajjan* (a respective title for women) are also used to address those who have performed Hajj (pilgrimage), or even those who have not performed it but are known for their good deeds or at least have an appearance which connotes religious affiliation.

3.3. Nicknames to Show Disrespect and Contempt

3.3.1. Professions and Castes

According to the participants, words associated with certain professions that are socially looked down upon or deemed dishonourable are also often used out

of frankness or openness (see Table 1). For instance, *Kanjar* ‘pimp,’ *Dalla* ‘pimp,’ *Miraasi* (“Mirasi in traditional Punjabi societies memorized and then narrated the heroic deeds of prominent families from their localities” [Khalid 2016]), *Changar* ‘nomad/involved in agriculture to carry sacks,’ *Choorha* ‘sweeper/one who cleans the gutters or does menial jobs,’ *Lohaar* or *Musalli* ‘one who does menial jobs in agriculture,’ etc. Similarly, words like *Kanjri* ‘whore,’ *Miraasan*, *Changri*, *Chooari*, and *Musallan*, etc., are used for women to refer to their inferior social status or moral depravation. A young male respondent elucidated: “*Dalla*, *Mirasi*, and *Kanjar* are used for those who do things or spread ideas against the traditions, who don’t follow the code of conduct, who have pro-western mindsets, or who don’t respect the dress code. Natives are largely conservative”.

According to the participants, names are also changed based on professional and regional affiliations. A participant remarked, “a person named *Aslam* will be called *Aslam Ghora* ‘horse’ because he or his ancestors have joined a profession related to horses, horse-riding or selling.” “Sometimes a person is given a name according to their profession, for example, *Mochi* ‘shoemaker,’ *Dalaal* ‘dealer/broker,’ *Seth* ‘rich man,’ or *Aarhti* ‘dealer in grain market,’ etc.” “If someone contests election, his name is distorted by using his electoral sign. For example, if a candidate named *Boota* has a sign *Daantri* (دانتری) ‘sickle,’ his name is distorted as *Boota Dantri*.” Another participant wrote: “there is a doctor in my village. His name is *Mehmood* but the whole village calls him *Dr. Mooda*. My father’s uncle once won an election in the village and since then he has been called *Mimber* ‘member’.” Another participant mentioned, “sometimes people distort the real names or call others by the name related to the specific area of the village they live in. For example, a man named *Aziz* will be called *Aziz Churhaki Wala* because he lives in the specific area of the village named *Churhaki*.” Professional titles or castes affect names used in the presence of people as well (cf. Table 2). A 21-year-old male participant stated: “a person named *Iqbal* is named *Iqbal Sunyara* ‘goldsmith’ in daily conversations for he or his ancestors were goldsmiths. Similarly, *Kaneez Kumhaari* will be pronounced for the woman named *Kaneez* because *Kumhar* ‘potter’ is her caste or pottery is her and her ancestors’ profession.”

3.3.2. Animal Names

According to the participants, animal names which have negative connotations are also used out of frankness, anger, or disrespect by the traditional Punjabi communities living in rural areas or small towns. For example, *Kutta* ‘dog,’ *Billa* ‘cat,’ or *Khota* ‘donkey’ are socially abhorred because the village culture is snobbish and honour-based and these animals are either forbidden from the religious standpoint, or they stray from house to house or place to place, which is associated

with promiscuity, corruption, immorality, or instability. Though dogs, cats, and donkeys are kept and looked after for agriculture and safety, yet from the perspective of naming, these animals connote disrespect and contempt. Similarly, names of feminine animals, like *Kutti* ‘bitch,’ *Billi* ‘cat,’ *Khoti* ‘donkey,’ or *Majh* ‘buffalo’ (used for fat women) are used for women out of aggression or informality. Animal names like *Shaer* ‘lion’ or *Cheetah* are also used in positive contexts because these names connote strength and courage [cf. Rahman 2016].

3.3.3. Curse Words

Animal names and curse words are either used when someone is exceedingly frank with the addressee or angry at him or her. It is more common to use vulgar expressions to mention someone in their absence than publicly; nonetheless, some people call bad names or use vulgar language easily and recurrently due to their social attributes, such as power, seniority, illiteracy, or social acceptance, etc. Men make such linguistic choices more often than women do, while older or married women are also able to use such expressions as compared to young and single women. Individuals or groups may employ fewer or more insulting forms depending on their age, gender, or social acceptance. Educated native Punjabi speakers or young girls, for instance, often avoid vulgar language.

3.3.4. Secret Names or Code Words

According to the participants, people also use code words or secret names to refer to someone in their absence. Such names, which are most often motivated by character traits or recurrent actions, are basically given to poke fun at, create humour, show contempt and hatred, or discuss someone secretly with ease. Mostly, it is done for fun and ease, but it implies some sort of contempt or resistance. For instance, someone may be called *Chipkoo* because they are clingy. Similarly, titles like *Khusra* ‘transgender,’ *Khhach* ‘foolish,’ *Daang* ‘wand’ (with reference to an extremely tall and slim woman), *Run-Mureed* ‘hen-pecked,’ *Sarrial* ‘grumpy’ are also used in specific contexts to refer to people in their absence. A respondent explained that distorted names, such as *Moya* ‘dead,’ *PaykhhaR* ‘useless,’ *Baghlol* ‘simpleton’ are also used as secret names to refer to people in their absence. According to the author’s observation, these nicknames are also used in presence of the named person to either show frankness, anger, or ridicule.

A 34-year-old female participant viewed that secret names often relate to one’s behavior with others. Secret names such as *Munafiq* ‘double-faced,’ *Bichhu* ‘scorpion,’ or *Do-number* ‘two number → double-faced, dishonest’ often relate to someone’s hypocrisy. A male participant mentioned that in his village, “if someone works very slowly, their name is distorted as *Loohla* ‘handicapped.’ If someone’s

hair is not normal, their name is distorted as *Mundra* ‘bald.’ If someone is secretive, their name is distorted as *Pogy*. If someone fails to uphold promises, their name is distorted as *Lota* ‘ewer’.”

Another young female participant enlightened that people also use others’ catchphrases as their nicknames or distorted names: “If a person uses a word repeatedly, others use that ‘specific word’ to address or discuss that person, e.g., *Qaher Khuda ka* ‘commination,’ *Toba Toba* ‘God Forbid!’.”

In some instances, nicknames are used as elements of a secret code shared by a small group of people. In this case, the referent of a nickname is generally unknown to other people, the motivation of the nickname being intentionally non-transparent. For example: *Anday* ‘eggs’ (“because those boys used to sell eggs”), *Makhhi* ‘fly’ (“because she was a tiny girl”), *Sethhi* ‘tycoon’ (“because that man used to behave like a rich and arrogant businessman”).

3.3.5. Physical Appearance and Disabilities

Nicknames, referential expressions, or address forms are often motivated by appearance or physical features [Manocha 2020]. Examples given by the participants of the present study include *Ganjool/Ganja* ‘bald,’ *ToonDa* ‘one who has impaired hands,’ *Thedal* ‘one who has a fat belly,’ *Tinda* ‘apple gourd’ (used for a bald person), *Nikko* ‘short woman,’ *Nikka* ‘little’ (used for a boy), *Kala/Kaalu* ‘black’ (used for people with dark skin) [Ibid.], etc. A male informant suggested that “if a person named *Mumtaaz* has a humped back, everyone calls him *Mumtaaz Kubba*.”

4. Discussion and Conclusion

As in [Nyambi 2018; Mensah 2014; 2016], the present study also reinforces that naming, nicknaming, and name-calling practices unveil social ideologies based on the patterns of resistance, aggression, exclusion, inclusion, or identification. Spoiled names thus become an instrument to display aggression and name-calling becomes a power retention strategy, a tool to criticize, and a strategy to vent out anger or helplessness [Nyambi 2018].

The present study adds that spoiled names or referential expressions indicate detachment as well. Rahman [2014] proposes that modified names can be used to de-stigmatize rural or socioeconomic identity, however, the current study demonstrates that names distorted by others, even if done apparently without malice, stigmatize the addressee or referent. Spoiled names also reveal the patterns of openness and passivity, simultaneously. As based on the patterns of dominance and resistance concerning gender, age, education, caste, or financial status, the orientation of rural Punjabi culture is hierarchical [Usman 2011], so overt

confrontation is often impossible; therefore, spoiled names are an expression of grievance, helplessness, and hurt. Palsson [2014] also supports that naming is more than a classificatory exercise because it involves power relations of domination and subjugation. Usman [2011] corroborates that power relations are structured around caste in the villages. Emphasising the orientation of rural Pakistani culture as essentially agricultural, he pinpointed the caste-based socio-economic demarcation of gender in terms of the association of dominance with the landowning castes called *Zimindars* and subordination with the service providing castes called *Kammis*. The present study affirms that the names of dominant castes, when added to an official name, are used as positive nicknames, while the names of subordinate castes, when used as nicknames, express irony, derision or anger (e.g. *Sameer Mirasi*, where *Mirasi* is the name of one of the socially considered low castes). Such name-distorting practices reflect onomastic prejudice, bias, and discrimination in Punjab [cf. Nick 2017].

In addition, according to the participants of this study, spoiled names not only reflect emotions of anger and contempt for the referent but also convey a sense of openness, frankness, and endearment among the interlocutors, as well the speaker and the referent or addressee. However, spoiled names, especially when used in front of the addressee, might be construed as a manifestation of bullying language [Ballard & Easteal 2018] or a form of verbal harassment [Crozier & Dimmock 1999]. Rahman [2014], with reference to the Pakistani context, also noted that naming practices could result in extreme sectarian violence. The present study establishes that name spoiling is a way of registering one's protest or communicating one's disappointment against the bad deeds or choices of a person. At the same time, it is a struggle to maintain control. Distorted and spoiled names become a marker of identity, character, or social positioning and performance of a person. Distorted names also reflect the nexus between gender, body/disability, naming and identity because "embodiment and identity are *also* inextricably intertwined with naming" [Pilcher 2016: 766]. The present study explicates that the uniqueness of a person's identity and individuality does not stem from their formal name as much as it arises from the name distorted due to the ideological configuration of a particular social context and to the morphological capabilities of a specific linguistic system.

References

- Aldrin, E. (2019). Naming, Identity, and Social Positioning in Teenagers' Everyday Mobile Phone Interaction. *Names*, 67(1), 30–39. <https://doi.org/10.1080/00277738.2017.1415523>
- Babane, M. T., & Chauke, M. T. (2015). An Analysis of Factors Involved in Nicknaming of Some Soccer Players in South Africa. *The Anthropologist*, 20(3), 780–787. <https://doi.org/10.1080/09720073.2015.11891785>

- Ballard, A. & Easteal, P. (2018). What's in a Name? The Language of Workplace Bullying. *Alternative Law Journal*, 43(1), 17–23.
- Chauke, M. T. (2016). Nicknaming and Nicknames in Xitsonga Culture: An Onomastic Study. *Journal of Social Sciences*, 49(3–2), 378–383. <https://doi.org/10.1080/09718923.2016.11893634>
- Crozier, W. R. & Dimmock, P. S. (1999). Name-calling and Nicknames in a Sample of Primary School Children. *British Journal of Educational Psychology*, 69(4), 505–516. <https://doi.org/10.1348/000709999157860>
- Gillani, M. & Mahmood, M. A. (2014). Punjabi: A Tolerated Language Young Generations' Attitude. *Research on Humanities and Social Sciences*, 4(5), 129–137.
- Girma, H. (2020). Black Names, Immigrant Names: Navigating Race and Ethnicity Through Personal Names. *Journal of Black Studies*, 51(1), 16–36. <https://doi.org/10.1177/0021934719888806>
- Hashmi, M. A., Mahmood, M. A., & Mahmood, M. I. (2019). Analysis of Lexico-Semantic Relations of Punjabi Shamakhi Nouns: A Corpus-Based Study. *International Journal of English Linguistics*, 9(3), 357–364. <https://doi.org/10.5539/ijel.v9n3p357>
- Julian, G. (2017). The 10 Most Spoken Languages in the World. *Fluent in 3 Months — Language Hacking and Travel Tips*, 17th March 2021. Retrieved from <https://www.fluentin3months.com/most-spoken-languages/>
- Khalid, H. (2016). The Language Curse: How Proud Community Names Have Been Reduced to Insults in Pakistan. *Scroll.in*. Retrieved from <https://scroll.in/article/817821/the-language-curse-how-proud-community-names-have-been-reduced-to-insults>
- Lindsay, J., & Dempsey, D. (2017). First Names and Social Distinction: Middle-class Naming Practices in Australia. *Journal of Sociology*, 53(3), 577–591. <https://doi.org/10.1177/1440783317690925>
- Madziva, R. (2018). Your Name Does not Tick the Box: The Intertwining of Names, Bodies, Religion and Nationality in the Construction of Identity within the UK Asylum System. *Ethnic and Racial Studies*, 41(5), 938–957. <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1318215>
- Manocha, S. (2020). The Amusing Case of Nicknames. *Times of India Blog*. Retrieved from <https://timesofindia.indiatimes.com/readersblog/meandering-musings/the-amusing-case-of-nick-names-28248/>
- Mashiri, P. (1999). Terms of Address in Shona: A Sociolinguistic Approach. *Zambezia*, 26(1), 93–110. https://doi.org/10.10520/AJA03790622_416
- Mensah, E. O. (2014). Frog, Where are You? The Ethnopragmatics of Ibibio Death Prevention Names. *Journal of African Cultural Studies*, 27(2), 115–132. <https://doi.org/10.1080/13696815.2014.976545>
- Mensah, E. (2016). Female Nicknames in Nigeria: The Case of Calabar Metropolis. *Language Matters*, 47(2), 184–202. <https://doi.org/10.1080/10228195.2016.1155638>
- Nick, I. M. (2017). Names, Grades, and Metamorphosis: A Small-scale Socio-onomastic Investigation into the Effects of Ethnicity and Gender-marked Personal Names on the Pedagogical Assessments of a Grade School Essay. *Names*, 65(3), 129–142. <https://doi.org/10.1080/00277738.2017.1304100>
- Nyambi, O. (2018). Of Bob, Madzibaba Gabriel, and Goblins: The Sociopolitics of Name-calling and Nicknaming Mugabe in Post-2000 Zimbabwe. *SAGE Open*, 8(2), 215824401877409. <https://doi.org/10.1177/2158244018774099>
- Palsson, G. (2014). Personal Names: Embodiment, Differentiation, Exclusion, and Belonging. *Science, Technology, & Human Values*, 39(4), 618–630. <https://doi.org/10.1177/0162243913516808>
- Pilcher, J. (2016). 'Names, Bodies and Identities'. *Sociology*, 50(4), 769–779. <https://doi.org/10.1177/0038038515582157>

- Rahman, T. (2013). Personal Names and the Islamic Identity in Pakistan. *Islamic Studies*, 52(3/4), 239–396.
- Rahman, T. (2014). Names as Traps: Onomastic Destigmatization Strategies in Pakistan. *Pakistan Perspectives*, 19(1), 9–25.
- Rahman, T. (2016). Personal Names in Pakistan: Onomastic Beliefs, Naming Practices, and Islam's Influence. *Economic and Political Weekly*, 10(39), 69–73. Retrieved from <https://www.epw.in/journal/2016/39/notes/personal-names-pakistan.html>
- Sagoo, G. K. (2016). *Making and Shaping the First Nishkam Nursery: A Linguistic Ethnographic Study of a British Sikh Project for Childhood* (PhD thesis). University of Birmingham, Birmingham, UK. Retrieved from <http://etheses.bham.ac.uk/7071/9/Sagoo16PhD.pdf> (access date: March 7, 2024).
- Silva, M. W. A., de. (2018). Do Name Changes to “Acaste” Names by the Sinhalese Indicate a Diminishing Significance of Caste? *Cultural Dynamics*, 30(4), 303–325. <https://doi.org/10.1177/0921374019829605>
- Smith, L. A. (1996). Unique Names and Naming Practices among African American Families. *Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services*, 77(5), 290–297. <https://doi.org/10.1606/1044-3894.917>
- Svensson, H. (2022). Name(ing) Norms: Mispronunciations and Ethnic Categories in Political Talk. *Language in Society*, 53(1), 1–30. <http://doi.org/10.1017/S0047404522000379>
- Usman, A. (2011). *Social Stratification in a Punjabi Village of Pakistan: The Dynamics between Caste, Gender, and Violence* (PhD thesis). University of Leeds, Leeds, UK. Retrieved from <http://etheses.whiterose.ac.uk/21130/>

Юрий Сергеевич Костылев¹
Александра Васильевна Тихомирова²

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3208-9911>

² кандидат филологических наук, доцент кафедры церковной истории и филологии, Екатеринбургская духовная семинария (620026, Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 57)

E-mail: tikh-alexandra@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0002-2781-5173>

ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ МИНЕРАЛОВ УРАЛА: МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассмотрены образованные от антропонимов названия минералов, добываемых на Урале. Источником материала послужили печатные и электронные издания по геологии и минералогии. Цель исследования — охарактеризовав основные словообразовательные модели, реализованные в лексемах сформированного корпуса, выявить случаи отклонения от традиционных словообразовательных траекторий и установить их причины. Отантропонимическая модель является ведущей для наименований минералов (38 % от общего числа проанализированных названий). Вторая по частотности модель — оттопонимическая (22 %). Модели, где в основу названия минерала ложится указание на его геохимический состав или свойства, по частотности значительно уступают двум лидирующим. Наиболее частотная модель образования отантропонимического названия минерала (минералонима) предполагает задействованность фамилии выдающегося человека, имеющего отношение к минералогии, с последующим прибавлением форманта *-ит* (реже — *-лит*) или *-ин*. Отклонения от этой модели наблюдаются в двух направлениях. Во-первых, это использование нетипичных формантов *-ан*, *-зит*, *-оит*, *-анит*, которые можно квалифицировать как фонетико-графические варианты или факты контаминации продуктивных формантов. Во-вторых, нетипичным преобразованиям подвергается основа минералонима: в качестве производящей единицы выступает не собственно фамилия, а ее часть (в тех случаях, когда фамилия многокомпонентна), а также имя, имя и фамилия или корневая часть фамилии в переводе на латинский язык. Можно утверждать, что при использовании нетипичных в формальном отношении моделей и подходов к созданию минералонима ключевую роль играют субъективные эстетические представления номинатора, связанные с желанием создать благозвучный и удобный в использовании термин. Кроме того, очевидной интенцией становится также стремление избежать неприемлемых для

© Костылев Ю. С., Тихомирова А. В., 2024

стройной терминосистемы омонимии и прочих случаев неоднозначности, не позволяющих недвусмысленно связать название с обозначаемым им объектом.

Ключевые слова: названия минералов (минералонимия); номинация; номинативные модели; антропонимия; мифонимия; терминологическая система; горное дело; Урал

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2023-0018).

Для цитирования

Костылев Ю. С., Тихомирова А. В. Отантропонимические наименования минералов Урала: модели образования // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 111–130. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.005

Рукопись поступила в редакцию 03.12.2023

Рукопись принята к печати 02.02.2024

Yuri Sergeevich KOSTYLEV¹

Alexandra Vasilievna TIKHOMIROVA²

¹PhD, Senior Research Fellow, Toponymic Laboratory, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3208-9911>

²PhD, Associate Professor, Department of Church History and Philology, Ekaterinburg Ecclesiastical Seminary (57, Rosa Luxemburg St., 620026 Ekaterinburg, Russia)

E-mail: tikh-alexandra@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0002-2781-5173>

DEANTHROPONYMIC NAMES OF URAL MINERALS: WORD-FORMATION PATTERNS

Abstract

The study investigates the nomenclature of Ural minerals derived from anthroponyms. The data was sourced from printed and electronic publications on geology and mineralogy. The aim of the research is to analyze the primary word-formation patterns evident in the lexemes of the compiled corpus, discern deviations from traditional word-formation patterns, and ascertain their underlying causes. The deanthroponymic model emerges as the predominant one for mineral nomenclature, constituting 38% of the total number of names analyzed. The second most prevalent model is based on toponyms (22%). Models wherein mineral names are derived from indications of their geochemical composition or properties exhibit significantly lower frequency compared to the two aforementioned models. The most prevalent method of forming deanthroponymic mineral names (mineralonyms) entails incorporating the surname of a notable figure associated with mineralogy, followed by the addition of the formant *-it* (less frequently, *-lit*) or *-in*. Departures from this model manifest in two ways.

Firstly, atypical formants such as *-an*, *-zit*, *-oit*, and *-anit* are utilized, which may be categorized as phonetic-graphic variants or instances of contamination of productive formants. Secondly, deviations occur in the base of the mineralonym, whereby the generating unit is not solely the surname but rather its constituent parts (in cases where the surname is multi-component), as well as the inclusion of the first name, first name and surname, or the root part of the surname translated into Latin. It can be posited that in the use of formally atypical models and approaches to mineralonym creation, the subjective aesthetic considerations of the nominator play a pivotal role, driven by the desire to craft a harmonious and user-friendly term. Additionally, the evident intention is to mitigate homonymy and other instances of ambiguity that are incompatible with a coherent terminological system and hinder the unequivocal association of the name with the denoted object.

Keywords: names of minerals (mineralonymy); naming; naming models; anthroponymy; mythonymy; terminological system; mining engineering; Ural

Acknowledgements

The research is part of the project *Interaction of Cultural and Linguistic Traditions: the Urals in the Context of the Dynamics of Historical Processes*, funded by the Ministry of Education and Science of Russia (project number FEUZ-2023-0018).

For citation

Kostylev, Yu. S., & Tikhomirova, A. V. (2024). Deanthroponymic Names of Ural Minerals: Word-Formation Patterns. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 111–130. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.005

Received on 3 December 2023

Accepted on 2 February 2024

Лексика, при помощи которой описываются специфические для минералогии и горного дела понятия, в последнее время стала объектом пристального внимания лингвистов. В частности, подробно рассматриваются наименования всевозможных минералов в разных языках и различных социокультурных традициях [Напольских 2020]. При этом обращает на себя внимание то, что наибольший интерес исследователей вызывает «нестандартный», неофициальный массив лексики, бытующий за пределами научной терминологии [Березович 2020; 2021; Березович, Кривошапова 2021; Березович, Кучко 2021; Кучко 2022a]. Если в поле зрения ученого попадает официальная терминология, она может служить основой для сравнения, например, с аналогичной жаргонной или диалектной лексикой [Кучко 2022b]. Очевидно, что разнообразие номинативных моделей или способы бытования лексемы в неофициальных терминосистемах дают большой простор для научного творчества исследователя. Кроме того, внимательное изучение такой лексики выводит на достаточно широкий круг вопросов, позволяющих более пристально взглянуть на материал с позиций этнолингвистики, фольклористики, этнографии. Официальная научная система наименований минералов

на этом фоне выглядит менее разнообразной, но и она требует развернутого описания. В корпусе подобных названий встречаются как единицы, созданные по определенным моделям, так и лексемы, демонстрирующие нетипичные подходы к номинации.

Эта статья посвящена анализу формальных особенностей отантропонимических названий минералов, добываемых на Урале. Рассматривается исключительно официальная, т. е. принятая в научной минералогии, система наименований, не включающая жаргонные, диалектные, разговорные, шуточно-игровые и прочие подобные лексические единицы. Особое внимание уделяется номинативным элементам, отклоняющимся в формальном отношении от традиционных и типичных способов образования таких названий, при этом будет указано, каким представляется типичный подход и какие модели стоит считать традиционными.

В рамках данной работы кажется уместным употребление термина *минералоним*, достаточно активно использующегося в современной лингвистике [Березович 2020; Березович, Кучко 2020; Кучко 2022в; Мартынова 2018]. Под этим термином следует понимать название минерального вида, разновидности или группы минералов.

В качестве источника материала использовался труд «Минералы Урала (минеральные виды и разновидности)» [Кобяшев, Никандров 2007], представляющий собой систематическое описание минералов Урала с точки зрения классификации и номенклатуры. Авторы приводят названия, а также сведения о химическом составе и местах разработок 1 108 минеральных видов. Хотя с момента выпуска справочника некоторые минеральные виды (соответственно, и их названия) были дискредитированы, а некоторые виды открыты и поименованы, эти изменения представляются незначительными в общем массиве материала. В книге приводятся сведения обо всех минералах, найденных и разрабатываемых на Урале. Учитывая широкую номенклатуру уральских ископаемых, можно ожидать, что полученные выводы имеют более или менее универсальный характер для выбранной сферы номинативных единиц.

Информация о мотивировках названий извлекалась из различных источников, основными из которых были справочник «Названия минералов. Что они означают?» [Митчелл 1982], «Геологический словарь» [ГС]; раздел «Минералы» сайта [Каталог Минералов], который позиционирует себя как научно-популярный журнал. Эти источники представляются вполне авторитетными для решения поставленных в работе задач, однако в случае отсутствия необходимой информации периодически привлекались и другие материалы.

Было выявлено 428 единиц, имеющих условно отантропонимическое происхождение¹, что составляет 38 % от общего количества наименований, приведенных в книге Ю. С. Кобяшева и С. Н. Никандрова. При этом нужно иметь в виду, что в итоговый список как отдельные единицы не попадали наименования видов, отличающихся химическим составом, отраженным в названии, но имеющие одну и ту же отантропонимическую корневую часть (в книге они приводятся как отдельные минералы). С другой стороны, один и тот же минерал, у которого есть синонимичные названия, восходящие к разным антропонимам, давал при отборе материала несколько анализируемых наименований. Таким образом, в рамках данной работы случаи типа *павонит* и *купропавонит* рассматривались как одна номинативная единица, а *валуевит* и *клинтонит* (он же *ксантофиллит*) — как две. Вследствие этого количество отантропонимических единиц по отношению к общему количеству наименований еще возрастает, хотя и незначительно. Уже по приведенному соотношению видно, что отантропонимическая модель является ведущей для наименований минералов. Следующей по частотности моделью — причем с большим отрывом — становится оттопонимическая (246 единиц, 22 %). При этом в единичных случаях в составе наименования минерала фигурируют и оттопонимические, и отантропонимические элементы (например, *кыштым-паризит*, где первая часть восходит к названию города *Кыштым*, а вторая — к фамилии *Парис*). Модели, где в основу названия минерала ложится указание на его геохимический состав или свойства минерала, по частотности значительно уступают двум лидирующим.

Следует учитывать многообразие языков-источников, из которых пришли названия минералов и антропонимы, легшие в основу этих названий. В силу использования различных письменных систем и специфики чтения алфавитных знаков в разных языках, а также особенностей практической транскрипции часто можно столкнуться со случаями принципиального несовпадения в русскоязычной традиции написания фамилии или имени и корневой части наименования минерала. Например, *амезит* назван в честь Дж. Т. Эймса (*J. T. Ames*), *жедвабит* — в честь Ж. Едваба (*J. Jedwab*), *широцулит* — в честь Х. Сиродзу (*H. Shirozu*), а *лаурит* — в честь Лоры Джой (*Laura Joy*). В рамках данной работы такие случаи не рассматриваются как отклонения от традиционного подхода к именованию минералов, поскольку вызваны фонетико-графическими, а не словообразовательными факторами. Для прояснения графического и морфологического облика антропонима в языке-источнике и минералонима при необходимости будет приводиться

¹ В это количество включены восемь названий, восходящих к именам мифологических существ.

оригинальная форма имени или фамилии либо — для языков с иероглифической системой письма — их латинизированная версия, а также традиционная транслитерация русскоязычных фамилий на латиницу. Кроме того, с этими же целями в некоторых случаях приводится англоязычный вариант минералонима (в силу наибольшей распространенности английского языка в современной минералогии).

От таких примеров следует отделять случаи, когда особенности написания и звучания производящего антропонима влияют на облик производного слова на границе корневой части и элемента, оформляющего название минерала. К ним относятся наименования типа *вудхаузеит* (в честь Ч. Д. Вудхауза / *Ch. D. Woodhouse*, где в образовании минералонима участвует непроемкое *e* в конце фамилии) или *гётит* (в честь И. В. фон Гёте / *J. W. von Goethe*, где, напротив, произносимая конечная *-e* фамилии выпадает из названия минерала). Лексемы подобного рода подробно рассматриваются в данной работе, поскольку в их формировании существенен словообразовательный фактор.

Для того чтобы вести речь о нетипичных моделях и отклонениях от традиционного подхода в деле именования минералов, следует сказать несколько слов о том, каким представляется типичный подход к этому вопросу и какие модели следует считать традиционными.

Подавляющее большинство названий, имеющих отантропонимическое происхождение, восходят к фамилиям ученых, внесших определенный вклад в развитие мировой минералогии, а также являющихся первооткрывателями конкретного минерала. К числу таких лиц могут относиться не только минералоги в «узком» смысле слова, но и химики, физики, географы, коллекционеры и т. п., причем некоторые наименования минералов имеют явно мемориальный характер.

В формальном отношении создание наименования минерала, восходящего к антропониму, также подчиняется определенным правилам. Чаще всего основой для создания минералонима становится фамилия, к которой присоединяется тот или иной формант, указывающий на включение производного слова в массив названий минералов.

В справочнике Р. С. Митчелла указывается, что в большинстве случаев такие названия образуются с помощью греческого суффикса *-ит*, имеющего значение ‘из рода чего-то’ или ‘сходный с чем-то’ [Митчелл 1982: 69]. Суффикс добавляется непосредственно к фамилии, ср. *гадолинит* (от фамилии *Гадолин*), *паркерит* (от *Паркер*), *связинит* (от *Связин*). При этом, как правило, название минерала производится от полного варианта написания фамилии в языке-источнике, без учета морфемного и фонетического статуса элементов производящего слова. Благодаря такому подходу в большинстве названий

увековеченная фамилия сохранена целиком, что наглядно иллюстрируют такие примеры, как *пекораит* (от фамилии *Пекора* / *Pecora*), *сахароваит* (от *Сахарова*), *гагеит* (от *Gage* / *Gage*), *вудхаузеит* (от *Вудхаус* / *Woodhouse*). В рассматриваемом материале этот суффикс задействован в образовании 403 единиц.

Остальные 25 наименований в качестве финалей имеют менее продуктивные форманты *-лит* (от греческого ‘камень’), *-ин* (по набору значений близок к суффиксу *-ит*) и редко используемые суффиксы *-зит*, *-ан*, *-анит*, *-оит* (последний, видимо, — окказиональная трансформация суффикса *-ит*).

Формант *-лит* представлен в 11 названиях: *ауэрлит*, *барбосалит*, *скорцалит*, *гейкилит*, *даналит*, *мариалит*, *масутомилит*, *спанголит*, *томсенолит*, *феррогортонолит*, *широцулит*. В большинстве случаев данный суффикс присоединяется непосредственно к фамилии или к имени, которые также целиком входят в название, например: *широцулит* (в честь Х. *Сиродзу*), *гейкилит* (от фамилии *Гейки*), *мариалит* (в честь *Марии* Розы фон Рат). В ряде случаев после фамилии используется соединительный гласный, предвещающий завершение *-лит*: *спанголит* (от фамилии *Спанг*), *томсенолит* (от *Томсен*), *феррогортонолит* (от *Гортон*). Появление соединительной *-о-* объясняется стремлением избежать скопления согласных, однако в одном наименовании это не становится препятствием: *ауэрлит* образован от имени Карла *Ауэра* фон Вельсбаха.

Модель названий на *-ин* насчитывает восемь единиц: *дэвин*, *адамин*, *бертьерин*, *бломстрандин*, *девеллин*, *жисмондин*, *сильвин*, *эгири*. Указанный формант используется в названиях, образованных от фамилии ученого или коллекционера. Исключение — *эгири*, получивший свое наименование по имени скандинавского бога.

Финали, которые встречаются в единичных примерах, весьма разнообразны: *-зит*, *-ан*, *-анит*, *-оит*. В выбранном материале указанные форманты обнаруживаются в пяти единицах: *моренозит*, *галлуазит*, *цельзиан*, *берцелианит*, *волкноскоит*.

Появление финали *-зит* объясняется влиянием других названий минералов: ср. *амезит* (от фамилии *Эймс* / *Ames*), *шрейберзит* (от фамилии *Шрайберс* / *Schreibers*), *андалузит* (от топонима *Андалузия* / *Andalusia*), *дюранюзит* (от топонима *Дюраню* / *Duranus*). Однако в данных примерах граница морфем проходит так, что [з] или [с] (при написании латиницей на их месте буквы *s*) входит в состав производящей основы, к которой прибавляется продуктивный суффикс *-ит*. Единицы же *моренозит* и *галлуазит*, представленные в изучаемом материале, образованы от фамилий *Морено Руис* (*Moreno Ruiz*) и *д'Аллуа* (*d'Halloy*), где *s* в основе отсутствует. В общей минералогической

номенклатуре подобное изредка встречается для различения двух образований от одной фамилии, ср. *дюфренуазит*, образованный на фоне уже существующего *дюфренита* (оба названия — в честь П. А. Дюфренуа / *P. A. Dufrénoy*). Ресурсы системы предлагают такой формант, но то, что номинаторы отдали предпочтение именно ему в случае с *моренозитом* и *галлуазитом*, трудно объяснить возможной в перспективе омонимией. Не исключено, что этот суффикс показался более благозвучным, позволяя включить в основу фамилию целиком, но при этом избежать скопления гласных, которое неминуемо, если прибавлять продуктивный суффикс *-ит*.

Завершение *-ан* в названиях минералов используется нечасто (ср. не входящие в рассматриваемый материал *везувиан*, *нозеан*, *ретциан*, *корнелиан*, *лавендулан*). В исследуемом массиве лексики данный суффикс есть только в слове *цельзиан*. Наименование было дано в честь естествоиспытателя XVIII в. А. Цельсия. Следует отметить, что суффикс *-ан*, использующийся в минералогии, восходит, скорее всего, к латинскому суффиксу *an-*, который часто применялся для образования прилагательных от имен собственных: *Cossanus* ‘коссанский’ (от топонима *Cossa*), *Ciceronianus* ‘цицероновский’ (от личного имени *Cicero*, *Ciceronis*).

Данный суффикс является также частью форманта *-анит*, применяющегося, скорее всего, в наименованиях, корневая часть которых задействована с другим суффиксом в общей минералогической номенклатуре: ср., например, *торит* и *торианит* (от *торий*), *церит* и *церианит* (от *церий*). По этой причине *берцелианит*, названный в честь шведского химика Я. Й. Берцелиуса, имеет подобное завершение: оно позволяет не смешивать *берцелианит* и *берцелиит*.

Разовое отклонение в системе отантропонимических наименований при прибавлении суффикса *-ит* к основе, взятой из фамилии на *-ский*, наблюдается при образовании слова *волконскоит* — перед традиционным завершением появляется гласная *о*. Минерал был открыт в 1830 г. в Пермской губернии и получил название в честь князя П. М. Волконского, министра Императорского двора и покровителя естественных наук. Однако в других названиях, также восходящих к фамилиям на *-(ск)ий*, вставка гласного перед суффиксом *-ит* не наблюдается, ср. *боровскит* (от фамилии *Боровский*), *высоцкит* (от фамилии *Высоцкий*) и т. д. Нужно отметить, что в русскоязычной традиции до *волконскоита* не создавали наименований от подобных фамилий: остальные обнаруженные примеры такого рода — лексемы более позднего происхождения. Скорее всего, так специфически прошла апробация этой модели, в дальнейшем ни в русской, ни в иноязычной традиции не создавалось названий от фамилий на *-ский* со вставной *-о-*.

Итак, типичным способом образования минералонима является присоединение определенного форманта к фамилии некоей персоны (в общем случае — ученого-минералога). При этом внешний облик производящей фамилии может подвергаться некоторым изменениям, что следует рассматривать как нетипичные случаи образования минералонима.

Вполне предсказуемым отклонением в формальном плане от типичного способа образования отантропонимического наименования минерала является использование только одной части многокомпонентной фамилии. Дело в том, что в европейской культурной традиции многочастная фамилия на базе немецкого, французского, испанского, португальского и других языков не является редкостью. Очевидно, что наименование минерала, образованное от полной фамилии вида *Фояз-де-Сент-Фон* или *ди Андрада-и-Силва*, было бы в практическом плане совершенно неприемлемым в силу громоздкости. Вследствие этого в качестве базы для образования названия берется только одна часть фамилии и появляются единицы типа *чермакит* (от австрийской фамилии *Чермак, эдлер фон Зейзенегг*), *андрадит* (от бразильской фамилии *ди Андрада-и-Силва*), *моренозит* (от испанской фамилии *Морено Руис*), *ромейт* (от французской фамилии *Роме-де-Лиль*) и т. п. Встретилось наименование, образованное от элемента русской двойной фамилии, — *самарскит* (от фамилии *Самарский-Быховец*).

В анализируемом материале достоверно зафиксировано 14 подобных случаев. Из них пять образованы на базе франкоязычных сложных фамилий, три — на базе немецкоязычных, по два — на базе португалоязычных и испаноязычных, по одной — на базе шведскоязычных и русскоязычных фамилий; при этом здесь в расчет не принимается то, в какой стране работал человек, в честь которого назван минерал, а название *троллеит*, образованное от двойной фамилии *Тролле-Вахмайстер*, мы условно относим к происходящим от шведскоязычных фамилий, несмотря на вторую немецкоязычную часть. При этом 13 из 14 наименований образованы от первой части фамилии и только *заратит* (по фамилии испанского драматурга и академика *Хиль-и-Сарате*) — от второй. Это, по-видимому, объясняется большей употребительностью в общеевропейском узусе именно первой части многокомпонентной фамилии, однако Сарате известен именно под вторым ее элементом. Вообще же к приведенным числовым данным следует подходить с большой осторожностью, поскольку в западноевропейской традиции наличие фамилий, состоящих из нескольких частей, не является редкостью, но при этом персона становится известной только под одной из частей этой фамилии. Соответственно, не всегда представляется возможным выяснить, как именно выглядит полная фамилия человека и образовано ли название минерала именно от ее

части. Можно предположить, что количество минералонимов, образованных от части фамилии, несколько больше, чем удалось установить в рамках данной работы. Не претендуя в рассматриваемом случае на точность числовых данных, отметим, однако, сравнительную распространенность указанного подхода к созданию минералонимов.

С другой стороны, весьма популярен подход, при котором в наименование минерала входит подвергшийся усечению антропоним. Из всех нетипичных моделей образования названий эта является самой распространенной: в нашем материале в ее рамках создано 51 название.

Весьма часто усекается конечный гласный, который может оказаться перед гласным форманта *-ит*. Так, вероятно, реализуются субъективные представления номинатора о благозвучии получившейся языковой единицы, при котором стечение гласных, на его взгляд, недопустимо. Такой подход реализуется нерегулярно, так что его вполне можно считать нетипичным. При этом морфемный статус гласного, как показывает материал, при образовании названия часто становится несущественным: в языке-источнике он может быть как частью собственно основы, так, например, и окончанием. К этой группе относятся примеры типа *андрадит* (от части фамилии ди *Андрада*-и-Силва), *коронадит* (от фамилии *Коронадо*), *бруньятеллит* (от фамилии *Бруньятелли*), *блэдит* (от фамилии *Блэде*) и т. п.

Заметную часть (7 случаев из 36) таких примеров составляют наименования, образованные от итальянских фамилий на *-и*: *артинит* (от фамилии *Артини*), *бассанит* (от *Бассани*), *менигинит* (от *Менегини*) и т. п. Такое усечение легко объяснимо, поскольку при типовом способе образования на границе морфем нового слова оказывается не просто стечение гласных, а комбинация из двух *и*. В целом исход названия камня на *-иит* представляется вполне укладывающимся в специфику рассматриваемого словообразования, и мы видим, что наименования типа *биксбиит* (от фамилии *Биксби* / *Vixby*) или *маккинстриит* (от фамилии *Маккинстри* / *McKinstry*) реально существуют. Но примечательно, что из 11 встретившихся в материале случаев, в которых название камня заканчивается на *-иит* (т. е. образовано от фамилии на *-и* без усечения этого гласного), нет ни одного, возникшего на базе итальянской фамилии с исходом на *-i*. Возможно, каким-то образом прослеживается влияние морфемного состава производящего слова на получающуюся единицу, поскольку в составе итальянской фамилии этот исход *-i* имеет статус окончания. Даже название *пумпеллит*, восходящее к итальянской по происхождению американской фамилии *Пумпелли* / *Pumpelly*, становится в один ряд со случаями типа *биксбиит*, *маккинстриит* или *самтерлит* (от фамилии *Самтерли* / *Satterly*). Дело в том, что на американской почве итальянская

фамилия *Pumpelli* стала писаться как *Pumpelly* (с -у на конце), а морфемный статус последнего гласного утратился.

К описанной ситуации в некотором смысле примыкают названия, образованные от славяноязычных фамилий на *-(ск)ий*. Поскольку возможное завершение названия минерала при типичном подходе к его образованию выглядело бы как **-ийит*, конечный формант имел бы слишком сложную структуру в фонетическом и графическом отношении. В таких случаях систематически отбрасывается окончание *-ий*, включающее в себя не только предпоследний гласный *-и*, но и согласный: *боровскит* (от фамилии *Боровский*), *волынскит* (от *Волинский*), *высоцкит* (от *Высоцкий*), *карпинскит* (от *Карпинский*), *самарскит* (от *Самарский*), *шуйскит* (от *Шуйский*) и т. п. — всего в материале обнаружено 13 единиц, созданных с использованием такого подхода.

При всей нетипичности для образования названий минералов модели, при которой отбрасывается какая-либо часть производящей фамилии, конкретно в подобных случаях она реализуется вполне системно. Возможно, свою роль сыграл морфемный статус финали *-ий*, как и в случае с усечением гласного при образовании минералонима от итальяноязычных фамилий. Хотя для иноязычного номинатора может быть неясен этот статус, поэтому отбрасывание финали могло и не подразумевать интенцию исключения именно окончания производящей единицы, а предполагало только фонетико-графические соображения. В наименовании *хейровскиит* (от фамилии *Гейровский* / *Heyrovský*) отсекается только конечный *-й*. На первый взгляд, это может показаться отклонением от описанной модели, но здесь очевидны два фактора, повлиявших на такой облик слова. Во-первых, строго говоря, этот случай сам по себе отличается от рассмотренных выше, поскольку в языке-источнике (чешском) вообще-то отсутствует согласный *-й* в финали, так что здесь должен был отпасть только гласный *и* — по аналогии со случаями типа *артинит* или *троилит*. Во-вторых, на письме эта фамилия заканчивается не на *-i*, а на *-y*, так что здесь в дело вступают соображения графического свойства: поскольку в английском языке подобные названия заканчиваются не на *-iite*, а на *-yite*, звук [и], выраженный буквой *y*, регулярно остается в составе производного слова. Вообще же кажется, что, существенную роль в вопросе отпадения конечного [и] производящей фамилии в названии минерала играет графический облик слова. Усечению подвергается не любой звук [и] в финали фамилии, а тот, что при транслитерации в латинскую алфавитную систему выражается буквой *i*. Тот же, что выражается буквой *y*, не подвергается такому усечению, поскольку на английском языке название камня получает исход не *-iite* с дублированием гласной буквы, а *-yite*. Благодаря этому в терминологической системе появляются наименования типа

пумпеллиум (*pumpellyite*), *хейровскиум* (*heyrovskyite*), *биксбиум* (*bixbyite*), *меренскиум* (*merenskyite*) и пр.

Кроме того, несколько своеобразно ведет себя заметный массив слов, восходящих к иностранным (как правило, англоязычным) фамилиям с исходом на *-ey*: *бадделейум* (*baddeleyite*, от фамилии *Бадделли* / *Baddeley*), *герстлейум* (*gerstleyite*, от *Герстли* / *Gerstley*), *уитнейум* (*whitneyite*, от *Уитни* / *Whitney*) и т. п. — всего восемь наименований. Здесь обращает на себя внимание то, что для таких фамилий существуют различные традиции их транслитерации на русский язык. Вследствие этого исход названия минерала в русском языке может иметь различный облик: *-eum*, *-ium*, *-ейум*, что, на первый взгляд, в рамках русскоязычной терминологии выглядит довольно бессистемно. Но надо иметь в виду, что все эти варианты в конечном счете имеют только один систематически реализуемый аналог *-uite* в английском языке, для образования которого важен в данном случае графический облик слова, при этом и финаль всех этих фамилий, вероятно, звучит одинаково. Аналогичным образом ведет себя лексема *рамзаум* (*ramsayite*, от фамилии *Рамзай* / *Ramsay*), которая отличается от рассмотренных случаев тем, что, во-первых, исходная фамилия имеет финаль с иным гласным, а во-вторых, название это дано русскоязычным геологом Е. Е. Костылевой, поэтому оно заканчивается на нетипичное *-aum*, что, как мы видели выше, в русском языке характерно только для слов, образованных от фамилий, заканчивающихся на *-a*. В английском же языке наименование заканчивается на совершенно типовое для таких случаев *-uite*. Название *бауум* / *bowieite* (от фамилии *Боуи* / *Bowie*) в русском языке демонстрирует отпадение конечного *и* производящей фамилии, что позволяет избежать дублирования гласного в производной лексеме, при этом его англоязычный вариант такого усечения не имеет, что снова можно объяснить соображениями чисто графического толка. В словообразовательном отношении подобно описанному выше и наименование *кочубеум* / *kotschubeite* (от фамилии *Кочубей* / *Kotschubei*). Однако оно представляет вариант усечения производящей фамилии как в русском, так и в английском языке. Надо полагать, в обоих случаях усекается согласный звук [й], выраженный по-разному в разных графических системах.

Несколько своеобразно в этом отношении ведут себя названия минералов, восходящие к латинизированным фамилиям на *-ius* (*-ius*): *берцелианит* (от фамилии *Берцелиус*), *валлериум* (от *Валлериус*), *сильвин* (от *Сильвиус*). В общем случае от таких фамилий просто отсекается комплекс *-ус*, имеющий в языке-источнике статус окончания, как, например, в *валентинит* (от *Валентинус*). Отметим, что в случае с *сильвином* удаляется также и дублируемый в конечной лексеме гласный *-и* основы. Как и *сильвин*, название *дэвин*

(от фамилии *Дэви*) имеет не совсем типичный исход на *-ин*, и в нем точно так же усекается конечный гласный производящего слова.

Прочие случаи усечения производящей фамилии или имени не столь многочисленны и вызваны большей частью, вероятно, соображениями благозвучия формируемой лексемы. В пяти случаях происходит усечение конечного гласного *-е*: *блэдит* (от фамилии *Блэде*), *гэтит* (от *Гёте*), *заратит* (от *Сарате*), *мертиит* (от *Мертье*), *тенорит* (от *Теноре*), *шеелит* (от *Шееле*). В редких случаях могут усекаются и другие гласные: *андрадит* (от фамилии *ди Андрада-и-Силва*), *доломит* (от *Доломьё*), *коронадит* (от *Коронадо*), *лаурит* (от имени *Лора*). Кроме того, усечению могут подвергаться целые звукокомплексы, состоящие из различных сочетаний гласных и согласных: *вернадит* (от фамилии *Вернадский*), *витерит* (от *Витеринг*), *гейлюссит* (от *Гей-Люссак*), *кассит* (от *Кассин*), *иксиолит* (от имени *Иксион* / Ἰξίωνος), *афродит* (от имени *Афродита*), *бустамит* (от фамилии *Бустаманте*), *селит* (от имени *Селена*), *ферсмит* (от фамилии *Ферсман*). Здесь видно стремление номинатора не создавать излишне длинную терминологическую единицу с дублирующимися звукокомплексами типа **афродитаит*, благодаря чему и происходит усечение части производящей лексемы. В случае с *ферсмитом* и *вернадитом* также нужно иметь в виду, что здесь происходит разведение омонимов, поскольку существуют минералы *вернадскит* и *ферсманит*. Название *лейхтенбергит* восходит к фамилии Максимилиана Лейхтенбергского — немецкого и российского государственного деятеля, но здесь следует понимать, что по-немецки его фамилия выглядит как *von Leuchtenberg*, так что здесь может и не подразумеваться усечение основы.

Отметим также в крайне редких случаях возникновение названия на базе нескольких элементов антропонимов: *марстурит* (от имени и фамилии *Марион Стюарт*), *армолколит* (от фамилий *Армстронг*, *Олдрин*, *Коллинз*).

Интересными с формальной точки зрения и в аспекте выбранной тактики номинации кажутся две лексемы: *павонит* и *форнасит*. Дело в том, что в обоих случаях наименование минерала восходит не непосредственно к фамилии человека, а к ее кальке на латинском языке. *Павонит* назван в честь минералога Мартина Альфреда Пикока, чья фамилия с буквальным значением ‘павлин’ была переведена на латинский язык (с основой *ravon-*), а от получившейся кальки уже было произведено название минерала. Таким же образом поступили с фамилией *Фурно* (буквальное значение ‘печь’), образовав наименование *форнасит* от лат. *fornax* с основой *fornac-*, при этом прочитав основу с опорой на французские правила чтения (со звуком [с] перед [и] суффикса).

Ряд наименований минералов восходит не к фамилии, а к имени человека. Такие случаи сравнительно редки — в отобранном материале их встретилось всего 18. При этом нужно иметь в виду, что большая часть таких названий восходит к именам персонажей античной культуры и языческих богов, по определению не имеющих фамилий. Очевидно, что никакого особого мемориального смысла такие названия не несут, поэтому подобного рода единицы реализуют наиболее разнообразные подходы к номинации.

К группе наименований, восходящих к мифонимам, относится десять единиц: *атенеит* (в честь богини Афины Паллады), *афродит* (в честь богини Афродиты), *воданит* (в честь германского бога Водана), *дафнит* (в честь нимфы Дафны, превращенной в лавр), *магнетит* (в честь легендарного пастуха Магнеса, нашедшего камень, притягивающий железо), *иксиолит* (по имени мифологического персонажа Иксиона, убившего собственного тестя), *поллуцит* (в честь Поллукса, одного из мифических братьев Диоскуров), *селит* (в честь Селены, мифологической персонификации Луны), *тапиолит* (в честь финского бога леса Тапио), *эгирин* (в честь скандинавского бога моря Эгира). В минералонимах, образованных от имен персонажей, которые бытуют вне классической античной мифологии, реализуется единый подход — названия даются по месту первой находки, в честь бога-представителя пантеона той или иной страны: *воданит* был обнаружен в Германии, *тапиолит* — в Финляндии, *эгирин* — в Норвегии.

Наименования же, данные в честь персонажей древнегреческой мифологии, демонстрируют более интересные тактики наречения. Так, *атенеит* получил такое название, поскольку в его состав входит палладий (*Паллада* — одно из имен Афины). Минералоним *иксиолит* также опосредованно указывает на химический состав: в иксиолите присутствует *тантал*, отсылающий к имени Тантала, бывшего сыноубийцей. Иксион же убил своего тестя, т. е. совершил аналогичный грех, и на основании этой ассоциативной связи между персонажами возникло обозначение танталсодержащего минерала. *Поллуцит* и *касторит* систематически встречаются в одной породе, поэтому в их названиях видны имена братьев Диоскуров. *Афродит*, *дафнит* и *селит* отражают внешний облик минералов: *афродит* ассоциировался с морской пеной, атрибутом Афродиты, агрегаты кристаллов *дафнита* — с листьями лавра (именно в лавр превратилась Дафна), а *селит*, являясь полупрозрачным гипсом, — со свечением луны. Название *магнетит*, по одной из версий (ныне представляющейся весьма сомнительной), восходит к имени легендарного пастуха Магнеса, который первым нашел этот необычный камень. Примечательно, что в настоящее время отантропонимическая модель образования минералонима является

ведущей, но стремление связать наименование камня с конкретной персоной проявляется уже в эпоху Античности.

Тот факт, что названия, данные в честь персонажей древнегреческой мифологии, демонстрируют более разнообразные подходы к наречению, можно объяснить следующим: классическая античная мифология была в целом более известна номинаторам и поэтому предоставляла больше ассоциаций при назывании минералов.

Два наименования из выбранного материала восходят именам людей, в отношении которых реализуются мемориальные интенции номинатора. Речь идет о названиях *мариалит* и *лаурит*. Имя *мариалит* дано минералогом Герхардом фон Ратом по имени его жены *Марии* Розы, а *лаурит* назван в честь жены химика Чарльза Джоя *Лоры* Джой. Очевидно, что именование минерала по фамилии жены потеряло бы всякий мемориальный смысл, поскольку на момент присвоения названия фамилии супругов совпадали.

Как и при образовании наименований от фамилий, минералонимы, произведенные от личных имен, тоже могут задействовать *усеченные формы производящего антропони́ма*. Чаще всего усечению подвергается конечный гласный имени, имеющий в языке-источнике статус окончания (ср. *дафнит*, *лаурит*), либо целый звукокомплекс, который отбрасывается для того, чтобы не создавать излишне громоздкий термин (ср. *афродит*, *иксиолит*).

В остальных случаях видны разные причины выбора имени в качестве производящего элемента для названия минерала. Так, *андорит* назван в честь Андора фон Семсея, а *торбернит* — в честь Торберна Олафа Бергмана, поскольку науке уже известны минералы *семсейит* и *бергманит*, названные в честь этих людей, так что использование личного имени было способом не вводить в номенклатуру минералов омонимы. *Василит* назван так в честь Васи́ла Атанасова его сыном, Атанасом Атанасовым (в случае именованного камня по фамилии утратился бы мемориальный смысл названия). Что касается названия *густавит* (в честь Густава Адольфа Хагеманна), то здесь видится стремление избежать слова *хагеманнит*, которое уже вводилось в номенклатуру, но не сохранилось в узусе минералогов. В случае с *пикотитом* (от имени Филиппа Пико / *Picot* де Лаперуза) номинатор, скорее всего, хотел подчеркнуть, что речь идет о естествоиспытателе, а не о выдающемся путешественнике Жане-Франсуа де Гало де Лаперузе. Отказ задействовать фамилию ученого Замбонини в минералониме *ферручит* (в честь Ферручо Замбонини) можно объяснить стремлением уйти от неблагозвучия, вызванного дублированием последнего слога основы фамилии.

В рассмотренном материале встретилось пять наименований, образованных от имени и фамилии человека: *бенлеонардит*

(от Бенджамин Леонард), джонбаумит (от Джон Баум), карлостуранит (от Карло Стурани), марстурит (от Марион Стюарт), мелонжозефит (от Джозеф Мелон). Такой своеобразный подход к наименованию, очевидно, связан с тем, что названия, восходящие к соответствующим фамилиям, уже наличествуют в минералогической номенклатуре. Так, существуют минералы *леонардит*, *баумит*, *мелонит*. Наличие же названия *стуртит* могло бы привести к путанице при введении в терминологию лексем **стурут* и **стуранит*. С точки зрения производящих основ мы видим здесь большое разнообразие вариантов. Название *джонбаумит* демонстрирует простое сложение производящих лексем с добавлением форманта *-ит*, т. е. ведет себя с формальной точки зрения вполне предсказуемо. В лексеме *карлостуранит* отсекается конечный *-и* производящей фамилии, что, как мы уже видели, довольно типично для названий, восходящих к итальянским фамилиям. Наименование *бенлеонардит* показывает отпадение существенной части имени (собственно, здесь используется общепринятый деминутив), поскольку лексема типа **бенджаминлеонардит* была бы категорически неприменима на практике в силу ее сложности. В названии *марстурит*, как отмечалось выше, усечению подвергаются обе части имени, причем случайным, довольно причудливым образом. Что касается названия *мелонжозефит*, то здесь представлена нетипичная для европейцев инверсия имени и фамилии. Такое разнообразие (можно даже говорить о полном отсутствии устоявшихся моделей) явно связано с нетипичностью и неотработанностью этого подхода и субъективными представлениями номинатора об эстетической стороне вопроса.

* * *

Таким образом, отантропонимическая модель наиболее продуктивна в наименованиях минералов Урала, о чем свидетельствует репрезентативность выбранного корпуса (428 единиц). Подавляющее число названий (403 лексем) образовано с помощью присоединения к фамилии традиционного для минералогической терминологии греческого суффикса *-ит*. Остальные слова содержат менее частотные форманты: греческое по происхождению *-лит* и латинское *-ан*. Все остальные форманты (*-зит*, *-оит*, *-анит*) можно считать нетипичными. Это фонетико-графические варианты или контаминация упомянутых суффиксов. Привлечение иных словообразовательных формантов, отличных от классических *-ит*, *-лит* и *-ан*, объясняется или апробацией отантропонимической модели, или стремлением номинаторов избежать неблагозвучности и омонимии.

Атипичность моделей реализуется также в использовании для минералонима в качестве производящей основы одного из компонентов многочастной

фамилии. Это связано с тем, что при традиционном для западноевропейской культуры бытовании многокомпонентных фамилий создание названий минералов от полных их форм привело бы к появлению слишком громоздких терминов. Как правило, базой для возникновения минералонима становится первый элемент такой фамилии — как наиболее известный и чаще употребляемый в обиходе. Чаще всего (в 5 случаях из 14) указанным образом ведут себя наименования, образованные от франкоязычных по происхождению фамилий. Однако числовые данные в этом случае могут быть неполными, поскольку не всегда удастся достоверно установить полную многокомпонентную форму фамилии того или иного лица.

Кроме того, усечению может подвергаться и однословный антропоним либо производящая часть многословного. В рассмотренном материале это происходит в 51 случае. Чаще всего отсекается конечный гласный фамилии или имени, поскольку, находясь в позиции перед типовым формантом *-um*, он может приводить к неблагозвучному стечению гласных. Из всех гласных усечение наиболее характерно для конечного *-i* антропонима. Однако если звук [и] обозначен буквой *u* в языках с латинизированным алфавитом, то усечения, как правило, не происходит, поскольку на письме формально соседствуют две разные буквы (*u* и *i*).

В некоторых случаях имеет место усечение конечного звукокомплекса производящего антропонима, что связано со стремлением избежать создания слишком длинного, громоздкого и неблагозвучного термина.

В качестве базы для создания минералонима может использоваться не фамилия, а имя персоны. Наиболее часто это происходит в отношении лиц, принципиально не имеющих фамилии (языческих богов, мифологических персонажей). В случае возникновения названия от имени реально существующего человека выбор производящей основы связан со стремлением избежать омонимии терминов, если минералоним, произведенный от фамилии, уже существует в минералогической терминосистеме. Таким же образом может использоваться основа, образованная от сочетания имени и фамилии (либо их частей). К подобным вариантам создания минералонима номинаторы часто прибегают в том случае, если существует риск спутать персону с однофамильцем или родственником.

В крайне редких случаях в качестве основы для создания названия минерала используется калька фамилии на латинский язык, что, вероятно, связано исключительно с эстетическими предпочтениями номинатора.

Таким образом, при использовании нетипичных в формальном отношении моделей и походов к созданию минералонимов ключевую роль играют субъективные эстетические представления номинатора, связанные с желанием

создать благозвучный и удобный в использовании термин. Кроме того, очевидной интенцией также становится стремление избежать неприемлемых для стройной терминосистемы омонимии и прочих случаев неоднозначности, не позволяющих недвусмысленно связать лексему с обозначаемым объектом.

Источники

- ГС — Геологический словарь : в 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. О. В. Петрова. СПб. : Изд-во ВСЕГЕИ, 2010–2012.
- Каталог Минералов : научно популярный журнал о минералах : [сайт]. URL: <https://catalogmineralov.ru/mineral> (дата обращения: 28.11.2023).
- Кобяшев Ю. С., Никандров С. Н. Минералы Урала (минеральные виды и разновидности). Екатеринбург : Квадрат, 2007.
- Митчелл Р. С. Названия минералов. Что они означают? М. : Мир, 1982.

Исследования

- Березович Е. Л. К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 9–28. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.4.060>
- Березович Е. Л. Лексика камня как «новый» объект диалектологических исследований // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы междунар. конф. к 100-летию С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской / отв. ред. О. Е. Кармакова. М. : ИРЯ РАН, 2021. С. 28–31.
- Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Топонимы и этнонимы как основа наименований минералов // Ономастика Поволжья : материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля / науч. ред. Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун. Оренбург : Оренбургская книга, 2021. С. 278–285.
- Березович Е. Л., Кучко В. С. Явление видовой замены в номинациях минералов и металлов (на примере названий, включающих лексему «золото») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, № 4. С. 5–15. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2020-4-5-15>
- Березович Е. Л., Кучко В. С. О явлении культурной ремотивации при калькировании лексики: кошацье золото и кошацье серебро в минералогической терминологии // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (41). С. 87–105. <https://doi.org/10.31912/rjano-2021.1.4>
- Кучко В. С. Жемчуг в русском фольклоре // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2022а. Т. 24, № 3. С. 118–138. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.048>
- Кучко В. С. Как имя камня предупреждает об обмане: об одном мотиве номинации в минералогической лексике // Антропологический форум. 2022б. № 53. С. 154–174. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-53-154-174>
- Кучко В. С. История освоения реалии как мотив номинации (на примере минералонимии) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы V Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022в. С. 151–156. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3508-4>

- Мартынова Е. М. Употребление гемоморфов в художественной портретизации коммуникативной личности // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : сб. науч. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. / ред. М. В. Якушев. Орел : Каргуш, 2022. С. 322–327.
- Напольских В. В. Происхождение названий соли в селькупском и угорских языках // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 48–61. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.4.062>

References

- Berezovich, E. L. (2020). K izucheniiu nonstandartnoi leksiki kamnia v russkom iazyke: postanovka voprosa [Towards the Study of Non-standard Vocabulary of Stone in the Russian Language: Problem Statement]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 22(4), 9–28. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.4.060>
- Berezovich, E. L. (2021). Leksika kamnia kak “novyi” ob"ekt dialektologicheskikh issledovaniy [Vocabulary of Minerals as a “New” Object of Dialectological Research]. In O. E. Karmakova (Ed.), *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii k 100-letiiu S. V. Bromlei i O. N. Morakhovskoi* [Problems of Contemporary Russian Dialectology: Proceedings of the International Conference to the 100th Anniversary of Sofia V. Bromley and Olga N. Morakhovskaya] (pp. 28–31). Moscow: IRIa RAN.
- Berezovich, E. L., & Krivoshchapova, Yu. A. (2021). Toponimy i etnonimy kak osnova naimenovaniy mineralov [Toponyms and Ethnonyms as the Basis for Naming Minerals]. In E. N. Bekasova, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 19th International Conference] (pp. 278–285). Orenburg: Orenburgskaia kniga.
- Berezovich, E. L., & Kuchko, V. S. (2020). Iavlenie vidovoi zameny v nominatsiiakh mineralov i metallov (na primere nazvanii, vkluchaiushchikh leksemy “zoloto”) [The Phenomenon of Species Substitution in the Names of Minerals and Metals (with Reference to Names that Include the Lexeme *Zoloto* ‘Gold’)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 12(4), 5–15. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2020-4-5-15>
- Berezovich, E. L., & Kuchko, V. S. (2021). O iavlenii kul'turnoi remotivatsii pri kal'kirovanii leksiki: *koshach'e zoloto* i *koshach'e serebro* v mineralogicheskoi terminologii [On the Phenomenon of Cultural Remotivation in Loan Translation: *Cat Gold* and *Cat Silver* in Mineralogical Terminology]. *Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(41), 87–105. <https://doi.org/10.31912/rjano-2021.1.4>
- Kuchko, V. S. (2022a). *Zhemchug* v russkom fol'klоре [Pearls in Russian Folklore]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 24(3), 118–138. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.048>
- Kuchko, V. S. (2022b). Kak imia kamnia preduprezhdaet ob obmane: ob odnom motive nominatsii v mineralogicheskoi leksike [How the Name of a Stone Warns of Deception: Exploring One Naming Motive in Mineralogical Vocabulary]. *Antropologicheskii forum*, 53, 154–174. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-53-154-174>
- Kuchko, V. S. (2022c). Istoriia osvoeniia realii kak motiv nominatsii (na primere mineralonimii) [The History of the Development of Realia as a Naming Motive (the Case of Mineralonymy)]. In E. L. Berezovich, & O. D. Surikova (Eds.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the 5th International Conference] (pp. 151–156). Ekaterinburg: Ural State University. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3508-4>

- Martynova, E. M. (2022). Upotreblenie gemomorfov v khudozhestvennoi portretizatsii kommunikativnoi lichnosti [The Use of Hemomorphs in Creating a Literary Portrait of a Communicative Personality]. In M. V. Yakushev (Ed.), *Iazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia: izuchenie i obuchenie: sbornik nauchnykh trudov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language. Culture. Communication: Study and Training: Proceedings of the 6th International Conference] (pp. 322–327). Orel: Kartush.
- Napolskikh, V. V. (2020). Proiskhozhdenie nazvanii soli v sel'kupskom i ugorskikh iazykakh [The Origin of the Names of Salt in the Selkup and Ugric Languages]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 22(4), 48–61. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.4.062>

Нуржан Хаджибиевна Емыкова¹

Мадина Михайловна Паштова²

Раиса Батмирзовна Унарокова³

Зарема Арсеновна Цеева⁴

¹ старший научный сотрудник отдела славяно-адыгских культурных связей, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (385000, Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13)

E-mail: nurjan-emik@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0860-4209>

² доктор филологических наук, старший преподаватель кафедры черкесского языка и культуры, Университет Эрджиес (Erciyes Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Ahmet El Biruni Caddesi No:91, 38280 Talas / Kayseri, Türkiye)

E-mail: mazako71@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0720-233X>

³ доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культуры адыгов, Адыгейский государственный университет (385000, Майкоп, ул. Первомайская, 208)

E-mail: raya_unarokova@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8362-9944>

⁴ кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры адыгов, Адыгейский государственный университет (385000, Майкоп, ул. Первомайская, 208)

E-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2528-9678>

ЧЕРКЕССКАЯ (АДЫГСКАЯ) ЛАНДШАФТНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТОПОНИМЫ В ТЕКСТАХ ФОЛЬКЛОРА И ВЕРНАКУЛЯРНЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ

Аннотация

В статье рассматриваются малоизученные в ономастике вопросы адыгской (черкесской) ландшафтной терминологии и фольклорного топонимикона. Впервые в адыгской лингвистике и фольклористике исследуется специфика функционирования географических терминов и топонимов в стереотипных устных текстах, в том числе в традиционном фольклоре и повседневных устно-речевых практиках. К анализу привлечены данные фольклорного подкорпуса адыгейского лингвистического корпуса, созданного в 2022 г. сотрудниками Адыгейского государственного университета: подкорпус включает как уже опубликованные материалы, так и полевые данные, собранные в местах компактного проживания адыгов (черкесов) в Республике Адыгея, Краснодарском крае и в среде черкесской диаспоры Турции. Широко

привлечены также материалы фольклорно-этнографических архивов Республики Адыгея и сведения, извлеченные из личных архивов и полевых записей. На этой основе авторами выявляются базовые модели образования и функционирования терминов и топонимов — как в контексте комплексного исследования фольклорного ландшафта, так и в связи с реальными географическими объектами и культурным контекстом. Главное внимание уделено лексемам, которые встречаются на территории исторической Черкесии наиболее часто: *пс(ы)* ‘вода’, ‘река’, *хы* ‘море’; *кьо* / *кьуэ* ‘балка’, ‘овраг’, ‘речка’, *бгы* ‘холм’, ‘гора’, ‘вершина’, ‘хребет’, ‘круча’, ‘обрыв’, *кьуишхьэ* / *кьуицхьэ* ‘гора’, *тхы* ‘возвышенность’, ‘хребет’, ‘гребень горы’, *Луаишхьэ* / *Луаицхьэ* ‘курган’, ‘холм’; *хэку* ‘область’, ‘родина, отечество’, ‘край’, ‘страна’, ‘государство’. Методом корпусного исследования и дискурс-анализа рассматриваются формы репрезентации как реальных, так и мифических ландшафтных объектов в эпических текстах и речевых практиках. Выявляется продуктивность функционирования топонимов и устанавливается их семантика методом сопоставления сведений из ранних лексикографических источников и новых архивных и полевых материалов. Показано, как в новых языковых условиях (в исследуемом случае — места компактного проживания черкесов диаспоры в Центральной Анатолии) сформировавшаяся неофициальная карта местности функционирует параллельно с административной турецкоязычной. Фиксируемая в фольклорно-речевом дискурсе диаспоры ландшафтная терминология отличается частотностью употребления некоторых единиц в зависимости от наличия / отсутствия тех или иных географических объектов.

Ключевые слова: историческая Черкесия; черкесская диаспора в Турции; адыгский (черкесский) язык; географическая терминология; топонимия; фольклорный топонимикон; адыгейский лингвистический корпус

Для цитирования

Емыкова Н. Х., Паиштова М. М., Унарокова Р. Б., Цеева З. А. Черкесская (адыгская) ландшафтная терминология и топонимы в текстах фольклора и вернакулярных речевых практиках // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 131–151. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.006

Рукопись поступила в редакцию 13.10.2023

Рукопись принята к печати 18.12.2023

Nurzhana Khadzhibieva EMYKOVA¹

Madina Mikhailovna PASHTOVA²

Raisa Batmirzovna UNAROKOVA³

Zarema Arsenovna TSEEVA⁴

¹Senior Research Fellow, Department of Slavic-Adyghe Cultural Connections, Tembot Kerashev Adyghe Institute for Humanities (13, Krasnooktyabrskaya St., 385000 Maykop, Russia)

E-mail: nurjan-emik@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0860-4209>

²DrHab, Senior Lecturer, Department of Circassian Language and Culture, Erciyes University (91, Ahmet El Biruni St., 38280 Talas / Kayseri, Turkey)

E-mail: mazako71@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0720-233X>

³DrHab, Professor, Department of Adyghe History and Culture, Adyghe State University (208, Pervomayskaya St., 385000 Maykop, Russia)

E-mail: raya_unarokova@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8362-9944>

⁴ PhD, Associate Professor, Department of Adyghe History and Culture, Adyghe State University (208, Pervomayskaya St., 385000 Maykop, Russia)
E-mail: zarema.tseeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2528-9678>

CIRCISSIAN (ADYGHE) LANDSCAPE TERMINOLOGY AND TOPONYMY IN FOLKLORE TEXTS AND VERNACULAR COMMUNICATION

Abstract

The article explores Adyghe (Circassian) landscape terminology and folklore toponymy, areas that have received limited attention in onomastics. It presents a pioneering analysis within Adyghe linguistics and folklore research, examining the peculiarities of geographical terms and toponyms in stereotypical oral texts, including traditional folklore and everyday speech practices. The study is based on data from the folklore subcorpus of the Adyghe linguistic corpus, compiled in 2022 by Adyghe State University researchers, comprising published materials and field data collected from Adyghe (Circassian) communities in the Republic of Adyghea, Krasnodar Region, and the Circassian diaspora in Turkey. Additionally, materials from folklore and ethnographic archives of the Republic of Adyghea, along with information extracted from personal archives and field records, are analysed. Based on this data, the authors identify fundamental models governing the formation and usage of terms and toponyms, both within the context of folklore landscape studies and in relation to real geographical features and cultural settings. The focus is primarily on lexemes commonly encountered in historical Circassia, such as *ps(y)* 'water, river,' *xy* 'sea, gully,' *ko/kue* 'ravine, river,' *bgy* 'hill, mountain, peak, ridge, steep, cliff,' *kushxe/kushhx'e* 'mountain,' *txy* 'elevation, ridge, crest of the mountain,' *Iuashxe/Iuashhx'e* 'mound, hill,' and *xe'ku* 'region, homeland, fatherland, edge, country, state'. Through corpus research and discourse analysis methods, the study examines the representation of both real and mythical landscape objects in epic texts and speech practices. The productivity of toponyms' usage and their semantics are established by comparing data from early lexicographic sources with new archival and field materials. The article also illustrates how, in new linguistic contexts, such as the Circassian diaspora in Central Anatolia, the unofficial local map coexists with the administrative Turkish-language map, showcasing differences in landscape terminology frequency based on the presence or absence of specific geographical features.

Keywords: historical Circassia; Circassian diaspora in Turkey; Adyghe (Circassian) language; geographical terminology; toponymy; folklore toponymy; Adyghe linguistic corpus

For citation

Emykova, N. Kh., Pashtova, M. M., Unarokova, R. B., & Tseeva, Z. A. (2024). Circassian (Adyghe) Landscape Terminology and Toponymy in Folklore Texts and Vernacular Communication. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 131–151. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.006

Received on 13 October 2023

Accepted on 18 December 2023

Введение

Адыги (черкесы) — автохтонный народ Северо-Западного Кавказа, с древнейших времен населявший земли, прилегающие к Черному и Азовскому (Меотскому) морям и предгорьям Главного Кавказского хребта.

В течение веков границы территории проживания адыгов менялись. Так, к XIX в. земли исторической Черкесии¹ занимали почти всю западную часть Северного Кавказа и простирались от побережья Черного моря, от Тамани и устья р. Кубани на западе, до Терека на востоке; на севере граница проходила по правому берегу Кубани, на юге регион имел общую границу с Абхазией [Хотко 2015].

Черкесия делилась на восточную, или «верхнюю» по течению р. Кубань, часть (*Шъхъагъ*), куда входили Большая Кабарда, Малая Кабарда и Бесленей, и западную, или «нижнюю», часть (*КӀахэ*), куда входили округа Абадзехия, Бесленей, Бжедугия, Натухай, Темиргой, Хатукай, Шапсугия и др. Деление Черкесии на западную и восточную части практически отражало и языковые особенности адыгского мира, где использовались два основных наречия адыгского (черкесского) языка: на востоке — кабардинское, на западе — западно-адыгское (кяхское)². Оба наречия и поныне насчитывают десятки диалектов и говоров, в том числе в среде многочисленной зарубежной диаспоры³. Они же лежат в основе двух литературных вариантов, за которыми в отечественной лингвистике начиная с советского периода установились названия *адыгейский язык* и *кабардино-черкесский язык*⁴.

В настоящее время на территории РФ адыги проживают в основном в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Туапсинском, Лазаревском и Успенском районах Краснодарского края, в Моздокском районе Северной Осетии и Курском районе Ставропольского края.

¹ Под исторической Черкесией понимается территория расселения адыгов до начала основных событий Кавказской войны, кардинальным образом изменившей этническую картину Северо-Западного и Центрального Кавказа.

² Исключением из этой достаточно стройной картины является группа бесленеевцев, говорившая на одном из диалектов кабардино-черкесского языка, но проживавшая на Западном Кавказе, куда она передвинулась с территории Кабарды.

³ Черкесская (адыгская) диаспора, составляющая, по разным оценкам, 80–90 % от общей численности этноса, в основном рассредоточена в Турции, странах Ближнего Востока, Европе и США. История ее формирования как структурированного сообщества с ясно выраженной идентичностью отсылает к событиям середины XIX в. — окончанию Кавказской войны и выселению черкесов на территорию Османской империи.

⁴ В работах зарубежных авторов и в ряде современных отечественных исследований употребительно обозначение *черкесский язык*, в котором объединены оба литературных наречия [Топчу (Папшу) 2017; Папшова 2020].

Территория исторической Черкесии уникальна по своему ландшафтному разнообразию: лиманы, болота и острова в низовьях Кубани, морское побережье, лесистые предгорья, снежные вершины, изрезанные глубокими ущельями, котловины, равнины в нижнем течении горных рек и пр. Разнообразие ландшафта, богатство флоры и фауны нашли отражение в хорошо разработанной народной географической терминологии, которая до сих пор остается недостаточно изученной.

История изучения вопроса

Первые шаги по исследованию народной географической терминологии Черкесии предприняли еще в XIX в. Ш. Б. Ногмов [Ногма 1956; Ногмов 1994], Л. Я. Люлье [1846; 1857], Л. Г. Лопатинский [1890; 1891], составившие первые двуязычные русско-адыгские и адыго-русские словари, куда вошли основные географические термины адыгского языка. К. Ф. Ган [1909] специально работал с топонимами Кавказа с целью объяснения их этимологии.

Словари названных авторов имеют большую ценность для решения самых разных вопросов адыгской лингвистики. Составленные более ста лет назад, они сохранили целый ряд устаревших слов, которые помогают установить смысл многих географических названий, вышедших ныне из активного употребления. Нужно отметить, однако, что в словарях XIX в. представлен большой пласт адыгских географических терминов, калькированных с русского языка. Это связано с тем, что в основу словарей был положен русский словарь, т. е. они разрабатывались путем перевода русских слов на адыгский язык. Такой метод работы привел к тому, что вне словаря оказались многие специфические для адыгского языка географические термины.

Процесс фиксации топонимической терминологии продолжился в XX в. — после создания адыгской письменности и грамматики. На этой основе были составлены новые адыго-русские и русско-адыгские словари, собравшие большое количество адыгской лексики, в том числе географической терминологии.

В 1941 г. вышла в свет «Грамматика адыгейского литературного языка» Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа, а в 1948 г. — «Грамматика литературного кабардино-черкесского языка» Н. Ф. Яковлева; в этих работах [Яковлев, Ашхамаф 1941; Яковлев 1948] уделено внимание происхождению некоторых топонимов. Так, Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф, рассматривая общие корни в кавказских языках, приводят в качестве примера слово *кьо* ‘балка’, ‘ущелье’, ‘русло реки’, которое, кроме адыгского, встречается в грузинском и абхазском языках. В пояснении к этому слову авторы отмечают название

р. *Мияко* (совр. *Майкоп*): «*Мыякъо* — река Мияко, букв. “Яблонева река”, откуда название г. Майкопа: *Мыекъуапэ*, букв. “Устье Яблоневои реки”» [Яковлев, Ашхамаф 1941: 240]. Тем самым впервые в научной литературе был зафиксирован правильный перевод значения всех компонентов топонима *Мыекъуапэ* (*Майкоп*).

В 1957 г. З. И. Керашева опубликовала монографию «Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка» с приложением словаря, в котором зафиксировано около тысячи слов, в том числе большое количество топонимов и географических терминов, наиболее характерных для идиома причерноморских шапсугов [Керашева 1957].

Вышедшие в то же время «Кабардино-русский словарь» [КБС], «Толковый словарь адыгейского языка» [ТСАЯ] и «Русско-адыгейский словарь» [РАС] также отразили целый ряд топонимических терминов. Однако, как и раньше, многие термины не вошли в названные словари, в ряде случаев не учитывались значения слов, бытующих в фольклорно-речевом дискурсе. Кроме того, при составлении названных работ не были использованы материалы первых адыгских словарей, созданных Ш. Б. Ногмовым, Л. Я. Люлье и Л. Г. Лопатинским, как «не отвечающих требованиям времени».

Адыгская топонимия в целом и географическая терминология в частности впервые стали объектом изучения в 1960–1970-е гг. в трудах Дж. Н. Кокова. В монографии «Адыгская (черкесская) топонимия» он представил перечень топонимических терминов из 186 единиц. В него вошли не все термины, «а лишь те, которые, насколько удалось выявить, участвуют в образовании топонимов» [Коков 1974: 18]. Ценным явилось то, что в перечне параллельно были представлены оба наречия — и западно-черкесские (адыгейские), и кабардино-черкесские словоформы. Это позволило констатировать, что «половина состава топонимических терминов является общеадыгской» [Там же: 32] — к ней относятся термины, указывающие на важнейшие реалии: *бгы* ‘гора’, *псы* ‘вода’, *псын(э)* ‘родник’, *мэз* ‘лес’, *тхы* ‘хребет’, *шхъэ* / *цхъэ* ‘голова’ (‘верх’), *къуадж* / *къуажэ* ‘общество’ (‘селение, аул’) и др. [Там же].

Представленный материал позволил сделать Дж. Н. Кокову важный вывод о том, что сформировавшаяся в результате длительного исторического развития «адыгская топонимическая терминология, в отличие от собственно топонимии, характеризуется относительной однородностью по языковой принадлежности, хотя имеет известную долю заимствований» из древнетюркских, древнеиранских и арабского языков [Там же: 17, 32]. Исследователь отметил, что «подавляющее большинство адыгских топонимов — сложные и составные образования», поэтому «топонимические термины редко выступают “единолично”, образуя собственное название» [Там же: 16]. В тех редких случаях,

когда в основе топонима лежит термин, он, «как правило, снабжен суффиксом *-жсь/-жь* ‘старый’, ‘большой’ (*Къалэжсь* ‘Старое укрепление’, *Псыжсь* ‘Старая большая река’ и т. п.)» [Коков 1974: 16; см. также: Коков 1960; 1966; 1983].

Работы Дж. Н. Кокова представляют собой большой вклад в изучение общих проблем адыгской топонимии и географической терминологии, до сих пор оставаясь единственными и основополагающими в этом направлении. Материалы Кокова также задают перспективу сбора материала и его исследования с точки зрения локальных речевых практик.

В изучении адыгской топонимии Северо-Западного Кавказа отдельное место занимают исследования и топонимические словари К. Х. Меретукова. В результате систематического сбора им зафиксированы названия тысяч географических объектов не только в Республике Адыгея, но и в шапсугских аулах Причерноморья и других адыгских населенных пунктах Краснодарского края [Меретуков 1981; 1990; 2003].

В 2007 г. вышла книга грузинского исследователя С. Н. Джанашиа «Черкесские дневники», куда включены переведенные на русский язык уникальные лингвистические и этнографические материалы, собранные автором в 1929 г. во время двух экспедиций в Адыгейской автономной области, Шапсугском районе Черноморской области и Кабардино-Балкарии [Джанашиа 2007]. Материалы Джанашиа, в которых актуализированы в том числе микролокальные варианты лексем, явились ценным источником для понимания и уточнения значений некоторых терминов, не учтенных предыдущим лексикографическим опытом.

В адыгской (черкесской) топонимии присутствует большой слой общих абазино-абхазо-адыго-убыхских топонимических терминов и иных элементов, образовавшихся в зонах контактирования адыгских субэтнических групп с родственными абазинами, абхазами и убыхами. Многие названия свидетельствуют о былом широком взаимопроникновении в области топонимической лексики или восходят к периоду абхазо-адыгского языкового единства. Степень изученности топонимии на всех языках этих родственных народов пока не позволяет глубоко проникнуть в вопрос и отследить все имеющиеся точки соприкосновения, но первые шаги в этом направлении уже сделаны [Ионова 1993; Берсиров, Берсирова 2018].

Значительным вкладом в развитие ономастики региона стал основанный Р. Ю. Намитковой Координационный центр по изучению региональной ономастики Северного Кавказа, на базе которого с 1998 г. раз в два года проводилась международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики». По итогам работы конференции издано 13 сборников материалов (1998–2023).

Международные научные «намитоковские» конференции стали стартовой площадкой для исследований по указанной тематике, в том числе для работ молодых ученых. Так, на конференции 2010 г. одним из авторов этой статьи (Н. Е.) была заявлена тема «Фольклор и историческая топонимика», в рамках которой были подняты вопросы изучения исторической адыгской топонимии с привлечением данных фольклора, мифологии, географии, истории и археологии. В дальнейшем междисциплинарный подход при изучении адыгских географических названий, сохранившихся в фольклоре, с уточнением их локализации и привлечением русских военных документов и карт XIX в., разрабатывался в ряде работ автора и нашел обобщение в труде под названием «Историческая топонимия Западной Черкесии. По материалам русских источников XVIII–XIX вв. Часть первая. Абадзехия» [Емыкова 2021]. Также в течение нескольких лет аспиранты факультета адыгейской филологии и культуры Адыгейского государственного университета под руководством другого автора этой статьи (Р. У.) занимались вопросами адыгской ономастики — в частности, изучалась специфика отражения онимов, в том числе и топонимов, в фольклорных текстах [Унарокова Р., Унарокова Ф. 2016].

После создания фольклорного подкорпуса, введенного в 2022 г. в Адыгейский корпус [АК], появилась возможность использования корпусных методов при поиске интересующей нас ландшафтной лексики и архаичных топонимов, зафиксированных в фольклорных текстах. В настоящее время эта работа только начинается, но уже сейчас, по первым результатам, можно говорить о том, что использование корпусных методов и данных может значительно расширить количество и качество материала, привлекаемого для создания лексикографической базы адыгской (черкесской) ландшафтной терминологии, уточнения значения многих терминов. Наряду с корпусным в данном исследовании применены сравнительно-сопоставительный и дискурсивный методы.

Материал и источники

Как отмечает историк В. П. Кобычев, каждый народ, проживая на той или иной территории, дает свои названия различным географическим объектам «и тем самым как бы оставляет на ней свой автограф, свой след». Появившиеся однажды географические названия «передаются из поколения в поколение, сохраняясь даже в тех случаях, когда давший их народ ушел из этой местности или же вовсе исчез с лица земли». В таких случаях «топонимия представляет собой один из достоверных исторических источников, который, если его

правильно прочитать, может дать ключ к разгадке многих тайн прошлого» [Кобычев 1973: 50].

Важнейшим «строительным материалом» при создании топонимов являются географические термины, которые в значительной мере определяют «лицо» топонимии любого языка [см.: Коков 1974: 15]. Выявление и изучение местных географических терминов играет исключительно важную роль в изучении адыгской (черкесской) исторической топонимии, сохранившейся в русских документах XIX в. Часто термин выступает ключевым словом названия, позволяющим восстановить его исконную адыгскую форму, определить его происхождение и смысл.

В рамках исследований по исторической топонимии округов исторической Черкесии одним из авторов настоящей статьи (Н. Е.) было собрано и систематизировано более 500 адыгских географических терминов, которые увидели свет в упомянутом выше издании [Емыкова 2021]. Из них к данной работе нами привлечены термины, наиболее продуктивно функционирующие в адыгском фольклоре, в том числе такие, которые представлены в фольклорном подкорпусе [АК]. Наряду с фольклорными текстами, использованы данные современного живого адыгского языка, в отдельных случаях — в сравнении с абазинской и абхазской географической терминологией; широко привлечены письменные и картографические источники, в том числе архивные (материалы фольклорно-этнографических архивов Республики Адыгея, Российского военно-исторического архива), а также сведения, извлеченные из личных архивов, словарей и полевых записей. Собранный массив исторических топонимов позволил выявить значительный пласт лексем, активно использовавшихся в прошлом при образовании адыгских (черкесских) географических названий, и шире, чем ранее, представить адыгскую ландшафтную терминологию. При поиске, выявлении и установлении значений топонимов и ландшафтных лексем важнейшим источником явились адыгские (черкесские) словари XIX в., которые содержат архаичные слова и словоформы, не учтенные в более поздней лексикографической практике. В процессе сбора и интерпретации географических терминов и топонимов мы опирались на упомянутые выше исследования Дж. Н. Кокова, К. Х. Меретукова, З. И. Керашевой, С. Х. Ионовой и др.

Одной из попутных задач изучения топонимического лексикона является установление того, какие из терминов являются общеадыгскими, а какие — только западно-адыгскими или восточно-адыгскими (кабардинскими). Чаще всего эти различия «в известной мере условны, потому что западно-адыгский термин может быть известен и в кабардинском языке, но как архаичный или редко употребляемый, и наоборот» [Коков 1974: 18].

Основная дискуссия

Адыгская ландшафтная терминология, исследуемая в настоящей работе, представлена разнообразным материалом. В основном в него вошли элементы, которые наиболее часто использовались при образовании топонимов по всей исторической Черкесии.

Самым продуктивным элементом в адыгской ландшафтной терминологии является лексема *пс(ы)* ‘вода’, ‘река’, имеющая также архаичную форму *пи* / *пиц*, которая чаще всего встречается в горной части Западного Кавказа и Черноморского побережья [Кумахова 1972: 213–214]. В адыгском названии р. Кубани отражены обе формы: каб. *Псыжъ* и зап.-черк. *Пиыз* ‘большая вода (река)’. Собранный материал по адыгской исторической топонимии, зафиксированной в русских источниках XVIII–XIX вв. с большими искажениями, не позволяет пока сделать точные выводы о том, в каких местах и в каких ситуациях чаще применялся архаичный вариант, но, во всяком случае, термин распространен за пределами исторической Черкесии, в Абхазии и Западной Грузии, ср. убых. *бз* ‘вода’, абх.-абаз. *дз* ‘вода’.

В адыгском языке на основе лексемы *пс(ы)* ‘вода’, ‘река’ образовано множество гидронимических терминов. Вот наиболее распространенные из них: *псыархъуан* ‘водоворот’; *псыбэ* ‘многоводье’; каб.-черк. *псыбэкъу* ‘русло реки’; *псыгу* букв. «середина воды», шапс. ‘остров’; *псыгуанэ* ‘озеро’; *псыгуэч* шапс. ‘рукав реки’ (ср. тем. *псыкъуэс*); *псыгъэхъун* ‘остров’; *псыдэуанIэ* каб. ‘залив’; *псыдэчъ* / *псыдэж* зап.-черк. ‘протока’, каб. ‘пролив’; *псыжъ* зап.-черк. ‘болото’, ‘топь’, ‘топкое место’; каб.-черк. *псыкъельэ*, *псыкъепкIэ* ‘водопад’; зап.-черк. *псыкъефэх* ‘падающая вода’, ‘водопад’; *псыкъул* ‘приток реки’; шапс. *псыкъуалэ* ‘ручеек, приток’; *псыклантIэ* каб. ‘маленький ручей’, ‘ручеек’; *псыкIэ* ‘низовье (реки)’, каб. ‘низовье реки’, ‘конец потока’; *псыкIэй* ‘водная долина’, ‘низина’; *псылъакъу* ‘подводный поток’; *псылъахъэ* шапс. ‘водоворот’; *псылъэ* ‘водное место’, ‘болотистое место’, ‘топь’; *псынэ* зап.-черк. ‘колодец’, каб.-черк. ‘родник’, ‘источник’, ‘ключ’, ‘колодец’; *псыпцIэ* ‘вода черная’, ‘топь’, ‘стоячая вода’, ‘болото’, ‘трясина’; *псынэ* зап.-черк. ‘устье реки’, ‘первые воды потока, исток’, ‘начало потока’, каб.-черк. ‘начало потока’; *псырыкI* ‘за рекой’, ‘заречный’; *псыхэ* ‘низовье реки’; *псыхъу* / *псыхъуэ* ‘река’, ‘долина реки’, ‘русло’⁵; *псыхъурай* ‘озеро’,

⁵ Термин *псыхъу* / *псыхъуэ*, используемый в основном значении ‘речная долина’, в определенном контексте может пониматься и как ‘община’. В повседневных речевых практиках употребительны, например, выражения такого типа: *Мы дипсыхъуэ ирехым апхуэдэлI дэскъым* «Во всей нашей нисходящей долине [общине] такого человека не найдешь».

каб.-черк. *псыхъурей* ‘пруд’, ‘водоем’; *псышхъэ* / *псыцхъэ* ‘верховье реки’; *псыІэрыц* / *псыІэрышэ* ‘руководная река (арык)’ и др.

Черкесский фольклорный ландшафт (как и диалектная карта) структурируется вокруг двух больших рек — Кубани и Терека. В текстах нартского эпоса и лирико-героических циклах упоминаются три эпические реки: Волга — *Индыл*, Дон — *Тен(э)*, Кубань — *Псыжъ* / *Пшызэ*. Упоминание реки со свойственной эпическому тексту эпитетацией и гиперболизацией подчинено образостроению героя: «старая», «грозная», «непроходимая» река — это часть преград, которые преодолевает герой при совершении своих подвигов: «Индылым ынэр кыщэклы, зэпрэклышь гъэрхэр къещэжбы» <Индыля глаза навикате (в значении «река разлилась». — *Прим. авт.*), переправляется [герой] и пленников вызволяет>; «Нарты ишъогъу имыса, Тенэ кырыгъуаза...» <В [стране] Нартии равных ему нет, по Тену ориентируясь [движется]>; «Пшызаклэ иклі Пшызашхъэ нарт Темырыкьо клозэ...» <От низовья Пшиза к верховью Пшиза нарт Темырыко движется> [АК].

Структурирование социального пространства вокруг реки — или, точнее сказать, по ее течению — придает понятию *ишъэ* ‘верховье’ значение статусности и престижности: выше по течению селились представители благородных сословий, соответственно, ниже (*ихэкІэ*) — семьи из зависимых сословий.

Что происходит в фольклорно-языковой картине мира со сменой ландшафта, как, например, в случае с зарубежными черкесскими анклавами, образовавшимися в середине XIX в. на территории Османской империи? На примере одного из них (анклав Узун-Яйла, Центральная Анатолия) мы можем сказать, что здесь такой важный, семиотически высокостатусный объект фольклорного ландшафта, как река, в устном тексте несколько редуцирован, частотность употребления гидронимов в фольклорном дискурсе заметно ниже. Однако описанные выше семиотические оппозиции *ишъэ* — *икІэ*, *ишъэ* — *ихэ* по-прежнему структурируют социальное пространство селений. При этом понятие *ишъэ* ‘верховье, юг’ теперь ассоциировано не столько с течением реки, сколько с расположением сельских родников, точнее сказать — с символическим «социальным центром» села, связанным, как правило, с источником воды. Отсутствие в новом природном ландшафте лесов и глубоких рек несколько сужает и пространство обитания демонических персонажей. «Характерные локусы северокавказского ландшафта — лесная чаща, водоворот, место под речными водорослями, заливы, глубокие овраги — для анатолийского ландшафта и, следовательно, местных нарративов менее характерны. В качестве локусов обитания мифологических персонажей или мест встречи с ними чаще упоминаются камень или родник» [Паштова 2020: 95].

Еще один гидронимический термин, распространенный по всей исторической Черкесии, — *кьо* / *кьюэ* ‘балка’, ‘овраг’ [СКЧЯ: 471, 480], зап.-черк. ‘долина’, ‘речка’, каб. ‘балка’, ‘овраг’, ‘речка’ [Коков 1974: 22]. С помощью *кьо* / *кьюэ* образуются в основном названия множества горных рек по всей исторической Черкесии: *Къамылыкьо* ‘Камышковая балка’, *Мыекьо* ‘Яблонева балка’, *Мыжъокьо* / *Мывэкьюэ* ‘Каменистая балка’, *Мышъэко* / *Мыцэкьюэ* ‘Медвежья балка’, *Пцелыкьо* / *Дзэлыкьюэ* ‘Ивовая балка’, *Цундыкьо* / *Вындыкьюэ* ‘Воронова балка’ и др. На основе *кьо* / *кьюэ* ‘балка’, ‘овраг’ образованы многие термины: *кьодыдж* / *кьюэдыдж* ‘узкий глубокий овраг’, ‘балка’, ‘ущелье’, ‘пропасть’; *кьодэгу* / *кьюэдэгу* ‘глухая балка’, ‘глубокий овраг’; *кьозэжью* / *кьюзэж* ‘узкое (тесное) ущелье’, ‘балка’, ‘теснина’; *кьюладжэ* / *кьюэладжэ* ‘русло’ и др.

Высокую продуктивность в адыгской топонимии имеет также архаичный гидронимический термин *хы* ‘море’, на основе которого образованы названия *Хы шлуцI* / *Хы фIыцIэ* ‘Черное море’, *ХымыутIэ* ‘Азовское море’, *Хы тIуалэ* ‘Керченский пролив’, *Хы тIуакIэ* ‘Таманский полуостров’ и др.

С помощью *хы* образованы многие «морские» термины: *хыблыгу* ‘бухта’; *хыгу* ‘середина моря’; *хыгъуапэ* шапс. (букв. «морской рукав») ‘залив, бухта’; *хыгъэхун* ‘остров’; *хыжъэ* каб. ‘залив’; *хыпшъапIэ* (букв. «воротник моря») ‘верховье моря’; *хырыкI* ‘за морем’; *хылу* ‘морской порт; морская пристань’; *хыкъум* ‘озеро’, ‘лиман’ и др. В толковые словари не вошли следующие сохранившиеся в фольклорных текстах морские термины: *хыжъый* (букв. «маленькое море») ‘озеро’; *хызэ* букв. «поворот, изгиб моря»; *хыкъопс* (букв. «ответвление моря») ‘рукав’; *хыкъуапэ* букв. «угол моря»; *хыпэ* ‘морской мыс’ и др.

Исследователи адыгского языка в своих этимологических изысканиях понятие *хэку* ‘родина’, ‘край’, ‘страна’, ‘отчизна’ связывают с *хы* ‘море’. В первом компоненте они видят *хэ* ‘море’, а во втором — *ку* / *куы* ‘середина’ (букв. «середина моря», ‘остров’) и считают тем самым, что родной край адыги связывали с островом, находящимся в море. Вспомним, что предки адыгов с древних времен обитали на восточном побережье Черного и Азовского морей [Шагиров 2: 98; Керашева 1995: 84].

Оронимические термины в адыгском языке отражают все виды горного ландшафта. Важнейшим из них является термин *бгы*, известный в значениях ‘возвышение’, ‘холм’, ‘гора’, ‘вершина’, ‘гора средней величины’, ‘хребет’, ‘круча’, ‘обрыв’. Слово *бгы* — один из общих адыго-убыхо-абхазо-абазинских топонимических терминов, ср. убых. *бгъьа* ‘вершина’, ‘верх’ [Берсиров, Берсирова 2018: 38]; абх. *абгъа* ‘устар. гора’ [Кварчия 2006: 28]; абаз. *бхъвы* ‘скала, гора’ [Ионова 1993: 9]. На основе этого слова образованы многие другие оронимические термины: *бгылъэ* ‘холмистая местность’, *бгынэ* ‘край или уступ горы, возвышенности’; *бгыуан* ‘седловина горы’; *бгыцакI* ‘утес’;

бгычIэ ‘подножье холма, горы’; *бгышхьэ* ‘поверхность возвышения, холма’, ‘горная вершина’ и др.; *бжъап* / *бжъэпэ* ‘возвышенность’, ‘пригорок’, каб.-черк. ‘обрыв’, ‘круча’, ‘край чего-л.’, ‘выступ возвышенности’, ‘взгорье’. Наибольшее распространение термин имеет в топонимии Западной Черкесии, ср. *Бжъэпэ мэкупI* ‘Сенокосный луг на пригорке’, *Бжъэпэжэ* ‘Старый пригорок’, *Щэгъумэ бжъап* ‘Шегумская возвышенность’ и др.

Активно используется у западных адыгов лексема *къушхьэ* / *къуицхьэ* зап.-черк. ‘гора’, ‘горы’. На ее основе образованы многие термины: *къушхьабг* ‘горная цепь’; *къушхьахъу* ‘горное пастбище’; *къушхьэ шыгу* ‘вершина горы’; *къушхьатх* ‘горный хребет’; *къушхьэ тIуакI* ‘горное ущелье’ и др. В современном кабардино-черкесском языке слово *къуицхьэ* ‘гора’, ‘горы’ является устаревшим и употребляется главным образом в значении ‘горцы’, ‘жители гор’ как название осетин и балкарцев.

Термин *тхы* ‘возвышенность’, ‘хребет’, ‘гребень горы’ имеет вариант *тхыцIэ* ‘гребень’, ‘верх чего-л.’. На основе этих географических лексем образованы термины *къушхьатх* ‘горный хребет’; *тхыбжъапэ* ‘край, окончанность хребта’, ‘край гребня’; *тхыпэ* ‘край возвышенности’ и др. С помощью лексемы *тхы* созданы многие оронимы: *Къамылыкъотх* ‘Хребет Камышовой балки’, *Лыгъотх* ‘Опаленный хребет’, *МаркIотх* ‘Ежевичный хребет’, *Сэнэтх* ‘Виноградный хребет’, *Тхымэщ* ‘Хребет, на котором возделывают просо’, *Шытх* ‘Конский хребет’ и т. п.

Следующий термин — *Iуашхьэ* / *Iуащхьэ* ‘курган’, ‘холм, пригорок’, ср. убых. *кIуашхьэ* ‘гора’, абаз. *къваивхIа* ‘курган’ от адыг. *Iуашхьэ* / *Iуащхьэ* [Берсиров, Берсирова 2018: 179; Ионов 1993: 10]. В современном адыгском языке слово *Iуашхьэ* чаще всего употребляется в значениях ‘курган’, ‘могильный холм’: *Мыекъопэ Iуашхьэ* ‘Майкопский курган’, *Улапэ Iуашхьэхэр* ‘Уляпские курганы’, *Iуашхьэ бын* ‘Семья курганов’, *Iуашхьэ зэишбл* ‘Семь курганов-братьев’ и т. п. Древние топонимы, однако, свидетельствуют о том, что в прошлом слово *Iуашхьэ* / *Iуащхьэ* использовалось также в значениях ‘гора’, ‘высокая гора’, ‘вершина’, ср. названия *Ioшхьэмаф* / *Iуащхьэмахуэ* ‘Гора счастья’ (г. Эльбрус), *Ioшхьытф* / *Iуащхьытху* ‘Пять гор’ (г. Бештау) и др. Термин *Iуашхьэ* / *Iуащхьэ*, как правило, применяется при образовании названия горы в каком-то роде примечательной, имеющей, возможно, сакральное или магическое значение. На это указывает и этимология слова *Iуашхьэ* / *Iуащхьэ*, первая часть которого — *Iуа* — восходит к глаголу *Iуэн* ‘говорить’, ‘клясться’, употребляемом в устойчивом выражении *тхьэIуэн* ‘клясться’, ‘божиться’ (< *тхьэ* ‘бог’ + *Iуэн* ‘клясться’) [см.: Шагиров 2: 159], т. е. объект осмысляется как «гора клятвы», «гора, на которой произносятся важные речи». Ср. в связи с этим эпические оронимы *Хъарамэ Iуашхьэ*

‘Харама-гора’ — традиционное место встречи и богатырских состязаний нартгов, *Сэбэр Іуашъхъ* ‘Собер-гора’ — место, где, по преданию, раз в год, в январе, собирались маги, колдуны и ведьмы, чтобы «распределить» все важные события нового года.

Актуальной для настоящего исследования является возможность прояснить контекст употребления единиц ландшафтной терминологии (ситуативный, этнокультурный), а также лексическое окружение того или иного ландшафтного термина или топонима. К примеру, ввод термина *Іуашъхъэ* ‘курган’, ‘холм’, ‘гора’, самого частотного в нартских текстах и песнях времен Кавказской войны [АП], показывает, что это слово чаще всего употребляется в значениях ‘курган’, ‘могильный холм’. Среди примеров были известные нам названия курганов: *Колэсыжъ иІуашъхъ*, *Ошъадэ иІуашъхъ*, *Чэмыдэжъ иІуашъхъ* и др. Ценными в рамках корпусных исследований оказались возможности уточнения локализации географических объектов и получение описаний мест их расположения: «Ошъадэ иІуашъхъ аІоу Мыекъуапэ чылашъхъэм иІ...» <Ошада курган называемый на восточной стороне Майкопа находится...>; «Колэс иІуашъхъи, Чэмыдэ иІуашъхъи Улэ Іушъо Іутых...» <И Колеса курган, и Чемида курган у реки Уль стоят...>; «Къожэубэ иІуашъхъ аІоу джыри Лэбэ бжъапэ тет...» <Кожеуба курган — под таким названием и поныне на высоком берегу реки Лаба стоит...> [АК].

С помощью корпусного метода в фольклорных текстах обнаружены также ранее не встречавшиеся нам названия курганов: *Чэчанэ иІуашъхъ* ‘Чачана курган’ («Гъуагъо мзэІушъо» <у края леса Гуаг>) [АК]. *ЧІэсэгъу иІуашъхъ* ‘Чесегу курган’ (в окрестностях Анапы) и др., а также названия наиболее известных рек: *Афипс*, *Лабэ*, *Пшыз*, *Пшыщэ*, *Улэ*, *Шъхагуауцэ*.

Поиск в фольклорном подкорпусе позволил также выявить те или иные терминологические сочетания, включающие компонент *Іуашъхъэ*, например *Іошъхъэ шыгу* ‘вершина кургана, горы’, *Іошъхъэ лъапсэ / Іуащъхъэ лъапэ* ‘подножие кургана, горы’, *Іуащъхъэ къуагъ* ‘пространство позади кургана’: «Саусырыкъо Іошъхъэ лъапсэм агъэуцу, ежыхэр ышыгу тетхэу чанцэрэхъэр къырагъэчыхышъ...» <Саусырыко поставили у подножия горы, а сами [соперники], стоя на вершине, спустили [оттуда] колесо чаншерех>⁶; «Уэ си анэш егъур Іуащъхъэ къуагъ мыгъуэм фыкъысхукъуоплъ» <О, моя враждебная родня по матери, вы из-за кургана за мной следите> [АП: 115].

⁶ *Чанищерех* (зап.-черк. *чаницэрэхъ*, *джанкуицэрэхъ*, каб. *жанищэрхъ*) — огромное железное колесо с острыми выступами, атрибут состязаний нартских богатырей [Мыжей, Пашты 2012: 156, 269, 343].

При описании мест расположения курганов встречается термин *Иушъу* / *Иуфэ*, который в словарях толкуется как ‘побережье’ или ‘берег’, ‘прибрежье’, ‘край’, ‘крайняя часть чего-л.’. По номинациям *мэзИушъо* ‘край леса’, *Улэ Иушъо* ‘прибрежье (долина) р. Уль’, ‘у р. Уль’ мы видим, что с помощью термина *Иушъу* / *Иуфэ* всегда подчеркивается, что имеется в виду низменный берег, низина в противоположность высокому берегу — *бжъапэ*, *нэпкэ*. Выражение «Лэбэ бжъапэ тет» <На высоком берегу р. Лаба стоит> заставляет нас уточнить спектр значений термина *бжъап* / *бжъэпэ*, которое в основном толкуется как ‘возвышенность’, ‘пригорок’ [ТСАЯ: 20; Коков 1974: 19; Мере-туков 2003: 60], каб.-черк. ‘обрыв’, ‘круча’, ‘край чего-л.’ [СКЧЯ: 46], ‘выступ возвышенности’, ‘взгорье’ [Шагиров 2: 89]: данный термин может означать также ‘высокий берег реки’ и ‘отрог’ (ответвление основной горной цепи).

Результаты поиска подтвердили наш тезис о том, что термин *Иуашъхэ* ‘курган’, ‘гора’ имел ранее сакральное или магическое значение. В тексте, где рассказывается о том, что герой присел отдохнуть на курган Ерикшауа («Ерыкъышъау иИуашъхэ зыфиГорэм зыцигъэпсэфынэу тетИысхъагъ...»> [АК]), дается пояснение: «НахыпэмкIэ цIыфхэм яхэбзагъ ащ фэдэ Иошъхэ цIэрыIохэм зыщагъэпсэфынэу» <Раньше у людей был такой обычай отдыхать на таких известных курганах>...»> [АК]. В другом примере говорится: «Нарт Хъудымыж Пщыщэ Иушъо, Иошъхъаныкъо ыльапсэ чъыеу щылъызэ, Саусырыкъо шъхъарыхъагъ» <Когда нарт Худимиж в прибрежье реки Пшиш, у кургана Ошхануко⁷ спал, к нему подошел Саусуруко> [АК]. На запрос термина *Иуашъхэ* корпус выдал также несколько результатов с упоминанием горы *Иошъхэмафэ* / *Иуэцхэмахуэ* (*Ошхамафэ* / *Ошхамахо*⁸ — адыгское название г. Эльбрус) в мифоэпическом контексте. Так, гора Эльбрус (наряду с Харама-горой) почиталась адыгами как сакральное пространство, нахождение в котором имело живительную силу: «Анахъэу нартхэр зижьырэ зипсырэ фэдэ щымыIэу Иошъхэмафэ, Хъарам Иошъхэ лъагэ ятесыпIэу, язекIуапIэу зэрэщытыгъэм, аныбжьыхэр илъэс заулэ кIыхэ ешыкIэ зи фэмыIуагъ плонэу щыт» <Несомненно, что у нартвов, чье место пребывания и чьи пути находились на горе Ошхамафэ и Харама-горе, где были превосходными воздух и вода, жизнь продлевалась на несколько лет> [АК]. Персонаж эпоса «Нарты», герой Шауай, вырос на горе Ошхамафэ, куда его мать Сэтэнай отнесла младенца сразу после рождения, чтобы он питался целебной водой ледников: «Сэтэнае сабый къэхъугъакIэр ышти, Иошъхэмафэ дихъыагъ. Мыл тIуакIэм дильхыи къыгъэзэжьыгъ» <Сэтэнай, взяв новорожденного ребенка, подняла

⁷ *Ошхануко* — букв. «Половинчатый курган».

⁸ *Ошхамафэ* / *Ошхамахо* — букв. «Гора счастья»

его на Ошхамафэ, положила его в расщелину ледника и вернулась» [АК]. Позже, когда герой вырос, он просил отца отпустить его с нартами на охоту, чтобы испытать свою силу. «Шъэуае <...> ятэ дэжэ къэкложьы рилуагъ: “Тят, сэ лшъхъэмафэ сызфыщанлугъэр тищау сыдэсэу къэтымэ сяонэу арэп”» <Шауай пришел к отцу и сказал ему: «Отец, меня воспитали на Ошхамафэ не для того, чтобы я сидел в нашем дворе, гоняя кур»» [АК]. Таким образом, в представлениях адыгов, гора Ошхамафэ (Эльбрус) являлась источником чудесной силы для эпических героев.

В современных словарях понятия «родина», «страна» и «старая родина» отражены следующим образом: *хэку* ‘область’ [ТСАЯ: 608], ‘обиталище’, ‘родина’, ‘край’ [Коков 1974: 28], каб.-черк. ‘страна’, ‘государство’, ‘родина’, ‘отечество’ [СКЧЯ: 681–682], *хэкужъ* / *хэкужь* ‘руины’, ‘прародина’ [ТСАЯ: 608], ‘старая обитель’, ‘прежнее место жительства’, ‘прародина’, ‘селище’, ‘пепелище’ [Коков 1974: 28–29], ‘родина’, ‘отечество’, ‘заброшенная, покинутая территория’ [СКЧЯ: 682].

Все указанные значения слова *хэку(жь)* употребительны также в вернакулярных фольклорно-речевых практиках зарубежной диаспоры. Например, образовавшийся в середине XIX в. в результате окончания Кавказской войны и Стамбульского исхода анклав Узун-Яйла⁹ нередко обозначается носителями традиции как *Хэку* (‘родина’, ‘Черкесия’), *Хэку Цыклу* (‘Малая Черкесия’) или *Къэбэрдей* (‘Кабарда’). Аналогичным образом черкесский анклав близ турецкого города Гёксун (провинция Кахраманмараш) обозначается в вернакулярных речевых практиках диаспоры историческим названием *Г’ылахъстэней* (‘Гиляхстаней’)¹⁰.

Это типичные примеры того, как в местной народной географии структурируется параллельный (наряду с официальным турецкоязычным) исконный адыгоязычный топонимикон. Каким же образом давались исконные названия населенным пунктам, образовавшимся в результате большой волны миграций в ходе названных исторических событий? Самые распространенные случаи — это именование по фамилии владельца, как это было на исторической родине (и тем самым сохранение старого исторического ойконима), или же по фамилии (редко по имени) основателя села на новой территории. Например, от фамилии первостепенных кабардинских дворян

⁹ *Узун-Яйла* — изначально тюркоязычный ороним (букв. «Длинное плато»), именующий большое плато в Центральной Анатолии, расположенное на высоте 1 500 м над уровнем моря. Более чем за полтора века проживания здесь черкесов этот топоним стал в восприятии диаспоры культурно-ландшафтным термином.

¹⁰ *Кабарда* и *Гиляхстаней* — названия провинций исторической Черкесии. Это княжества, обозначавшиеся в русских документах как *Большая Кабарда* и *Малая Кабарда*.

Анзоровых — *Анзор(хэ)* — путем присоединения топоформанта *-ей* образовано название их родового селения *Анзорей* (*Kaftangien* в официальном турецкоязычном варианте). По этой же модели образован ойконим *Хьэтлохъуцкьуей* (*Атажукино*) — название многочисленных черкесских селений, принадлежавших княжеской фамилии Атажукиных¹¹: как в метрополии, так и в черкесских анклавах Турции есть несколько селений под этим названием. Различаются они по расположению относительно реки или по «старшинству» в плане хронологии заселения новых территорий: *Хьэтлохъуцкьуеижъ* — *Старое Атажукино* (тур. *Yahyabeu*), *Хьэтлохъуцкьуей ЦыкIу* — *Малое Атажукино* (тур. *Üçrınar*), *Хьэтлохъуцкьуей Ипцэ* — *Верхнее Атажукино*, *Хьэтлохъуцкьуей Ицхьэрэ* — *Северное* (или *Нижнее*) *Атажукино* [Паштова 2020: 133, 188].

Перенос исконных ойконимов и катойконимов на неофициальную (фольклорно-ландшафтную) адыгоязычную карту в диаспоре — типичное явление. Они встроены в структуру исторических преданий, рассказов о переселении, меморатов — в этих жанровых рамках они являются одним из ключевых текстообразующих элементов. Этнокультурный контекст употребления исконных ойконимов выявляет представление носителей традиции о престижности того или иного топонима: в целом употребление в повседневной речи исконных названий расценивается как особое социальное знание, связанное с этнокультурной идентичностью.

Заключение

Терминология и топонимикон фольклорного ландшафта являются проекцией реальных географических объектов, тем самым представляя собой ценный источник для изучения универсальных для данного народа моделей словообразования и структурирования пространственных координат. Как мы смогли увидеть, при освоении нового пространства, ландшафтные признаки которого отличаются от традиционной картины, его маркирование происходит по тем же заданным устно-речевой традицией стереотипным моделям.

В свете актуальных задач, стоящих перед комплексными исследованиями текстов языка и фольклора, корпусный метод в числе других возможностей открывает перспективу пополнения лексикографической базы словарей ландшафтной терминологии и исторической топонимии. Фольклорный под-корпус, значительно расширяя общий корпус адыгейского языка, позволяет

¹¹ Мы употребляем название, принятое в русскоязычном дискурсе периода Кавказской войны [АП: 42–49, 96, 572].

более результативно проводить как языковедческие, так и историко-культурологические, лингвофольклористические исследования, а также оперативно пополнять лексикографическую базу ономастических изысканий. Вместе с тем апробирование метода на базе фольклорного подкорпуса адыгейского лингвистического корпуса выявило сложность и специфику работы поисковика, обусловленную полисинтетизмом языка. В то же время метод позволяет успешно выявлять коммуникативный и культурный контекст функционирования искомых единиц, устанавливать значения малоупотребительных и исчезнувших из современного языка ландшафтных терминов и топонимов.

Использование топонимов не только придает убедительность сообщаемой в фольклорном тексте информации, но и создает характерное для локальных нарративов «чувство места». Знание местности, активное использование исконных топонимов и традиционных словообразовательных моделей в повседневных речевых практиках понимается носителями традиции как один из элементов коллективного знания, в том числе исторического.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

абаз.	абазинский язык	каб.-черк.	кабардино-черкесское
абх.-абаз.	языки абхазско-абазинской группы		литературное наречие (= офиц. кабардино-черкесский язык)
зап.-черк.	западно-черкесское литературное наречие (= офиц. адыгейский язык)	тем.	темиргоевский (чемгуйский) диалект адыгского языка
каб.	кабардинский язык	убых.	убыхский язык
		шапс.	шапсугский диалект адыгского языка

Источники

- АК — Адыгейский корпус : [сайт]. URL: <http://adyghe.web-corpora.net/> (дата обращения: 03.04.2023).
- АП — Адыгские песни времен Кавказской войны. 2-е изд., доп. Нальчик : Печатный двор, 2014.
- Берсиров Б. М., Берсирова С. А. Убыхско-адыгейско-русский словарь. Майкоп : Паштов З. В., 2018.
- КБС — Кабардино-русский словарь / под общ. ред. Б. М. Карданова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.
- Лопатинский Л. Г. Русско-кабардинский словарь с указателем и краткою грамматикою. Тифлис : Тип. канц. Главноначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1890.
- Лопатинский Л. Г. Русско-кабардинский словарь (черновые материалы) // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. 1891. Вып. 12, отд. 2. С. 1–185.
- Люлье Л. Я. Словарь русско-черкесский с краткою грамматикою. Одесса : Изд-во Гор. тип., 1846.

- Мыжей М.И., Пацты М.М. Адыгэ мифологием и энциклопедие. Мейкъуапэ : Паштов З. В., 2012.
- Ногма Ш. Б. Кабардино-русский словарь (черновые материалы) // Ногма Ш. Б. Филологические труды. Нальчик : Кабард. кн. изд-во, 1956. Т. 1. С. 132–233.
- РАС — Русско-адыгейский словарь / под ред. Х. Д. Водождокова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960.
- СКЧЯ — Словарь кабардино-черкесского языка. М. : Дигора, 1999.
- ТСАЯ — Толковый словарь адыгейского языка / сост. А. А. Хатанов, З. И. Керашева. Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1960.
- Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948.
- Яковлев Н. Ф., Аихамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941.

Исследования

- Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис : Тип. Канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1909. Вып. 40. С. 1–164.
- Джанашиа С. Черкесские дневники. Тбилиси : Кавказский дом, 2007.
- Емыкова Н. Х. Историческая топонимия Западной Черкесии. По материалам русских источников XVIII–XIX вв. Ч. 1 : Абадзехия. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2021.
- Ионова С. Х. Абазинская топонимия. Черкесск : КЧИИФЭ, 1993.
- Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум : Academia, 2006.
- Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1957.
- Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка // Керашева З. И. Избранные труды и статьи : в 2 т. Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 193–334.
- Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М. : Наука, 1973.
- Коков Дж. Н. К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережьях // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. 1960. Вып. 7. С. 61–71.
- Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Нальчик : Кабард.-Балк. кн. изд-во, 1966.
- Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик : Эльбрус, 1974.
- Коков Дж. Н. Из адыгской ономастики. Нальчик : Эльбрус, 1983.
- Кумахова З. Ю. Развитие адыгских литературных языков. М. : Наука, 1972.
- Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: черкесами (адиге), абхазцами (азега), и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 4. Тифлис : Тип. канц. наместника Кавказского, 1857. Отд. 1. С. 173–193.
- Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп : Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1981 ; 2-е изд. М. : Прометей, 1990 ; 3-е изд. Майкоп : Качество, 2003.
- Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик : Эльбрус, 1994.
- Паитова М. М. Фольклор черкесской диаспоры: локальная традиция и ее носитель. Майкоп : Паштов З. В., 2020.
- Топчу (Папчу) М. Состояние и перспективы изучения родного языка в черкесской диаспоре Турции // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных

- исследований им. Т. Керашева. 2017. № 12 (36). Спецвыпуск : Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры : материалы II Междунар. науч. конф. памяти М. И. Мижаяева (Майкоп, 17–19 мая 2017 г.). С. 147–153.
- Унарокова Р. Б., Унарокова Ф. Д. Ономастикон адыгских современных песен-сетований // Проблемы общей и адыгской ономастики : материалы X Междунар. науч. конф. / отв. ред. Р. Ю. Намитокова. Майкоп : Изд-во АГУ, 2016. С. 231–235.
- Хотко С. Х. Открытие Черкесии: картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2015.
- Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков : в 2 т. М. : Наука, 1977.

References

- Dzhanashia, S. (2007). *Cherkesskie dnevniki* [Circassian Diaries]. Tbilisi: Kavkazskii dom.
- Emykova, N. Kh. (2021). *Istoricheskaia toponimiia Zapadnoi Cherkesii. Po materialam russkikh istochnikov XVIII–XIX vv. Ch. 1: Abadzekhiia* [Historical Toponymy of Western Circassia. Based on Materials from Russian Sources of the 18th–19th Centuries. Pt. 1: Abadzekhia]. Maykop: Poligraf-YuG.
- Gan, K. F. (1909). Opyt ob"iasneniia kavkazskikh geograficheskikh nazvanii [Explaining Caucasian Geographical Names]. In *Sbornik materialov po opisaniiu mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of Materials on the Description of Localities and Tribes of the Caucasus] (Iss. 40, pp. 1–164). Tiflis: Tip. Kantseliarii namestnika E. I. V. na Kavkaze.
- Ionova, S. Kh. (1993). *Abazinskaia toponimiia* [Abaza Toponymy]. Cherkessk: KChIIFE.
- Kerasheva, Z. I. (1957). *Osobennosti shapsugskogo dialekta adygeiskogo iazyka* [Features of the Shapsug Dialect of the Adyghe Language]. Maykop: Adygeiskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Kerasheva, Z. I. (1995). *Izbrannye trudy i stat'i* [Selected Works and Papers] (Vol. 1). Maykop: Adygeiskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Khotko, S. Kh. (2015). *Otkrytie Cherkesii: kartograficheskie istochniki XIV–XIX vv* [Discovery of Circassia: Cartographic Sources of the 14th–19th Centuries]. Maykop: Poligraf-YuG.
- Kobychev, V. P. (1973). *V poiskakh prarodiny slavian* [In Search of the Ancestral Home of the Slavs]. Moscow: Nauka.
- Kokov, Dzh. N. (1960). K postanovke voprosa o cherkesskoi toponimike na Chernomorskom i Azovskom poberezh'ia [On the Problem of Circassian Toponymy on the Black Sea and Azov Sea Coasts]. *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*, 7, 61–71.
- Kokov, Dzh. N. (1966). *Kabardinskie geograficheskie nazvaniia* [Kabardian Geographical Names]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Kokov, Dzh. N. (1974). *Adygskaia (cherkesskaia) toponimiia* [Adyghe (Circassian) Toponymy]. Nalchik: Elbrus.
- Kokov, Dzh. N. (1983). *Iz adygskoi onomastiki* [From Adyghe Onomastics]. Nalchik: Elbrus.
- Kumakhova, Z. Yu. (1972). *Razvitie adygsikh literaturnykh iazykov* [Development of Circassian Literary Languages]. Moscow: Nauka.
- Kvarchiya, V. E. (2006). *Istoricheskaia i sovremennaia toponimiia Abkhazii (Istoriko-etimologicheskoe issledovanie)* [Historical and Modern Toponymy of Abkhazia (Historical and Etymological Research)]. Sukhum: Academia.
- Lyulye, L. Ya. (1857). Obshchii vzgliad na strany, zanimayemye gorskimi narodami, nazyvaemymi: cherkesami (adyge), abkhaztsami (azega), i drugimi smezhnymi s nimi [Countries Inhabited by Mountain Peoples Called Circassians (Adyghe), Abkhazians (Azega), and Others Adjacent

- to Them]. In *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* (Vol. 4, Pt. 1, pp. 173–193). Tiflis: Tip. kantseliarii namestnika Kavkazskogo.
- Meretukov, K. Kh. (1981). *Adygheiskii toponimicheskii slovar'* [Adyghe Toponymic Dictionary]. Maykop: Adygheiskoe otделение Krasnodarskogo knizhnogo izdatelstva.
- Nogmov, Sh. B. (1994). *Istoriia adygheiskogo Naroda* [History of the Adyghe People]. Nalchik: Elbrus.
- Pashtova, M. M. (2020). *Fol'klor cherkesskoi diaspory: lokal'naia traditsiia i ee nositel'* [Folklore of the Circassian Diaspora: Local Tradition and its Bearers]. Maykop: Pashtov Z. V.
- Shagirov, A. K. (1977). *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) iazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) Languages] (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.
- Topchu (Papshu), M. (2017). Sostoianie i perspektivy izucheniia rodnogo iazyka v cherkesskoi diaspole Turtsii [The State and Prospects of Studying the Native Language in the Circassian Diaspora of Turkey]. *Vestnik nauki Adygheiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniim. T. Kerasheva*, 12(36), 147–153.
- Unarokova, R. B., & Unarokova, F. D. (2016). Onomastikon adygskikh sovremennykh pesen-setovaniim [Onomasticon of Modern Adyghe Lament Songs]. In R. Yu. Namitokova (Ed.), *Problemy obshchei i adygskoi onomastiki: materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Problems of General and Adyghe Onomastics: Proceedings of the 10th International Conference] (pp. 231–235). Maykop: Izd-vo AGU.

Татьяна Владимировна Топорова

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела германских языков, Институт языкознания РАН (125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/12)

E-mail: t1960@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4977-2402>

ДР.-ИСЛ. *HEIMR* 'МИР' И ЕГО ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ»

Аннотация

Статья посвящена исследованию др.-исл. *heimr* 'мир' и его дериватов (среди которых топонимы со вторым компонентом *-heimr*) в древнеисландской «Старшей Эдде», предполагающему всесторонний анализ семантики изучаемых слов, а также роли соответствующего концепта в эддической мифопоэтической модели мира. Метод исследования данной лексемы и ее производных сформировался на базе тезаурусного описания фольклорного слова, а также изучения многозначности эпического текста и лексикологических штудий ряда ключевых концептов в древнеиндийской «Ригведе». Комплексный подход, применяемый при анализе эпического слова, учитывает различные факторы: статистику (количество дистрибуций), грамматику (анализ падежной парадигмы), синтаксис (выявление предикатов, выполняющих определенные функции), этимологию, способную к актуализации семантической мотивировки слова, мифологию, обнаруживающую его тяготение к тем или иным мифологемам, мотивам, сюжетам, поэтике, реализующуюся при помощи звуковой игры (аллитерации, анаграммы, повторов) и определяющую взаимодействие лексем в тексте, а также экстралингвистический «мир вещей», устанавливающий связь между языковым знаком и денотатом. На основании более чем трехкратного преобладания форм ед. ч. (28 единиц) по сравнению с формами мн. ч. (8 единиц) можно реконструировать, во-первых, наличие нескольких миров в эддической мифопоэтической модели мира на первоначальном этапе, во-вторых — путь эволюции от совокупности однотипных объектов к некоему единству, целостности, которые достигаются в результате их объединения. Иными словами, вполне вероятно такое семантическое развитие: 'жилища великанов' (мн. ч.: *igtina heimar*) → 'Жилище великанов' = 'Мир великанов' (ед. ч.: *Igtun-heimr*). Др.-исл. *heimr* отождествляется с универсальной моделью мира в виде мирового древа (девять миров = девять корней древа предела в «Прорицании вёльвы»); участвует в эддической концепции хронотопа (мировое древо с его корнями (= мирами) описывается «внизу под землей», т. е. до момента своего возникновения); способен к темпорализации, приравнивается к временному понятию «век» (др.-исл. *ǫld*); антропоцентрически ориентирован.

Ключевые слова: древнеисландский язык; «Старшая Эдда»; топоним; композит; контекст; семантика; синтаксис; поэтика; этимология; мифопоэтическая модель мира

Для цитирования

Топорова Т. В. Др.-исл. *heimr* ‘мир’ и его топонимические дериваты в «Старшей Эдде» // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 152–168. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.007

Рукопись поступила в редакцию 13.03.2023

Рукопись принята к печати 11.12.2023

Tatyana Vladimirovna TOPOROVA

DrHab, Leading Research Fellow of the Department of Germanic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (1/12, Bolshoy Kislovsky Ln., 125009 Moscow, Russia)

E-mail: t1960@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4977-2402>

OLD NORSE *HEIMR* ‘WORLD’ AND ITS TOPONYMIC DERIVATIVES IN THE *POETIC EDDA*

Abstract

The article examines the mythopoetic concept of the ‘world’ (Old Norse *heimr*) and its derivatives — toponyms with the suffix *-heimr* in the *Poetic Edda*. It involves a thorough analysis of their meanings and their significance in the Eddic mythopoetic framework. The methodology for studying this lexical unit and its derivatives is based on a thesaurus description of folk terminology, alongside an exploration of polysemy within epic texts and lexicological investigations of key concepts in the *Rigveda*. Employing an integrated approach, the analysis considers various factors such as statistical distribution, grammatical case paradigms, syntactical functions of predicates, etymology to understand semantic motivations, mythology to reveal connections to mythological elements, poetic devices like alliteration and repetitions, and the relationship between linguistic signs and referents in the extralinguistic world. The predominance of singular forms (28) over plural forms (8) suggests two significant points: the existence of multiple worlds in the Eddic mythopoetic model initially, and an evolutionary progression from a collection of similar objects towards a unified whole. This semantic evolution is exemplified by the transition from ‘dwellings of giants’ (plural *iqtna heimar*) to ‘Dwelling of giants’ = ‘World of Giants’ (singular *Iqtun-heimr*). The Old Norse term *heimr* is associated with the universal world model depicted as a world tree (*nine worlds* = *nine roots* of Igdrasil in *Völuspá*). It contributes to the construction of the Eddic chronotope in which the world tree, along with its roots (representing worlds), is described as located “under the earth,” signifying its origin. It also demonstrates temporalization, being linked with the temporal concept of age (Old Norse *gld*) and exhibits anthropocentric orientation.

Keywords: Old Norse; *Poetic Edda*; toponym; compound; context; semantics; syntax; poetics; etymology; mythopoetic model of the world

For citation

Toporova, T. V. (2024). Old Norse *Heimr* ‘World’ and its Toponymic Derivatives in the *Poetic Edda*. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 152–168. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.007

Received on 13 March 2023

Accepted on 11 December 2023

Эпическое слово, которое функционирует в знаменитом древнеисландском поэтическом памятнике — «Старшей Эдде»¹ (основная рукопись *Codex Regius* 2365 второй половины XIII в.), объединяющей песни мифологического и героического циклов, — уникально по своей природе и требует особого подхода, так как оно обладает аксиологическим статусом и отражает концепты архаической мифопоэтической модели мира, определяемой как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [МНМ 2: 161]. Выбор др.-исл. *heimr* в качестве объекта исследования продиктован тем обстоятельством, что эта лексема функционирует в «Старшей Эдде» как номинация ключевого понятия из сферы пространства — 'мир'. Специальное внимание уделяется мифологическим топонимам — эддическим наименованиям локусов, содержащим данную лексему в качестве второго базового компонента сложных слов.

Как известно, топонимия, отражающая мифологические воззрения, которые реализуются в виде мифологем, мотивов или сюжетов, представляет неисчерпаемый интерес для изучения. В нашем случае основным объектом анализа является не реально зафиксированное географическое название, а двучленный композит, фигурирующий в эпосе и представляющий собой компрессию фрагмента мифа, актуальность которого в эддической модели мира не подлежит сомнению. Этот композит не всегда является проприальным словом в современном понимании (это может быть и апеллативное обозначение локуса), но для мифопоэтического текста статус слова на оси «имя нарицательное — имя собственное» в ряде случаев не может быть релевантным и определяемым². Такая трактовка мифологического топонима позволяет воспринимать его «не как обессмысленную “кличку” объекта, но как высший предел смысла и инструмент смыслостроительства одновременно» [Топоров 2004: 382]. Справедливости ради следует отметить, что некоторые мифологические топонимы «Старшей Эдды» соотносятся с засвидетельствованными в действительности ойконимами, оронимами и гидронимами³. Более того,

¹ Цит. по [Neckel 1962], перевод [Старшая Эдда 1963], комментарии [Стеблин-Каменский 1963].

² Как показали теоретические исследования Гардинера [Gardiner 1940] и его последователей в области символической логики, свойство «быть именем собственным» не абсолютно, а относительно. Оно определяется сложным сочетанием лингвистических и экстралингвистических факторов. *Nom. pr.* может занимать разное место на шкале с полюсами «имя собственное» и «имя нарицательное», при этом возможны два противоположных явления — десаκραлизация, демифологизация *nom. pr.* и переход апеллатива в разряд *nom. pr.*

³ Ср., например, статью о соответствующем феномене в «Речах Высокого» [García López 2015: 103].

на основании комплексного изучения др.-исл. *heimr* можно реконструировать социокультурную трансформацию обозначаемого этой лексемой денотата, используемого в период великого переселения народов (400–600 гг.) изначально для номинации поселения целого рода, а впоследствии отдельного двора⁴. Целесообразность работы в избранном направлении подтверждается научными разысканиями в данной сфере, итогом которых является, в частности, словарь мифологических топонимов в египетской, индийской / индуистской, восточно-азиатской, греческой, скандинавской и кельтской мифологиях [Leech 1972].

О значимости рассматриваемого концепта убедительно свидетельствует неиссякаемый интерес исследователей, который проявляется к нему на протяжении длительного времени. Апофеозом можно считать статью А. Стуртеванта, предложившего следующую классификацию лексем, восходящих к данному общегерманскому корню в различных древнегерманских ареалах: «прагерм. **haim-* 'родная обитель': 1) гот., зап.-герм., др.-исл. 'город', 'село'; 2) гот., зап.-герм., др.-исл. 'дом', 'родная обитель семьи', 'поместье', 'родная страна' и др.; 3) 'область', 'земля', 'мир', 'жизнь в этом мире'» [Sturtevant 1916: 255].

Несмотря на убедительную реконструкцию, древнеисландский материал нуждается в углубленном исследовании не только в сравнительно-историческом аспекте, но и сам по себе, в рамках эддической модели мира.

Помимо обоснования целесообразности выбора объекта исследования, следует дать краткую характеристику и методу исследования⁵, а именно принципам описания эпического слова, которые сформировались на базе изучения многозначности эпического текста [Смирницкая 1989], лексикологических штудий ряда ключевых концептов (дома, жертвенной общины / места жертвоприношения, пути-дороги, леса — деревьев, поля — луга — пастбища, воды, горы — скалы — камня, крепости) в древнеиндийской «Ригведе» [Елизаренкова 1999] и тезаурусного описания фольклорного слова [Никитина 1997; Хроленко 1994]. В центре внимания находится детальное изучение контекста, понимаемого как окружение лексемы, достаточное для ее интерпретации. «Текстоцентричность»⁶, ориентация на конкретные факты, засвидетельствованные в «Старшей Эдде», практически исключают опасность

⁴ Ср.: «В период Великого переселения народов мифологические топонимы указывают на то, что на месте старой родовой общины сейчас все большее значение приобретают индивидуальные поселения. Лексема *heimr*, первоначально использовавшаяся для обозначения поселения целого рода (ср. *Brándheimr*), теперь получает очень ограниченное использование» [Vries 1970: 353].

⁵ Он был впервые применен автором при анализе обозначений *горы* в «Старшей Эдде» [Топорова 2006: 9–11].

⁶ См. подробнее об этом термине [Гвоздецкая 2003: 28–29].

их модернизации и создают благоприятные предпосылки для их верификации. Комплексный подход, применяемый при анализе эпического слова, учитывает различные факторы: статистику (количество дистрибуций), грамматику (падежную парадигму), синтаксис (предикаты, выполняющие определенные функции), этимологию (способную к актуализации семантической мотивировки слова), мифологию (обнаруживающую его тяготение к тем или иным мифологемам, мотивам, сюжетам), поэтику (реализующуюся при помощи звуковой игры: аллитерации, анаграммы, повторов, — и определяющую взаимодействие лексем в тексте), а также экстралингвистический «мир вещей» (устанавливающий связь между языковым знаком и денотатом).

1. Приведем контексты, в которых зафиксировано др.-исл. *heimr* 'мир' в «Старшей Эдде»

1.1. В мифологических песнях:

nío man ec heima, nío íviði, / miðtvið mæran fyr mold neðan (Vsp. 2) «девять помню миров, девять корней, / дерево предела знаменитое под землей внизу»⁷;

Þat man hon fólcvíg, fyrst í heimi, / er Gullveigo geirom studdo / oc í holl Hárs hána brendo (Vsp. 21) «Помнит войну она первую в мире, / Гульвейг погибла, пронзенная копьями, / жгло ее пламя в чертоге Одина»;

Flegði Óðinn oc í fölc um scaut, / þat var enn fólcvíg fyrst í heimi (Vsp. 24) «В войско метнул Один копье, / это была война первая в мире»⁸;

hart er í heimi, hórdómr mikill, / sceggold, scálmöld, scildir ro klofnir (Vsp. 45) «тягостно в мире, великий блуд, / век мечей, век секир, треснут щиты»⁸;

Frá iðtna rúnom oc allra goða / ec kann segia satt, / þvíat hvern hefi ec heim um komit; / nío kom ec heima fyr Niflhel neðan, / hinig deya ór helio halir (Vm. 43) «О тайнах великих богов и турсов / поведал я правду, / так как каждый прошел я мир; / девять прошел я миров до Нифльхель вниз, / сюда умирают из хель люди»⁸;

hamingior einar þeira í heimi ero, / þó þær með iðtnom alaz (Vm. 49) «в мире (людей) они духи благие, / хотя они возвращены великанами»⁸;

Óðinn oc Frigg sátu í Hliðscjálfu oc sá um heima alla (Grm. проз. 15) «Один и Фригг сидели однажды на престоле Хлидскъяльв и смотрели на все миры»;

þvíat opnir heimar verða um ása sonom, / þá er hefia af hvera (Grm. 42) «потому что открытыми миры станут асов сынам, / если снимут котлы»⁸;

⁷ Здесь и далее знак * обозначает дословный перевод автора.

⁸ «В этой строфе Один просит освободить его от пытки огнем и убрать котлы, висящие над дымовым оконцем и заслоняющие небо» [Стеблин-Каменский 1963: 225].

Freyr, sonr Niarðar, hafði sezc í Hliðsciálf oc sá um heima alla (Skm. проз. 2) «Фрейр, сын Ньёрда, сидел однажды на престоле Хлидскъяльв и смотрел на все *миры*»;

Ara þúfo á scaltu ár sitia, / horfa heimi ór, snugga heliar til (Skm. 27) «На орлиной скале ты будешь сидеть, / не глядя на *мир*, / хель озирая»;

Fló þá Loki, fíaðrhamr dunði, / unz fyr útan kom ása garða / oc fyr innan kom iotna heima (Þrk. 5) «Полетел тогда Локи — шумели перья —, / пока не вышел наружу из асов оград / и не вошел внутрь великанов *жилиц*»*;

Fló þá Loki, fíaðrhamr dunði, / unz fyr útan kom iotna heima / oc fyr innan kom ása garða (Þrk. 9) «Полетел тогда Локи — шумели перья, — / пока не вышел наружу из великанов *жилиц* / и не вошел внутрь асов оград»*;

ef þú ór heimi kant hveriom at segia / alt, þat er ec vil vita (Alv. 8) «если ты сможешь из *мира* каждого сказать / все, что я хочу знать»*;

hvé sú iqrð heitir, er liggr fyr alda sonom, / heimi hveriom í (Alv. 9) «как земля называется, которая расположена у людей, / в каждом *мире*?»*;

hvé sá himinn heitir erakendi / heimi hveriom í (Alv. 11) «как небо называется / в каждом из *миров*?»*;

hverso máni heitir, sá er menn síá / heimi hveriom í (Alv. 13) «как месяц называется, который видят люди, / в каждом *мире*?»*;

hvé sú sól heitir, er síá alda synir, / heimi hveriom í (Alv. 15) «как солнце называется, которое видят люди, / в каждом *мире*?»*;

hvé þau scý heita, er scúrom blandaz, heimi hveriom í (Alv. 17) «как туча называется, которая смешивается с дождем, / в каждом *мире*?»*;

hvé sá vindr heitir, er víðast ferr, / heimi hveriom í (Alv. 19) «как ветер называется, что дальше всего носится, / в каждом *мире*?»*;

hvé þat logn heitir, er liggia scal / heimi hveriom í (Alv. 21) «как затишье называется, которое должно улечься, / в каждом *мире*?»*;

hvé sá marr heitir, er menn róa / heimi hveriom í (Alv. 23) «как море называется, по которому люди гребут, / в каждом *мире*?»*;

hvé sá eldr heitir, er brenn fyr alda sonom / heimi hveriom í (Alv. 25) «как огонь называется, что горит перед людьми, / в каждом *мире*?»*;

hvé sá viðr heitir, er vex fyr alda sonom / heimi hveriom í (Alv. 27) «как лес называется, который растет у людей, / в каждом *мире*?»*;

hvé sú nótt heitir, er Nqrvi kenda, / heimi hveriom í (Alv. 29) «как ночь называется, происходящая от Нёрви, / в каждом *мире*?»*;

hvé þat sáð heitir, er sá alda synir / heimi hveriom í (Alv. 31) «как посев называется, который посеяли люди, / в каждом *мире*?»*;

hvé þat ql heitir, er drecca alda synir / heimi hveriom í (Alv. 33) «как пиво называется, которое пьют люди, / в каждом *мире*?»*;

Vegtamr ec heiti, sonr em ec Valtams; / segðu mér ór helio — ec man ór heimī (Bdr. 6) «Зовут меня Вегтам, сын я Вальтама, / скажи мне из хель, я запомню из мира»*.

1.2. В героических песнях:

Þú vart, Brynhildr, Buðla dóttir, / heilli versto í heim borin (Hlr. 4) «Брюнхильд, дочь Будли, ты / с наихудшей судьбой в мир родилась»*;

Biðia mun ec þic bænar einnar, / sú mun í heimī hinzt bæn vera (Sg. 65) «Попросить тебя должна я одну просьбу, / она будет последней в мире просьбой»;

qvaða hann ina æðri alna myndo / mey í heimī, nema miqtuðr spilti (Od. 16) «сказал, что лучшей выращенной / должна быть девой в мире, если судьба не помешает»*;

drýgt þú fyrr hafðir, þat er menn dæmi vissoð, / til heimsco, harðræðis, í heimī þessom (Am. 86) «ты и прежде совершал, о чем судят люди, / ужасных деяний по глупости в этом мире»*;

Heil verðu, Sváva! Hug scaltu deila, / siá mun í heimī hinztr fundr vera (HHv. 40) «Здравствуй, Свава! Умерь свою скорбь, / это будет в мире последняя встреча»*;

at þú myndir mín, móðugr, vitia, / halr, ór helio, enn ec þín ór heimī (Ghv. 19) «ты хотел меня, могучий, посетить, / муж, из хель, а я тебя из мира»*;

fell í morgon und Fiqturlundi / buðlungr, sá er var beztr í heimī (HH. II 30) «убит поутру под Фьётурлундом / правитель, который был лучший в мире»*;

Hann segir oc biðr hana kenna sér speki, ef hon vissi tíðindi ór qlloim heimom (Sd. 4 проз. 12–13) «Тогда он просит поучить его мудрости, раз она знает вести из всех миров».

2. Д е н о т а т, обозначаемый др.-исл. *heimr*, можно определить следующим образом:

- девять миров, идентифицируемых с девятью корнями мирового древа ясеня Иггдрасиля (Vsp. 2), расположенных в горизонтальной плоскости;
- девять миров, локализуемых в вертикальной проекции и доходящих до самого глубокого места в мире мертвых — до Тумана хель (Vm. 43);
- отдельные миры, обозреваемые богами с престола в Вальхалле (Grm. проз. 15; Skm. проз. 2); каждый из миров, в котором осуществляется номинация объектов творения в «Речах Альвиса»; все миры (Sd. 4 проз. 12–13);
- мир людей, противопоставленный миру великанов (Vm. 49);
- мир людей, противопоставленный подземному миру (хель) (Sk. 27; Ghv. 19);

- мир великанов, противопоставляемый жилищу богов Асгарду (букв. «асов ограде») (Þrk. 5, 9);
- космозированная вселенная, возникшая в мифе творения, ср. «первую в мире» войну (Vsp. 21, 24);
- этот мир = земная жизнь (Hlr. 4; Am. 86);
- лучший в мире (Od. 16; HH. II 30) = самый лучший; последний в мире (Sg. 65; HHv. 40) = самый последний, прощальный, окончательный; худший в мире (Hlr. 4) = самый худший; вселенная накануне «гибели богов» (Vsp. 45).

3. В «Старшей Эдде» засвидетельствованы к о м п о з и т ы, представляющие собой топонимы, которые включают др.-исл. *heimr* в качестве второго элемента:

Ál-heimr 'утря мир' («обозначение моря» [Kuhn 1968: 15]): *Sær heitir með mǫnnum*, <...> / *kalla vág vanir*; / **álheim** *íqtnar* (Alv. 24) «Море называется у людей, <...> / называют волнами ваны, / утря миром великаны»*;

Álf-heimr 'альвов мир' (< др.-исл. *álfr* 'альв' [Kuhn 1968: 15] & др.-исл. *heimr* 'мир'): **Álfheim** *Frey gáfo í árdaga / tívar at tannfé* (Grm. 5) «Альвхейм⁹ Фрейру дали в древние времена / боги на зубок»*;

Glaðs-heimr 'радостного мир' (< др.-исл. *glaðr* 'веселый, радостный' [Kuhn 1968: 76] & др.-исл. *heimr* 'мир'): **Glaðsheimr** *heitir inn fimti, þars en gullbiarta / Valhöll víð of þrumir* (Grm. 8) «Глядсхейм¹⁰ — то пятый [чертог], там золотом яркая / Вальхалла широкая пребывает»*;

Íotun-heimr 'великанов мир' (< др.-исл. *íotunn* 'великан' [Kuhn 1968: 114] & др.-исл. *heimr* 'мир'): *unz þriár qvómo þursa meýiar, / ámtácar miçs, ór íotunheimom* (Vsp. 8) «пока не явились три великанши, / могучие девы из Ётунхейма¹¹»; *Hvat er með ásom, hvat er með álfom? / gnýr allr íotunheimr, æsir ro á þingi* (Vsp. 48) «Что же с асами? Что же с альвами? / Гудит Ётунхейм, асы на тинге»; *Freyr <...> sá um heima alla. Hann sá í Íotunheima, oc sá þar meý fagra* (Skm. проз. 2) «Фрейр <...> обзривал все миры. Он взглянул на Ётунхейм»; *Scírnir reið í Íotunheima til Gymis garða* (Skm. 10 проз. 1) «Скирнир поскакал в Ётунхейм к жилищу Гюмира»; *hvat þú árnaðir í íotunheima / þíns eða míns munar?* (Skm. 40) «чего добился ты в Ётунхейме / по твоему или моему желанию?»*;

Hvat er með ásom, hvat er með álfom? / hví ertu einn kominn í íotunheima? (Þrk. 7) «Что там у асов? Что там у альвов? / Зачем ты

⁹ «Альвхейм — “жилище альвов”» [Стеблин-Каменский 1963: 224].

¹⁰ «Глядсхейм — “жилище радости”» [Стеблин-Каменский 1963: 224].

¹¹ «Ётунхейм — жилище или страна великанов. Ётун — великан» [Стеблин-Каменский 1963: 216].

один в Ётунхейм прибыл?»; *við scolom aca tvau í iǫtunheima* (Þrk. 12, 20) «в Ётунхейм мы поедем вдвоем»; *Mic veiztu verða vergiarnasta, / ef ec ec með þér í iǫtunheima* (Þrk. 13) «Меня бы распутной назвать пристало, / коль в Ётунхейм я поеду с тобой»; *óc Óðins sonr í iǫtunheima* (Þrk. 21) «в Ётунхейм ехал Одина сын»; *Át vætr Freyia átta nóttom, / svá var hon óðfús í iǫtunheima* (Þrk. 26) «Восемь ночей не ела Фрейя, / так она стремилась в Ётунхейм»*; *Svaf vætr Freyia átta nóttom, / svá var hon óðfús í iǫtunheima* (Þrk. 28) «Восемь ночей не спала Фрейя, / так она стремилась в Ётунхейм»*;

Munar-heimr 'любви мир' (< др.-исл. *munuð* 'м. р., мир любви или радости' [Kuhn 1968: 144], «*munuð* (< **mun-hugð*), ж. р. 'любовь'» [Там же: 146] & др.-исл. *heimr* 'мир'): *Sáttu Sigrlinn, Sváfnis dóttur, / meyna fegrsto í munarheimi?* (ННv. 1) «Сигрлинн ты видел ли, Свафнира дочь, / деву прекраснейшую в любви мире?»*; *Mælt hafða ec þat í munarheimi, / þá er mér Helgi hringi valði* (ННv. 42) «Молвила я в доме любви¹², / когда мне Хельги кольца выбирал»*;

Myrc-heimr 'темный / тьмы мир' (< др.-исл. *myrcr* 'ср. р., тьма; прил., темный' [Kuhn 1968: 146] & др.-исл. *heimr* 'мир'): *Eldi gaf hon þá alla, er inno vóro / oc frá morði þeira Gunnars komnir vóro ór Myrcheimi* (Акв. 42) «Всех предала огню, кто вернулся из Мюркхейма вспять / после Гуннара смерти»;

Róg-heimr 'ссоры жилище' (< др.-исл. *róg* 'ссора', 'ср. р., выговор: 1) оскорбление, клевета; 2) ссора, спор' [Kuhn 1968: 169] & др.-исл. *heimr* 'мир'): *kem ec eigi áðr / Rógheims á vit né Røðulsfialla, / áðr ec hefnt hefíc Hiorvarðz sonar* (ННv. 43) «не суждено мне / ни в Рогхейм придти, ни в Рёдульсфьёлль, / пока не отмщу за Хьёрварда сына»;

Sól-heimr 'солнца жилище' (< др.-исл. *sól* 'солнце' [Kuhn 1968: 169] & др.-исл. *heimr* 'мир'): *Þeir af ríki renna léto / Svipuð oc Sveggiuð, Sólheima til, / dala dögðotta, dæcvar hliðir* (НН. I 47) «Погнали коней / Свипуда и Свегтйода до Сольхейма / по долинам росистым, темным склонам»*;

Upp-heimr 'верха мир' (м. р., 'верхний мир, обозначение неба' [Kuhn 1968: 210] < др.-исл. *upp* 'верх' [Там же: 210] & др.-исл. *heimr* 'мир'): *Himinn heitir með mǫnnom, <...> / kalla <...> / upphæim iǫtnar <...> / dvergar driúpan sal* (Alv. 12) «Небо называется у людей, <...> / называют <...> / верха мир великаны, / карлики — влажный дом»*;

Vana-heimr 'ванов мир' (< др.-исл. *vanir* 'ваны' [Kuhn 1968: 214] & др.-исл. *heimr* 'мир'): *Í Vanaheimi scópo hann vís regin / oc seldo at gíslingo goðom* (Vm. 39) «В Ванов мире создали его мудрые боги / и отдали в заложники богам [асам]»*;

¹² В отчете доме.

Vind-heimr ‘ветра мир’ (< др.-исл. *vindr* ‘ветер’ [Kuhn 1968: 228] & др.-исл. *heimr* ‘мир’): *oc byrir byggia bræðra tveggia* / **vindheim** *viðan* (Vsp. 63) «братьев обоих живут сыновья / в Ветров мире¹³ широком»*;

Þrúð-heimr ‘силы мир’ (< др.-исл. *þrúð-* ‘сила’ [Kuhn 1968: 243] & др.-исл. *heimr* ‘мир’): *enn í Þrúðheimi* *scal Þórr vera*, / *unz um riúfaz regin* (Grm. 4) «в Трудхейме¹⁴ будет Тор обитать / до кончины богов»;

Þrym-heimr ‘шума мир’ (< др.-исл. *þrymr* ‘шум’ [Kuhn 1968: 243] & др.-исл. *heimr* ‘мир’): **Þrymheimr** *heitir inn sétti*, *er Þiazi bió*, / *sá inn ámatki iqtunn* (Grm. 11) «Трюмхейм¹⁵ называется шестой [чертог], там Тьяци жил, / могучий великан»*.

4. Семантика композитов, являющихся топонимами:

- ‘верх’ + ‘мир’: др.-исл. *Upp-heimr*;
- ‘ветер’ + ‘мир’: др.-исл. *Vind-heimr*;
- ‘солнце’ + ‘мир’: др.-исл. *Sól-heimr*;
- ‘тьма’ + ‘мир’: др.-исл. *Myrc-heimr*;
- ‘альв’ + ‘мир’: др.-исл. *Álf-heimr*;
- ‘ван’ + ‘мир’: др.-исл. *Vana-heimr*;
- ‘великан’ + ‘мир’: др.-исл. *Iqtun-heimr*;
- ‘угорь’ + ‘мир’: др.-исл. *Ál-heimr*;
- ‘сила’ + ‘мир’: др.-исл. *Þrúð-heimr*;
- ‘шум’ + ‘мир’: др.-исл. *Þrym-heimr*;
- ‘любовь’ + ‘мир’: др.-исл. *Munar-heimr*;
- ‘радость’ + ‘мир’: др.-исл. *Glaðs-heimr*;
- ‘ссора’ + ‘мир’: др.-исл. *Róg-heimr*.

5. Синонимы:

мир — **корень** — **мировое древо**: *nío tan ec heima*, *nío íviði*, / *miqtvið tæran fyr told neðan* (Vsp. 2) «девять помню миров, девять корней, / древо предела знаменитое под землей внизу»*.

6. Антонимы:

мир — **хель**: *hvern hefi ec heim um komit*; / *nío kom ec heima fyr Niflhel neðan*, / *hinig deýia ór helio halir* (Vm. 43) «как каждый прошел я мир; / девять прошел я миров до Нифльхель вниз, / сюда умирают из хель люди»*; *Ara þúfo á scaltu ár sitia*, / *horfa heimi ór*, *snugga heliar til* (Skm. 27) «На орлиной скале ты будешь сидеть, / не глядя на мир, / хель озирая»; *at þú myndir mín*, *móðugr*,

¹³ «Дом ветров — небо» [Стеблин-Каменский 1963: 219].

¹⁴ «Трудхейм — “жилище силы”» [Стеблин-Каменский 1963: 224].

¹⁵ «Трюмхейм — “жилище шума”» [Стеблин-Каменский 1963: 224].

vitia, / *halr*; *ór helio*, *enn ec þín ór heimi* (Ghv. 19) «ты хотел меня, могучий, посетить, / муж, из хель, а я тебя из мира»*; *segðu mér ór helio — ec man ór heimi* (Bdr. 6) «скажи мне из хель, я запомню из мира»*;

мир великанов — мир асов: *fyr útan kom ása garða / oc fyr innan kom iǫtna heima* (Þrk. 5) «вышел наружу из асов оград / и не вошел внутрь великанов жилищ»*;

мир людей — мир великанов: *hamingior einar þeira í heimi ero, / þó þær með iǫtnom alaz* (Vm. 49) «в мире (людей) они духи благие, / хотя они возвращены великанами»*.

7. Атрибуты и квантификаторы др.-исл. *heimr*:

весь: *Óðinn oc Frigg sátu í Hliðscíalflo oc sá um heima alla* (Grm. проз. 15) «Один и Фригг сидели однажды на престоле Хлидскъяльв и смотрели на все миры»; *Freyr <...> sá um heima alla* (Skm. проз. 2) «Фрейр <...> смотрел на все миры»; *hon vissi tíðindi ór ǫllum heimom* (Sd. 4 проз. 12–13) «она знает вести из всех миров»;

каждый: *hvern hefi ec heim um komit* (Vm. 43) «каждый прошел я мир»*; *ef þú ór heimi kant hveriom at segia / alt, þat er ec vil vita* (Alv. 8) «если ты сможешь о мире каждым сказать / все, что я хочу знать»*;

этот: *drýgt þú fyrr hafðir; þat er menn dæmi vissað, / til heimsco, harðræðis, í heimi þessom* (Am. 86) «ты и прежде совершал, о чем судят люди, / ужасных деяний по глупости в мире этом»*;

открытый: *þvíat opnir heimar verða um ása sonom, / þá er hefia af hvera* (Grm. 42) «потому что открытыми миры станут асов сынам, / если снимут котлы»*;

девять: *nío man ec heima, nío íviði, / miǫtvið mæran fyr mold neðan* (Vsp. 2) «девять помню миров, девять корней, / дерево предела знаменитое под землей внизу»*.

8. Предикаты, сочетающиеся с др.-исл. *heimr*.

8.1. Предикаты *heimr* как субъекта:

становиться: *þvíat opnir heimar verða um ása sonom, / þá er hefia af hvera* (Grm. 42) «потому что открытыми миры станут асов сынам, / если снимут котлы»*.

8.2. Предикаты *heimr* как объекта:

помнить: *nío man ec heima, nío íviði, / miǫtvið mæran fyr mold neðan* (Vsp. 2) «девять помню миров, девять корней, / дерево предела знаменитое под землей внизу»*; *segðu mér ór helio — ec man ór heimi* (Bdr. 6) «скажи мне из хель, я запомню из мира»*;

посетить: *at sækia heim Atla* (Акв. 3) «*посетить чертог Атли*»*;
проходить: *hvern hefi ec heim um komit*; / *nío kom ec heima fyr Niflhel neðan* (Vm. 43) «*каждый прошел я мир*; / *девять прошел я миров до Нифльхель вниз*»*;
родиться: *Þú vart, Brynhildr; Buðla dóttir*; / *heilli versto i heim borin* (Hlr. 4) «*Брюнхильд, дочь Будли, ты / с наихудшей судьбой в мир родилась*»*;
сказать: *ef þú ór heimi kant hveriom at segia* / *alt, þat er ec vil vita* (Alv. 8) «*если ты сможешь из мира каждого сказать / все, что я хочу знать*»*;
смотреть: *Óðinn oc Frigg sátu i Hliðscíálfo oc sá um heima alla* (Grm. проз. 15) «*Один и Фригг сидели однажды на престоле Хлидскъяльв и смотрели на все миры*»; *Freyr <...> sá um heima alla* (Skm. проз. 2) «*Фрейр <...> смотрел на все миры*»; *Ara þúfo á scaltu ár sitia*, / *horfa heimi ór, snugga heliar til* (Skm. 27) «*На орлиной скале ты будешь сидеть, / не глядя на мир (букв. отвернувшись от мира), / хель озирая*».

8.3. Предикаты *heimr* как л о к у с а:

быть: *hart er i heimi, hórdómr mikill* (Vsp. 45) «*тягостно есть в мире, великий блуд*»*; *hamingior einar þeira i heimi ero* (Vm. 49) «*в мире они суть духи благие*»*; *sú mun i heimi hinzt bæen vera* (Sg. 65) «*она будет последней в мире просьбой*»; *ina æðri alna myndu* / *mei i heimi, nema miqtuðr spilti* (Od. 16) «*лучшей выращенной / должна [быть] девой в мире, если судьба не подведет*»*; *siá mun i heimi hinztr fundr vera* (HHv. 40) «*это будет в мире последняя встреча*»*; *buðlungr; sá er var beztr i heimi* (HH. II 30) «*правитель, который был лучший в мире*»*;
делать: *drygt þú fyrr hafðir <...> / <...> i heimi þessom* (Am. 86) «*ты и прежде совершал <...> / <...> ужасные деяния в этом мире*»*;
называться: *hvé <...> heitir <...> / heimi hveriom i* (Alv. 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33) «*как <...> называется <...> / в каждом мире?*»*.

8.4. Предикаты *heimr* как указания на направление, цель:

входить: *fyr innan kom iotna heima* (Prk. 5, аналогично 9) «*вошел внутрь великанов жилищ*»*;
посетить: *at þú myndir mín, móðugr; vitia*, / *halr; ór helio, enn ec þín ór heimi* (Ghv. 19) «*ты хотел меня, могучий, посетить, / муж, из хель, а я тебя из мира*»*.

* * *

Др.-исл. *heimr* ‘мир’ представлен в «Старшей Эдде» 36 раз: 28 — в мифологическом цикле и 8 — в героическом. На такое неравномерное распределение данной лексемы, несомненно, повлияла специфика одной из мифологических песен — «Речей Альвиса», посвященных наименованию объектов космозированной вселенной в каждом из миров (у богов, людей, великанов, карликов,

в хель), в которых 13 раз употребляется синтаксическая конструкция «как N называется в каждом мире?» (*hvé ... heitir ... / heimi hveriom í?* — Alv. 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33).

В эддических песнях зафиксировано более чем трехкратное преобладание форм ед. ч. (28) по сравнению с формами мн. ч. (8), заслуживающими, несмотря на меньшую распространенность, особого внимания, так как они позволяют восстановить процесс эволюции исходного значения. Контексты, в которых фигурирует др.-исл. *heimr* в мн. ч., используются для номинации всех миров (*heima alla* — Grm. проз. 15; Skm. проз. 2; *qllom heimom* — Sd. 4 проз. 12–13), девяти миров, идентифицируемых с корнями мирового древа ясеня Иггдрасиля (*nío heima, nío íviði* — Vsp. 2; *nío <...> heima* — Vm. 43), а также жилищ великанов (*iqtna heima*), противопоставляемых «асов ограда» (*ása garða* — Prk. 5, 9). На основании приводимых выше данных можно реконструировать, во-первых, наличие нескольких миров в эддической мифопоэтической модели мира на первоначальном этапе, во-вторых — путь эволюции от совокупности однотипных объектов к некоему единству, целостности, достигаемых в результате их объединения. Иными словами, вполне вероятно такое семантическое развитие: ‘жилища великанов’ (мн. ч.: *iqtna heimar*) → ‘Жилище великанов’ = ‘Мир великанов’ (ед. ч.: *Iqtun-heimr*)¹⁶.

С л о в о с л о ж е н и е с участием др.-исл. *heimr* весьма продуктивно: зафиксировано 13 топонимических композитов с др.-исл. *heimr* в качестве второго компонента. Наибольшей частотностью отличается модель «subst. + -heimr», насчитывающая 11 примеров; репрезентированы единичные адъективные и адverbialные образования.

Если обратиться к семантическому своеобразию композитов, то обнаруживаются интересные феномены:

- отражены локусы обитания различных классов мифологических существ: богов ванов (др.-исл. *Vana-heimr*), альвов (др.-исл. *Álf-heimr*), великанов (др.-исл. *Iqtun-heimr*);
- представлены некоторые природные или метеорологические явления (др.-исл. *Vind-heimr* ‘ветра дом’, *Sól-heimr* ‘солнца дом’);
- в качестве денотатов могут выступать небо (др.-исл. *Upp-heimr* ‘верха дом’) и море (др.-исл. *Ál-heimr* ‘угря дом’);
- реализована категория оценки — как положительной (др.-исл. *Glaðs-heimr* ‘радости дом’, *Munar-heimr* ‘любви дом’), так и отрицательной (др.-исл. *Róg-heimr* ‘ссоры дом’).

¹⁶Правомерность предлагаемой гипотезы убедительно доказывает аналогичное явление с номинацией жилищ богов (асов): ‘асов ограда’ (мн. ч.: *ása garða* — Prk. 5, 9) → ‘Асов ограда’ (= ‘Асов мир’) (ед. ч.: др.-исл. *Ás-garðr*).

Синонимами др.-исл. *heimr* 'мир' являются корни мирового древа ясеня Иггдрасиля (ср. «девять миров», «девять корней», «древо меры» — Vsp. 2), а антонимами — мир богов (*Asgard*), мир великанов (*Ётунхейм*) и иной мир (*хель*). Посессорами др.-исл. *heimr* 'мир', как правило, предстают великаны (ср. др.-исл. *igtun-heimr* 'великанов мир'), а также люди (например, Vm. 49). Атрибуты и количественные характеристики, типичные для др.-исл. *heimr*, реализуют представления о множестве миров: «все миры», «каждый мир», «этот мир», «девять миров».

Синтаксические функции, которые выполняет др.-исл. *heimr* 'мир' в «Старшей Эдде», достаточно хорошо структурированы; выделяется периферия (субъект — один пример; направление, цель — два примера), середина (объект — десять примеров) и центр (локус — двадцать примеров). Две последних подгруппы нуждаются в комментариях. Среди предикатов объекта, сочетающихся с др.-исл. *heimr*, обращают на себя внимание «помнить» (*nío man ec heima, nío íviði* «девять помню миров, девять корней» — Vsp. 2*; *segðu mér ór helio — ec man ór heimi* «скажи мне из хель, я запомню из мира»* — Bdr. 6) и «видеть» (*Óðinn oc Frigg <...> sá um heima alla* «Один и Фригг <...> смотрели на все миры» — Grm. проз. 15; *Freyr <...> sá um heima alla* «Фрейр <...> смотрел на все миры» — Skm. проз. 2; *horfa heimi ór, snugga heliar til* «не глядя на мир (букв. “отвернувшись от мира”)/ хель озирая» — Skm. 27), которые описывают стратегию познания мира субъектами, наделенными сверхъестественной силой, — прорицательницей и богами (Одином и Фригг) и имеют непосредственное отношение к эддической эпистемологической концепции в ее интенсивном аспекте. Экстенсивная сторона познания мира отражена в словосочетании «проходить мир»: *hvern hefi ec heim um komit, / nío kom ec heima fyr Niflhel neðan* (Vm. 43) «каждый прошел я мир; / девять прошел я миров до Нифльхель вниз»*. В данном контексте прохождение вселенной по вертикали, т. е. пространственное перемещение, приравнивается к освоению знаний о ее происхождении и устройстве. Результатом приобретенной таким способом мудрости является возможность карлику Альвису («Всезнающему») «сказать из каждого мира» (*ór heimi hveriom at segja* — Alv. 8) все, что хочет узнать бог Тор о сущности объектов мироздания, возникших в мифе творения; эта возможность воплотилась в их наименованиях. Таким образом, вербальную деятельность, заключающуюся в номинации созданных объектов, можно считать заключительным этапом как космогонического мифа, так и эпистемологической концепции, той точкой пересечения, в которой они объединяются. Неслучайно функция локуса, реализуемая др.-исл. *heimr*, включает наиболее частотный предикат «называться» («в каждом мире»: у богов, людей, карликов, великанов, в хель),

зафиксированный 13 раз в «Речах Альвиса», посвященных ономатетическому акту, завершающему космогенез.

Помимо отмеченных выше мифологических коннотаций др.-исл. *heimr*, следует акцентировать внимание на нескольких специфических явлениях, свойственных этой лексеме:

- ее отождествлении с универсальной моделью мира, распространенной во многих архаических мифопоэтических традициях, в виде мирового древа (ср. «девять миров, девять корней знаменитого древа предела» в «Прорицании вёльвы»);

- ее участия в эддической концепции хронотопа — локально-темпорального континуума, изображаемого в исходном состоянии, предшествующем акту творения (мировое древо с его корнями = мирами описывается «внизу под землей», т. е. до момента его возникновения);

- ее способности к темпорализации, ср. приравнивание др.-исл. *heimr* к временному понятию «век» (др.-исл. *öld* — Vsp. 45).

- ее антропоцентрической ориентации, выражающейся в том, что наполнением данного пространственного термина становится указание на человеческую жизнь, ср. словосочетание *í heim borin* (Hlr. 4) «в мир родилась (т. е. “родилась для жизни”)».

Подводя итоги исследования эддических контекстов др.-исл. *heimr*, можно с полной уверенностью утверждать, что данная лексема занимает ключевое положение среди обозначений *мира* в «Старшей Эдде» и демонстрирует свойственные ей наиболее релевантные тенденции в сфере семантики и слово-сложения, которые могут получить адекватное объяснение только в рамках мифопоэтической модели мира.

Сокращения

В названиях языков

гот. готский язык

др.-исл. древнеисландский язык

зап.-герм. западногерманские языки

прагерм. германский праязык

В названиях эддических песен

Akv. *Atlaqviða in grænlenzca*
(«Гренландская песнь об Атли»)

Alv. *Alvismál* («Речи Альвиса»)

Am. *Atlamál in grænlenzco*
(«Гренландские речи Атли»)

Bdr. *Baldrs draumar* («Сны Бальдра»)

Ghv. *Guðrúnarhvøt* («Плач Гудрун»)

Grm. *Grímnismál* («Речи Гримнира»)

HH. II *Helgaqviða Hundingsbana ǫnnor*
(«Вторая песня о Хельги убийце Хундинга»)

HHv. *Helgaqviða Hiorvarðzsonar* («Песнь о Хельги сыне Хьёрварда»)

Hlr. *Helreið Brynhildar* («Поездка Брюнхильд в Хель»)

Od. *Oddrúnargrátr* («Плач Оддрун»)

Sd.	<i>Sigrdrifomál</i> («Речи Сигдривы»)	Prk.	<i>Brymsqviða</i> («Песнь о Трюме»)
Sg.	<i>Sigurðarqviða in scamma</i> («Краткая песнь о Сигурде»)	Vm.	<i>Vafþrúðnismál</i> («Речи Вафтруднира»)
Skm.	<i>For Scírnis</i> («Поездка Скирнира»)	Vsp.	<i>Völuspá</i> («Прорицание вёльвы»)

Прочие
проз. прозаический

Источники

- МНМ — Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Сов. энциклопедия, 1980–1982.
- Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна ; ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963.
- Kuhn H. Kurzes Wörterbuch. Dritte umgearb. Aufl. des Kommentierenden glossars // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1968. Bd. 2.
- Neckel 1962 — Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Bd. 1 : Text. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1962.

Исследования

- Гвоздецкая Н. Ю. Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // *Philologica Scandinavica* : сб. ст. к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского / отв. ред. Б. С. Жаров. СПб. : СПбГУ, 2003. С. 28–42.
- Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. М. : Вост. лит., 1999.
- Никитина С. Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // *Облик слова* : сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева / сост. Л. П. Крысин. М. : ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1997. С. 360–373.
- Смирницкая О. А. О многозначности эпического текста (Вводные замечания). Комментарий к «Гренландской песни об Атли» // Смирницкая О. А., Матюшина И. Г., Гуревич Е. А. Эпос Северной Европы. Пути эволюции. М. : Изд-во МГУ, 1989. С. 158–175.
- Стеблин-Каменский М. И. Старшая Эдда // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна ; ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 181–257.
- Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Топорова Т. В. Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде». М. : Академия гуманитарных исследований, 2006.
- Хроленко 1994 — Фольклорная лексикография. Вып. 1 / отв. ред. А. Т. Хроленко. Курск : КГПИ, 1994.
- Garcia Lopez I. Mythic and Real Spaces in the Hávamál (Project Presentation) // The Sixteenth International Saga Conference: Sagas and Space (9–15 August 2015, University of Zurich and University of Basel) : Preprints of Abstracts / ed. by J. Glauser et al. Zürich : Universität Zürich, 2015. P. 103.
- Gardiner A. H. The theory of proper names. A controversial essay. London : Oxford Univ. Press, 1940.
- Leech 1972 — Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend / ed. by M. Leech. New York : Funk & Wagnalls, 1972.

- Sturtevant A. M. Semological Notes on Old Norse “heim”- in compounds // Publications of the Society for the Advancement of Scandinavian Study. 1916. Vol. 3, No. 3. P. 253–264.
- Vries J., de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. 1. Dritte, unveränderte Aufl. Berlin : Walter de Gruyter & Co, 1970.

References

- Elizarenkova, T. Ya. (1999). *Slova i veshchi v Rigvede* [Words and Things in *Rigveda*]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Garcia Lopez, I. (2015). Mythic and Real Spaces in the Hávamál (Project Presentation). In J. Glauser et al. (Eds.), *The Sixteenth International Saga Conference: Sagas and Space (9–15 August 2015, University of Zurich and University of Basel): Preprints of Abstracts* (p. 103). Zürich: Universität Zürich.
- Gardiner, A. H. (1940). *The Theory of Proper Names. A Controversial Essay*. London: Oxford University Press.
- Gvozdetskaya, N. Yu. (2003). Prolegomeny k tekstotsentricheskomu opisaniiu semantiki drevneangliiskogo poeticheskogo slova [Prolegomena to a Text-centric Description of the Semantics of the Old English Poetic Word]. In B. S. Zharov (Ed.), *Philologica Scandinavica: sb. st. k 100-letiiu so dnia rozhdeniia M. I. Steblin-Kamenskogo* [Philologica Scandinavica: Collected Papers to the 100th Anniversary of Mikhail I. Steblin-Kamensky] (pp. 28–42). St Petersburg: SPbGU.
- Khrolenko, A. T. (Ed.). (1994). *Fol'klornaia leksikografiia* [Folklore Lexicography] (Vol. 1). Kursk: KGPI.
- Leech, M. (Ed.). (1972). *Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend*. New York: Funk & Wagnalls.
- Nikitina, S. E. (1997). O mnogoznachnosti, diffuzii znachenii i sinonimii v tezauruse iazyka fol'klora [On Polysemy, Diffusion of Meaning, and Synonymy in the Thesaurus of the Language of Folklore]. In L. P. Krysin (Ed.), *Oblik slova: sbornik statei pamiati D. N. Shmeleva* [The Look of the Word: Collected Papers in Memory of Dmitri N. Shmelev] (pp. 360–373). Moscow: IRIA im. V. V. Vinogradova RAN.
- Smirnitskaya, O. A. (1989). O mnogoznachnosti epicheskogo teksta (Vvodnye zamechaniia). Kommentarii k “Grenlandskoi pesni ob Atli” [On the Polysemy of the Epic Text (Introductory Remarks). Commentary on the *Greenland Lay of Atli*]. In O. A. Smirnitskaya, I. G. Matyushina, & E. A. Gurevich (Eds.), *Epos Severnoi Evropy. Puti evoliutsii* [The Epic Tradition of Northern Europe. Paths of Evolution] (pp. 158–175). Moscow: Izd.-vo MGU.
- Steblyn-Kamensky, M. I. (1963). Starshaia Edda [Poetic Edda]. In A. I. Korsun, & M. I. Steblin-Kamensky (Eds.), *Starshaia Edda. Drevneislandskie pesni o bogakh i geroiakh* [Poetic Edda. Old Norse Songs about Gods and Heroes] (pp. 181–257). Moscow; Leningrad: Izd.-vo AN SSSR.
- Sturtevant, A. M. (1916). Semological Notes on Old Norse *heim*- in Compounds. *Publications of the Society for the Advancement of Scandinavian Study*, 3(3), 253–264.
- Toporov, V. N. (2004). *Issledovaniia po etimologii i semantike* [Research on Etymology and Semantics] (Vol. 1). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Toporova, T. V. (2006). *Printsipy opisaniia epicheskogo slova: kontsept gory v “Starshei Edde”* [Principles of Describing an Epic Word: The Concept of a Mountain in the *Poetic Edda*]. Moscow: Akademiia humanitarnykh issledovaniï.
- Vries J., de. (1970). *Altgermanische Religionsgeschichte* (Vol. 1). Berlin: Walter de Gruyter.

Борис Вадимович Ковалев¹
Федор Никитич Двинятин²

¹ лаборант-исследователь, кафедра романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9)
E-mail: bvkovaliev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>

² кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9)
E-mail: f.dvinyatin@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7111-0133>

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ: О СЕМАНТИЧЕСКОМ ИНВАРИАНТЕ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Аннотация

В статье анализируются ономастические особенности номинации *Карамазов* в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Предпринимается обзор ее основных толкований. В большинстве исследований на эту тему предлагается тюркская этимология, связывающая фамилию *Карамазов* со словом *qara* ‘черный’. Классификация имеющихся интерпретаций антропонима осуществляется на основе двух критериев: метода формулирования литературного имени и способа реализации транстекстуальных связей. Подход позволяет предложить новую интерпретацию антропонима *Карамазов*. Авторы доказывают, что эта номинация заключает в себе оппозицию «красное vs черное» (*qara* ‘черный’ vs *kirmiz* ‘красный’), которая актуализируется на всех уровнях текста: этимологическом, историко-литературном, интертекстуальном и собственно текстовом. В сопоставлении с романом Достоевского анализируется аналогичная оппозиция в романе Стендаля «Красное и черное». Речь идет о типологическом сходстве — синонимии не конкретных имен, персонажей и сюжетных ходов, но импликаций, ассоциирующихся с «красным» и «черным» и лежащих в общем пространстве литературной традиции. Авторы делают вывод, что *Карамазов* — уникальная для русской литературы номинация, допускающая ряд взаимодополняющих интерпретаций, мотивировки которых представляются убедительными и основательными. Именно она является ключом к пониманию текста, заключает в себе оппозиции и конфликты, которые реализуются на различных уровнях романа и организуют весь текст.

Ключевые слова: литературная ономастика; Достоевский; этимология; интертекстуальность; «Братья Карамазовы»; структура текста; метод формулирования литературного имени

Благодарности

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 95434615.

Для цитирования

Ковалев Б. В., Двинятин Ф. Н. Красное и черное: о семантическом инварианте в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 169–186. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.008

Рукопись поступила в редакцию 17.07.2023

Рукопись принята к печати 15.12.2023

Boris Vadimovich KOVALEV¹

Fyodor Nikitich DVINIATIN²

¹Research Fellow, Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya emb., 199034 St Petersburg, Russia)

E-mail: bvkovalov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>

²PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya emb., 199034 St Petersburg, Russia)

E-mail: f.dvinyatin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7111-0133>

RED AND BLACK: ON THE SEMANTIC INVARIANT IN FYODOR DOSTOEVSKY'S *THE BROTHERS KARAMAZOV*

Abstract

The article examines the onomastic aspects of the *Karamazov* surname in Fyodor Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*, reviewing its primary interpretations. The majority of studies on this subject suggest a Turkic origin, associating the surname with the word *qara* 'black'. Existing interpretations of the anthroponym are categorized based on two criteria: the way they interpret the method of encoding information into a literary name and the approach to tracing its transtextual connections. This analytical framework facilitates a novel interpretation of the surname *Karamazov*, revealing its embedded opposition of "red vs black" (*qara* 'black' vs. *kirmiz* 'red'), which permeates various levels of the text, including etymological, historical, literary, textual, and intertextual dimensions. Additionally, the paper compares this opposition with a similar thematic contrast in Stendhal's novel *The Red and the Black*, focusing on typological parallels rather than specific names, characters, or plot elements. The authors assert that *Karamazov* represents a distinctive feature of Russian literature, accommodating multiple interpretations supported by compelling and comprehensive motivations. This nuanced understanding is pivotal for decoding the text, as it underscores the oppositions and conflicts that shape the narrative across different layers of the novel.

Keywords: literary onomastics; Dostoevsky; etymology; intertextuality; *The Brothers Karamazov*; text structure; types of literary names

Acknowledgements

The authors acknowledge Saint Petersburg State University for a research project 95434615.

For citation

Kovalev, B. V., & Dviniatin, F. N. (2024). Red and Black: On the Semantic Invariant in Fyodor Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 169–186. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.008

Received on 17 July 2023

Accepted on 15 December 2023

1. Введение

По отношению к номинации *Карамазов* в литературоведении, по всей видимости, установлен своеобразный консенсус. Признается множественность допустимых интерпретаций, которые рассматриваются как не противоречащие друг другу и взаимодополняющие. В нынешней ситуации перед исследователями стоят две задачи: с одной стороны, возникает необходимость систематизации уже имеющихся подходов. С другой стороны, актуализируется необходимость поиска новой интерпретации, которая могла бы не только обеспечить новую оптику и пролить свет на ономастический круг проблем, сопряженный с номинацией *Карамазов*, но и переосмыслить саму структуру романа — как в лингвистическом, так и в литературоведческом аспекте.

Настоящая статья является попыткой разрешить эту проблему с учетом достижений последних десятилетий и с применением новейших методов, разрабатываемых нами в рамках более широкого исследования.

2. *Карамазов*: базовая версия и разные подходы

В целом можно выделить несколько подходов к анализу номинации *Карамазов*, которые встречаются в работах разных авторов.

Одна из самых распространенных версий состоит в том, что фамилия *Карамазов* происходит от тюрк. *кара* ‘черный’ и рус. *мазать* [Унбегаун 1989: 190]. Согласно Р. Пису, первая часть фамилии восходит к русскому слову *кара*, а вторая — к тому же глаголу *мазать*: *Карамазов*, по его версии, — «мазанный карой» [Пис 2007: 25].

Т. А. Бондаренко придерживается другой точки зрения: «Семантический анализ фамилии *Карамазов* в контексте всего творчества Ф. М. Достоевского, а также в русле философии эпохи “русского ренессанса” конца XIX столетия приводит к убедительной версии образования этого антропонима от другой фамилии — *Богомазов*, путем замещения первого исторического корня этого имени *Бог*- антонимичным в метафорическом значении корнем *Кара*- <...> фамилия *Карамазов* являет собой антиномию фамилии *Богомазов*. Компонент *богомаз*- может трактоваться двояко: *богомаз* — буквально — иконописец,

метафорически — помазанник Божий. Следовательно, семантика компонента *карамаз*- прочитывается как “черный помазанник, наместник дьявола”» [Бондаренко 2006: 13–14].

Иную популярную версию приводит И. Л. Чижиова: номинацию можно объяснить в свете ее сходства с фамилией Д. В. Каракозова, «террориста-народника, совершившего в 1866 г. покушение на царя, что вполне соотносится с замыслом Достоевского сделать главного героя, Алешу Карамазова, впоследствии революционером» [Чижиова 2013: 75]. Эта точка зрения восходит к книге К. Ф. Головина «Русский роман и русское общество»; по всей видимости, она утвердилась в общественном сознании в качестве одной из популярнейших за счет комментариев Л. П. Гроссмана к полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского и трудов М. С. Альтмана [1976: 118]. Сегодня эта интерпретация получила широкое распространение за пределами сугубо филологического поля.

В том же русле находятся следующие рассуждения: «Мотивом, который стоял бы за переключкой фамилий и который бы перекинул мост между “каракозовщиной” и “карамазовщиной”, должно было стать отцеубийство или готовность к нему» [Бондаренко 2006: 14]. Также Бондаренко выдвигает гипотезу, что материалом для создания фамильного имени *Карамазов* могли послужить и дворянские фамилии тюркского происхождения *Карамышев* (от тюрк. *карамыш* ‘защитивший, защищающий’ [Баскаков 1979: 121]), *Карандеев* (от тюрк. *каранды* ‘солидный’, ‘с большим животом’ [Там же]), *Каратеев* (ср. булг.-казан.¹ *Каратай*, р. ‘Черная речка’ [Там же: 231]), *Карتماзов* (от тюрк. *картмаз* ‘нестареющий’ [Там же: 209]).

Тюркскую линию рассуждения продолжает И. А. Скуридина. В своей монографии она также ссылается на Н. А. Баскакова [1979: 206], но находит иную интерпретацию: «По этой же модели образованы другие русские фамилии тюркского происхождения: *Карамазов* от *qara* ‘смотреть’, *qara-taz* ‘не смотрящий’ + *-ov* <...> *taz* — тюркский аффикс причастия настоящего и будущего времени в отрицательной форме» [Скуридина 2007: 71].

Таковы основные точки зрения на происхождение номинации *Карамазов*. Представляется удобным суммировать все вышеозначенные позиции при помощи номинологического метода, подробно изложенного в монографии «Имя в прозе» [Ковалев 2023: 20–33]. Суть его сводится к анализу номинации героя с двух точек зрения: механизма реализации транстекстуальной связи и метода формулирования. Механизм реализации транстекстуальных

¹ Заметим, что указание на булгаро-казанский диалект есть в диссертации Бондаренко [2006: 14], но нет у Баскакова.

связей — характеристика номинации персонажа с точки зрения взаимодействия с внетекстовой реальностью / реальностью других текстов. Для отслеживания механизма реализации транстекстуальных связей строится цепь, на которой отмеряются шаги от исходной номинации до объекта отсылки.

Метод формулирования — это характеристика номинации персонажа с точки зрения способа ее выражения в тексте. Существует несколько типов номинаций по методу формулирования: говорящее имя, имя-ключ, фонетически связанное и нейтральное. В данном случае нас будут интересовать категории говорящего имени и имени-ключа.

Говорящее имя — способ прямого формулирования; имя-ключ — косвенного. Они, в свою очередь, подразделяются на несколько типов. Говорящее имя I степени (Г1) — номинация, содержащая прямое указание на объект без каких бы то ни было формальных изменений (*Кутузов* из «Войны и мира» Л. Н. Толстого прямо отсылает к имени исторического лица). Говорящее имя II степени (Г2) — номинация, которой свойственно совпадение имени героя с протонимом, но не их единство: герой с конкретной номинацией «играет роль» носителя своего протонима в реальности текста (*Петя* — апостол Петр из «Говорим по-русски» В. Набокова). Говорящее имя III степени (Г3) — формулировка, каламбур или анаграмма, указывающая на ключевой имманентный признак героя (*Слепцов* из «Рождества» В. Набокова «слеп», поскольку поначалу не видел сокрытой жизни сына, а после его гибели перестал видеть смысл в жизни).

Имя-ключ как категория делится на следующие типы.

К1: косвенное указание на объект отсылки. Имя заменяется другим, похожим по звучанию и/или написанию, но: а) не совпадающим с именем объекта отсылки; б) реально существующим именем; в) не являющимся продуктом игры слов, лингвистических перестановок (набоковский *Мартын Мартыныч*, отсылающий к лермонтовскому Максиму Максимычу из «Героя нашего времени» [Ковалев 2023: 28]).

К2: каламбур, перифраз, оноματοпeia или анаграмма, кодирующая номинацию объекта отсылки (*Анна Никаноровна* — Анна Каренина из «Подлеца» В. В. Набокова). Важен именно лингвистический сдвиг, наличие формальной игры.

К3: не прямое указание на признак героя или его номинацию, поддержанное внешней характеристикой в тексте в силу отсутствия языковой игры, вербальных приемов (*Алла Львовна* — Афина Паллада из романа А. А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов»: слабое фонетическое сходство усиливается портретной и сюжетной характеристикой, ясно отсылающей к греческой богине). Отличается от К1 неочевидностью

формулирования и большей значимостью внешней мотивировки для интерпретации.

К4: референтный критерий. В имени содержится указание на некую косвенную, но тем не менее важную характеристику, деталь, которая может быть связана с биографией автора, особенностями ситуации и пр. (например, *Лужин* из «Защиты Лужина» В. Набокова, по одной из версий, отсылает к городу Луга, находящемуся неподалеку от усадьбы Набоковых в Рождествено) [Ковалев 2023: 28].

В итоге получаем следующие соответствия (см. табл.).

Интерпретации номинации *Карамазов*

Сторонник концепции	Механизм реализации транстекстуальных связей	Цепочка	Метод формулирования
Б. Унбегаун [1989]	Одношаговый этимологический	<i>Карамазов</i> — тюрк. <i>кара</i> + рус. <i>мазать</i>	Имя-ключ, К3. Есть лингвистический сдвиг, соединение корней из разных языков
Р. Пис [2007]	Одношаговый этимологический	<i>Карамазов</i> — рус. <i>кара</i> + <i>мазать</i>	Говорящее имя, Г3. Лингвистический сдвиг не подразумевается, два корня из одного языка
Т. А. Бондаренко [2006]	Одношаговый этимологический	<i>Карамазов</i> — <i>Богомазов</i>	Имя-ключ, К1. Замена имени похожим реальным и похожим по звучанию
М. С. Альтман [1976]	Одношаговый	<i>Карамазов</i> — <i>Каракозов</i>	Имя-ключ, К2. Замена одной реальной номинации другой, имеющей референта в истории на основе внутреннего созвучия
Т. А. Бондаренко [2006], И. А. Скуридина [2007]	Одношаговый этимологический	<i>Карамазов</i> — <i>Qara-maz+-ov</i>	Имя-ключ, К4. Формулировка на основе внешнего референта, которым служит ряд других тюркских фамилий

Однако наша цель — не только резюмировать имеющиеся подходы к трактовке номинации *Карамазов*, но и предложить новую интерпретацию этого антропонима, которая может оказаться определяющей в перспективе комплексного рассмотрения поэтики «Братьев Карамазовых» как на лингвистическом, так и на литературоведческо-эстетическом уровне.

3. Вторая версия этимологии: *Кармазинов* и далее

Опорным «именным прототипом» *Карамазовых* (в первую очередь Алексея, дальнейшими обстоятельствами судьбы которого — при этом не вошедшими в текст романа «Братья Карамазовы» и известными из творческой истории текста и/или ее реконструкции — эта фамилия мотивирована) является *Каракозов*. Другая линия мотивации уводит к довольно близкой фамилии — *Кармазинов* (персонаж «Бесов»). В фамилии *Кармазинов* обыгрывается, кажется, не только (через отсылку на красный цвет, о чем см. ниже) оппозиционное умонастроение писателя, но и его социальный статус. Достоевский мог помнить соответствующие фрагменты из романа Пантелеймона Кулеша «Черная рада», главы которого печатались в «Современнике» в 1845–1846 гг., а также в «Москвитянине» (1856); полный текст русской версии романа вышел в 1857 г. в «Русской беседе»: «В костюмах их не было красного цвета, составлявшего принадлежность высшего сословия: мещане носили тогда платья синих, зеленых и коричневых цветов; а беднейшие из них носили лычаковые желтого горячего цвету кунтуши и жупаны, почему козаки и пань прозвали мещан *лычака́ми*, а те их — *кармази́нами*» [Кулеш 1846: 68–69]. В поздней редакции автор предпринял стилистическую правку, заменив «костюмы» на «одежды», устранив двойное «носили» и убрав во всех смыслах колоритный эпитет «желтого горячий». Введя это разъяснение, Кулеш далее не раз называет (устаами действующих лиц) представителей «высшего сословия» *кармазинами*. Если наши предположения верны, фамилия *Кармазинов* указывает на якобинствующего барина.

Слово *кармази́н* ‘красная, алая ткань’ в старорусском языке — западноевропейское заимствование, скорее всего, через польск. *karmazyn*, которое, в свою очередь, вероятно, восходит к нем. *Karmoisin*, *Karmesin*; ср. ит. *carmesino*, исп. *carmisin*, *cremesin*, (ст.-)фр. *cramoisin*, все обозначения красной, алой, пурпурной ткани, также ит. *chermisi*, исп. *carmisi*, фр. *carmoisi*, обозначения самого соответствующего цвета; к этому же корню восходят английские обозначения вплоть до современного *crimson* [Яценко 1999: 53]. В западноевропейских языках этот корень является восточным заимствованием, скорее всего, арабским; он представлен также в огузских тюркских языках; в арабский и в тюркские

он заимствован из индоиранских языков. Араб. *qirmiz* ‘карминоносный червец, кермесный червь’, *qirmizī* ‘красный, алый’ восходят к перс. *kirmiz*. Иранские формы обычно фиксируются с начальным *q*-, это может объясняться как арабским, так и тюркским влиянием (или даже источником): предполагается, что перс. *kirmiz* заимствуется арабским как *qirmiz* и возвращается уже в такой арабизированной форме — либо роль дополнительного посредника играют тюркские языки. Иранские обозначения (а также др.-инд. *kṛmiṣ* ‘червь, личинка’), восходят к и.-е. **k^wrmis* ‘червь’, как и праслав. **čьrvъ* ‘то же’, **čьrmъ*, откуда рус. *чермной*, *черемуха* и др. (появление *-в-* в *червь* и под. не до конца ясно). Существует также родственное или только созвучное (предполагают, в частности, табуирование и эвфемистическую замену) и.-е. **w^rrmis* ‘червь’, к которому восходит лат. *vermis*, прагерм. **wurmiz* > нем. *Wurm*, англ. *worm* и др.; к одному из этих корней, видимо, восходит также др.-греч. ἑλμινς ‘гельминт’ [Яценко 1999: 50–55]. Не потеряла значения работа с многочисленными сопоставлениями, выписками и предположениями [Гамель 1835]. Устойчивая связь червя с красным возникает именно из-за добычи красной краски из червецов.

Однако для нашей темы особенно важна роль тюркских языков в истории обсуждаемого «блуждающего» обозначения. Оно распространено практически только в огузских языках, где вытеснило исконное общетюркское наименование красного (*qizil* и под.): тур. *kirmizi*, азерб. *qirmizi*, туркм. *gyrmysy*, *kirmizi* наряду с *gyzyl* и др. [Дыбо 2013: 429]. Это довольно позднее обозначение, не зафиксированное ранними источниками; ссылок на него нет, например, в [ДТС; Clauson 1972; ЭСТЯ]. Однако только в тюркских языках возникает звуковая переключка корней и производных со значениями ‘черный’ и ‘красный’ — *qara* и *qirmizi*, с ее последующей разработкой уже у самого Достоевского — *Каракозов* и *Кармазинов*: вольно говоря, черноглазый (и тем самым вообще черный) царевич, щеголяющий в красном барском наряде. Другие рассматривающиеся в дальнейшем механизмы соотнесения «красных» и «черных» образов и смыслов в романе, как бы далеко они ни отходили от исходной этимологической точки, оказываются связанными с изначальной этимологической двусмысленностью и многоязычным ареалом существования этих этимологически родственных терминов.

В связи с вышеизложенным может возникнуть вопрос: в какой степени в сознании Достоевского могла существовать связь между соответствующими корнями и словами восточных языков, а в какой мере она может отмечаться только с позиции читателя и с позиции смысловой структуры самого текста. На это можно ответить так. Как кажется, этимологические глубины индоиранских и тюркских языков Достоевский почти наверняка не знал (даже та тюркская стихия, с которой он мог соприкасаться в сибирской ссылке,

заведомо не была огузской, а именно для огузского характерно рассматриваемое обозначение). Но связь этого блуждающего, мигрирующего и мимикрирующего цветообозначения с красным Достоевский мог и, по-видимому, должен был осознать, во-первых, через указанную связь с красным цветом кармазина, использованную и явно обыгранную им за несколько лет до «Братьев Карамазовых», во-вторых, через многочисленные заимствования **qirmiz* в европейские языки. Достаточно сослаться на фр. *cramoisi*, вар. *carmoisi* (у Гюго в «Кромвеле», «Рюи Блазе», «Легенде веков», у Бальзака в «О Екатерине Медичи», в том числе со ссылкой на Рабле, Стендаля в «Пармской обители», Эжена Сю в «Парижских тайнах» и др. — почти всегда речь идет о цвете, окраске шелка, бархата или сукна), а также на нем. *Karmesin* (например, в переводе Библии, в частности, многократно в Исх. 39) и др. Ср., впрочем, и многократные апелляции В. Н. Топорова к этимологическому компоненту как потенциально сохраняющему свое значение и для более поздних употреблений (см. хотя бы работу о др.-греч. σοφία и его возможном выведении из индоевропейского рефлексивного местоимения [Топоров 1980: 160–167] или работы о корне *свят-* [Топоров 1995]).

3.1. Карамазов: красное и черное

Итак, мы показали, что номинация *Карамазов* может сочетать в себе потенциал для двух колористических интерпретаций: «красное» (*qirmizi*) vs «черное» (*qara*). Нам представляется, что именно эта оппозиция, реализующаяся в рамках заглавной номинации романа, лежит в основе глубинной структуры текста. Она принимает различные формы и проявляется на разных уровнях.

3.1.1. Земля vs кровь

Реализация этой оппозиции осуществляется на уровне сюжета. Именно с проблемой разделения имущества (конкретнее — земельных владений) связан один из центральных сюжетных конфликтов, обеспечивающий детективную составляющую романа. Дмитрий нуждается в деньгах, и возможное убийство им отца мотивируется не только тем, что Дмитрий ревнует Грушеньку к Федору Павловичу, но и материальной необходимостью. Мотив ревности совмещается с мотивом острой нужды в деньгах:

<Митя> вполне был уверен, что Федор Павлович непременно предложит (если уж не предложил) Грушеньке законный брак, и не верил ни минуты, что старый сластолюбец надеется отделаться лишь тремя тысячами.... Вот почему ему и могло казаться временами, что вся мука Грушеньки и вся ее нерешимость происходит тоже лишь оттого, что она не знает, кого из них выбрать и кто из них будет ей выгоднее [Достоевский 1991: 406].

Большая часть восьмой книги посвящена именно поискам денег:

В случае если она скажет ему: «Я твоя, увези меня», то как он ее увезет? Где у него на то средства, деньги? У него как раз к этому сроку иссякли все до сих пор не прерывавшиеся в продолжение стольких лет его доходы от подачек Федора Павловича [Достоевский 1991: 408].

Дмитрий пытается продать рощи отца, но попытка заканчивается неудачей (глава «Лягавый»). Далее Дмитрий хочет занять три тысячи у Хохлаковой — однако и этот «простой план» проваливается (глава «Золотые прииски»). А в следующей главе («В темноте» — актуализируется семантика черноты, появляется черный цвет) погибает Федор Павлович. Затем в главе «Внезапное решение» на руках Дмитрия обнаруживается кровь:

Митя вдруг усмехнулся, и на бледных щеках его вспыхнул румянец. Феня в ту же минуту сказала ему, уже ни крошечки не боясь за свое любопытство:

– Руки-то какие у вас, Дмитрий Федорович, все-то в крови!

– Да, — ответил машинально Митя, рассеянно посмотрел на свои руки и тотчас забыл про них и про вопрос Фени [Достоевский 1991: 442].

Отметим двойное появление красного цвета: сначала на лице Дмитрия выступает румянец, а затем внимание фокусируется на окровавленных руках.

Черный цвет неразрывно связан с образом земли. Именно земля — потенциальный источник спасительного для Дмитрия дохода: и для достижения любовных целей, и для обеспечения собственного финансового самостояния. После того как Дмитрий не сумел получить деньги из земли, принадлежащей его отцу и сопернику, гибнет Федор Павлович, а руки Дмитрия обгаются кровью (отца, Григория или собственной). Именно после гибели Федора Павловича — центрального события первого тома «Братьев Карамазовых» — в восьмой книге актуализируется красный цвет, связанный именно с кровью: сначала кровь приливает к лицу Дмитрия, и он краснеет, а затем обнаруживается кровь на его руках. Образы земли и крови соединяются в фигуре Федора Павловича.

Любопытно, что эти образы тесно связаны и с прототипом Федора Павловича: «Для Достоевского выбор имен имел особый смысл. Своего отца *mutatis mutandis* он вывел в старике Карамазове. Тяжелого нрава старик был убит крестьянами по дороге в Чермашню» [Анциферов 1923: 94].

С землей связан и образ Дмитрия, но уже на метафизическом уровне. И. Л. Чижова отмечает: «Следует обратить внимание на его связь не просто с землей, а именно с русской землей. Он восклицает: “Россию люблю, Алексей, русского бога люблю”. Мы не знаем наверняка, как закончится история Мити, но <...> произошедший в нем поворот навсегда изменил его, и вряд

ли он сможет бросить родную землю и бежать за границу» [Чиждова 2013: 75]. Связанный с землей и зависимый от земли, именно Митя обгагрят руки кровью — еще один Карамазов, сочетающий в себе красное и черное.

Наконец, связь Дмитрия с землей подчеркивается и в репликах самого героя. Размышляя об отце, Дмитрий задается вопросом:

...можно ли еще позволить ему бесчестить собою землю [Достоевский 1991: 84].

Раздумывая о самоубийстве, Дмитрий снова вспоминает о земле:

...не бременить уже более землю, не бесчестить низким своим присутствием [Достоевский 1991: 174].

Пожалуй, точнее всех связь Дмитрия с землей сформулировал М. С. Альтман: «“Не бременить землю” — у другого это могло быть стандартной фразой, ходячим выражением. Но не у Дмитрия, не у того, у кого такая кровная, им всегда ощущаемая, связь с землей. Не у того, чье и само имя — Дмитрий — так значимо ассоциируется с именем матери-земли — Деметры» [Альтман 1976: 117]. Само альтмановское выражение «кровная связь с землей» донельзя точно выражает двуединство упомянутых концептов, единение красного и черного в пределах одного образа «Братьев Карамазовых».

3.1.2. Духовное vs военное

Реализация этой оппозиции осуществляется на уровне системы персонажей. Частный случай — противостояние «Алеша vs Дмитрий»: младший брат против старшего.

Алеша близок черному духовенству:

Был он просто ранний человеколюбец, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его [Достоевский 1991: 20].

Огромное влияние на него оказал монастырский старец Зосима. Кроме того, семантика черного цвета может метонимически эксплицироваться за счет цвета облачения Алеши. Дмитрий же, вышедший в отставку в должности поручика, ассоциируется с военной сферой — ему сопутствует красный цвет.

В связи с этим нельзя не сказать об опыте исследований семантики красного и черного в романе Стендаля. Примечательна полемика Ю. М. Лотмана и Б. Г. Реизова о проблеме названия «*Красное и черное*». Б. Г. Реизов доказывает, что оппозиция «черное vs красное» = «духовное vs военное» = «сутана vs мундир» ошибочна, поскольку в описываемую Стендалем эпоху во французской армии не было красных мундиров [Реизов 1970: 170]. Ю. М. Лотман же

настаивает, что такая интерпретация допустима, поскольку название романа Стендаля может быть воспринято как цитата из «Тристрама Шенди» Л. Стерна: «Здесь в истории Лефевра читатель находил спор о сравнительных достоинствах военной и духовной карьеры, причем капрал Трим утверждал, что священники отличаются от солдат лишь лицемерием. “Вот этого не следовало говорить, Трим, — сказал мой дядя Тоби, ибо один Господь знает, кто лицемер и кто нет <...>. А тем временем, Трим, мы можем быть уверены, для нашего успокоения, — продолжал мой дядя Тоби, — что Всевышний Бог настолько добрый и справедливый управитель мира, что, если мы только исполнили в нем свои обязанности — никто не станет и спрашивать, сделали ли мы это в красных мундирах или в черных кафтанах”» [Лотман 1993: 429]. Ю. М. Лотман резюмирует: «Ссылка на цвет мундиров французской армии прямого отношения к делу не имеет, так как у Стендаля речь идет не о какой-либо реальной форме обмундирования, а о литературной ассоциации» [Там же].

Представляется, что и в нашем случае речь идет не столько о метонимической паре «сутана vs мундир», сколько о противопоставлении двух ассоциативных полей. Достоевский, несомненно, читал Стерна: одно из первых упоминаний этого автора обнаруживается в переписке с братом Михаилом еще в мае 1845 г. [Достоевский 1845]; он также поместил историю Марии, покинутой женихом и сошедшей с ума, рассказанную Стерном в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии», в пространство романа «Идиот» [Иванов 1996: 323].

Вероятно, противопоставление старшего брата младшему по линии «духовное / черное vs военное / красное» и в этом случае также восходит к «литературной ассоциации». Стендалевской темы мы коснемся в дальнейшем, а здесь ограничимся констатацией типологического сходства используемых ассоциативных полей и наличием общего претекста, на который Достоевский — сознательно или бессознательно — мог опираться и при написании «Братьев Карамазовых»².

3.1.3. Революция vs реакция

Эта оппозиция связана в первую очередь с идеологическим уровнем романа.

² Любопытен еще один довод Лотмана: «Именно здесь проявился глубокий разрыв Стендаля со своим временем: читатель (и критик) 1830-х гг. вычеркнул XVIII в. и его уроки из своей культурной памяти. Намек остался непонятым ни современной Стендалю литературой, ни ее исследователями» [Лотман 1993: 429]. Между «Селом Степаничковым» (1859) со следом Стерна и «Братьями Карамазовыми» (1877–1880) временной промежуток значительно меньше, что также может говорить в пользу присутствия стернианской мотивировки в «Карамазовых».

Красный цвет соотносится с революцией, а черный — с реакцией. Такие колористические ассоциации твердо фиксируются с начала XIX в. Красный цвет становится революционным со времен Великой французской буржуазной революции — в ту пору одним из ключевых символов освободительного движения стал красный фригийский колпак. Черный же ассоциируется с реакцией, крайним консерватизмом. Любопытно, что на русском материале семантика черного цвета смыкается с образом земли. В 1905 г. «Черная сотня» будет так названа из-за того, что в допетровской России «черными» назывались земельные наделы, которые облагались налогами в пользу государства.

С одной стороны, присутствие революционной темы в романе обусловлено самой эпохой его написания и состоянием общественной жизни. «“Теперь в Европе все поднялось одновременно, все мировые вопросы разом, а вместе с тем и все мировые противуречия...” — писал в “Дневнике писателя” 1877 г. автор “Карамазовых” (май — июнь, гл. 2, § III). Эта острота “мировых противуречий”, особенно усилившаяся и в России, и на Западе к концу XIX в., отражена в романе» [Фридлендер, Ветловская 1991: 604].

С другой стороны, упоминания мотивов и деталей, связанных с концептом революции, встречаются уже на первых страницах. Характеризуя во второй главе Петра Александровича Миусова, одного из воспитателей Дмитрия Карамазова, Достоевский подчеркивает, что тот

...знавал лично и Прудона и Бакунина и особенно любил вспоминать и рассказывать, уже под концом своих странствий, о трех днях февральской парижской революции сорок восьмого года, намекая, что чуть ли и сам он не был в ней участником на баррикадах [Достоевский 1991: 12].

Н. А. Бердяев видел пророческое отражение противоречий, лежащих в основе русской революции, в диалектическом противостоянии Смердякова и Ивана Карамазова: «Достоевский предвидел, что Смердяков возненавидит Ивана, обучившего его атеизму и нигилизму. И это разыгрывается в наши дни между “народом” и “интеллигенцией”. Вся трагедия между Иваном и Смердяковым была своеобразным символом раскрывающейся трагедии русской революции» [Бердяев 1918].

Мотивы революции в первом томе «Братьев Карамазовых» прямо или косвенно сопряжены с образами Дмитрия и Ивана Карамазовых. Однако существует гипотеза, влиятельная и получившая значительное распространение, согласно которой в продолжении романа на путь революционера должен ступить и третий брат — Алеша. Кажется, первым заявил о развитии революционной темы во втором томе А. С. Суворин. Ссылаясь на беседы с Ф. М. Достоевским, он утверждал: «Алеша Карамазов должен был <...>

явиться героем, из которого он хотел создать тип русского социалиста, не тот ходячий тип, который мы знаем и который вырос вполне на европейской почве... Он искал бы правду, и в этих поисках, естественно, стал бы революционером» [Суворин 1923: 16]. Точка зрения спорная; воспоминания современников, родных и близких Достоевского относительно продолжения романа разнятся, и потому, скорее всего, «идея о царевубийстве» и казнь Алексея были «одними из нескольких вариантов развязки, которые в разное время мелькали в голове автора при обдумывании второго тома дилогии» [Там же].

Для нас представляется существенным, что в той или иной степени революционные мотивы возникают в связи с каждым из братьев Карамазовых. Соположение «красного», революционного комплекса образов и мотивов с «черным», консервативным, находящее отражение в пределах единой номинации, оказывается иллюстрацией диалектической, противоречивой природы образа Карамазовых. Номинация *Карамазов* таит в себе и красное, и черное, что служит ключом к роману, оказывается емкой и краткой репрезентацией сложного, идейно-философски противоречивого интеллектуального уровня романа.

3.2. Стендаль и Достоевский: к проблеме соположения

Говоря о противопоставлении красного и черного в рамках художественного текста, мы неизбежно приходим к вопросу о связи изучаемого текста с романом Стендаля «Красное и черное» и о степени зависимости этого текста от знаменитого французского романа, в котором эта оппозиция актуализировалась столь отчетливо.

Стендаль значительно чаще сопоставляется с Толстым [Гроссман 2000; Жолковский 2012], а сопоставление — хотя бы типологическое — Достоевского и Стендаля никогда не осуществлялось.

В первую очередь следует сказать о работе Р. Н. Эсенбаевой «Стендаль и Достоевский: типология романов “Красное и черное” и “Преступление и наказание”» [Эсенбаева 1991] и о статье Г. М. Фридлендера «Стендаль и Достоевский» [Фридлендер 1995]. Чаще всего соплагаются романы «Красное и черное» и «Преступление и наказание», а образ Жюльена Сореля — с образом Раскольникова. В. С. Парсамов [2019] предпринимает попытку сопоставления романа Стендаля с «Подростком» Достоевского. Общим местом в подобного рода исследованиях стала констатация: у нас нет четких данных, указывающих на то, что Достоевский был знаком с творчеством Стендаля [Там же]. Заметим, впрочем, любопытную деталь: первый перевод «Красного и черного» на русский язык был опубликован в 1874 г. в «Отечественных записках» (перевод А. Н. Плещеева, одного из петрашевцев). И все же, как

резюмирует Г. М. Фридлендер, «мы не располагаем фактическими данными для решения вопроса о том, читал ли Достоевский “Красное и черное” до или после создания “Преступления и наказания” и других его великих романов 60–70-х годов (и даже после появления перевода Плещеева) <...> Тем не менее все это не мешает <...> ставить вопрос о чертах типологического сходства между Стендалем и Достоевским как романистами-исследователями психологии человека и человеческого общества и о близости тех путей, по которым они шли к разгадке ее тайн» [Фридлендер 1995: 273].

Серьезно говорить о заимствовании Достоевским у Стендаля модели оппозиции «красное vs черное» как глубинной и организующей текст невозможно. Имеет место типологическое сходство, синонимия не конкретных имен, персонажей и сюжетных ходов, но импликаций, ассоциирующихся с «красным» и «черным» и лежащих в общем пространстве литературной и культурной традиции.

4. Заключение

Конечно, обозначенный перечень оппозиций неполон; в силу ограниченности объема статьи мы остановились на самых, на наш взгляд, репрезентативных оппозициях — и пришли к следующим итогам.

1. *Карамазов* — уникальная для русской литературы номинация, допускающая ряд взаимодополняющих интерпретаций, мотивировки которых представляются убедительными и основательными.

2. Номинация *Карамазов* является ключом к пониманию текста. Именно она заключает в себе те оппозиции, конфликты, которые реализуются на различных уровнях романа и организуют весь текст.

3. Главной оппозицией романа оказывается «красное vs черное». Она пронизывает весь текст, актуализируясь на разных уровнях: на уровне сюжета, системы персонажей, на уровне интертекста и в пространстве литературных ассоциаций.

Таким образом, красное и черное в «Братьях Карамазовых» становятся семантическими инвариантами, формирующими глубинную оппозицию, которая выполняет структурообразующую функцию. И со-бытие двух колористических интерпретаций фамилии (*кара* и *кыргыз*; «черное» и «красное») в рамках заглавной номинации *Карамазов* является своеобразной проекцией глубинного процесса, обнаруживающего себя по всему тексту. *Карамазов* оказывается наиболее броским репрезентантом противопоставления красного и черного, в свете которого можно продуктивно анализировать весь текст.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

булг.-казан. булгаро-казанский диалект
татарского языка

прагерм.
праслав.

прагерманский язык
праславянский язык

Источники

- Бердяев Н. А.* Духи русской революции // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова : [сайт]. URL: http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/duhi.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 07.04.2023).
- Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому (4 мая 1845) // Федор Достоевский : антология жизни и творчества : [сайт]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/letters/1845-1849/04-05-1845/> (дата обращения: 07.04.2023).
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 15 т. Т. 9. Л. : Наука, 1991.
- Кулеш П.* Киевские богомольцы в XVII столетии // Современник. 1846. Т. 61. С. 62–121.
- Суворин А. С.* Дневник. М. ; Петроград : Изд-во Л. Д. Френкель, 1923.

Исследования

- Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976.
- Анциферов Н. П.* Петербург Достоевского. Петроград : Брокгауз-Ефрон, 1923.
- Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979.
- Бондаренко Т. А.* Антропонимия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции : автореф. дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.01 / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2006.
- Гамель И. Х.* Об араратской кошенили. М. : Тип. Селивановского, 1835.
- Гроссман Л. П.* Стендаль и Толстой // Цех пера. Эссеистика. М. : Аграф, 2000. С. 92–113.
- ДТС — Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л. : Наука, 1976.
- Дыбо А. В.* Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана : Prosper Print, 2013.
- Жолковский А. К.* «Толстовские» страницы итальянского романа Стендаля (К острашению войны в «Пармской обители» и «Войне и мире») // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In honor of Stefano Garzonio / ed. G. Capri, L. Fleishman, B. Sulpasso. Stanford : Berkeley Slavic Specialties, 2012. P. 198–220.
- Иванов М. В.* Судьба русского сентиментализма. СПб. : Эйдос, 1996.
- Ковалев Б. В.* Имя в прозе: очерки по номинологии. СПб. : Нестор-История, 2023.
- Лотман Ю. М.* Несколько слов к проблеме «Стендаль и Стерн» (Почему Стендаль назвал свой роман «Красное и черное»?) // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3. С. 428–429.
- Парсамов В. С.* «Стендалевский след» в «Подростке» Достоевского // Вопросы литературы. 2019. № 5. С. 226–245. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-5-226-245>
- Пис Р.* Правосудие и наказание: «Братья Карамазовы» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М. : Наука, 2007. С. 10–38.
- Реизов Б. Г.* Почему Стендаль назвал свой роман «Красное и Черное»? // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л. : Изд-во ЛГУ, 1970. С. 170–186.

- Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж : Науч. книга, 2007.
- Топоров В. Н. Еще раз о др.-греч. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста / под ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука, 1980. С. 148–173.
- Топоров В. Н. Святые и святость в культуре Древней Руси : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1995. Т. 1. С. 439–490.
- Унбегаун Б. Русские фамилии. М. : Прогресс, 1989.
- Фридлендер Г. М. Стендаль и Достоевский // Фридлендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Себряный век». СПб. : Наука, 1995. С. 269–285.
- Фридлендер Г. М., Ветловская В. Е. Примечания. Параграф 5 // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 9. Л. : Наука, 1991. С. 604–607.
- Чижова И. Л. Роль антропонимов в раскрытии идейного замысла романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологический класс. 2013. № 4. С. 74–78.
- Эсенбаева Р. Н. Стендаль и Достоевский: типология романов «Красное и черное» и «Преступление и наказание». Тверь : Изд-во ТГУ, 1991.
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков / сост. Э. В. Севортян, Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М. : Наука, 1974—. Т. 1—.
- Яценко В. В. О проблеме кармина с точки зрения энтомолога и филолога // Tethys Entomological Research. 1999. Vol. 1. P. 47–58.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford : Oxford Univ. Press, 1972.

References

- Altman, M. S. (1976). *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. By Milestones of Names]. Saratov: Saratov University Press.
- Antsiferov, N. P. (1923). *Peterburg Dostoevskogo* [Dostoyevsky's Petersburg]. Petrograd: Brokgauz-Efron.
- Baskakov, N. A. (1979). *Russkie familii tiurkskogo proiskhozhdeniia* [Russian Surnames of Turkic Origin]. Moscow: Nauka.
- Bondarenko, T. A. (2006). *Antroponimiia romana F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sistema, struktura, funktsii* [Anthroponymy of Fyodor Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*: System, Structure, Functions] (Doctoral dissertation). Tyumen State University, Tyumen.
- Chizhova, I. L. (2013). Rol' antroponimov v raskrytii ideinogo zamysla romana F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy" [The Role of Anthroponyms in Revealing the Ideological Concept of Fyodor Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*]. *Filologicheskii klass*, 4, 74–78.
- Clauson, G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford: Oxford University Press.
- Dybo, A. V. (2013). *Etimologicheskii slovar' bazisnoi leksiki tiurkskikh iazykov* [Etymological Dictionary of the Basic Vocabulary of Turkic Languages]. Astana: Prosper Print.
- Esenbaeva, R. N. (1991). *Stendal' i Dostoevskii: tipologiia romanov "Krasnoe i chernoie" i "Prestuplenie i nakazanie"* [Stendhal and Dostoevsky: Typology of the Novels *The Red and the Black* and *Crime and Punishment*]. Tver: Izd-vo TGU.
- Friedlender, G. M. (1995). *Pushkin. Dostoevskii. "Serebrianyi vek"* [Pushkin. Dostoevsky. The "Silver Age"]. St Petersburg: Nauka.
- Friedlender, G. M., & Vetlovskaya, V. E. (1991). Primechaniia. Paragraf 5 [Notes, Paragraph 5]. In F. M. Dostoevsky, *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vol. 9, pp. 604–607). Leningrad: Nauka.

- Grossman, L. P. (2000). Stendal i Tolstoy [Stendhal and Tolstoy]. In *Tsekh pera. Esseistika* [The Craft of Writing]. Moscow: Agraf.
- Hamel, K. J. (1835). *Ob araratskoi koshenili* [About Ararat Cochineal]. Moscow: Tip. Selivanovskogo.
- Ivanov, M. V. (1996). *Sud'ba russkogo sentimentalizma* [The History of Russian Sentimentalism]. St Petersburg: Eidos.
- Kovalev, B. V. (2023). *Imia v proze: ocherki po nominologii* [Name in Prose: Essays on Naming Characters]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Lotman, Yu. M. (1993). *Izbrannye stat'i* [Selected Papers] (Vols. 1–3). Tallinn: Aleksandra.
- Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., & Shcherbak, A. M. (Eds.). (1976). *Drevnetiurkskii slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
- Parsamov, V. S. (2019). “Stendalevskii sled” v “Podrostke” Dostoevskogo [“Stendhal’s Trace” in *The Adolescent* by F. Dostoyevsky]. *Voprosy literatury*, 5, 226–245. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-5-226-245>
- Peace, R. (2007). Pravosudie i nakazanie: “Brat'ia Karamazovy” [Justice and Punishment: *The Brothers Karamazov*]. In T. A. Kasatkina (Ed.), *Roman F. M. Dostoevskogo “Brat'ia Karamazovy”: sovremennoe sostoianie izucheniia* [Fyodor M. Dostoevsky’s novel *The Brothers Karamazov*: Current State of Study] (pp. 10–38). Moscow: Nauka.
- Reizov, B. G. (1970). *Iz istorii evropeiskikh literatur* [From the History of European Literatures]. Leningrad: Izd-vo LGU.
- Sevortyan, E. V., Levitskaya, L. S., Dybo, A. V., & Rassadin, V. I. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Turkic Languages] (Vol. 1–). Moscow: Nauka.
- Skuridina, S. A. (2007). *Poetika imeni u F. M. Dostoevskogo (na materiale romanov “Podrostok” i “Brat'ia Karamazovy”)* [Poetics of the Name in Fyodor Dostoevsky’s Writing (Based on the Novels *The Adolescent* and *The Brothers Karamazov*)]. Voronezh: Nauchnaia kniga.
- Toporov, V. N. (1980). Eshche raz o dr.-grech. ΣΟΦΙΑ: proiskhozhdenie slova i ego vnutrennii smysl [Another Look on the Ancient Greek ΣΟΦΙΑ: The Origin of the Word and its Meaning]. In T. V. Tsivyan (Ed.), *Struktura teksta* [Text Structure] (pp. 148–173). Moscow: Nauka.
- Toporov, V. N. (1995). *Sviatye i sviatost' v kul'ture Drevnei Rusi* [Saints and Holiness in the Culture of Ancient Rus'] (Vol. 1, 439–490). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Unbegaun, B. (1989). *Russkie familii* [Russian Surnames]. Moscow: Progress.
- Yashchenko, V. V. (1999). O probleme karmina s tochki zreniia entomologa i filologa [On the Problem of Carmine from the Entomological and Philological Perspective]. *Tethys Entomological Research*, 1, 47–58.
- Zholkovsky, A. K. (2012). “Tolstovskie” stranitsy ital'ianskogo romana Stendalia (K ostraneniui voiny v “Parmskoi obiteli” i “Voine i mire”) [The “Tolstoy” Pages of the Italian Novel by Stendhal (Towards the Defamiliarization of War in the *Parma Monastery* and *War and Peace*)]. In G. Capri, L. Fleishman, & B. Sulpasso (Eds.), *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In honor of Stefano Garzonio* (pp. 198–220). Stanford: Berkeley Slavic Specialties.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

UDC 81'373.21 + 81'373.6 + 81-112.2 + 81'373.217(23)

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.009

Luka REPANŠEK

PhD, Assistant Professor, Department of Comparative and General Linguistics, University of Ljubljana (Aškerčeva 2, SI-1000 Ljubljana, Slovenija)

E-mail: luka.repansek@ff.uni-lj.si

<https://orcid.org/0000-0001-6530-7597>

OCRA — AN ETYMOLOGICAL PROPOSAL

Abstract

The ancient name of the mountain (pass) that lies at the junction of the Julian and Dinaric Alps (nowadays Mt Nanos and the adjoining Razdrto Pass in southwestern Slovenia) is attested as *Ocra* in Latin (Pliny) and Ὀκρα in Greek sources (Strabo, Ptolemy). The name is surely Italic and is argued to go back to Proto-Indo-European $*H_2okreH_2-$ (to $*H_2ek-$ 'to be/become/make sharp'). Given that an *o*-grade root is not expected in a deverbal adjective in *-ro-* (i.e. $*H_2ek-ró-$ 'sharp'), such a formation is only interpretable as a substantivized feminine form of the possessive adjective $*H_2ok-r-ó-$ 'sharp,' derived from an acrostatic heteroclite neuter abstract noun $*H_2ók-r-/H_2ék-n-$ 'sharpness.' As such, *Ocra* ~ Ὀκρα is the only unambiguous evidence for the existence of a deverbal abstract with *o* : *e* ablaut in Proto-Indo-European. In the addendum a brief etymological account is given of the place-name *Acumincum* ~ *Acimincum* from Pannonia Inferior, which likewise goes back ultimately to the PIE root $*H_2ek-$, arguing in favour of the Ptolemaic variant with *Acu-* (as opposed to *Ac-*) as the *forma difficilior*. The proposed etymology starts from PIE $*H_2ek-ηn-o-$ > $*akumno-$ 'rock' + $*-enko-$ ($*akumnenko-$ 'rocky (place)'), from which $*akumenko-$ > $*akuminko-$ would then be produced by simple regressive dissimilation.

Keywords: *Ocra* (Nanos); *Acumincum*; etymology; Proto-Indo-European word formation; toponymy, Slovenia

Acknowledgements

The author acknowledges the financial support from the Slovenian Research Agency (research core funding No. P6-0218).

© Repanšek L., 2024

For citation

Repanshek, L. (2024). *Ocra* — an Etymological Proposal. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 187–197. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.009

Received on 11 July 2023

Accepted on 25 December 2023

Лука РЕПАНШЕК

PhD, доцент кафедры сравнительного и общего языкознания, Люблянский университет (Aškerčeva 2, SI-1000 Ljubljana, Slovenija)

E-mail: luka.repansek@ff.uni-lj.si

<https://orcid.org/0000-0001-6530-7597>

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА *OCRA***Аннотация**

Древнее название горного перевала, отделяющего Юлийские Альпы от Динарского нагорья (сейчас гора Нанос и прилегающий перевал Раздрто на юго-западе Словении), фиксируется как *Ocra* в латинских источниках (Плиний Старший) и *Окра* — в греческих (Страбон, Птолемей). Данный топоним, несомненно, имеет итальянское происхождение и считается восходящим к праиндоевропейскому $*H_2okreH_2-$ < $*H_2ek-$ ‘быть / становиться / делать острым’. В отглагольном прилагательном на *-ro-* ($*H_2ek-ró-$ ‘острый’) трудно предполагать *o-* ступень чередования в корне, поэтому подобную форму можно объяснить только как субстантивированную форму женского рода притяжательного прилагательного $*H_2ok-r-ó-$ ‘острый’, восходящую к абстрактному существительному гетероклитического склонения среднего рода с акростатической парадигмой $*H_2ók-r-/H_2ék-n-$ ‘острота’. Таким образом, *Ocra* ~ *Окра* является единственным недвусмысленным свидетельством существования отглагольных абстрактных наименований с корневым чередованием *o* : *e* в праиндоевропейском. В дополнение к статье предлагается краткая этимологическая интерпретация топонима *Acumincum* ~ *Acimincum* в Нижней Паннонии, которое можно сходным образом объяснить как восходящее к праиндоевропейскому корню $*H_2ek-$, что говорит в пользу употребляемого Птолемеем варианта с *Acu-* (а не с *Aci-*) как *forma difficilior*. По мысли автора, *Acumincum* можно интерпретировать как сочетание $*H_2ek-mn-o-$ > $*akumno-$ ‘скала’ + $*-enko-$ ($*akumnenko-$ ‘скалистая (местность)’), откуда $*akumenko-$ > $*akuminko-$ получается путем регрессивной диссимилиации.

Ключевые слова: *Ocra* (Нанос); *Acumincum*; этимология; праиндоевропейское словообразование; топонимия; Словения

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Словенского исследовательского агентства (грант № P6-0218).

Для цитирования

Repanshek L. *Ocra* — an Etymological Proposal // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 187–197. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.009

Рукопись поступила в редакцию 11.07.2023

Рукопись принята к печати 25.12.2023

Strabo, Ptolemy and Pliny, the earliest available written records to mention *Ocra*, use this place-name to refer to three closely associated geographical entities at the junction of the Julian Alps and the Dinarides:¹ a) the plateau: τῇ Ὀκρᾷ (Strabo, *Geogr.*, IV.6.1), ἡ Ὀκρᾷ (Ibid., IV.6.10), τῆς Ὀκρας (Ibid., V.1.3), ἡ δ' Ὀκρᾷ ταπεινότατον μέρος τῶν Ἀλπεῶν ἐστὶ (Ibid., VII.5.2), τῇ Ὀκρᾷ ὄρει (Ptolemy, II.12.1), τῇ Ὀκρᾷ (Ibid., III.1.1); b) the pass that lies directly at its foothill: ὑπερθεῖσι τὴν Ὀκραν, ὑπερθεσίς ἐστι διὰ τῆς Ὀκρας (Strabo, *Geogr.*, VII.5.2); and c) an erstwhile settlement of the Carni: *Ocra* (Pliny, *Nat. hist.*, III.19.131), apparently already abandoned by Pliny's time. The three can be identified in that order with Mt Nanos, the Razdrto pass, and — probably — the iron-age hillfort Grad near Šmihel pod Nanosom. The name of the settlement represents an obvious case of typical transonymization (oronym → oikonym), while the fact that the *Ocra* pass was being generally referred to by the name of the mountain on which it was geographically dependent is banal enough to safely assume that in the case of *Ocra* we are most certainly dealing with an oronym. *Ocra* (Nanos) is one of the most prominent orientation points of the Notranjska (Inner Carniola) region in southwestern Slovenia and a place of utmost strategic importance in Roman and pre-Roman times. Located in the lowest part of the Alps (cf. ἡ δ' Ὀκρᾷ ταπεινότατον μέρος τῶν Ἀλπεῶν ἐστὶ τῶν διατεινουσῶν ἀπὸ τῆς Ραιτικῆς μέχρι Ἰαπόδων “*Ocra* is the lowest part of the Alps such as extend from the land of the Rhaeti to that of the Iapodes” — Strabo, IV.6.10), the *Ocra* pass for a long time represented the easiest and most accessible route between sub-Mediterranean Italy and the continental East. The plateau is an impressive 12 km long and 6 km wide karstic massif characterized by precipitous slopes and a prominent steeply cut edge that slopes down towards the *Ocra* (Razdrto) pass.

This conspicuous feature of the plateau is, following the aetiological principle, also the most likely naming motive, given that the root etymology of the oronym more than apparently goes back to the Proto-Indo-European root **H₂ek-* ‘(to be/become/make) sharp.’ This, of course, is not a novel idea, which, given the obviousness of the etymological connection, is unsurprising [see, e.g., Holder 1904: 829–830; Kretschmer 1932: 112–113; Pellegrini 1961: 15; Šašel 1974; Prosdocimi 1978: 33; Calzecchi Onesti 1981: 168; Crevatin 1990: 72; Vedaldi Iasbez 1994: 99–100]. The problem remains, however, that given the comparative linguistic data from the different Indo-European languages in which the derivatives of this root survive, none really matches *Ocra* precisely.

¹ Strong arguments against dissociating Ptolemy's *Ocra* from the Strabonian evidence are offered by [Vedaldi Iasbez 1994: 98; cf. also Šašel 1977: 158, 160].

Following the widely-held view [see Schindler 1980: 390, and Nussbaum 1999: 399; cf. Nussbaum 2004; Widmer 2004: 129; Wodtko et al. 2008: 296], the root formed the standard verbal adjective in *-ró-*, so $*H_2\hat{k}\text{-ró-} > *H_2\acute{e}\hat{k}\text{-ró-}$ ‘sharp’ (with a restored *e*-grade of the root as a strategy to avoid the initial consonant cluster $*H_2\hat{k}r$) and was, apparently, marked by secondary barytonization ($*H_2\acute{e}\hat{k}\text{-ro-}$), which must be assumed on the strength of Proto-Slavic $*\tilde{a}stras > *ostrb$ ‘sharp’ (cf. OLith. $\tilde{a}štras$, $\tilde{a}$ ‘sharp; strict’)² and Ancient Greek ἄκρος (however, Frisk [1938: 113–114] and Vine [2002: 335, 340, 343]³ see in ἄκρος ‘highest, foremost, -top, -end’ a syntactically revalorized substantive).⁴ From this a nominalized deadjectival abstract noun $*H_2\acute{o}\hat{k}\text{-ri-}/*H_2\acute{e}\hat{k}\text{-ri-}$ ‘sharpness (as the characteristic trait of anything that is sharp)’ with an acrostatic *o/e*-ablaut was derived, which survives in Lat. *ocris* ‘jagged, rugged mountain’ ($< *H_2\acute{o}\hat{k}\text{-ri-}$), matching Gr. ὄκρις ‘jagged point,’ and Gr. ἄκρις ($< *H_2\acute{e}\hat{k}\text{-ri-}$) ‘hill-top, mountain peak.’ From this it very clearly follows that the only source of the *o*-grade in the root of any sort of derivative from $*H_2\acute{e}\hat{k}\text{-}$ that also contained a *r* in its suffixal morpheme (chain) must be the strong form of the feminine *i*-stem nominalization. As attested in the ancient sources, however, *Ocra* ~ Ὀκρά most obviously mirrors a feminine $\tilde{a}$ -stem (adapted to fit the Latin 1st declension and the Greek $\tilde{a}$ -purum pattern), co-occurring with an *o*-grade root. That the *o*-vowel in *Ocra* ~ Ὀκρά might go back to $*a$, suggesting PIE $*H_2\acute{e}\hat{k}\text{-ro-}$ [$*\chi\acute{a}kro\text{-}$], is as good as excluded, given that the onomastic material of at least the western part of the wider South-Eastern Alpine region seems to be Italic in nature,⁵ so that a coalescence of PIE $*o$ and $*a$ is not at all a probable solution. Rather, a direct retrojection of the mountain name strongly suggests a preform $*H_2\acute{o}\hat{k}reH_2\text{-}$.

Since, as was pointed out above, such a PIE starting point is problematic, at least under the standard view of things, $*H_2\acute{o}\hat{k}reH_2\text{-}$ can only be accounted

² Secondary transferal of accent type I/2 (= 2) adjectives (matching the Proto-Slavic accent type *b*) to accent type II/2 (= 4) is a productive process in Lithuanian, so that $\tilde{a}štras$ may be implicitly understood as a direct match of the Slavic comparandum.

³ Contrary to Vine’s [2002] proposal, Ancient Greek ἄκρα ‘highest/furthest point (of something)’ → ‘headland, summit, crest, height, extremity’ should in my view rather be seen as ultimately reflecting a deadjectival nominal abstract $*H_2\acute{e}\hat{k}reH_2\text{-}$ ($= *H_2\acute{e}\hat{k}\text{-re-}H_2\text{-}$) ‘sharpness’ rather than the other way around.

⁴ Old Irish *ér* ‘noble, great, high’ $< *æxrah < *axrah < *akros$ is, of course, silent as to the placement of the accent.

⁵ See [Repanšek 2016: 34–38, 255] and [Prósper 2019a] for the latest views. To propose that *Ocra* goes back to Celtic (or more specifically Gaulish) toponymic heritage as is implied by the entry in [Delamarre 2023: 152] is of course entirely improbable, not least for the fact that in areas only secondarily colonised by Celtic/Gaulish, place-names referring to prominent geographical locations tend not to get renamed, and since in this particular area of the South-Eastern Alpine region there are no overt onomastic traces of Gaulish at all anyway [see Repanšek 2016]. Supporting the assumption on the element $*okri\text{-}$ (and its derivative $*H_2\acute{o}\hat{k}\text{-r-i-nó-} > *okri\text{-no-}$ ‘having $*okri\text{-}$ ’ → ‘sharp, pointy’), however, even if the latter could at least theoretically be Celtic, is beside the point, since $*okri\text{-}$ continues an entirely different Proto-Indo-European formation.

for convincingly if assumed that what we are actually dealing with is a thematic possessive derivative of an underlying $*H_2ok-r-$, so $*H_2ok-r-ó-/éH_2-$ ‘having/possessing $*H_2ok-r-$.’ In its turn, $*H_2ok-r-$ is only understandable as the strong-grade of a heteroclite neuter abstract (*nomen qualitatis*) $*H_2ók-r-/H_2ék-n-$ ‘sharpness.’ The preform of *Ocra* ~ *Okrǫ, i.e. $*H_2ok-r-éH_2-$ is then interpretable as the substantivized feminine form of the externally derived possessive adjective ‘having/possessing sharpness’ → ‘sharp.’ That such a secondary derivative would start from the *o*-grade stem is unproblematic in view of cases such as Gr. ὀχυρός ‘firm, strong, lasting’ (on this see [Nussbaum 1998: 534–555]). Alternatively, and only under the supposition that we are dealing with a derivative of an already concretized *nomen attributivum* $*H_2ók-r-/H_2ék-n-$ ‘that which is sharp’ → ‘a steep slope’ *vel sim.*, $*H_2ok-r-éH_2-$ would potentially also be analyzable as an externally formed collective of the $*ud-n-éH_2-$ -type (PIE $*uód-r-/uéd-n-$ ‘water’ → $*ud-n-ó-$ ‘having/possessing water’ → collective $*ud-n-éH_2-$ ‘a body/mass of water’) [see Nussbaum 2014: 291], so $*H_2ok-r-éH_2-$ ‘a collection of sharp/steep slopes’ *vel sim.* On aetiological principle (see above), however, the latter possibility is infinitely less likely.

Be that as it may, the underlying derivative $*H_2ok-r-ó-$ demanded by the formal properties of the ancient oronym is positive proof of the existence of a Proto-Indo-European heteroclite neuter $*H_2ók-r-/H_2ék-n-$ ‘sharpness.’ Note in this respect that on the basis of PGerm. $*axurna-$ ‘acorn’ < $*H_2ék-r-no-$, Danish *ær* ‘id.’ and Lat. *acer* ‘id.’ < $*H_2ék-(e)r$ (in reality $*H_2ék-er-i-$, for which see [Harðarson 2014: 106]), Oettinger [1994: 80–84]⁶ already proposed the existence of an erstwhile PIE neuter heteroclite, but in consideration of Hittite ^{GIS}*hikkarz(a)* (for the etymological connection see [Puhvel 1991: 305]) assigned it type II acrostatic ablaut ($*H_2ék-r-/H_2ék-n-$), claiming that “Da wir beim Wort für ‘Ahorn’ keine Spur von *o*-Stufe, wohl aber von Langstufe finden, kommt nur die Möglichkeit C [i.e. N-A. Sg. $*H_2ék-r$, G. $*H_2ék-η-s$] in Frage.” Regarding the Hittite *hi* < $*H_2ē$, however, see now [Rieken 1999: 277], who offers a far more convincing proposal that starts from the *vṛddhi* derivative of the commonly reconstructed deverbial adjective in *-ro-*, thus removing the only potential evidence for a lengthened *e*-grade in this deverbial abstract. Note, furthermore, that neither $*axurna-$ < $*H_2ék-r-no-$ nor the Proto-Germanic precursor of Danish *ær* (see [Harðarson 2014: 106, fn. 13] for the possibilities) or Lat. *acer* (and, for that matter, *ācer* ‘sharp, piercing’ < $*ākri-$, an obviously post-PIE *vṛddhi* formation to $*H_2ák-r-i-$ < $*H_2ék-r-i-$, the oblique stem of the deadjectival abstract $*H_2ók-ri-/$

⁶ Cf. also [Petersson 1909: 269ff.] and [Wodtke et al. 2008: 292, fn. 15].

**H₂ék-ri-)*⁷ need to be derived from the heteroclite neuter, but can easily be based on the deverbal adjective **H₂ék-ró-*.⁸ It is in fact only *Ocra* ~ Ὀκρά that unambiguously speaks in favour of PIE **H₂ók-r-/*H₂ék-n-*.⁹

Addendum

A short etymological note on the ancient place-name *Acumincum*

The name of the Roman station in Pannonia is attested twice as Ἀκούμινκον in (Ptolemy, II.16.2, II.16.5), while the majority of the other available sources report the name as *Acimincum* (*Amm. Marc.*, 19.11.8; *Itin. Ant.*, 242.2; *Not. dign. occ.*, 32.7). The only epigraphical attestation of the place-name unambiguously reads *Aciminci*,¹⁰ strongly implying that the Ptolemaic Ἀκούμινκον might have arisen under the influence of the vocalism of Ἀκούινκον (*Aquincum*).¹¹ The generally aberrant *Acunum* in the *Tabula Peutingeriana* and in *Rav.*, IV.20,¹² however, seems to at least marginally support *Acumincum* as the *forma difficilior*, given that *Acimincum* would less likely trigger the obvious association with *Acunum* = *Acaunum* (Montélimar), through which the mistake is most easily explicable. Additional, although hardly decisive argument in favour of *Acumincum* as the original form of the oikonym would be the fact that in Latin unaccented syllables the weakened vowel followed

⁷ But cf. [Weiss 2020: 341].

⁸ On **axurna-* < **H₂ék-r-no-* < **H₂ék-r-nó-* < **H₂ék-ró-* see especially [Harðarson 2014: 106], though the lack of the *e*-grade in the suffix such as is normally attested in these kind of deadjectival derivatives (most famously, perhaps, in **tig-er-nó-* ‘sharp’) could potentially speak in favour of **H₂ék-r-no-* being a possessive adjective in *-no-* derived from a levelled-out stem **H₂ék-r-* (for the desubstantial possessive function of *-no-* cf., e.g., Lith. *krūvinas* ‘bloody’ < **kruH₂-i-nó-* < **króuH₂-i-/*kréuH₂-i-* ‘blood, gore’). I do not share the opinion expressed in [Hock et al. 2015: 62] that apart from Celtic and Balto-Slavic the comparanda do not really speak in favour of a PIE deverbal adjective **H₂ék-ro-* but are supposedly to be explained as secondary derivatives of an underlying *r*-stem. That is, of course, possible, but would not solve much, especially as the semantically problematic/complicated Gr. ἄκρος (see above) would still have as its starting point an adjectival derivative **H₂ék-r-ó-*.

⁹ Very probably supported by the so far unconvincingly explained Proto-Iranian **aŋga-* (Old Persian *aθa* ‘ga’, Young Avestan *asənga-* ‘stone,’ which in my view (to be properly laid out and evaluated in a separate etymological study) goes back to a thematic velar extension of the oblique stem of the underlying heteroclite, so **H₂ék-en-gó-* (cf. Ved. *pataṅgá-* ‘bird; flying’ < **pet-en-gó-* to PIE **pót-r-/*pét-n-* ‘wing’).

¹⁰ See [Szabó & Tóth 2003: 123, No. 19; AE 2003: 01426; EDCS: 30100912; HD: 036280; lupa: 10304; Szabó 2021: 243]. Although one finds *Aciminci* in all the editions of the inscription, the first letter is not actually visible due to a severely damaged frame.

¹¹ This much seems to be implied by the remark in [Prósper 2019a: 34, fn. 3]. There are other cases, however, of *u* being spelled *i* in Latin epigraphical sources. Consider in this respect *[S]inuco* [CIL 13: 1882], *Sunic* [RIB: 430], *Sunicor[um]* [AE 1914: 293] for **Sunuko-* (cf. *Sunucorum* [CIL 16: D69, A16] etc.; see [Sitzmann & Grünzweig 2008: 259] for the full list of attestations).

¹² On the relationship between the different itineraria cf. [Fodorean 2016]. Scepticism as to the reliability of the linguistic data harvested from secondary sources like the Roman itineraries (as opposed to epigraphic attestations) is expressed by Prósper [2018: 16; 2019a: 34, fn. 3].

by a labial regularly appears as *i* when an *i* follows [see Leumann 1977: 87–90], so that *Acimincum* < *Acumincum* could easily be explained as a secondary variant formed in the process of phonetic adaptation to the generally established pattern.¹³ As an alternative, *Acumincum* > *Acimincum*, which seems to have been at least a genuine variant of the place-name, could also be a case of regressive assimilation.

Building on [Krahe 1955: 101], the etymology proposed by Anreiter [2001: 23] sees in the presuffixal part of *Acumincum* a derivative in **-m(o)-* of an *u*-stem, connecting the proposed **akum-* with Lat. *acūmen* ‘a point; sharpness, acuteness.’ The latter, however, is a late, internally Latin deverbative formation that rests on a secondary verbal stem *acū-* ‘to sharpen,’ extracted from the reinterpreted denominative *acūtus* ‘sharp(ened), pointed,’ itself resting on *acus* ‘needle’ < PIE **H₂ék-u-* ‘sharp.’¹⁴

A much more promising approach would therefore be to start from a thematic external derivative **H₂ék-ṛn-o-* (to PIE **H₂ék-mon-/*H₂ék-mn-* ‘rock, stone’ < **‘the sharp one’*) such as is attested in Celtic (PCelt. **akamno-* > Gaul. *akauno-* ‘rock’), meaning either ‘rocky, stony’ (with subsequent substantivization to ‘rock, stone’), if this is a possessive adjectival derivative, or simply ‘rock, stone’ if the thematization is merely structural. The latter possibility seems likelier in view of the fact that a PIE possessive adjective **H₂ék-mn-ó-* would otherwise be expected to yield **H₂ék-n-ó-* by the so-called *ašnō*-rule (*m* > Ø / VC__nV̄, e.g. Gen. Sg. **H₂ék-mn-és* > **H₂ék-n-és* > Ved. *ásnas*, Av. *ašnō*). Assuming that Anreiter is correct in claiming that PIE syllabic resonants systematically yielded *uR* in epichoric

¹³ Cf. in this respect the variant spellings of the epichoric divinity *Aequorna*, worshipped in Emona and its territory. The name is attested on six inscriptions as *Aequor(na)* (1st c. BC), *Aecorna* (1st–2nd c. AD) and, in a late inscription, *Aecurn(a)* (2nd–3rd c. AD) [see Šašel Kos 1999: 47–49]. Both variants attested on later monuments seem to represent *formae faciliores*, phonetically adapted to the predominant pattern, given that in Latin itself inherited **k^w* (*qu*) does not normally appear in front of *o* or *u* (cases such as *aequor* ‘level surface’ are of course analogical creations).

¹⁴ Delamarre [2012: 39; 2017: 277; 2019: 24; 2023: 103] proposes an alternative etymology and sees in *Acu/imincum* a dithematic Gaulish personal name (with zero conversion to a neuter place-name, proposed as one of the standard means of onymization in Gaulish in [Delamarre 2012: 17]), which he segments as either *ācu-minco-* (subsequently omitted from [Delamarre 2019] and [Delamarre 2023] in favour of *Acimincum*) or *aci-minko-*, matching **ācu-* ‘fast’ to the first member of **āku- yinko-*, which he recognises in *Aquincum* [see Ibid.: 26], and **aci-* ‘sharp, pointy, piercing’ to the initial element in names like *Acimarius*, *Acisonius*, *Acisius* (cf. Cisalpine Gaulish *aKisios*), on which see further [Ibid.: 24], but cf. [Meid 1989: 12] and [Villar & Prósper 2005: 271]. Solid proof for a Gaulish etymon **āku-* ‘fast’ as the first member of compounded names is lacking, while the existence of a proterodynamic adjectival stem **aki-* < **H₂éki-* or a Caland variant of **akro-* (= an acrostatic feminine abstract) is not impossible theoretically but does not actually find any real support in the comparanda [cf. Wodtko et al. 2008: 287–300]. Nor is the idea behind zero onymization on the basis of personal names at all convincing, since none of the examples adduced so far in support of this process are actually probative [see Repanšek 2014: 207, fn. 65].

place-names of Pannonia [Anreiter 2001: 11–12 *et passim*],¹⁵ **H₂ek-ṛn-o-* would expectedly yield **akumno-*, which joined with the productive possessive suffix **-enko-* (cf. *Aquincum*, i.e. **ak^uo-* + **-enko-* ‘(place) possessing water’) would then undergo regressive dissimilation from **akumnenko-* ‘rocky, stony (place)’ to **akumenko-*.

Abbreviations

Languages

Av.	Avestan	OLith.	Old Lithuanian
Gaul.	Gaulish	PCelt.	Proto-Celtic
Gr.	Ancient Greek	PGerm.	Proto-Germanic
Lat.	Latin	PIE	Proto-Indo-European
Lith.	Lithuanian	Ved.	Vedic

Sources

Amm. Marc.	Ammianus Marcellinus, <i>Rerum gestarum libri qui supersunt</i>	Not. dign. occ.	<i>Notitia dignitatum omnium tam civilium quam militarium in partibus Occidentis</i>
Geogr.	Strabo, <i>Geographica</i>		
Itin. Ant.	<i>Itinerarium Antonini</i>	Ptolemy	Claudius Ptolemaeus, Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις (<i>Geographia</i>)
Nat. hist.	Gaius Plinius Secundus, <i>Naturalis historia</i>	Rav.	<i>Ravennatis Anonymi Cosmographia</i>

Grammar forms

Gen. Sg.	genitive singular	N-A. Sg.	nominative-accusative singular
----------	-------------------	----------	--------------------------------

References

- AE — Cagnat, R. et al. (Eds.). (1888–). *L'Année Epigraphique*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Anreiter, P. (2001). *Die vorrömischen Namen Pannoniens*. Budapest: Archaeolingua.
- Calzecchi Onesti, G. (1981). *Ocr-* e *acr-* nella toponomastica dell'Italia antica. *Studi Etruschi*, 49, 165–189.
- CIL — Mommsen, T. et al. (Eds.). (1862–). *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berlin: De Gruyter.
- Crevatin, F. (1990). Storia linguistica dell'Istria preromana e romana. In E. Campanile (Ed.), *Rapporti linguistici e culturali tra i popoli dell'Italia antica*, Pisa, 6–7 ottobre 1989 (pp. 43–109). Pisa: Giardini editori e stampatori in Pisa.

¹⁵ Cf. [Repanšek 2016: 33–44], but see recent critique by Prósper [2019a: 34–36; 2019b: 18], claiming that *u* in *Pultovia* (Stražgojnca), derived from **pl̥tH₂-u-iH₂-* by [Repanšek 2015: 785], which in her opinion is a Venetic place-name, is explicable along the lines of rounding of **o* after a labial (*Pultovia* < **Poltovia*, i.e. with the expected Italic reflex of the syllabic liquid **ɔL* < **L̥*). This is of course possible in terms of historical phonology, but to see linguistic traces of Venetic (or, more generally, Italic for that matter) in an area that archaeologically is unambiguously divorced from the (north-)western part of the South-Eastern Alpine region is thoroughly unconvincing. See [Repanšek 2016: 33–42, 254–256] on the areal stratification of the corresponding linguistic territory.

- Delamarre, X. (2012). *Noms de lieux celtiques de l'Europe ancienne (-500/+500): Dictionnaire*. Paris: Éditions Errance.
- Delamarre, X. (2017). *Les noms des Gaulois*. Paris: Les Cent Chemins.
- Delamarre, X. (2019). *Dictionnaire des thèmes nominaux du gaulois: I. Ab-/Ixs(o)-*. Paris: Les Cent Chemins.
- Delamarre, X. (2023). *Dictionnaire des thèmes nominaux du gaulois: II. Lab- / Xantus*. Paris: Les Cent Chemins.
- Fodorean, F.-Gh. (2016). Ripa Pannonica in the Peutinger Map and in the Antonine Itinerary. A Comparative Approach. *Latomus*, 75(4), 995–1012.
- Frisk, Hj. (1938). II. Kleinere Beiträge. *Indogermanische Forschungen*, 56, 113–118. <https://doi.org/10.1515/9783110242973.29>
- EDCS — *Epigraphik Datenbank Clausss-Slaby*. Retrieved from <http://www.manfredclaus.de>
- Harðarson, J. A. (2014). Das Wort für ‚Eisen‘ im Keltischen und Germanischen und die indogermanischen *-erno*-Bildungen. In N. Oettinger, & Th. Steer (Eds.), *Das Nomen im Indogermanischen. Morphologie, Substantiv versus Adjektiv, Kollektivum. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 14. bis 16. September 2011 in Erlangen* (pp. 103–112). Wiesbaden: Reichert Verlag.
- HD — *Epigraphic Database Heidelberg*. Retrieved from <https://edh.ub.uni-heidelberg.de>
- Hock, W. et al. (2015). *Altltawisches etymologisches Wörterbuch* (Vols. 1–3). Hamburg: Baar.
- Holder, A. (1904). *Alt-celtischer Sprachschatz II*. Leipzig: Verlag von B. G. Teubner.
- Krahe, H. (1955). *Die Sprache der Illyrier*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Kretschmer, (1932). Die Herkunft der Umlaut. *Glotta*, 21(1–2), 112–125.
- Leumann, M. (1977). *Lateinische Grammatik I: Lateinische Laut- und Formenlehre* (2nd ed.). München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- lupa — Harl, F., & Harl, O. *Ubi erat lupa* (Bildatenbank zu antiken Steindenkmälern). Retrieved from www.ubi-erat-lupa.org
- Meid, W. (1989). *Zur Lesung und Deutung gallischer Inschriften*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Villar, F. & Prósper, B. M. (2005). *Vascos, Celtas e Indoeuropeos. Genes y lenguas*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.
- Nussbaum, A. J. (1998). Severe Problems. In J. Jasanoff, C. Melchert, & O. Lisi (Eds.), *Mir curad. Studies in Honor of Calvert Watkins* (pp. 521–538). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Nussbaum, A. J. (1999). **Jocidus*: An Account of the Latin Adjectives in *-idus*. In H. Eichner, & H. Ch. Luschützky (Eds.), *Compositiones Indogermanicae in memoriam Jochem Schindler* (pp. 377–419). Praha: Enigma corporation.
- Nussbaum, A. J. (2004). Cool **-ed-*: The Latin *frīgēdō* and Greek ἀλγῆδών, τηκεδών, and ῥίγεδανός Types. Paper read at the 23rd East Coast Indo-European Conference (Virginia Polytechnic Institute).
- Nussbaum, A. J. (2014). Feminine, Abstract, Collective, Neuter Plural: Some Remarks on Each (Expanded Handout). In S. Neri, & R. Schuhmann (Eds.), *Studies on the Collective and Feminine in Indo-European from a Diachronic and Typological Perspective* (pp. 273–306). Leiden, Boston: Brill.
- Oettinger, N. (1994). Der Ablaut von ‘Ahorn’ im Indogermanischen. *Historische Sprachforschung*, 107(1), 77–86.
- Pellegrini, G. B. (1961). Panorama di storia linguistica giuliano-carnica: il periodo preromano. *Studi goriziani*, 29, 73–97.

- Petersson, H. (1909). Zur indogermanischen Wortforschung. *Indogermanische Forschungen*, 24, 250–278.
- Prosdoci, A. L. (1978). Il lessico istituzionale italico. Tra linguistica e storia. In *La cultura italica. Atti del Convegno della Società Italiana di Glottologia* (p. 2974). Pisa: Giardini Editori e Stampatori.
- Prósper, B. M. (2018). Review of *Les noms des gaulois* by X. Delamarre. *The Journal of Indo-European Studies*, 47(1–2), 10–19.
- Prósper, B. M. (2019a). Language Change at the Crossroads: What Celtic, What Venetic, and What Else in the Personal Names of Emona? *Voprosy onomastiki*, 16(4), 33–73. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.044
- Prósper, B. M. (2019b). Celtic and Venetic in Contact: The Dialectal Attribution of the Personal Names in the Venetic Record. *Zeitschrift für Celtische Philologie*, 66, 7–52.
- Puhvel, J. (1991). Hittite Etymological Dictionary (Vol. 3). Berlin; Boston: Mouton de Gruyter.
- Repanšek, L. (2014). Prispevek k sistematizaciji strukturnih tipov starokeltske toponimije [Old Celtic Toponymy: A Contribution to Its Systematization]. *Jezikoslovni zapiski*, 20(1), 199–211.
- Repanšek, L. (2015). Καλαμαντία (Ptol. II.11.15). In N. N. Kazansky (Ed.), *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya XIX. Materialy chtenii, posviashennykh pamiati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo, 22–24 iyunia 2015 g.* [Indo-European linguistics and classical philology XIX. Proceedings of the 19th Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky, June 22–24, 2015] (pp. 780–790). St Petersburg: Nauka.
- Repanšek, L. (2016). *Keltska dediščina v toponimiji jugovzhodnega alpskega prostora* [Celtic Legacy in the Toponymy of the South-Eastern Alpine Region]. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- RIB — Colingwood, R. G. et al. (1990–1995). *The Roman inscriptions of Britain I–II*. Stroud: Sutton.
- Rieken, E. (1999). *Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen*. Wiesbaden: Harrasowitz.
- Schindler, J. (1980). Zur Herkunft der altindischen *cvi*-Bildungen. In M. Mayrhofer, M. Peters, & O. E. Pfeiffer (Eds.), *Lautgeschichte und Etymologie. Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft* (pp. 386–393). Wiesbaden: Reichert.
- Sitzmann, A., & Grünzweig, F. E. (2008). *Die altgermanischen Ethnonyme. Ein Handbuch zu ihrer Etymologie*. Wien: Fassbaender.
- Szabó, Á. (2021). Ara Pannoniában. In P. Kovács, & Á. Szabó (Eds.), *Studia Epigraphica Pannonica XII: Felirattani közlemények és történeti tanulmányok 2020-ból* (pp. 239–278). Budapest: Történelmi Ismeretterjesztő Társulat Egyesület.
- Szabó, Á., & Tóth, E. (2003). *Bölcske. Römische Inschriften und Funde*. Budapest: Ungarisches Nationalmuseum.
- Šašel, J. (1974). *Ocra*. *Kronika*, 22, 9–17.
- Šašel, J. (1977). Strabo, *Ocra* and Archaeology. In V. Markotić (Ed.), *Ancient Europe and the Mediterranean. Studies presented in Honour of Hugh Hencken* (pp. 157–160). Warminster: Aris and Phillips.
- Šašel Kos, M. (1999). *Pre-Roman Divinities of the Eastern Alps and Adriatic*. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije.
- Vedaldi Iasbez, V. (1994). *La Venetia orientale e l'Histria. Le fonti letterarie greche e latine fino alla caduta dell'Impero Romano d'Occidente*. Roma: Edizioni Quasar.
- Villar, F., & Prósper, B. (2005). *Vascos, celtas e indoeuropeos: Genes y lenguas*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.

- Vine, B. (2002). On Full-grade *-ro- Formations in Greek and Indo-European. In M. R. V. Southern (Ed.), *Indo-European Perspectives* (pp. 329–350). Washington, D. C.: Institute for the Study of Man.
- Weiss, M. L. (2020). *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin* (2nd ed.). Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.
- Widmer, P. (2004). *Das Korn des weiten Feldes. Interne Derivation, Derivationskette und Flexionsklassenhierarchie: Aspekte der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck.
- Wodtko, D. S., Irslinger, B., & Schneider, C. (2008). *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.

Зауаль Хаджи-Муратович Ионов

кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела кабардино-черкесского и абазинского языков, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований (369000, Черкесск, ул. Горького, 1); приглашенный профессор Эрджиевского университета (Yenidoğan Mahallesi Turhan Baytop Sokak No:1 38280 Talas / Kayseri, Turkey)
E-mail: zaua1@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7075-3978>

ДВОЙНЫЕ ФАМИЛИИ ЧЕРКЕСОВ В МЕТРОПОЛИИ И ДИАСПОРЕ (ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ)

Аннотация

В работе в сопоставительном аспекте анализируются экстралингвистические причины появления двойных фамилий у черкесов, проживающих на исторической родине и в турецкой диаспоре. В качестве источников, наряду с научными трудами по адыгской антропонимии, используются материалы экспедиций, проведенных автором в 2019–2022 гг. в турецком городе Кайсери и окрестных селах с компактным проживанием черкесов. Двойные фамилии понимаются в работе как параллельное или последовательное функционирование двух фамильных названий одной семьи или одного рода. Согласно выводам автора, общим для всех двойных черкесских фамилий является только то, что их смена всегда имеет свою историю, передающуюся из поколения в поколение, — однако причины возникновения двойных фамильных именовании в метрополии и турецкой диаспоре различны. На исторической родине вторые фамилии черкесских семей появляются главным образом в силу причин бытового или социального характера (например, в результате случая, произошедшего с семьей; вследствие выкупа от хозяев или покупки фамилий у знатных или зажиточных родов). В Турции же возникновение параллельных фамилий у семей черкесской диаспоры связано исключительно с политикой государства по укоренению и ассимиляции иммигрантов в турецкой среде.

Ключевые слова: адыги; черкесы; адыгские языки; кабардино-черкесский язык; ономастика; антропонимия; двойные фамилии; черкесская диаспора в Турции

Для цитирования

Ионов З. Х.-М. Двойные фамилии черкесов в метрополии и диаспоре (опыт сопоставления) // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 198–206. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.010

Рукопись поступила в редакцию 05.03.2023

Рукопись принята к печати 25.06.2023

Zaual Khadzhi-Muratovich IONOV

PhD, Professor, Leading Research Fellow, Department of Kabardian and Abaza Languages, Karachay-Cherkessian Institute for Humanities (1, Gorky St., 369000 Cherkessk, Russia); Visiting Professor, Erciyes University (1, Turhan Baytop St., Yenidoğan Mahallesi, 38280 Talas / Kayseri, Turkey)

E-mail: zaual@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7075-3978>

DOUBLE SURNAMES AMONG CIRCASSIANS IN HOMELAND AND DIASPORA COMMUNITIES: A COMPARATIVE STUDY

Abstract

The study comparatively examines the extralinguistic factors influencing the prevalence of double surnames among Circassians residing in their ancestral territory and within the Turkish diaspora. Drawing from scholarly literature on Adyghe anthroponymy, as well as fieldwork conducted by the author between 2019 and 2022 in the Turkish city of Kayseri and surrounding villages inhabited by a dense Circassian population, the research explores the phenomenon of double surnames, defined as the simultaneous or consecutive use of two surnames within a single family or clan. The author contends that while the evolution of double Circassian surnames is rooted in historical narratives transmitted across generations, the rationales behind their emergence differ between the homeland and the Turkish diaspora. In their native land, secondary surnames typically arise from commonplace or social occurrences (such as family incidents, redemption from captors, or the acquisition of surnames from noble or affluent families). Conversely, in Turkey, the adoption of parallel surnames among Circassian families is exclusively linked to state policies aimed at integrating and assimilating immigrants into the Turkic milieu.

Keywords: Adyghe; Circassians; Adyghe languages; Kabardian (East Circassian) language; onomastics; anthroponymy; double surnames; Circassian diaspora in Turkey

For citation

Ionov, Z. Kh.-M. (2024). Double Surnames among Circassians in Homeland and Diaspora Communities: A Comparative Study. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 198–206. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.010

Received on 5 March 2023

Accepted on 25 June 2023

Формирование ономастикона социальных групп, в том числе фамилий, всегда связано как с собственно лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами. Будучи родовым именем, фамилия может, с одной стороны, содержать в себе значимую информацию о ее конкретных носителях [Мадиева, Супрун 2010: 96–102], а с другой стороны — запечатлеть историю целых родов, народов, в том числе в эпоху становления их государственности. На это еще в конце XIX в. обратил внимание историк, публицист и писатель

Е. П. Карнович, исследовавший русские фамилии иностранного происхождения [Карнович 1991: 7].

Безусловно, немалый интерес представляют двойные фамилии, сменяющие друг друга на протяжении некоторого времени или функционирующие параллельно. Их можно изучать в различных аспектах: от истории и причин возникновения до собственно лингвистических особенностей.

В данной работе исследуются черкесские двойные фамилии в аспекте сопоставления причин их возникновения в метрополии и диаспоре.

Внесем некоторые разъяснения относительно используемых в данной работе терминообозначений.

Во-первых, обратим внимание на этнонимы *черкесы* и *адыги* и производные от них атрибутивы *черкесский* и *адыгский*. Черкесы — это иноназвание одного из автохтонных кавказских народов, представители которого именуют себя *адыги*: тем самым *черкесы* — экзоэтноним, а *адыги* — эндоэтноним. В перечне языков народов Российской Федерации значатся два языка, которые исследователи считают одним — адыгским (черкесским) — языком: адыгейский и кабардино-черкесский. Таким образом, в настоящей работе параллельно используются обозначения *черкесы* и *адыги*, *адыгские языки* и *черкесские языки*.

Во-вторых, термин *двойная фамилия* толкуется нами (как и вообще в адыгской ономастике) исключительно как параллельное или последовательное функционирование двух фамильных названий одной семьи или одного рода. В связи с этим отметим, что в адыгской антропонимии практически не встречаются двойные по составу фамилии типа русских *Бонч-Бруевич*, *Гарин-Михайловский*, *Мамин-Сибиряк*, *Немирович-Данченко*, *Римский-Корсаков* и т. п. (исключением являются лишь некоторые фамилии исторических деятелей — выходцев из черкесов, например *Бекович-Черкасский*, *Даутоко-Серебряков*, образованные в русле не адыгской, а русской традиции).

Базовые принципы изучения адыгской антропонимии обозначены в трудах [Коков 1983; Кокова 2003; Коков, Кокова 1993; Меретуков 1987; 2003; Намитокова, Абрегов 1998; Блягоз, Тхаркахо 2002]; отметим также научно-популярную работу [Бейтуганов 1989], в которой прослежена история некоторых кабардинских фамилий, зафиксированных в документах русской администрации второй половины XIX в. Однако, к сожалению, двойным фамилиям в названных работах внимание не уделено.

В последнее время вопросами адыгской ономастики весьма плодотворно занимаются в Адыгее. Здесь с 1998 г. с периодичностью раз в два года проводятся научные конференции под названием «Проблемы общей и региональной ономастики», материалы которых составили десять изданных сборников.

Главным итогом работы авторского коллектива под руководством Р. Ю. Нами-токовой стал «Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа» [ССЛИНСК].

Результат многолетней работы И. Х. Пшибиева по сбору, систематизации и толкованию черкесских имен и фамилий — его монография [Пшибиев 1996] и ее переиздание, дополненное сведениями о родовых тамгах [Пшибиев 2003]. Второй из названных трудов И. Х. Пшибиева представляет интерес для исследуемой нами проблемы, поскольку в нем обозначены некоторые аспекты возникновения и функционирования двойных фамилий у черкесов, проживающих в современной Карачаево-Черкесской Республике, с привлечением значительного материала по фамилиям, бытующим среди адыгов (кабардинцев) Кабардино-Балкарии.

Примечательно, что И. Х. Пшибиев разграничивает термины *двойные фамилии* и *сменившие друг друга фамилии* [Там же: 31, 32]. Под первыми он понимает фамилии типа (*Катя*) *Иванова-Охтова* и приводит в качестве примеров двойные фамилии детей-сирот, спасенных жителями аула Бесленей: русским и еврейским детям, эвакуированным из детского дома перед немецкой оккупацией, жители аула дали свои фамилии и вырастили их как своих детей. Им поменяли не только фамилии, но и имена. Так, *Владимир Колесниченко* стал *Нуром Кардановым*, *Витя Воронин* — *Рамазаном Адзиновым* и т. п. [Аурон, Охтов 2018].

Нас прежде всего интересуют фамилии, обозначенные И. Х. Пшибиевым как *сменившие друг друга* [Пшибиев 2003: 32], а также двойные (черкесские и турецкие) фамилии, бытующие в черкесской диаспоре Турции.

При исследовании таких двойных фамилий первый вопрос, который встает перед исследователем, связан с причинами и условиями замены одного фамильного именованья другим. Анализ материала показывает, что установить какую-либо базовую закономерность в этом процессе весьма затруднительно, а порой невозможно. Исследователю остается выяснять причины и условия в каждом отдельном случае, а затем группировать фамилии исходя из причин их изменения. Общим для всех изменившихся фамилий является лишь то, что их смена имеет свою историю, передающуюся из поколения в поколение. По нашим подсчетам, основанием для изменения девяти фамилий стал какой-либо курьезный случай; еще девять фамилий изменились в результате трагических событий (необходимость скрыться от кровной мести, вражда с сюзереном, непреднамеренное убийство и т. п.).

Приведем один пример получения фамильного прозвища, связанный с курьезным случаем. В Хагундоковском ауле (ныне аул Али-Бердуковский в Карачаево-Черкесии) жил искусный кузнец по фамилии *Къуалэ* (*Куалов*),

обладавший большой физической силой. Ему разрешалось в любое время рубить деревья в лесу для нужд своей кузни, так как он изготавливал и ремонтировал для односельчан орудия сельхозработ, подковы и т. п. Однажды он поехал в лес за дровами на арбе, запряженной волами, забыв взять с собой топор. Проявив смекалку, ломая деревья с помощью волов, он все-таки смог заготовить целый воз. Когда он заехал в аул, ему встретился один старик, который, увидев неровные, явно не срубленные стволы деревьев, воскликнул: «Ты что, Осман, зубами отгрызал эти деревья?». Осману пришлось рассказать старику, каким образом он ломал деревья, чтобы не возвращаться без дров. С тех пор его прозвали *Пхъэих* «Грызущий древесину», а затем к его потомкам перешло это фамильное прозвище.

Иногда рассказывают о нелепых и трагических случаях, давших повод для появления второго, часто скрываемого его носителями фамильного прозвища. Так, например, случилось с уважаемой семьей *Шчыхмырзэ* (*Шехмурзовы*). Незадачливый жених и его друзья умыкнули девушку в соседнем ауле, а когда их стала настигать погоня, бросили ее, завернутую в бурку, в ясли заброшенной овчарни, принадлежащей Шехмурзовым, а сами поскакали дальше. Только через несколько месяцев Шехмурзовы обнаружили труп девушки, получившей, видимо, смертельную рану при падении. Труп почти разложился, и невозможно было провести омовение перед погребением, как это полагалось. Шехмурзовы тайком захоронили труп, однако им не удалось скрыть этот случай от односельчан. В результате семья незаслуженно получила уничижительное прозвище *ХьэдэмыгъэпскI* «Не омывающие покойника».

Еще одним обстоятельством, служившим основой для получения второго фамильного названия, была отмена крепостного права в 1861 г.: некоторые черкесские дворовые семьи, которые писались по фамилии хозяев, при освобождении (чаще всего при самовыкупе) начали записываться под своими фамилиями — как правило, образованными от имени какого-либо родоначальника (из этических соображений примеры не приводятся, так как еще живы потомки представителей данных социальных групп).

Единичный, но интересный с лингвистической точки зрения случай отмечен И. Х. Пшибиевым [2003: 21]: название рода *Куэшмаху* (от *куэш* ‘переселенец’ и *маху(э)* ‘счастливый’) было разделено на две части: некоторое время представители рода носили фамилию *Куэш* «Переселенец», а затем перешли на фамилию *Маху* «Счастливый».

Распространенным способом перемены фамилии была покупка у знатных или зажиточных родов их фамильных названий. Так, один из представителей рода *Пхъэих* (*Пхеиховы*), повздорив со своими сородичами, решил отделиться

от них и даже сменить фамилию. Он смог это сделать, заплатив *шыуанэзэтель* «коня с седлом» старшему рода *Адзын* (*Адзиновы*) [Пшибиев 2003: 36].

Характерно, что при анализе случаев смены фамилий мы не нашли такой распространенной у других народов причины, как неблагозвучие. Иначе в адыгском фамилиеконе не сохранились бы такие примеры, как *Выкхъэ* «Скотомогильник», *Кхъуэнэ* «Свинячий глаз», *Лъакъуэдыгъу* «Ногокрад», *Плэф* «Мочащий постель», *Хъеймацэ* «Нечистотная яма», *Хъэвеяцхъэ* «Навозная куча», *Щхъэзадэ* «Приплюснутая голова» и т. п.

Совершенно иначе обстоит дело со вторыми фамилиями у черкесов, проживающих в Турции.

Современная северокавказская, в том числе черкесская, диаспора образовалась здесь главным образом в 1860–1870-е гг. как один из трагических итогов Кавказской войны (1817–1864). Присутствие черкесов в Османской империи отмечается задолго до начала этой войны в силу давних политических, экономических и династических связей османского двора и черкесской элиты, но именно Кавказская война и ее последствия стали основным импульсом для расширения масштабов переселения большей части оставшихся в живых черкесов в Османскую империю.

Попытки сохранения идентичности мы видим у черкесов в их стремлении оставить свои исконные фамилии наряду с турецкими, навязанными им в 1930-е гг., когда все граждане Турции были обязаны выбирать тюркские фамилии из списков, публиковавшихся в турецкой печати [Turkoz 2004]. Справедливости ради надо отметить, что в это время фамилии в Турции присваивались не только черкесам и другим национальным меньшинствам, но также и туркам, поскольку в ходе реформ Ататюрка были отменены сословные привилегии и всех граждан страны обязали иметь собственные фамилии. Однако туркам разрешалось придумывать фамилии, помимо тех, которые содержались в официальном списке.

При анализе исконных черкесских фамилий, бытующих в черкесской диаспоре Турции параллельно с турецкими фамилиями, приходится обращаться к неофициальным источникам, каковыми являются семейные архивы и предания, поскольку официального свода черкесских фамилий не существует. В нашей работе впервые используются материалы лингвистических экспедиций, проведенных нами в 2019, 2021 и 2022 гг. в городе Кайсери (Центральная Анатолия) и окрестных селах с компактным проживанием черкесов.

У потомков мухаджиров (вынужденных переселенцев) сохранились старые фамилии, оставшиеся лишь в семейных преданиях. Поэтому в родной среде черкесов они идентифицируют себя как представители той или иной

черкесской фамилии — в официальных же ситуациях они используют турецкие фамилии. Например, черкесы с фамилией *Адамей* получили официальную турецкую фамилию *Arbay*, черкесы *Уэтей* стали турецкими *Öziyurek*.

Как выясняется, при оформлении документов турецким черкесам приходилось идти на самые разные ухищрения, чтобы сохранить связь между новой турецкой фамилией и исконной черкесской. Например, если было право выбора, они старались останавливаться на турецких фамилиях, созвучных черкесским. Так, черкесская фамилия *Болэт* была записана как *Polat*, фамилия *Иуан* получила форму *Yawan*, представители рода *Вэрыл* записались как *Varol*. Нами обнаружен также «семантический» прием вуалирования черкесской фамилии: представители рода *Гъубж* (букв. «Вторников») взяли себе турецкую фамилию *Salı* с тем же значением.

Наиболее распространенной была запись представителей одной черкесской фамилии под одной турецкой фамилией, чтобы не потерять родственные связи. В результате этого имеются следующие параллели: *КІэнэмІ* (*Кенетовы*) — *Genel*, *Къуцхъэ* (*Куиховы*) — *Özden*, *Мамхэгъ* (*Мамхеговы*) — *Akkağa*, *Ахъмэт* (*Ахме(а)товы*) — *Hakan*.

Попутно заметим, что со стремлением турецких черкесов к сохранению идентичности связано и наличие двойных названий населенных пунктов, в которых проживают черкесы: официальные названия, которые мы видим на картах и дорожных указателях, — турецкие, а в обиходе черкесы чаще всего пользуются черкесскими названиями: *Анзорей* — *Кафтангиен* (*Kaftangiye*), *Аслъэнхъэблэ* — *Карабогаз* (*Karabogaz*), *Астемырей* — *Шерефиье* (*Şerefiye*), *Хъэпауцлей* — *Ташолук* (*Taşoluk*).

Таким образом, смена фамилий, в результате которой появляются вторые фамилии у черкесов, проживающих в метрополии, обусловлена разнообразными социально-бытовыми причинами, тогда как наличие двойных фамилий у черкесов в диаспоре связано исключительно с политикой турецкого государства по укоренению и ассимиляции иммигрантов в тюркской среде.

Среди перспектив данной работы можно указать проведение полевых экспедиций в места компактного проживания адыгов с целью дальнейшего исследования лингвистических и экстралингвистических особенностей функционирования двойных (а иногда и тройных) фамилий и составление сравнительного словаря таких фамилий, снабженного краткой информацией об истории их появления.

Источники

- Аурон Я., Охтов А. Подвиг милосердия. Спасение детей из блокадного Ленинграда в Черкесском ауле Бесленей. М. ; Черкесск ; Иерусалим : Открытый университет Израйля : Адыгская международная академия наук, 2018.
- Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. М. : Качество, 2003.
- ССЛИНСК — Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. проф. Р. Ю. Намитокова. М. : ФЛИНТА : Наука, 2012.

Исследования

- Бейтуганов С. Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик : Эльбрус, 1989.
- Блягоз З. У., Тхаркахо Ю. А. Адыгейские фамилии и имена. Майкоп : Адыгея, 2002.
- Карнович Е. П. Родовые прозвания. СПб. : Изд-во МФИН, 1991.
- Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик : Эльбрус, 1983.
- Коков Д. Н., Кокова Л. Д. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик : Эльбрус, 1993.
- Кокова Л. Д. Лексико-семантические и грамматические типы антропонимов в кабардино-черкесском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Кабард.-Балк. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. Нальчик, 2003.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (50). С. 96–102.
- Меретуков К. Х. Словообразовательный и структурно-грамматический анализ некоторых адыгейских топонимов // Лексика и словообразование в адыгейском языке / отв. ред. З. У. Блягоз. Майкоп : Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1987. С. 55–74.
- Намитокова Р. Ю., Абрегов А. Н. В мире имен собственных. Майкоп : Изд-во АГУ, 1998.
- Пишибиев 1996 — *Пицыйбий И. Хь. Шэрджэсхэм зэрахьэ унэцлэхэмрэ зэрызэдджэж цлэхэмрэ*. Налшык : Эльбрус, 1996.
- Пишибиев 2003 — *Пицыйбий И. Хь. Шэрджэсхэм зэрахьэ унэцлэхэмрэ дамыгьэхэмрэ*. Налшык : Эльбрус, 2003.
- Turkoz Meltem F. The social life of the state's fantasy: Memories and documents on Turkey's 1934 Surname Law (2004). URL: <https://repository.upenn.edu/dissertations/AAI3125908> (date of access: 25.05.2023).

References

- Beituganov, S. N. (1989). *Kabardinskie familii: istoki i sud'by* [Kabardian Surnames: Origins and Destinies]. Nalchik: Elbrus.
- Bliagoz, Z. U., & Tkharkakho, Yu. A. (2002). *Adygeiskie familii i imena* [Adyghe Surnames and Names]. Maikop: Adygheia.
- Karnovich, E. P. (1991). *Rodovye prozvaniia* [Family Nicknames]. St Petersburg: Izd-vo MFIN.
- Kokov, D. N., & Kokova, L. D. (1993). *Kabardino-cherkesskie famili* [East Circassian Surnames]. Nalchik: Elbrus.
- Kokov, Dzh. N. (1983). *Iz adygskoi (cherkesskoi) onomastiki* [From Adyghe (Circassian) Onomastics]. Nalchik: Elbrus.
- Kokova, L. D. (2003). *Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie tipy antroponimov v kabardino-cherkesskom iazyke* [Lexico-semantic and Grammatical Types of Anthroponyms in the Kabardian Language] (Doctoral dissertation). Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik.

- Madieva, G. B., & Suprun, V. I. (2010). Antroponimy kak sredstvo vyrazheniia natsional'noi kul'tury [Anthroponyms as a Means of Expressing National Culture]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6(50), 96–102.
- Meretukov, K. Kh. (1987). Slovoobrazovatel'nyi i strukturno-grammaticheskii analiz nekotorykh adygheiskikh toponimov [Word-formation and Structural-grammatical Analysis of Some Adyghe Toponyms]. In Z. U. Bliagoz (Ed.), *Leksika i slovoobrazovanie v adygheiskom iazyke* [Vocabulary and Word Formation in the Adyghe Language] (pp. 55–74). Maikop: Adyg. otd. Krasnodar. kn. izd-va.
- Namitokova, R. Yu., & Abregov, A. N. (1998). *V mire imen sobstvennykh* [In the World of Proper Names]. Maikop: Izd-vo AGU.
- Pshchybiev, I. Kh. (1996). *Sherdzheskhem zerakh'e unets lekhemre zeryzedzhezh ts lekhemre* [Surnames and Names of Circassians]. Nalchik: Elbrus. (In Circassian)
- Pshchybiev, I. Kh. (2003). *Sherdzheskhem zerakh'e unets lekhemre damyg'ekhemre* [Surnames and Tamgas of Circassians]. Nalchik: Elbrus. (In Circassian)
- Turkoz Meltem, F. (2004). *The Social Life of the State's Fantasy: Memories and Documents on Turkey's 1934 Surname Law*. Retrieved from <https://repository.upenn.edu/dissertations/AAI3125908>

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.163.42 + 913(4976) + 811.16'373.21 + 808.2

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.011

Софья Гадисовна Гаджиева

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45)

E-mail: gadzhieva-s@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8900-351X>

VILINSKA LJUT NA ŠIROKOM BRIGU: **ДЕТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТОПОНИМИИ** **ОДНОЙ ИЗ МЕСТНОСТЕЙ ЗАПАДНОЙ ГЕРЦЕГОВИНЫ**

Рец. на кн.: *Mistopisi na jugozapadu Širokoga Briga: Toponimi katastarske općine Rasno iz 1891. godine (Sela Rasna, Dužica, Privalja i Čerigaja) / M. Šimić, I. Dugandžić. — Široki Brijeg : Hrvatsko društvo čuvara baštine, 2022. — 263 s.*

Аннотация

Книга «Названия мест на юго-западе Широкого Брига: Топонимы кадастрового района Расно 1891 г. (сс. Расно, Дужице, Приваль и Черигаи)» представляет собой исследование топонимии небольшой области Западной Герцеговины, произведенное Маринкой Шимич и Иваном Дуганджичем. В ходе работы М. Шимич и И. Дуганджич обследовали свыше 18 тыс. названий земельных участков, зафиксированных в кадастровых записях, в результате чего было выявлено более 2 тыс. различающихся названий, которые в данной работе впервые вводятся в научный оборот. Помимо этимологических сведений и анализа мотивации топонимов и микропонимов, исследование содержит описания референтов. Источниками изучения топонимии выбранной местности являются: переписи турецких завоевателей; картографические источники (карты Венецианской республики, австро-венгерские карты, военные карты, изданные Военно-географическим институтом в Белграде); поземельные книги (замеры 1891 и 1961 гг.); кадастровые карты; сведения, полученные авторами от информантов в ходе полевой работы в сс. Расно, Дужице, Приваль и Черигаи, а также собственная осведомленность, личный

опыт и воспоминания авторов. В рецензии отмечено, что М. Шимич и И. Дуганджич, впервые описав с максимальной подробностью топонимию юго-западной части территории Широкого Брига, положили начало детальному исследованию топонимии всего этого региона. Книга представляет интерес для языковедов, историков, фольклористов, этнографов, антропологов и специалистов прочих гуманитарных направлений.

Ключевые слова: славянские географические термины; топонимия; микротопонимия; оронимия; хорватский язык; земельный участок; Широки-Бриег; Босния и Герцеговина

Для цитирования

Гаджиева С. Г. *Vilinska ljut na Širokom Brigu*: Детальное исследование топонимии одной из местностей Западной Герцеговины // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 207–224. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.011. Рец. на кн.: *Mistopisi na jugozapadu Širokoga Briga: Toponimi katastarske općine Rasno iz 1891. godine* (Sela Rasna, Dužica, Privalja i Čerigaja) / M. Šimić, I. Dugandžić. — Široki Brijeg : Hrvatsko društvo čuvara baštine, 2022. — 263 s.

Рукопись поступила в редакцию 03.12.2023

Рукопись принята к печати 16.01.2024

Sofia Gadisovna GADZHIEVA

PhD, Senior Research Fellow, Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (45, M. Gadzhiev St., 367000 Makhachkala, Russia)

E-mail: gadzhieva-s@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8900-351X>

VILINSKA LJUT NA ŠIROKOM BRIGU: AN IN-DEPTH STUDY OF THE TOPONYMY OF AN AREA IN WESTERN HERZEGOVINA

Review of the book: Šimić, M., & Dugandžić, I. (2022). *Mistopisi na jugozapadu Širokoga Briga. Toponimi katastarske općine Rasno iz 1891. godine* (Sela Rasna, Dužica, Privalja i Čerigaja) [Place Names in the South-West of Široki Brijeg: Toponyms of Rasno Cadastral District in 1891 (Villages of Rasno, Dužice, Privalj, and Čerigaj)]. Široki Brijeg: Hrvatsko društvo čuvara baštine. 263 p.

Abstract

The reviewed book *Place Names in the South-West of Široki Brig: Toponyms of the Rasno Cadastral District in 1891* (Villages of Rasno, Dužice, Privalj and Čerigaj), authored by Marinka Šimić and Ivan Dugandžić, presents a comprehensive analysis of the toponymy within a specific area of Western Herzegovina. The authors meticulously examined over 18 thousand names of land plots documented in cadastral records, identifying more than 2 thousand distinct names, which are introduced here for the first time into scholarly discussion. Alongside etymological insights and analyses of toponymic motivations and microtoponyms, the study provides detailed descriptions of referents. Primary sources used for this investigation include census records of the Turkish conquerors, various cartographic

sources such as maps from the Venetian Republic and Austro-Hungarian maps, as well as land registers from 1891 and 1961, cadastral maps, and information gathered from informants during fieldwork in the villages of Rasno, Dužice, Privalj, and Čerigaj. Additionally, the authors incorporate their own knowledge, personal experiences, and memories. The review highlights the pioneering work of M. Šimić and I. Dugandžić in documenting the toponymy of the southwestern region of Široki Brijeg, laying the groundwork for further in-depth studies of the entire area's toponymy. This book is a valuable resource for linguists, historians, folklorists, ethnographers, anthropologists, and scholars in related disciplines.

Keywords: Slavic geographical terms; toponymy; microtoponymy; oronymy; Croatian language; land lot; Široki Brijeg; Bosnia and Herzegovina

For citation

Gadzhieva, S. G. (2024). *Vilinska ljut na Širokom Brigu: An In-depth Study of the Toponymy of an Area in Western Herzegovina*. Review of the book: Šimić, M., & Dugandžić, I. (2022). *Mistopisi na jugozapadu Širokoga Briga. Toponimi katastarske općine Rasno iz 1891. godine (Sela Rasna, Dužica, Privalja i Čerigaja)* [Place Names in the South-West of Široki Brijeg: Toponyms of Rasno Cadastral District in 1891 (Villages of Rasno, Dužice, Privalj, and Čerigaj)]. Široki Brijeg: Hrvatsko društvo čuvara baštine. 263 p. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 207–224. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.011

Received on 3 December 2023

Accepted on 16 January 2024

Книга о топонимах исторической территории района Расно вышла в свет в 2022 г. в Боснии и Герцеговине — в городе Широки-Бриег. Исследование озаглавлено «Названия мест на юго-западе Широкого Брига. Топонимы кадастрового района Расно 1891 г. (сс. Расно, Дужице, Приваль и Черигај)». Книга издана Хорватским обществом хранителей наследия (*Hrvatsko društvo čuvara baštine*).

Авторы монографии — Маринка Шимич и Иван Дуганджич. Маринка Шимич, сотрудница Старославянского института в Загребе, изучает лексику памятников церковнославянского языка хорватского извода, средневековые хорватские глаголические тексты. В своих исследованиях М. Шимич обращается также к языку надписей на средневековых надгробных памятниках Герцеговины и к герцеговинским топонимам [Šimić 2018]. Иван Дуганджич, по образованию инженер строительства и журналист, со студенческих лет занимался сбором и записью сведений по хорватской народной культуре, опубликовал ряд книг по культуре, истории и краеведению Широкого Брига и его окрестностей [см., например: Dugandžić 2004; 2016; Dugandžić, Šimić 2017]. Он вкладывает много усилий в сохранение культурного наследия Герцеговины (участвовал или руководил такими проектами, как реконструкция школы в Расно к ее 100-летию юбилею, реконструкция средневековых надгробных памятников и каменной капеллы XIX в. в Расно, и др.).

В рецензируемой книге исследуется местность исторического административного района Расно (1891)¹, которому в настоящее время территориально соответствуют четыре поселка, представляющих собой в административном отношении районы в черте города Широки-Бриег, в его юго-западной части. Это сс. Расно, Дужице, Приваль и Черигай вместе с относящимися к ним хуторами и окружающей их территорией.

Авторы внимательно изучили данные архивов по кадастровым участкам: в ходе исследования обработано 18 371 название кадастровых участков², земельных угодий разных размеров и назначения. Кроме того, были тщательно изучены и остальные географические объекты, получившие у жителей этого края особые имена.

Во **введении** авторы указали источники, на которых основывалось их исследование местной топонимии. Старейшие записи топонимов рассматриваемой территории восходят к 1477 г., когда была составлена *п е р е п и с ь* Герцеговинского санджака. Она включает список виноградников, за которые выплачивался налог. Это исключительно ценные данные о старейших названиях земельных угодий рассматриваемой территории. Из этих топонимов некоторые утратились, и никто в настоящее время не знает, где находились их референты, а другие сохранились до наших дней, например *Stup* и *Vrba*. Эти списки, кроме того, важны и как подтверждение длительности традиции виноградарства в этом крае — здесь выращивали виноград и более 500 лет назад.

Вкратце рассмотрена система *п о з е м е л ь н ы х к н и г* в прошлом и в настоящем. На с. 14 приводится карта 1891 г., составленная в ходе создания кадастровой системы. На этой карте схематически показана территория Широкого Брига с делением его на 15 кадастровых районов и географическое положение района Расно в XIX в. Кадастровый район Расно представляет собой один из наиболее крупных районов на этой схеме, он занимает юго-западную окраину территории Широкого Брига. С 1884 г. австро-венгерскими властями устанавливается кадастр и вводятся поземельные книги. Это великолепный источник исторических данных не только о местности и населении, но и об образе жизни народа Герцеговины, о языке, в том числе о топонимах

¹ Во время поземельной переписи 1891 г. сс. Расно, Дужице, Приваль и Черигай административно составляли один район (*općina*) — Расно.

² В это число включены названия участков как по старому измерению (1891), так и по новому (1961). Авторы отметили, что во время первого измерения (1891) на площади около 2 500 га находилось 5 149 кадастровых участков, а во время второго измерения (1961) — 13 222: в Расно — 5 837 кадастровых участков, в Дужице — 4 198, в Привале — 1 709, в Черигае — 1 478 (с. 12). Число кадастровых участков росло, поскольку их делили при наследовании.

и антропонимах. Поземельная книга составлена в Широком Бриеге в период 1886–1908 гг.

Авторы изучили и картографические источники XVIII–XX вв., наиболее ранними из которых являются венецианские карты. Поскольку территория Широкого Бриега находилась на венецианско-османской границе и была вовлечена в военные столкновения между этими двумя государствами, венецианские картографы лишь частично смогли отразить на картах топонимы этого края. Например, на карте 1754 г. впервые упоминается Приваль (*campo Privglie* «поле Приваль»). На карту 1781 г. нанесена крепость Маговник (*Cullo Magovnick*).

В период австро-венгерского правления Боснией и Герцеговиной (1878–1918) исследуемая местность отражена на множестве карт австро-венгерских военных топографов. Эти карты отличаются достоверной записью хорватских топонимов, с сохранением их точного звучания на хорватском языке. Военные карты, составлявшиеся с 1920 г. и после Второй мировой войны, издавались Военно-географическим институтом в Белграде. На них отражены и многие топонимы рассматриваемой территории.

Существует множество топонимов и микротопонимов, которые бытуют только в устном употреблении. Более значительные топонимы — названия крупных или важных объектов, местностей — зафиксированы в письменных источниках, тогда как менее важные не записывались нигде. Авторы в ходе полевой работы в поселках Широкого Бриега с пристальным вниманием к мельчайшим подробностям собрали данные, передающиеся в устной традиции, при этом многое они и сами помнили с детства (поскольку родились и выросли здесь), а остальное выясняли у жителей этой местности. Всего на исследуемой территории выявлено и проанализировано более двух тысяч различающихся³ топонимов.

В **предисловии** авторы отмечают, что, хотя они во всех случаях, когда это оказалось возможным, установили, каким местам или объектам соответствуют те или иные топонимы из исторических источников, а также определили мотивационную связь между этими топонимами и их референтами, все же локализация референтов многих топонимов осталась неизвестной или затемнена мотивационная связь между топонимами и их референтами: «Многое осталось неясным и ушло в прошлое вместе с теми, кто давал названия» (с. 6). Авторы стремились записать о топонимах все известные сведения, чтобы та же участь не постигла и то, что знает и помнит нынешнее поколение.

³ В это число не входят омонимичные топонимы.

В заглавии книги М. Шимич и И. Дуганджич употребили термин *mistopisi* ‘названия мест’. Авторы объясняют, что на этом заглавии они остановились после долгой дискуссии — в знак уважения к традиции, так как термин *mistopisi* использовался в научных работах XIX в. (с. 7). Топоним *Široki Brig* в заглавии книги воспроизводит звучание, характерное для местной икавской речи, — М. Шимич и И. Дуганджич тем самым хотели напомнить о ярком компоненте языкового наследия исследуемого края. Авторы подчеркивают, что они стремились хотя бы в заглавии книги оживить подлинное звучание топонима: «*Широки Бриг* — название, которое в прошлом срослось воедино с этим народом, оно представляет единственный вариант звучания и сегодня в живой народной речи, а вплоть до конца XIX в. (когда утвердился другой, литературный, вариант) — и в письменных документах, на старых картах и т. п.» (с. 6).

Вкратце рассмотрим **структуру** книги. Она состоит из предисловия, четырех частей, заключения и списка литературы. После основного текста книги, в самом конце издания прилагаются рецензии и биографическая заметка об авторах.

Первая часть, введение (с. 11–28), начинается с обширного раздела, посвященного источникам исследования.

Во втором разделе введения приведены главные характеристики местного говора (с. 22–25). Речь сс. Дужице, Расно, Приваль и Черигаи относится к новоштокавскому икавскому диалекту. Как поясняют авторы, на этом диалекте говорят в «Западной Герцеговине, в части Южной Боснии вплоть до города Яйце и в области к северу от городов Травник и Зеница. <...> к этому диалекту относится речь жителей областей к западу и северо-западу от Ливно, территория вокруг Дервенты, Бихача...» (с. 22). Авторы приводят перечень фонетических особенностей местного говора. Упомянем здесь лишь некоторые из них.

Главный признак новоштокавско-икавского диалекта в области вокализма — это икавский рефлекс ятя (ě). Эта черта, разумеется, отражена и в местной топонимии: *Bili stup* (< *běl-); *Brig*, *Široki Brig*, *Pod brig*, *Brižine* (< *brěg-); *Didova lazina* и *Didovina* (< *děd-); *Srida* и *Sridnjak* (< *srěd-); *Stine*, *Stinjava njiva* (< *stěn-); *Zvirnjača* (< *zvěr-) и т. д. Для речи рассматриваемой местности характерен штокавский рефлекс праслав. *tj: *tj > št, что нашло отражение и в топонимии (*Misište* и др.). Фонема [f] чаще всего заменяется фонемой [v] или [p]: *Pratarska čatrnja* (< fratar); *Vranotina*, *Vranjak*, *Vraničuša* (от имени св. Франциска — Sv. Franjo). Фонема [h] в местном говоре перешла в [v] или исчезла. Топонимы, иллюстрирующие утрату [h]: *Adžijići* (< Hadžijići), *Asanuša* (< Hasanuša), *Graovi vrta* (< Grahovi), *Graovište* (< Grahovište), *Na vr*

ograde (< *vrh*), *Umac* (< *Humac*), а о переходе *h* > *v* свидетельствуют следующие примеры: *Gravorište*, *Duvanište* и *Duvanjski vrt*. В группах согласных в позиции начала слова (*pš*, *pč*, *pt*) начальный взрывной утрачивается, что в местной топонимии подтверждается следующими примерами: *Šeničen vrta*, *Tičice* (от апеллятивов *šenica* < *pšenica*, *tica* < *ptica*).

Вторая часть книги посвящена разработке значения топонимов («*Značenjska razradba toponima*», с. 29–85). После короткого введения о значении топонимов (2.1) рассмотрены оронимы (2.2) и гидронимы (2.3). Оронимическими апеллятивами являются: *brig* ‘гора, горка’, *brdo* ‘гора’, *glavica* ‘пригорок; небольшое, округлой формы возвышение на ровной территории’ и т. д. В качестве примеров оронимов упомянем следующие: *Brig*, *Brižine*, *Brkića umac*, *Glavica*, *Čerin*, *Kitoljuša*, *Magovnik* (самая высокая в исследуемой местности гора, ее высота 535 м).

Поскольку каменистая территория Герцеговины небогата реками и родниками, имена здесь получают даже самые маленькие ручейки и источники (постоянные и пересыхающие), небольшие водоемы, углубления с дождевой водой в камне и т. п. К гидронимическим апеллятивам в изученной местности относятся: *čatrnja* ‘сооружение для сбора дождевой воды’, *bunar* ‘колодец’, *kamenica* ‘камень с углублением, где скапливается дождевая вода’, *lokva* ‘прудик, края которого обычно выложены камнем’, *ričina* ‘речка, ручей’ и т. д. Примерами гидронимов могут послужить *Bunarić*, *Gornja Ričina*, *Vrilo*, *Potočina*, *Stipića lokva*, *Lokvina*, *Široka lokva*, *Šumelj*, *Grabovik*.

Далее авторы рассматривают остальные топонимы, группируя их с учетом семантики слов, от которых они образованы. Рассмотрение каждой группы топонимов завершается их списком.

- Топонимы, мотивированные геоморфологическими свойствами географического объекта (2.4). Здесь рассмотрены апеллятивы и топонимы, отражающие свойства рельефа, например апеллятивы *dolac* ‘небольшой ровный земельный участок на горе’, *lazina* ‘проход’, *ledina* ‘луг’, *rupa* ‘яма, ямка, углубление’; топонимы *Antina lazina*, *Jakovljeva rupa*, *Ledina*, *Rupa pod Velikom lazinom* и т. д.

- Топонимы, мотивированные формой и поверхностными свойствами земельного участка (2.5): *Crnica*, *Duga njiva*, *Kriva vrtlina*, *Krivodol*, *Dužice*, *Stinava lazina* ‘Каменистый проход’.

- Топонимы, мотивированные хозяйственной деятельностью человека (2.6). К этой группе относятся культурные топонимы, т. е. названия, связанные с полеводством, животноводством, строительством и т. д. Топонимы этой большой группы образованы от следующих апеллятивов: *gradina* ‘руины старой крепости на возвышении’, *gumno* ‘гумно’, *jagnjilo* ‘строение для скота’,

krč ‘место, на котором был выкорчеван лес’, *kuća* ‘дом’, *njiva* ‘поле’, *ograda* ‘огороженный участок (обычно леса); ограда (чаще всего каменная)’, *oranica* ‘пашня’, *pašnjak* ‘пастбище’, *vinograd* ‘виноградник’, *vrt, vrta* ‘огород’ и т. д. Примерами топонимов, мотивированных хозяйственной деятельностью человека, могут служить *Vrtača, Vrtlina, Vrt na Potočini, Baščina, Radića vrtlina*⁴, *Jagnjilo, Zajagnjilo, Katunina, Duhanište, Ivanov vrt, Kovačevića čatrnja, Krč, Krčevina, Kučerine, Ozidana njiva, Oko staje, Njivica, Nad pojatom, Teletnjak, Pod Pinjuhovom kućom, Soptine kuće, Soptin put* и т. д.

■ Топонимы, мотивированные расположением географического объекта и его положением относительно других объектов (2.7): *Draga u Pavkuši, Donje Dužice, Dolac kod bunara, Dolac pod lokvom, Gornja njivetina, Kod bunara, Kod kruške, Lazina pod Jerkovim dolcem, Kraj Brkića kuća, Njiva kod stare kuće, Granica, Granička njiva, Nad čatrnjom, Nad kućom kod čatrnje, Pod Mačkovom ljuti, Rupica pod školom, Vrt nad Gradinom, Vrt kod lokve, Vrt u dnu ulice* и т. д. В этой группе топонимов наиболее распространены сочетания с предлогом *pod* (*Podglavica, Podgradina, Podljut* и т. д.), причем встречаются и дублирующие названия, в которых два слова слились в одно: *Pod kulom* и *Potkula*.

■ Топонимы антропонимического происхождения (2.8): *Marića polje, Pavlova torina, Perina staza, Markov vrt, Lovrić dolac, Pinjuška vlaka, Musina torina nad Velikom ljuti, Musine staje, Kurbegova lazina, Kurbeguša, Ahmetovac, Ahmedov dolac, Radovanjski put, Čerkezovina, Čolakova dila, Čolakovina, Stipina kućetina, Stipanuša*.

■ Топонимы метафорического происхождения (2.9): *Brzdarevac, Dvogrla*.

■ Топонимы, мотивированные зоонимами (2.10). Аппеллятивы этой группы: *golub* ‘голубь’, *jež* ‘еж’, *vuk* ‘волк’, *zec* ‘заяц’ и т. д. Примеры топонимов:

⁴ Именно в такой форме — *Radića vrtlina* ‘Огород Радича’: определяющее слово употребляется в форме род. п., а не в притяжательной форме (*Radičeva*), как в хорватском литературном языке. К этому явлению привлекает внимание М. Капович в своей работе о топонимии с. Прапатнице (*Prapatnice*) в Далматинской Загоре [Каровић 2006: 129]. Его примеры с подобными формами: *u Vükojevića njivju, u Kāpovića kuću*. М. Капович отмечает, что притяжательность в говоре с. Прапатнице выражается именно так [Там же: сноска 34]. Как можно заключить на основании многих примеров, в широкобригском говоре употребительными являются и особые притяжательные формы от фамилий, и формы род. п. В специальном разделе книги, посвященном местным антропонимам, ставшим компонентами сложных топонимов исследуемой местности (с. 205–223), находим достаточно примеров обоих способов образования. Выбор формы зависит, вероятно, от исхода основы: от фамилий на *-ić* представлены генитивные конструкции: *Kraj Brkića kuća, Brkića ograde, Ivankovića put, Marića polje*, т. е. нет образований с суффиксом *ev-* наподобие **Marićevo polje*. Однако встречаются образования от усеченной основы таких фамилий с использованием суффиксов *ov-* и *in-*: *Pavković — Pavkov dolac* (с. 216), *Rebić — Rebin dolac* (с. 217). От остальных фамилий (т. е. без форманта *-ić*) образуются ожидаемые притяжательные формы: *Sopta — Soptina kuća* (с. 219), *Sesar — Sesarova rupa* (с. 218) и т. д.

*Čelinka*⁵, *Golubinka*, *Kozija njiva*, *Magaretije doline*, *Srnetija rupa*, *Šetkina stina*⁶, *Teletnjak*, *Teletnjak bašča*, *Zajagnjilo*, *Zečija lazina*, *Vrt nad Vučijom lazinom*, *Vučja ljut* и т. д.

■ Топонимы, мотивированные фитонимами (2.11). Апеллятивы, от которых образованы топонимы в данной группе: *kruška* ‘груша (дерево)’, *bršćan* ‘плющ обыкновенный’, *krumpir* ‘картофель’, *murva* ‘шелковица’, *paprat* ‘папоротник’, *kupus* ‘капуста’, *oskoruša* ‘рябина’, *kadulja* ‘шалфей’ и т. д. Примеры топонимов: *Lazina kod oskoruša*, *Kod kruške*, *Nad krumpirištem*, *Bršćan*, *Malina*, *Grabova vlaka*, *Konopljište*, *Papratuša*, *Pod Murvom*, *Kupušnjak*, *Kljenovica*, *Trnovača*, *Vrbe*, *Zakaduljevica* и т. д. От одного апеллятива нередко образовано множество топонимов. В местной топонимии представлен целый ряд названий, восходящих к слову *paprat* ‘папоротник’: *Papratina*, *Papratine*, *Papratuša*, *Poprtuša*, *Pratuša* (с. 164); встречается несколько дериватов от слова *kupina* ‘ежевика’: *Kupinovac*, *Kupinovača*, *Kupinovica*, *Kupinjača*, *Kupinjevac*, *Kupinjevica* (с. 69).

В отдельную группу выделены топонимы, значение которых обусловлено духовной и религиозной жизнью общины (2.12). В Герцеговине таких топонимов немало. Некоторые из них образованы от имен святых: *Sveti Petar*, *Varvara*, *Varvaruša*, *Jurjevica*, *Markovište*, *Sveti Juraj*, *Sveti Ivan*. Но в рассматриваемой части Широкого Брига таких топонимов почти не сохранилось; представлен только топоним *Sveti Franjo* (местность вокруг приходской церкви в Расно). К этой группе топонимов относятся названия местных кладбищ, отдельных могил, локалитеты с руинами средневековых церквей, поросшими кустарником: *Biloševica* (старое кладбище у хут. *Njive* в Расно), *Crkvine*, *Nad stećcima*, *Križ*, *Kremenje* (кладбище в Расно), *Stećci*, *Za kapelom* и т. д. Здесь часты апеллятивы *križ* ‘крест’, *crkvina* ‘руины церкви’, *stećak* ‘надмогильный камень-памятник’ и т. д.

Особый пункт (2.13) посвящен топонимам, которые мотивированы остатками дохристианских верований в рассматриваемой местности: *Babina draga*, *Gaj*, *Igrališta*, *Vilinska ljut* ‘Скала вил’, *Vilinska pećina* ‘Пещера вил’⁷.

⁵ Топоним образован от сущ. *čela* (< *pčela*) ‘пчела’. Название локалитета в Расно, где раньше находилась пасека.

⁶ *Šetka* — ‘лиса’ в местном говоре (в литературном хорватском языке — *lisica*). *Šetkina stina* — ‘Лисья скала’.

⁷ Подробнее о представлениях южных славян о вилах (мифологических существах) см. [Толстая 1995: 369–371]. В связи с широкобригскими топонимами *Vilinska ljut* и *Vilinska pećina* отметим, что, перечисляя места обитания вил, С. М. Толстая называет в первую очередь «удаленные от людей горы, скалы, горные пещеры и ямы под землей» [Там же: 370]. О топонимии, отражающей верования касательно вил и баб, распространенные в местности Южного и Юго-Восточного Велебита до середины XX в., см. статью [Trošelj 2021]. Среди рассматриваемых в статье топонимов представлены: *Vilinski sto* ‘Стол вил’, *Vilinska / Vilenska Vrata* ‘Врата вил’ и др.

Топоним *Igrališta* — название огражденного каменной стеной земельного участка в местности *Rašanjske staje* в Расно. По старым поверьям, здесь ночью собираются и «играют» (пляшут, водят хороводы) вилы (с. 136).

Топонимы *Babina draga*, *Babin dolac* и др., мотивированные апеллятивом *baba*, который связан с мифическим женским существом, вероятно, также отражают дохристианские верования хорватов. Они встречаются и в других местностях Герцеговины.

В оронимии Широкого Бриега сохранилось название горы верховного славянского бога Перуна: *Perin* < **Peryнь* (с. 78). Это название является компонентом топонимов *Perinova* (*Pernova*)⁸ *ljut*, *Vrt u Perinovoј* (*Pernovoј*) *ljuti*. Радослав Катичич, описав скалистое возвышение, именуемое *Perinova ljut*, и проанализировав этот топоним, отметил: «*Perin* — это хорватский фонетический облик праслав. **Peryнь*, а это — имя горы Перуна!» [Katičić 2012: 222]. Он объяснил вторичность притяжательной формы: «*Perin* — первоначально сама эта скала, а позднее ее имя <...> преобразовалось в *Перинова скала*, как будто бы она принадлежит некоему *Перину*» [Там же: 223]. Р. Катичич отметил, что *Perinova ljut* — топоним и его референт — ценное дополнение к нашим представлениям о культе бога Перуна у древних славян [Там же: 224].

В последнем пункте второй главы (2.14) авторы рассмотрели небольшую группу топонимов, производных от дворянских титулов: *beg*, *car*, *knez*, *kralj*, *paša*. Примеры топонимов: *Begova torina*, *Carev dolac*, *Carev stupčić*, *Knješka njiva*, *Knješkovac*, *Kraljeva njiva*, *Pašin vrta* и др. (с. 84).

Особая значимость второй части книги связана с тем, что именно здесь подается основная масса топонимов: в каждом из 14 пунктов после общей характеристики категории авторы приводят обширный (до двух-трех страниц) алфавитный список топонимов в изученной местности.

В третьей части книги описываются некоторые лексические особенности словарного состава, отраженного в топонимии («*Leksički slojevi očuvani u toponimima*», с. 85–94). Здесь уделено подробное внимание архаизмам и заимствованным словам. Среди последних отдельно проанализированы романизмы и ориентализмы (в первую очередь, тюркизмы).

Большой интерес представляет четвертая часть книги («*Razrada pojedinih značajnijih naziva*», с. 95–230), в которой авторы сфокусировали свое внимание на разработке отдельных топонимов — наиболее интересных и важных в данной местности. Авторы подробно осветили их значение, приводя известные в настоящее время этимологические сведения, если они имеются, а также изложив свои предположения о происхождении топонимов. В пункте 4.1

⁸ В речи местных жителей встречаются оба варианта — *Perinova ljut* и *Pernova ljut* (с. 166).

рассматриваются названия поселков Широкого Бриега — Расно, Дужице, Приваль, Черигаи — и бывших хуторов Космай и Смокине (*Rasno, Dužice, Privalj, Čerigaj, Kosmaj, Smokinje*). Авторы приводят данные о происхождении этих ойконимов. Например, Расно получило название по дубовому лесу (*hrast* ‘дуб’), а Дужице — по полям узкой, вытянутой формы (*dug* ‘длинный’).

В пункте 4.2 — самом обширном подразделе рецензируемой книги — рассмотрены избранные топонимы с объяснениями мотивации, этимологическими сведениями и описаниями референтов. Каждому топониму (или группе однокоренных топонимов) посвящена небольшая статья объемом от нескольких строчек до одной страницы. Таких статей в этом разделе примерно две сотни, они расположены в алфавитном порядке. В одну статью сведены данные по целому ряду топонимов — заглавное слово и все слова с тем же корнем (например, *Bunar* ‘Колодец’, *Bunarić, Bunarina*). Здесь же приводятся двух- и трехчленные топонимы, представляющие собой словосочетания с заглавным словом — предложные, именные, предложно-именные: *Dolac kod Bunara, Kod Bunara, Nad Bunarem, Rupa kod Bunara, Suva Bunarina*.

Авторы в этом разделе дают подробные описания референтов и их локализации, по возможности указывают номер кадастрового участка, оговаривая при этом, по какому измерению указывается этот номер — старому (1891) или новому (1961).

Схема построения статьи следующая: происхождение топонима; значение апеллятива, от которого образован топоним; объяснение мотивационной связи; информация о распространенности данного топонима в Герцеговине и в смежных с ней краях Хорватии и Боснии; топонимы с данным корнем в исследуемой местности широкобриегского края; точное местонахождение данного локалитета (номер кадастрового участка). Нередко авторы также отмечают использование данного топонима в фольклоре или в художественной литературе XIX в., упоминают связанные с ним народные предания.

В качестве примера приведем сведения из статьи «*Brzdarevac*». Топоним *Brzdarevac* образован от слова *brzdar* со значением ‘сумочка из обработанной телячьей кожи для ношения продуктов питания’ (с. 117). В Лике эта лексема выглядит как *brzar*, а ее значение — ‘кожаная сумка, в которой чабаны носят сыр для обеда’ (с. 117). Микропоним *Brzdarevac* встречается в Расно — в местности *Rudine* неподалеку от громадного камня (*Ljut*) есть небольшая поляна, где чабаны отдыхали и где можно было открыть *brzdar* и пообедать.

В пункте 4.3 исследованы топонимы, мотивированные антропонимами. Последний пункт четвертой части (4.4) посвящен топонимам неизвестного происхождения и имеющим затемненное значение.

В **заключении** (с. 231–238) авторы подводят итоги исследования. Среди прочего, интересны размышления о причинах огромного количества названий земельных участков на исследуемой территории. Авторы полагают, что это объясняется характерным скалистым известняковым ландшафтом. В этой местности возделывали буквально каждый клочок земли, который можно было отвоевать у камня. Неудивительно, что земельные наделы были очень малы, каждый из них был важен, поэтому снабжался именем (с. 231).

Книга носит научно-публицистический характер и написана языком, понятным широкому читателю. Хотелось бы отдельно отметить великолепный иллюстративный, документальный материал книги — фрагменты военных карт, страницы старых списков земельных наделов, составленных в конце XIX в. Одним из достоинств книги является включение более чем 80 прекрасных фотографий исследованной местности — как панорамных фото сел и природы, так и фотографий некоторых конкретных реалий: колодцев и прудов, искусственных сооружений для сбора дождевой воды и естественных водоемов (например, *Čatrnja* — с. 36; *Lokva Krgača* — с. 146; *Lokva na Čerigaju* — с. 38), характерных для этой местности пейзажей, скалистых утесов (*Ljut* — с. 154), руин средневековых крепостей (*Gradina* — с. 132) и церквей, средневековых надгробных камней (*Stećci* — с. 183), каменных оград вокруг земельных наделов (*Vrt* — с. 201), пастбищ, стогов, виноградных навесов во дворах (*Odrina* — с. 161), местных строений — жилых домов, построек для скота (*Jagnjilo* — с. 137), земельных участков, расположенных в виде террас с каменными подпорными стенками (*Podazide* — с. 170), и т. д. Авторы фотографий — Тони Галич и Иван Дуганджич. Используются и архивные фотографии, на которых запечатлена трудовая и праздничная жизнь местных крестьян в середине XX в.

Рецензируемая книга содержит множество интересных топонимов. Остановимся немного подробнее на нескольких примерах, позволяющих соприкоснуться с языковым материалом герцеговинской топонимии, а через него — и с повседневной сельской жизнью Герцеговины в совсем недавнее время.

1. Lokva в местном говоре — это небольшой водоем, яма с водой, края которой чаще всего выложены камнем. Наполняться она может как из подземного источника, так и водами, стекающими с поверхности земли. В этой засушливой местности такие водоемы имели большое хозяйственное значение, они использовались для водопоя скота (с. 39, 152). Описывая этот географический термин, авторы отмечают, что в изучаемой местности почти на каждом хуторе был прудик (*lokva*) (с. 152). Слово *lokva*, будучи гидронимическим апеллятивом, нередко онимизируется и выступает в роли топонима без дополнения.

Очень часты двухсловные и многословные топонимы, включающие данное слово: *Široka lokva*, *Stipića lokva*, *Lokva na Čerigaju*, *Tadina lokva*, *Pratarski dolac u Crnim lokvama*, *Dolac pod lokvom*, *Vrt kod lokve*. Встречаются и суффиксальные образования: *Lokvice*, *Lokvina*, *Lokvine*. Есть дублиеты, иллюстрирующие на синхронном срезе процессы постепенной замены двухсловных топонимов однословными: *Čovića lokva* / *Čovuša*. Примеры однословных названий без апеллятива: *Krgača*, *Čovuša*.

2. Ljut (< праслав. **l'utъ* [о нем см.: ЭССЯ 15: 237]) в местном говоре — это высокая каменная глыба с необкатанными, острыми формами; скала, массивный кусок горной породы (фото громадного камня *Ljut* представлено на с. 154); *ljut* также может означать скалистое возвышение, бугор, сплошь покрытый крупными камнями грубой, необкатанной формы. Именно такие возвышения представляют собой *Perinova ljut* (фото на с. 166) и *Vilinska ljut* (фото на с. 200). В исследуемой местности примерами топонимов с апеллятивом *ljut* являются *Cerova ljut*, *Pernova (Perinova) ljut*, *Podljut*, *U ljuti*, *Vilinska ljut*, *Ljut*, *Trajanova ljut*, *Vučija ljut*, *Debela ljut*, *Kuvedina ljut*, *Sinjska ljut*, *Podljuti vrt*, *Vrt u ljuti*, *Musina torina nad Velikom ljuti*, *Pod Mačkovom ljuti*.

3. Bašča ‘огород’, синоним слова *vrt*. Этот тюркизм персидского происхождения распространен во всех балканских языках. На исследуемой территории десятками исчисляются названия огородов и прочие микротопонимы, мотивированные словом *bašča* (с. 112), например: *Bašča*, *Baščina*, *Milin bašča*, *Ozidana bašča*, *Teletnjak bašča*, *Za baščom* и т. д.

4. Gaj ‘рощица’, *Gajina*, *Gajine*. Авторы отмечают, что, вероятно, первоначально слово *gaj* (< праслав. **gajъ*) употреблялось для обозначения рощи, в которой вырубка деревьев была запрещена, — это, возможно, отражает древние верования славян (с. 130). Значение, приводимое авторами, вполне созвучно с разъяснениями [ЭССЯ 6: 85]: «Семантически и формально хорошо объясняется как производное (с продлением корневого вокализма) от гл. **gojiti*», к которому в современных славянских языках восходят глаголы со значением ‘воспитывать, вскармливать’, ср. с.-х. *gòjuti* ‘пестовать, воспитывать’, в русских говорах (зап., сев.-двин.) у глагола *góитъ* представлены значения ‘беречь, охранять, бережно обращаться с кем-л.’.

Деривационные возможности слова **gajъ* малы⁹. В исследуемой местности топонимы с корнем *gaj-* следующие: *Gaj*, *Gajina*, *Gajine*. Они встречаются редко и только на Черигае. Так, *Gaj* — это «довольно обширная местность на Черигае, часть горного склона, на которой запрещена вырубка деревьев

⁹ Это отметил Н. И. Толстой [1969: 56], анализируя данный славянский географический термин и образованные от него топонимы у разных славянских народов.

и выпас скота» (с. 130). Ойконим *Čerigaj* также происходит от слова *gaj* (с. 104). На первых топографических картах он записывался как *Čerin gaj*. Позже два компонента топонима срослись в однословное название¹⁰.

5. Katunina. Топоним мотивирован апеллятивом *katun* ‘становище пастухов в горах, в котором они, кочуя, останавливаются время от времени’. В исследуемой местности референтом этого топонима являются огороженные участки на Черигае рядом с горой Маговник (с. 141).

Топонимы, образованные от апеллятива *katun*, распространены не только в Герцеговине, Черногории, Сербии, но и в Истрии, Далмации, на острове Крк. Как поясняют авторы, ссылаясь на этимологические словари хорватского языка, это общеславянское слово, вероятнее всего, происходит от алб. *katund-i* ‘село’¹¹. О том, что слово *katun* встречается повсюду на Балканах, писал еще в 1971 г. Г. Новак [Novak 1971: 582]. В той же работе Г. Новак указал, что это слово в значении ‘стоянка пастухов’ у морлаков (т. е. владаров) употребляется еще с XIII в.; этим же словом называют и постоянные поселения [Там же].

При рассмотрении данного хорватского апеллятива наше внимание привлек тот факт, что слово, тождественное по значению и очень близкое по звуковому составу, имеется и в кумыкском языке, а также в других тюркских языках: кумык. *къотан* [qotan] ‘кутан, т. е. зимнее становище пастухов’ (а также более позднее значение: ‘населенный пункт, развившийся из такого становища’)¹². Это слово встречается и в других тюркских языках (например, в башкирской топонимии [Шакуров 2015: 185]). Э. М. Мурзаев [1984: 323] определяет тюркский термин *кутан* как ‘хутор, кочевье пастухов на горных пастбищах’.

¹⁰ По вопросу о происхождении первого компонента этого топонима в литературе выдвигалось несколько версий, из которых авторам наиболее убедительной представляется та, что *Čerin* — это заливной луг или заливной участок роши (с. 104).

¹¹ П. Скок отмечает, что на Балканах это слово присутствует также в болгарском, греческом, румынском и цыганском языках [Skok 2: 64].

¹² Это слово из кумыкского перешло и в некоторые дагестанские языки. Ср., например, в лакском языке *къутан* [qutan] с тем же значением: ‘кутан, зимнее пастбище (на равнине)’, ‘строения для овец и пастухов на зимних пастбищах’ [Абдуллаев 2018: 402]; в кадарском диалекте даргинского языка *гъутан* [hutan] ‘пастбище, выгон’ [Темирбулатова 2022: 207]. В кумыкской топонимии апеллятив *къотан* [qotan] обычно является частью сложного топонима или микропонима: *Пахрутдюнкъотан* ‘Кутан Пахрутдина’ в с. Нижнее Казанище [Саидов, Адукова 2015: 218], *Тюпсюзкъотан* ‘Кутан (хутор) у источника Тюпсюз’ в с. Каякент [Там же: 205], *Къаравулкъотан* букв. ‘охрана + кутан’ — название возвышенности в Каякенте [Там же: 204], *Асбарайкъотан* ‘Кутан Асбарай’ — местность в северной части с. Карабудахкент [Там же: 195], *Искирикъотан* ‘Кутан, расположенный под горой Искири-тау’ в с. Карабудахкент [Там же: 198], *Кикимавкъотан* ‘Совиный кутан’ (т. е. кутан, где много сов) в с. Янгикент [Там же: 235]. Почти в каждом кумыкском селе имеются сложные топонимы, в состав которых входит этот термин.

В этимологических словарях хорватского языка [Skok 2: 64; ERNJ 1: 434] в качестве наиболее вероятной указывается версия албанского происхождения слова *katun*. Вместе с тем оба словаря отмечают, что этимология этого слова с полной уверенностью пока не установлена. П. Скок приводит четыре версии происхождения лексемы [Skok 2: 64], при этом он не отмечает полностью мнение, будто *katun* восходит к сев.-тюрк. *qatan*, *qutan* ‘загон для овец, кошара’, однако подчеркивает, что поскольку этого слова нет в южно-тюркских языках, то нужно признать, что на Балканы его могли принести только протобулгары¹³.

6. *Žežnica* (< *žeći* ‘сжигать’) — так называется сложенная в виде стога куча дров, которую прикрывают землей и поджигают; в процессе тления она превращается в древесный уголь. В названиях земельных участков с корнем *žeg-* «отражается способ приведения почвы к культуре — сжиганием леса в целях получения плодородной почвы» (с. 204). Референтом топонима *Žežnica* является пригорок в Расно (с. 204).

7. *Kamenica*. Основное значение апеллятива *kamenica* — ‘естественное углубление в камне, в котором скапливается дождевая вода’. Из таких углублений пили пастухи, они относились к ним бережно, чистили их и укрывали ветками. Авторы сообщают, что к данному апеллятиву восходит большое число топонимов в Боснии и Герцеговине, а также на Далматинских островах (с. 140). В исследуемой местности зафиксировано несколько десятков микро-топонимов, включающих это слово: *Kamenica*, *Kamenice*, *Česte kamenice*, *Kod kamenice*, *Pod kamenicom*, *Rupica kod kamenice*, *Vrt kod kamenice* и т. д. Эти названия встречаются в Расно, Привале и Черигае (с. 140–141).

8. *Bakamuša* (< *bakam* ‘румяна для лица’ — ориентализм, проникший в хорватский язык из персидского посредством турецкого языка) ‘сорт инжира’. В Герцеговине выращивают большое число разных сортов инжира, *bakamuša* — один из старых местных сортов (с. 111). Локалитет *Bakamuša* находится в Привале: на земельном участке росло инжирное дерево сорта *bakamuša*, по которому он и получил название¹⁴.

¹³ Хотя версия северно-тюркского происхождения слова *Katun* в новом этимологическом словаре уже не упоминается [ERNJ: 434], на наш взгляд, приведенные выше параллели (из тюркских и других языков) с тождественной семантикой, в которой присутствует компонент «временности» становяща пастухов, его кочевой характер, — не позволяют полностью отбросить эту версию.

¹⁴ Подобные названия земельных участков, как отмечает М. Капович, образованы в результате употребления *pars pro toto*; ср., например, похожий случай: «микротопоним *Bajat* получает имя по *bajati* — миндалю, который там рос» [Karović 2006: 118].

* * *

Книга «Названия местностей на юго-западе Широкого Брига...» Маринки Шимич и Ивана Дуганджича является богатейшим источником топонимов, запечатлевших как природное окружение народа Герцеговины, так и его многовековую историю.

В рецензируемом исследовании собран и истолкован обширный топонимический материал. В ходе работы М. Шимич и И. Дуганджич обследовали свыше 18 тыс. названий земельных участков, зафиксированных в кадастровых записях, в результате чего было выявлено более двух тысяч различающихся названий, которые в данной работе впервые вводятся в научный оборот. Помимо этимологических сведений и данных о мотивации топонимов и микро-топонимов, исследование содержит описания их референтов, представляющие ценность с точки зрения истории, краеведения и этнографии.

Возможно, предложенные авторами списки топонимов будут пополняться, для некоторых из названий появятся новые, более точные объяснения. Однако несомненная ценность обстоятельного исследования, проведенного М. Шимич и И. Дуганджичем, состоит в детальном изучении всей намеченной ими территории. Авторы обращают внимание на каждую тропку и рожицу, каждый пригорок и ручеек, овражек, скалистое возвышение, небольшую полянку, где раньше стояли ульи, на каждый виноградник, на огород у рябины или возле инжира. В книге между строк ощущается грусть авторов из-за исчезающего у них на глазах уклада жизни и хозяйствования, вместе с которыми постепенно уходят в прошлое и теряют значимость многие из локалитетов и хозяйственных объектов, а с ними и их названия. В связи с этим нам представляются важными слова авторов о прудах (*lokva*) и о постепенной утрате их значения в настоящее время: «Пруды долгое время играли важную роль в засушливых и каменистых краях Западной Герцеговины, а сегодня они большей частью заброшены из-за переселения жителей в другие края, а также изменений в образе жизни, постепенного исчезновения полеводства и животноводства» (с. 39). Такая же ситуация характерна и для множества других объектов, описанных авторами в книге. Своевременная запись имен, которыми народ наделил каждый клочок родной земли, все сколько-нибудь примечательное и выделяющееся в селах и вокруг сел, поможет спасти эти имена от бесследного исчезновения.

Можно надеяться, что исследование М. Шимич и И. Дуганджича послужит толчком к изучению остальной широкобригской территории и выявлению на ней всех топонимов и микротопонимов, письменной фиксации и анализу этого ценнейшего наследия. Богатый материал работы и его анализ с точки зрения мотивации, а также культурологические, исторические и этнографические

сведения, содержащиеся в книге, представляют интерес для специалистов по славянскому языкознанию, ономастике, этнолингвистике, истории, географии, антропологии и этнографии, а также могут быть использованы как источник в краеведении.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

алб.	албанский язык	сев.-двин.	русские говоры басс. р. Северная
зап.	западные говоры русского языка		Двина
кумык.	кумыкский язык	сев.-тюрк.	северно-тюркские языки
праслав.	праславянский язык		

Источники

- Абдуллаев И. Х.* Лакско-русский словарь. Махачкала : ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДагНЦ РАН, 2018.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984.
- Саидов А. М., Адукова З. А.* Морфемная структура и семантика собственных имен в кумыкском языке. Словарь микротопонимов. Махачкала : ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДагНЦ РАН, 2015.
- Темирбулатова С. М.* Диалектологический словарь даргинского языка : более 50 000 диалектных вариантов слов. Махачкала : ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДагФИЦ РАН, 2022.
- Dugandžić I.* Širokobriješka baština. Široki Brijeg : Matica hrvatska, 2004.
- Dugandžić I.* Rekonstrukcija kamene kapelice iz 1881. godine, groblje Kremenje u Rasnu. Široki Brijeg : Hrvatsko društvo čuvara baštine, 2016.
- Dugandžić I., Šimić M.* Biloševica, zaboravljeno počivalište. Široki Brijeg : Hrvatsko društvo čuvara baštine, 2017.

Исследования

- Толстая С. М.* Вила // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 369–371.
- Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М. : Наука, 1969.
- Шакуров Р.* Башкирские топонимы, образованные от терминов, обозначающих типы построек, жилищ, стоянок и поселений // Ватандаш. 2015. № 10 (229). С. 182–191.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–30), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- ERHJ — Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 1–2 / ur. R. Matasović. Zagreb : Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016–2021.
- Kapović M.* Toponimija sela Prapatnice u Vrgorskoj Krajini // Folia onomastica Croatica. 2006. No. 15. S. 113–131.
- Katičić R.* Perinova ljut // Susreti. 2012. No. 6. S. 221–225.
- Novak G.* Morlaci (Vlasi) gledani s Mletačke strane // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1971. Knj. 45. S. 579–603.

- Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
- Šimić M. Zaboravljene riječi širokobriježskoga kraja skrivene u toponimima (toponimi sela Dužice i Rasno) // *Hercegovina franciscana*. 2018. No. 14 (1). S. 185–213.
- Trošelj M. Vilinska i bapska toponimija i topografija Nacionalnog parka Paklenica i šire okolice // *MemorabiLika*. 2021. No. 4. S. 37–62.

References

- Kapović, M. (2006). Toponimija sela Prapatnice u Vrgorskoj Krajini [Toponymy of the Village Prapatnice in Vrgorska Krajina]. *Folia onomastica Croatica*, 15, 113–131.
- Katičić, R. (2012). Perinova ljut [Perin's Cliff]. *Susreti*, 6, 221–225.
- Matasović, R. (Ed.). (2016–2021). *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika* [Croatian Etymological Dictionary] (Vols. 1–2). Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Novak, G. (1971). Morlaci (Vlasi) gledani s Mletačke strane [Morlachs (Vlachs) Viewed from the Venetian Point]. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*, 45, 579–603.
- Shakurov, R. (2015). Bashkirskie toponimy, obrazovannye ot terminov, oboznachaiushchikh tipy postroek, zhilishch, stoianok i poselenii [Bashkir Place Names Derived from Terms Designating Buildings, Dwellings, and Settlements]. *Vatandash*, 10(229), 182–191.
- Šimić, M. (2018). Zaboravljene riječi širokobriježskoga kraja skrivene u toponimima (toponimi sela Dužice i Rasno) [The Forgotten Words of Široki Brijeg Territory Hidden in Toponyms (Toponyms of the Villages Dužice and Rasno)]. *Hercegovina franciscana*, 14(1), 185–213.
- Skok, P. (1971–1974). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of Croatian or Serbian] (Vols. 1–4). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Tolstaya, S. M. (1995). Vila. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 1, pp. 369–371). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Tolstoy, N. I. (1969). *Slavianskaia geograficheskaia terminologiya. Semasiologicheskie etudy* [Slavic Geographic Terminology. Semasiological Notes]. Moscow: Nauka.
- Trošelj, M. (2021). Vilinska i bapska toponimija i topografija Nacionalnog parka Paklenica i šire okolice [Mythological Toponymy and Topography in the Paklenica National Park and its Wider Surroundings]. *MemorabiLika*, 4, 37–62.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1974–). *Etimologičeskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksičeskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Stock] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.

Александра Игоревна Чиварзина

младший научный сотрудник Научно-образовательного центра славистических исследований,
Институт славяноведения РАН (119334, Москва, Ленинский пр., 32а)
E-mail: mss-vah@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0365-3723>

ФАМИЛИИ КАК ЗЕРКАЛО МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В ОДНОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАНЕ

Рец. на кн.: Презимето кај Македонците / Е. Ячева-Улчар. — Скопје : Менора, 2022. — 188 с.

Аннотация

2022 год ознаменовался выходом книги лексиколога Елки Ячевой-Улчар на македонском языке. Рецензируемое издание полезно и интересно не только специалистам (македонистам, лексикологам, ономатологам), но и широкому кругу читателей, которые увлекаются и интересуются историей языка, тесно связанной с историей отдельной страны. В книге на основе материалов из опубликованных словарей и новейших полевых исследований осуществляется анализ современного состояния македонского антропонимикона. В частности, рассматриваются типы мотивирующих основ, наиболее характерные для македонских фамилий суффиксы и многие другие особенности формирования и функционирования фамилий населения, которое проживает на территории многонациональной Республики Северная Македония. В рецензии анализируется вклад Е. Ячевой-Улчар не только в современную славистику, в частности в македонистику, но и в балканистику, поскольку исследовательница обращается к широкому контексту функционирования македонского языка, привлекает к анализу языки народов, проживающих на рассматриваемой территории, оценивает их влияние на современное состояние македонского антропонимикона. Каждому отдельному балканскому народу и истории его контактов с македонцами посвящены отдельные разделы, приводятся примеры фамилий и языковые элементы, которые могли быть заимствованы в македонский. Особую ценность работе придаст обращение к языковому материалу малых народов региона.

Ключевые слова: антропонимия; славянские языки; македонский язык; арумынский язык; балканистика; личные имена; фамилии; прозвища

Благодарности

Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Для цитирования

Чиварзина А. И. Фамилии как зеркало межэтнических контактов в одной многонациональной стране // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 225–231. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.012. Рец. на кн.: Презимето кај Македонците / Е. Јачева-Улчар. — Скопје : Менора, 2022. — 188 с.

Рукопись поступила в редакцию 06.07.2023

Рукопись принята к печати 15.09.2023

Alexandra Igorevna CHIVARZINA

Junior Researcher, Scientific and Educational Center for Slavic Studies, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia)

E-mail: mss-vah@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0365-3723>

SURNAMES AS A REFLECTION OF INTERETHNIC CONTACTS WITHIN A MULTINATIONAL COUNTRY

Review of the book: Jačeva-Ulčar, E. (2022). *Prezimeto kaj Makedoncite* [Surnames of the Macedonians]. Skopje: Menora. 188 p.

Abstract

In 2022, lexicologist Elka Jačeva-Ulčar published a book in Macedonian, which has garnered attention for its utility and interest not only among specialists such as Macedonians, lexicologists, and onomatologists, but also among a broader readership intrigued by the historical evolution of language as related to the history of a country. Drawing upon published dictionaries and recent field research, the book provides a comprehensive analysis of the contemporary Macedonian surname system. It delves into various aspects including the motivating bases, prevalent suffixes in Macedonian surnames, and other facets pertaining to the formation and usage of surnames within the diverse population of the Republic of North Macedonia. The review recognizes the significant contribution of Elka Jačeva-Ulčar to contemporary Slavic and particularly Macedonian studies, as well as to Balkan studies in general. The researcher's interest extends beyond the Macedonian language to those spoken by other inhabitants of the region, evaluating their impact on the Macedonian anthroponymicon. Individual sections of the book under review examine each Balkan community and their historical interactions with Macedonians, providing examples of surnames and linguistic elements that may have been assimilated into Macedonian. The study is particularly valuable for its insights into the linguistic heritage of the region's minor ethnic groups.

Keywords: anthroponymy; Slavic languages; Macedonian language; Aromanian language; Balkan studies; personal names; surnames; nicknames

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00484 *Slavic-non-Slavic Borderlands: Funeral and Memorial Rite in Ethno-linguistic Coverage*) (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00484/>).

For citation

Chivarzina, A. I. (2024). Surnames as a Reflection of Interethnic Contacts within a Multinational Country. Review of the book: Jačeva-Ulčar, E. (2022). *Prezimeto kaj Makedoncite* [Surnames of the Macedonians]. Skopje: Menora. 188 p. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 225–231. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.012

Received on 6 July 2023

Accepted on 15 September 2023

Рецензируемую книгу предваряет небольшое вступление, в котором автор поясняет свои цели и задачи (глава 1). Далее в шести главах раскрываются релевантные для исследования теоретические аспекты. Особое внимание уделяется дифференциации фамилий, произошедших от прозвищ, поскольку именно этот источник наиболее актуален для македонского материала (глава 2). Подробно освещаются морфологические особенности македонских фамилий (глава 3). Одна из глав посвящена фамилиям, характерным для отдельных регионов Македонии (глава 4). После анализа ономастических единиц славянского происхождения исследовательница обращается к неславянским фамилиям македонцев (глава 5). Завершает теоретическую часть раздел, посвященный правовому аспекту присвоения фамилий в Македонии (глава 6). Последняя часть (глава 7) представляет собой сборник нарративов носителей необычных для Македонии фамилий, которые сумела собрать и проанализировать Е. Ячева-Улчар. В приложении приводятся фотокопии изданий, на которые в качестве источников ссылается автор, а также статистические данные и отдельные статьи из законов, связанных с присвоением и изменением фамилий. В конце книги дается полный индекс всех фамилий, упоминаемых в тексте книги.

Македонская антропонимическая формула состоит из имени и фамилии. Фамилия в македонском языке — это второе личное наименование после личного имени [Грковић 2002: 455; ТРМЈ]. Первая глава («Что такое фамилия») включает разделы, посвященные истории появления фамилий в Македонии, здесь приводятся первые письменные упоминания второго компонента имени.

В главе «Что лежит в основе мотивационной базы фамилий македонцев» Е. Ячева-Улчар подробно освещает морфологические особенности македонских фамилий — и типичных, и нестандартных, в том числе региональных. Например, в книге рассматривается акцентное своеобразие антропонимов из области Малешево, а также характерные для этого региона примеры фамилий с суффиксом *-ски*, который присоединяется к основе без предшествующего *-ов/-ев*: ср. *Брашнárски*, *Кафеџíски*, *Меанџíски*. Отдельный раздел автор посвятила особенностям образования охридских фамилий общины Варош. Журналист Владо Ангеличин-Жура предоставил автору некогда собранные

им наблюдения о распространении здесь бессуффиксных фамилий, а также онимов на *-че*, например: *Аноче*, *Зарче* (имя *Заре* / *Заро* + уменьшительный суффикс *-че*), *Уневче* (ед. ч. ср. р. от семейного имени *Уневци* ‘Те, кто поют’, ср. макед. *пее* ‘петь’), *Каневче* (ср. р. от *Каневец* ‘житель района Канео’ с суффиксом *-ец*), *Хашишче* (макед. *хаши* ‘тот, кто был в хадже, на Святой Земле’ + преобразованный пейоративный суффикс *-иште*; предок носителя этой фамилии, вероятно, бывал в Иерусалиме несколько раз). Такую информацию нельзя найти в обычном учебнике македонского языка, нет этого описания и в диалектологических материалах охридского говора [Гушевска, Минова-Гуркова 1999; Видоески 1998].

Исследовательница не могла обойти вниманием широко распространенную практику, когда в основе фамилии лежит прозвище. Область г. Прилеп (центральная часть Македонии) известна бытованием большого числа кличек и прозвищ. Из этих краев был родом собиратель македонского фольклора Марко Цепенков. Огромный корпус текстов на отдельно взятом македонском говоре определил литературную базу будущего кодифицированного языка. Именно сказки и легенды М. Цепенкова [1972] впервые знакомят иностранного читателя с характерной для прилепчанцев традицией давать прозвища. «Лучше плохое прозвище, чем никакое», — можно услышать от жителей Прилепа; «Не си од Прилеп, ако немаш прекар» <‘Ты не из Прилепа, если у тебя нет прозвища’> [Алексоски-Глумецо 2005]. Наш собственный экспедиционный опыт свидетельствует, что прозвища настолько глубоко вошли в культуру и идиолект носителей, что они обязательно фиксируются на могильных плитах разных эпох наряду с основными антропонимами.

Следующие примеры арумынских надгробных надписей извлечены из нашего личного полевого архива (гг. Битола, Крушево) [ЛЗА]. На задней стороне памятника пишется только прозвище похороненного — это наиболее известное местным жителям имя усопшего. Часто такие прозвища не только характеризуют человека по виду его профессиональной деятельности (случаи 1, 3, 5) или являются вариантами личных имен (случаи 2, 5, 6, 7), но и могут указывать на этническую принадлежность (случаи 4, 7):

- (1) *Дамјаноски Боге* — **Професорот** (‘учитель; профессор’) — (1948–2005);
- (2) *Јованоски Миха* — **Жежо** (вариант личного имени) — (1904–1985);
- (3) *Димитриоски Христо* — **Цаја** (жарг. ‘полицейский’) — (1958–2002);
- (4) *Стојчески Јанко* — **Сурдул** (арум. ‘глухой’) — (1911–1993);
- (5) *Проески Атанас* — **Шули-Даскалот** (устар. ‘учитель’) — (1945–)¹;

¹ На Балканах, в частности в Македонии, принято заранее готовить себе место погребения, самостоятельно выбирать, ставить и подписывать памятник, оставляя место для даты смерти.

- (6) *Pitovska Vasilika* — **Kika** (вариант личного имени) — (1929–2003);
(7) *Pitovski Vangel* — **Pitu** (вариант личного имени, характерный для арумынского языка) — (1931–2006).

Если характерный прилепский юмор и любовь жителей к прозвищам как к третьему (обязательному) компоненту имени могут быть известны иностранному исследователю, то акцентные исключения из области Малешево или нестандартные образования в охридском квартале Варош остаются за рамками официальной университетской программы. Таким образом, рецензируемая книга может стать источником дополнительной информации при составлении лингвокультурологических пособий по македонскому языку.

Е. Ячева-Улчар проделала большую работу: это поиск и сопоставление материала, исследование этимологических словарей, опрос информантов. Основная цель автора — описание македонских фамилий («...постараться найти наиболее характерные и необычные фамилии, классифицировать их и описать» — с. 10), однако в книге можно найти материал по другим балканославянским и неславянским балканским языкам: здесь представлена история греческих фамилий, армянских, арумынских, еврейских, турецких, арабских, русских, словенских, украинских. Ономастический материал сопровождается краткой справкой о присутствии того или иного народа на Балканах, с акцентом на специфике этнических контактов на рассматриваемой территории. Фамилии, пустившие корни в македонской языковой среде, рассматриваются с точки зрения словообразования: так, к ним часто присоединяются характерные для македонской языковой среды суффиксы. Автор не просто обращается к морфологическим особенностям написания фамилий, но и прослеживает возможные пути проникновения корня в македонскую вокабулу.

Такой подход, во-первых, отвечает авторской концепции книги: от фамилий со славянскими корнями исследовательница переходит к заимствованиям, легшим в основу современного антропонимикона македонского языка. Во-вторых, такое построение книги обусловлено историческими условиями, в которых развивалось македонское государство — социалистическое и современное независимое.

В книге подробно освещаются вопросы соотношения и разграничения фамилий сербского и болгарского происхождения. Часто действительно непросто различить македонские и болгарские, македонские и сербские онимы. Исследователям хорошо известны случаи многократной смены фамилии в зависимости от языковой политики государства. По нашим наблюдениям, это отражено и на могильных надгробиях, когда члены одной семьи, похороненные подчас в одной могиле, имеют разные фамилии. Приведенные ниже

примеры надписей на надгробиях в г. Крушево [ЛЗА] свидетельствуют о смене эпох и режимов, показывают специфику установления и повышения престижа македонского языка, а вместе с тем и возврат к этнокультурным корням и стремление сохранить арумынскую идентичность. На надгробных плитах фамилии с типичными македонскими финалями чередуются с арумынскими формами (пример 1), а кириллица соседствует с латинским алфавитом (пример 2), к которому иноязычное население прибегает, чтобы подчеркнуть свое романское происхождение:

(1) *Прешеска Фросина (1933–2009); Прешески Александар -Леко- (1927–2010), Даница (1934–2010) / Од семејството («От семьи»); Мака Преш (1908–1975), Теано Преш (1910–1994) / Од синот со фамилијата («От сына с семьей»); Преш Мира (1935–2017), Геро (1932–20...) / Од семејството («От семьи»); Преш Тоду, Лефта / Од правнукот Кочо («От внука Кочо»); Прешески Наум (1941–2018) / Ратка (1947–) / Од семејството; Милица Преш (1919–1947) / Саки Преш; Овде почиваат Преш² («Здесь покоятся Преш»);*

(2) *Ovde posivaat («Здесь покоятся...») Dzodza T. Nane (1915–1970), Toma G. Nane (1882–1960), Koca T. Nane (1925–1971), Dominika T. Nane (1891–1971) / Posleden dar od soprugata, sestrite, cerkite so familijata («Последний дар от супруги, сестер, дочерей с семьями»); Нанески Б. Кочо (1957–1976) / Последен дар од родителите и братот («Последний дар от родителей и брата»); Нанески Благоја, Јелена; Нане Љубица (1931–1994), Димитар — Така — (1921–2011) / Од семејството Нане («От семьи Нане»).*

Особую ценность представляют личные истории разных людей, опубликованные в конце книги Е. Ячевой-Улчар. Они демонстрируют, как в антропонимиконе отражается история страны, история международных отношений и даже истории любви. Таким образом, последняя глава расширяет сферу научного применения данного труда до социолингвистических исследований. Каждый пример снабжен как личным рассказом и предположением информанта об истории происхождения своей фамилии, так и обязательным комментарием Е. Ячевой-Улчар, которая приводит возможные научные этимологии. Книга построена таким образом, что эта часть становится ее венцом, создает у читателя необыкновенное чувство легкости и шарма.

Таким образом, несмотря на название книги, которое ограничивает предмет исследования, отдельные главы посвящены всем народам, проживающим

² Финаль *-ески* соскоблена с надгробной плиты — А. Ч.

или некогда проживавшим на территории Македонии и тем самым оказавшим влияние на появление соответствующих их языковым нормам фамилий. Книга будет интересна балканистам, занимающимся не отдельным языком, а несколькими или всеми балканскими языками в их развитии. Главы, посвященные фамилиям иностранного происхождения, особенно ценны для сопоставительного анализа, поскольку позволяют на примерах одной лингвистической территории увидеть политическое, социальное и языковое развитие ономастикона целого полуострова.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арум. арумынский язык

макед. македонский язык

Прочие

жарг. жаргонный

устар. устаревшее

Источники

Алексоски-Глумецо Б. Прилепските прекари (единаесет илјади прилепски прекари). Прилеп : [б. и.], 2005.

ЛЗА — личные записи автора.

ТРМЈ — Толковен речник на македонскиот јазик / гл. ред. К. Конески ; раб. на проектот С. Велковска. URL: <https://makedonski.gov.mk> (дата обращения: 22.06.2023).

Цепенков М. К. Македонски народни умотворби : во 10 т. Скопје : Македонска книга, 1972.

Исследования

Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик : во 3 т. Скопје : МАНУ, 1998. Т. 1.

Грковић М. Антропонимија II — Презимена // *Słowiańska onomastyka: Encyklopedia* : 2 t. Т. 1 / ed. by E. Rzetelska-Feleszko, A. Cieślíkowa, J. Duma. Warszawa ; Kraków : Naukowe Warszawskie, 2002. S. 455–461.

Гушевска Л., Минова-Ѓуркова Л. Така се зборува во Охрид. Скопје : Блаже Конески, 1999.

References

Grkovich, M. (2002). Antroponimija II — Prezimena [Anthroponymy II — Surnames]. In E. Rzetelska-Feleszko, A. Cieślíkowa, & J. Duma (Eds.), *Słowiańska onomastyka: Encyklopedia* (Vol. 1, pp. 455–461). Warsaw; Kraków: Naukowe Warszawskie. (In Serbian)

Gushevska, L., & Minova-Dzhurkova, L. (1999). *Taka se zboruva vo Okhrid* [This is How they Speak in Ohrid]. Skopje: Blazhe Koneski. (In Macedonian)

Vidoeski, B. (1998). *Dijalektite na makedonskiot jazik* [The Dialects of the Macedonian Language]. (Vol. 1). Skopje: MANU. (In Macedonian)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ, СИМПОЗИУМЫ

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.013

III Международный форум «Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа» (Майкоп, 21–23 мая 2023 г.)

21–23 мая 2023 г. Адыгейский государственный университет в тринадцатый раз стал площадкой для обсуждения вопросов общей и региональной ономастики. Международная научная конференция в последние годы стала именоваться Намитоковскими чтениями — в память об основателе Майкопской ономастической школы профессоре Розе Юсуфовне Намитоковой (1936–2016), которая внесла значительный вклад в разработку общих и региональных вопросов ономастики. Ею был организован Координационный центр по региональной ономастике Северного Кавказа, лаборатория региональной ономастики. Под руководством Р. Ю. Намитоковой были защищены более 20 диссертационных исследований в рамках различных областей ономатологии (региональная и литературная ономастика, рекламные имена, новые объекты ономастики), организованы и успешно проведены десять ономастических конференций (1998–2016), в работе которых участвовали ведущие российские ономатологи. Но самое важное — то, что Майкоп стал центром кавказской ономастической науки: гостями и деятельными участниками регулярно были представители Кубани, Ставрополья, Ростова-на-Дону, Крыма, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии, Калмыкии, а также Саха-Якутии, Белоруссии, Кореи, Венгрии, Турции и многих других регионов и стран. За эти годы было опубликовано 13 сборников материалов научной конференции по проблемам общей и региональной ономастики, изданы три словаря («Комплексный этико-культурологический словарь русского языка», Майкоп, 2001; «Слова поэта: опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко», Майкоп, 2009; «Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа», Москва, 2012) и три коллективные монографии («В мире имен собственных. Лингвистические беседы по краеведению», Майкоп, 2016; «Путь в науку: словообразование и ономастика», Майкоп, 2016; «Теория и практика ономастических и дериватологических исследований», Майкоп, 2018).

В настоящее время лаборатория региональной ономастики реализует проект по реактуализации топонимического пространства Республики Адыгея для туристического кластера, а также принимает участие в региональном инновационном научно-практическом проекте «Многоуровневая модель формирования исследовательских и практических

(трудовых) умений у обучающихся сельских школ Республики Адыгея» в контексте краеведческой работы по изучению микротопонимии и фитоименований родного края. Кроме того, актуален проект по приоритетному научному направлению «Современная этноязыковая картина России: национально-региональные особенности» (совместно с Калмыцким государственным университетом) с целью создания ономастической картины города Майкопа и Республики Адыгея с отражением специфических этнокультурных и исторических реалий как части языковой картины мира.

Важно уточнить, что XIII научная конференция по проблемам общей и региональной ономастики расширена до рамок международного форума «Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа», который в 2023 г. включал Нимитовские чтения, актуальный лекториум, заседание молодежных секций, презентации монографий и проектов.

С приветственным словом к участникам форума обратились *Д. К. Мамий* — ректор АГУ; *Ф. Р. Тхагова* — директор Адыгейского республиканского института повышения квалификации; *У. М. Панеш* — декан филологического факультета АГУ. На пленарном заседании были представлены шесть научных докладов и две презентации. Научную часть пленарного заседания открыл доклад руководителя Лаборатории лексикологии и региональной ономастики АГУ *А. Н. Абрегова* (Майкоп) об актуальных вопросах адыгской топонимии. О проекте составления словаря личных имен мононационального пункта полиэтнического региона доложил *М. Р. Багомедов* (Махачкала). В докладе *Т. Г. Туовой* (Майкоп) представлена характеристика общих топонимических исследований Северо-Западного Кавказа. *И. Н. Пономаренко* (Краснодар) рассмотрела наиболее динамичную на сегодняшний день сферу ономастики — эргонию. В исследовании *А. П. Тихоновой* (Майкоп) было отмечено, что топонимы и этнонимы в лексической системе хаттского и абхазо-адыгских языков способствуют определению ареала обитания абхазо-адыгских племен и путей их миграции. В онлайн-докладе *В. С. Пукиша* (Венгрия) были рассмотрены черкесские этнонимы и антропонимы и этноним *мадьяр* по материалам дневника Кавказской экспедиции (1895) венгерского графа Ене Зичи. *Т. С. Есенова* (Элиста) выявила национально-региональные черты микротопонимии г. Элиста и на основе анализа топонимического материала доказала доминирование в современной номинации городских объектов национально-регионального компонента. *В. И. Супрун* (Волгоград) выступил по вопросам взаимовлияния и переноса наименований при формировании славянской топонимии.

Важным событием конференции стало выступление *Н. Х. Емыковой* (Майкоп) с презентацией монографии «Историческая топонимия Западной Черкесии. По материалам русских источников XVIII–XIX вв. Ч. 1 Абадзехия» (Майкоп: Полиграф-Юг, 2021), которая является результатом междисциплинарного исследования проблем адыгской ономастики с привлечением данных языка, фольклора, истории, географии, этнографии и археологии. *З. К. Беданова* (Майкоп) представила проект «Реактуализация топонимического пространства РА: лингвокультурологический контент туристического кластера».

В рамках работы секций были сделаны доклады по нескольким направлениям.

Проблемы теории ономастики. Возможности развития современной ономастической терминологии с точки зрения внутреннего потенциала самой терминосистемы были рассмотрены в выступлении *Н. В. Васильевой* (Москва). О проблемах перевода имен собственных (ошибки и неудачные примеры) в условиях интенсификации

межкультурных отношений рассказала *М. С. Медведева* (Ростов-на-Дону). *Е. Р. Николаев* (Якутск) выявил семантико-мотивационный контекст якутского женского имени *Сардаана*, *И. В. Архипова* (Майкоп) осветила социолингвистический аспект в наименовании юридических лиц в Республике Адыгея. *М. Ю. Беляева* (Славянск-на-Кубани) рассмотрела проблемы лексикографирования зоонимов, *А. Ю. Болотова* (Ростов-на-Дону) рассказала о способах выражения оценочности в публикациях русскоязычных социальных медиа, посвященных Коммунистической партии Китая, в докладе *И. И. Эфендиева* (Махачкала) сделан обзор фитофорных имен в лезгинском антропонимиконе. *Б. А. Шеожева* (Майкоп) доложила об отражении анимизма в адыгском антропонимиконе, *С. К. Сапиева* (Майкоп) проанализировала фреймовый подход в исследовании ономастических единиц.

Региональная топонимика, микротопонимика и урбанонимика. С результатами исследований выступили *А. А. Адзинова* (Майкоп), *А. Ю. Баранова* (Майкоп), *М. А. Гранкина* (Ростов-на-Дону), *С. Н. Гасанова* (Махачкала), *С. Х. Ионова* (Черкесск), *Л. В. Копоть* (Майкоп), *Е. А. Сокур* (Майкоп), *Ши Гуанчао* (Китай). В частности, *Е. Г. Сидорова* (Волгоград) представила анализ проблемы формирования годонимического пространства малых поселений. *Э. У. Омакаева* (Элиста) рассмотрела происхождение и развитие калмыцких и русских годонимов в языковом ландшафте современного города на примере урбанонимического пространства Элисты. *И. А. Нефляшева* (Майкоп) проанализировала дискуссию об этимологии и истории топонима *Лагонаки*.

Литературная ономастика. С докладами выступили *Л. В. Алешина* (Орел), *М. Ю. Беляева* (Славянск-на-Кубани), *Б. Н. Гарбовская* (Краснодар), *К. Н. Паранук* (Майкоп), *А. А. Окунева* (Белгород), *Т. А. Сироткина* (Сургут).

Имя собственное в рекламной и интернет-коммуникациях. Эта проблематика отражена в выступлениях *А. А. Гарькуши* (Волгоград), *Кан Кум Сук* (Южная Корея), *Т. А. Корнейчук* (Волгоград), *И. А. Чарыковой* (Ростов-на-Дону), *М. М. Сулейман* (Волгоград).

На форуме были представлены две молодежные секции: «Имя собственное как концептуальная единица», «Имя рода — история страны», в которых приняли участие студенты из Ростова-на-Дону, Махачкалы, Элисты, Майкопа (45 участников), выступили победители и призеры заочных конкурсов с презентацией собственных исследований.

В ходе форума состоялись открытые лекции ведущих российских ученых в рамках проекта «Актуальный лекториум: методология современного лингвистического исследования»: *С. В. Ильясовой* (Ростов-на-Дону) «К вопросу о типологии словообразовательных категорий (на материале категории невзрослости)», *Т. Б. Радбиля* (Нижний Новгород) «Культурная апроприация заимствований как проявление активных процессов в русском языке», *И. В. Крюковой* (Волгоград) «Современные методы преподавания риторики». Были проведены мастер-классы *К. П. Кокарева* (Тюмень) «Аналитическое чтение как сквозная технология повышения эффективности обучения в вузе» и *Т. А. Коваль* (Москва — Майкоп) «Подготовка к ЕГЭ, ОГЭ по русскому языку на онлайн-платформе “Школково”: эффективные инновации».

III Международный форум «Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа» и XIII научная конференция по региональной ономастике дали возможность обсудить результаты исследований по актуальным направлениям ономастики как известным ученым, так и начинающим исследователям — аспирантам и студентам. На втором пленарном заседании были подведены итоги, принята резолюция и намечены

дальнейшие планы. Отметим, что на протяжении 25 лет существования Майкопской ономастической школы самым активным участником и партнером в организации и проведении международных конференций «Проблемы общей и региональной ономастики» был Дагестанский государственный университет, а в частности *М. Р. Багомедов* — руководитель научно-исследовательской лаборатории «Дагестанская ономастика», заведующий кафедрой дагестанских языков. На заключительном заседании оргкомитета форума было принято решение о совместном с Дагестанским государственным университетом проведении следующей, XIV Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики» в Махачкале в 2025 г.

З. К. Беданова

доктор филологических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия
bedan23@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1311-4221>

Е. А. Сокур

кандидат филологических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия
elensokur@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5966-0586>

А. А. Адзинова

кандидат филологических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия
adan-maikop@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2902-3690>

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.014

ФИРДАУС ГИЛЬМИТДИНОВНА ХИСАМИТДИНОВА (1950–2023)



3 октября 2023 г. ушла из жизни доктор филологических наук, профессор Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова — ученый-тюрколог, педагог, специалист в области башкирского языкознания, ономатолог, общественный и государственный деятель.

Вклад Ф. Г. Хисамитдиновой в башкирское и тюркское языкознание огромен: ей принадлежит более 400 научных публикаций, из них около 50 монографических работ и словарей. Ее заслуги высоко оценены отечественной и зарубежной общественностью: Фирдаус Гильмитдиновна — заслуженный деятель науки Республики Башкортостан (2003) и Российской Федерации

(2008), член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан (2016), она награждена Орденом Дружбы (2014), Золотой медалью Международной Тюркской академии (2018) и Орденом Салавата Юлаева (2020).

Ф. Г. Хисамитдинова родилась 1 января 1950 г. в д. Рахметово Абзелиловского района Башкирской АССР, в 1970 г. окончила Белорецкое педагогическое училище, в 1974 г. — филологический факультет Башкирского государственного педагогического института (ныне БГПУ им. М. Акмуллы). Работала учителем русского языка и литературы в школах Белорецкого и Аургазинского районов. В 1976 г. поступила в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР (Москва). В 1980 г. защитила кандидатскую диссертацию под руководством члена-корреспондента АН СССР Э. Р. Тенишева. В 1978–1985 гг. работала младшим, затем научным сотрудником Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, в 1985–1995 гг. — старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой, деканом факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического института. В 1993 г. защитила докторскую диссертацию, в 1994 г. получила звание профессора. В 1995–1998 гг. работала министром народного образования Республики Башкортостан, в 1998–2005 гг. — заместителем директора, в 2005–2016 гг. — директором, в 2016–2023 гг. — научным руководителем Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Ф. Г. Хисамитдинова известна в тюркологическом мире как специалист по исторической фонетике, ономастике, лексикографии, этнолингвистике, социоллингвистике, методике преподавания родного языка. Многие ее труды стали первым шагом в разработке тех или иных вопросов тюркологии.

Кандидатская диссертация Ф. Г. Хисамитдиновой была написана на тему «Консонантные сочетания башкирского языка типа “сонорный + глухой смычный” в историческом освещении». В ней рассматриваются сочетания *лт, мт, нт, рт, нк, нк* в середине слова в башкирском языке, восходящие к древнейшему периоду истории тюркских языков и претерпевающие ныне трансформацию в звонкие соответствия. Материалы данного исследования, опубликованные позже в виде учебного пособия «История башкирского языка: материалы по исторической фонетике» (Уфа, 1989), и сегодня являются ценным источником для тюркологов-фонетистов. Изыскания в области башкирской фонетики были продолжены ею при подготовке атласов артикуляторных настроек говоров башкирского языка (Уфа, 2012; 2013; 2014; 2021, в соавт.).

Значительное место в научных трудах Ф. Г. Хисамитдиновой занимает ономастика. Докторская диссертация Ф. Г. Хисамитдиновой посвящена формированию башкирской ойконимической системы: на основе различных

источников (ревизий, списков башкирских деревень, текстов шежере, рукописных историй деревень, литературных и актовых материалов архивов, записей дореволюционных русских и башкирских писателей и путешественников) в ней рассматриваются лексико-семантические типы и словообразовательная структура башкирской ойконимии XVI–XIX вв., анализируются названия населенных пунктов апеллятивного и онимического происхождения.

Впоследствии проблемы ономастики нашли отражение в целом ряде работ профессора по топонимии: монографиях «Башкирская ойконимия XVI–XIX вв.» (Уфа, 1991), «Названия башкирских населенных пунктов XVI–XIX вв.» (Уфа, 2005), словарях «Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан» (Уфа, 2000; 2001, в соавт.), «Русско-башкирский словарь названий водных объектов» (Уфа, 2005, в соавт.), «Географические названия Башкортостана» (Уфа, 2006), «Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан» (Уфа, 2008; 2009, в соавт.).

Исследования по антропонимике легли в основу словарей и справочников «Настольная книга работников ЗАГСа, сельских, районных, городских администраций и учреждений ритуальных услуг» (Уфа, 2000, в соавт.), «Русско-башкирский словарь-справочник личных имен, отчеств и фамилий» (Уфа, 2000, в соавт.), «Башкирские имена тюркского происхождения» (Уфа, 2006, в соавт.).

Ономастические лексикографические разработки Ф. Г. Хисамитдиновой были направлены на нормализацию передачи топонимов и антропонимов на башкирском и русском языках и представление сведений по их этимологии. Работы по ономастике составили два внушительных тома серии «Избранные труды» ученого (Уфа, 2016; 2017). Долгие годы Фирдаус Гильмитдиновна состояла в редакционной коллегии международного журнала «Вопросы ономастики», была рецензентом и автором содержательных статей.

Велика роль Ф. Г. Хисамитдиновой в становлении и развитии башкирской этнолингвистики. В ее научных статьях, а также в диссертациях, выполненных под ее руководством, решаются вопросы взаимосвязи языка и культуры народа, отраженные в различных тематических группах башкирской лексики. Особым направлением исследований Ф. Г. Хисамитдиновой стала разработка мифологической лексики башкирского языка: в словарях (2002, 2010, 2012, 2019) собраны и интерпретированы имена и эпитеты мифических и мифологизированных персонажей, названия обрядовых предметов и явлений, ритуалов и ритуальных действий. Эти лексикографические труды являются первыми масштабными исследованиями, систематизирующими мифологическую лексику одного из тюркских языков. Результаты изучения лексики духовной культуры народа были обобщены Ф. Г. Хисамитдиновой в монографии «Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении)» (Уфа, 2016).

Под руководством Ф. Г. Хисамитдиновой создан десяти томный «Академический словарь башкирского языка» (Уфа, 2011–2018), в котором фиксируется наиболее полный перечень слов и выражений башкирского языка во всем богатстве его стилистических разновидностей. Будучи толково-переводным и нормативно-регистрирующим, словарь является уникальным для тюркского языкознания.

Одним из направлений научной деятельности Ф. Г. Хисамитдиновой являлась социолингвистика. При участии ученого разработаны многие документы по языковой политике в Республике Башкортостан, нашедшие отражение в сборниках «Языки народов Республики Башкортостан» (Уфа, 2000–2010), «Образцы деловых бумаг» (Уфа, 2006–2020). Важным вкладом в методику преподавания башкирского языка стали изданные профессором новые учебные пособия, самоучители, разговорники, основанные на современной методике коммуникативного обучения: «Башкирский язык? Пожалуйста!» (Уфа, 2000, в соавт.), «Башкирский язык: интенсивный курс» (Уфа, 2005) и др.

Круг научных интересов Ф. Г. Хисамитдиновой выходил далеко за рамки лингвистики. Известная в первую очередь как крупный исследователь истории языка, она проявила себя как компетентный специалист в области истории и культуры Башкортостана. При ее участии подготовлены и изданы: коллективная монография «История башкирского народа» в 7 т., с приложением восьми сборников документов (М., СПб., Уфа, 2009–2014), семитомные издания «Башкирской энциклопедии» на русском (Уфа, 2005–2011) и башкирском (Уфа, 2014–2018) языках; она была соавтором учебников по истории и культуре Башкортостана (Уфа, 2000; 2003).

Ф. Г. Хисамитдинова, один из ярчайших представителей башкирской гуманитарной науки, пользовалась уважением и авторитетом среди общественности и в научных кругах Республики Башкортостан, России и зарубежья. Ее кончина — невосполнимая потеря для тюркологии. Светлая память о Ф. Г. Хисамитдиновой, видном ученом и талантливом организаторе науки, неутомимом общественном деятеле и мудром наставнике, навсегда останется в сердцах ее коллег, друзей и учеников.

Л. М. Хусаинова

доктор филологических наук, профессор
кафедры башкирского языка и литературы
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
Уфа, Россия
lejla-kh@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7571-8143>

Г. Н. Ягафарова

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
отдела языкознания

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Уфа, Россия

rishrinat@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4363-2940>

Р. Т. Муратова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
отдела языкознания

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Уфа, Россия

bairima@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4223-0675>

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2024. Т. 21. № 1

Выпускающий редактор	<i>А. А. Бахтерева</i>
Редакторы	<i>Д. В. Спиридонов</i> <i>О. Д. Сурикова</i>
Перевод	<i>Е. С. Ессяк</i>
Корректор	<i>Я. В. Малькова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-75393 от 05.04.2019.

Учредители: ФГБУН Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

119019, Москва, Гоголевский б-р, 2/18/1, стр. 1, 3;

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 30.05.2024. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 17,18. Усл. печ. л. 19,66. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 89.

Издательство Уральского университета.

620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ ЦСД.

620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>